

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ

ТОМ I

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
ПРОФ. Д. Н. КОРОЛЬКОВА.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С БИОГРАФИЧЕСКИМ ОЧЕРКОМ
И ПРИМЕЧАНИЯМИ
ПРОФ. А. А. КРАСНОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА ★ 1939

„Великая Дидактика“ Я. А. Коменского является гениальным произведением чешского педагога. Она дошла до нас через столетия как незабываемая „энциклопедия методики“, переведенная на все языки мира и проделавшая целый переворот в педагогической науке и в школьном деле.

Несмотря на религиозную оболочку, являющуюся отпечатком времени, и религиозное мировоззрение Коменского, эта книга, основные дидактические положения, которой построены на принципах природосообразности и сенсуализма, представляет, несомненно, большую ценность, как для наших научных работников, профессоров, аспирантов и студентов педагогических вузов, так и для учителей.

Советский читатель сумеет взять из нее все лучшее, отбросив все, что для нас звучит анахронизмом.

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ — т. I ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА
Государственное Учебно-педагогическое издательство Наркомпроса
РСФСР. 1939 год.

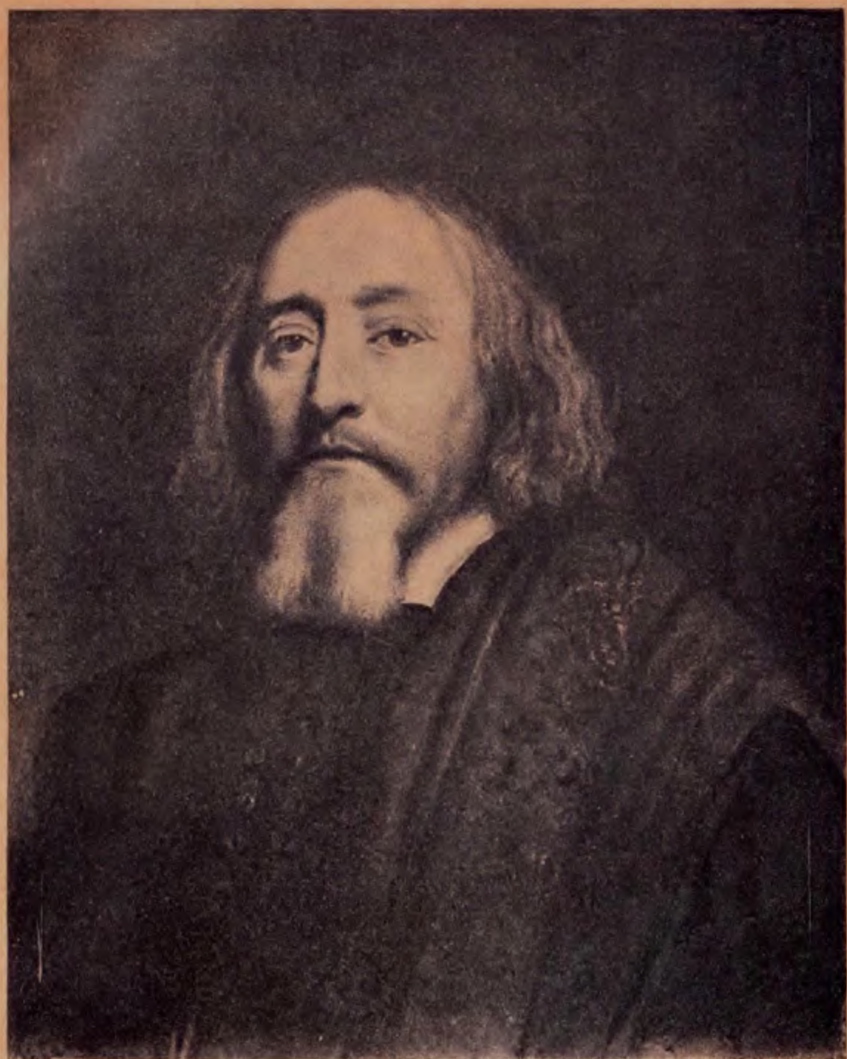
Ответственный редактор *Ш. А. Хасбулатов*. Переплет худ. *Л. Г. Дейч*.
Уполномоченный Главлита № А—7890

Технический редактор *М. И. Натанов*. Корректор *Т. Н. Ростовцева*.

Сдано в набор 13/VI. 1938 г. Подписано к печати 20/IV. 1939 г.

Индекс У-3, Учпедгиз № 10700, Тираж 15 тыс. Изд. лист. 20, Учетно-авторск.
лист. 20,59 Формат бумаги 60×92/16. Бум. л. 10. Тип. зн. в бум. л. 82944.

НКМП РСФСР, тип, ОУМП им. Смирнова, Смоленск, Зак. № 3457.

Comenius

Портрет Я. А. Коменского, исполненный кистью художника Овенса.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Великая Дидактика“ Я. А. Коменского принадлежит к первоклассным произведениям мировой педагогической литературы. Она была написана на чешском языке и в 1638 г. переведена самим Коменским на латинский язык. Впервые эта лучшая дидактическая работа великого педагога была опубликована в Амстердамском издании педагогических сочинений Коменского в 1657 г.

Наше издание „Великой Дидактики“ совпадает с исполнившимся в 1938 году трехсотлетием со времени первоначального оформления этого сочинения на международном для того времени латинском языке.

Исторические обстоятельства сложились так, что „Великая Дидактика“ была основательно забыта и только в середине XIX в. снова заинтересовала европейских читателей как классическое произведение педагогической литературы. Изучение ее стало во всех странах культурного человечества необходимым условием педагогического образования для учителей и других работников.

В России переводы этого сочинения Коменского стали появляться только с 70-х годов XIX в.

„Великая Дидактика“, как произведение XVII в., в основном стоит на позициях, отражающих религиозное мировоззрение. Особенно сильно это сказывается в отдельных главах. Однако в интересах сохранения цельности этого выдающегося источника для характеристики педагогической мысли XVII в., мы предоставляем в распоряжение советского читателя новый, полный, перевод „Великой Дидактики“.

Настоящий перевод „Великой Дидактики“ сделан с латинского текста, помещенного в т. IV последнего чешского издания сочинений Я. А. Коменского. *Veškeré Spisy Jana Amosa Komenského. (Sv. IV v. Brně 1913).*

При работе над этим изданием „Великой Дидактики“, мы имели под руками латинский текст с русским переводом Адольфа и Любомудрова (М. 1896) и другие издания.

Насколько позволяли особенности языка оригинала и русского языка, мы стремились дать точный перевод. При этом обращали внимание на соблюдение свойственных эпохе Коменского стиля, терминологии и отдельных выражений из области психологии, логики и дидактики.

В отличие от прежних изданий „Великой Дидактики“ мы освободили текст от шрифта в разрядку, произвольно сделанного прежними переводчиками, и сохранили его только в соответствии с латинским текстом последнего издания. В отличие от этого последнего издания мы позволили себе одну большую „вольность“ — дали курсивом те места из текста, которым мы придаем наибольшее значение. При этом подчеркивали курсивом только те места, которые, по нашему мнению, очень важны и в глазах самого автора.

Тексту „Великой Дидактики“ мы предпосылаем вводную статью, содержащую биографический очерк и краткую характеристику этого произведения. Текст снабжаем примечаниями. В конце даем указатель и объяснение важнейших имен, встречающихся в „Великой Дидактике“.

Как при составлении биографического очерка, так и при работе над примечаниями и объяснениями имен, использованы весьма ценные указания С. А. Фрумова, которому и считаем долгом выразить глубокую благодарность.

Проф. А. А. Красновский.

Москва, 5 мая 1938 г.

ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ЯНА АМОСА КОМЕНСКОГО.

(1592—1670)

I.

Я. А. Коменский родился 28 марта 1592 г. в небольшом городке Нивнице в Моравии (Чехословакия), в семье члена общины так называемых „богемских“ (чешских) братьев. Comenius, а по-чешски — Komensky, было присвоено ему потому, что его родители переселились из местечка Комны. В студенческих списках Герборнского и Гейдельбергского университетов его называют еще и Niwnizensis (Нивниченский), Niwniczenus (Нивниченец), а также Niwanus (Ниванский), а еще позже — Comenius Nupobrodensis Моравус (Коменский Венгербродский Моравинин). Все эти три местности — Комна, Нивница, Венгерский Брод — расположены по соседству. Присвоение Яну Амосу такого рода фамилии объясняется тем, что в те времена в Моравии фамильные имена еще не были окончательно установлены.

В точности неизвестно, кто были родители Коменского. Весьма распространено мнение, что отец его был мельником. Однако, по исследованиям проф. Новака в архивах Венгерского Брода, выясняется только, что его отец был весьма уважаемым членом „чешских братьев“, имел дом на площади этого местечка, в одном весьма важном процессе представлял от общины „братьев“.

Неизвестно также, как протекало воспитание Коменского в раннем детстве. Предполагают, однако, что обеспеченное имущественное положение отца Коменского и его принадлежность к братству обеспечили Яну внимательное воспитание в семье и в общинной школе.

Двенадцати лет Ян Амос Коменский, после смерти, в 1604 г., родителей и двух сестер, остается круглым сиротой на попечении родственницы в г. Стражнице (Straznice).

Здесь, в Стражнице, в течение одного сезона, 1604/05 гг. Коменский посещает школу братства, повидимому, повышенного типа, которая развивает в нем любовь к родному языку и усиливает вынесенную из семьи религиозность в духе братства.

Только в 1608 г., после трехлетнего перерыва, 16 лет от роду, Коменский поступает в латинскую школу в Прерове. Эта школа находилась под покровительством графа Карла Жеротинского, просвещеннейшего человека своего времени, получившего образование в гимназии известного Иоганна Штурма в Страсбурге и в школах Швейцарии. Школа в Прерове работала по уставу школы в Сент-Галл (Saint-Gall). Несмотря на это, она мало чем отличалась от обычных школ того времени. Глубокое несовершенство постановки учебной работы, как в этой школе, так и в других школах того времени, послужило для будущего реформатора воспитания серьезным толчком к изысканию более совершенной постановки учебно-воспитательного дела. Недаром впоследствии Я. А. Коменский с грустью вспоминал свои школьные годы стихом из Вергилия: „О, если бы Юпитер возвратил мне прошедшие годы!“ И вслед за грустными воспоминаниями об этой школе Коменский писал: „Прошедший день не возвратится, и нам остается помогать подрастающему поколению“...

Уже в Прерове Коменский обнаружил блестящие дарования и исключительную работоспособность. По окончании школы, 30 марта 1611 г. Коменский поступает в Герборнский университет в герцогстве Нассау, в котором господствовало кальвинистское богословие, наиболее родственное религиозным взглядам братства.

В Герборнском университете на Коменского производят наибольшее впечатление профессора Пискатор и, в особенности, Альшted. Под влиянием этих профессоров зреют философские и педагогические взгляды Коменского. Эти же профессора ввели Коменского и в курс так называемого „хилиазма“, т. е. веры в тысячелетнее царствование Христа на земле, когда будто бы и возможно будет идеальное благополучие человека. Классовые источники хилиазма, — по разъяснению Фр. Энгельса, — коренятся в тяжелом положении плебеев того времени: „Плебеи в это время, — пишет Фр. Энгельс, — были единственным классом, стоявшим совершенно вне официального общества. Они стояли вне как феодальных, так и городских связей. У них не было ни привилегий, ни собственности, ни даже отягченного тяжелыми повинностями владения, которое существовало у крестьян и мелких горожан. Они были во всех отношениях немущими и бесправными;...“ „Это положение плебеев, — продолжает Энгельс, — объясняет

нам, почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она, по крайней мере в мечтах, должна была выйти за пределы едва зарождавшегося тогда современного буржуазного общества; почему она, не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуть сомнению учреждения, воззрения и представления, общие всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам. Хилиастические мечтания раннего христианства представляли для этого удобный опорный пункт¹. Вместе с тем Энгельс разъясняет, что „предвосхищение коммунизма фантазией стало в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений“².

В Герборнском университете Коменский изучал мыслителей древнего мира: Аристотеля, Платона, Цицерона, Сенеку и др. Основательно познакомился с сочинениями гуманистов — Петра Рамуса и Людовика Вивеса³.

Однако богословие в те времена господствовало. „Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности, — говорит Энгельс, — было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя“³.

Это объясняет нам, почему и Коменский излагает свои педагогические взгляды в религиозно-богословской оболочке и часто приводит в подтверждение своих педагогических взглядов тексты из так называемого „священного“ писания.

Не следует забывать, что Коменский жил и творил в то время, когда, значительно подорванная реформационным движением, католическая церковь повела ожесточенную борьбу с малейшими отклонениями в вопросах вероисповедания, а тем более — с проявлениями свободомыслия. Огнем и мечом католическая церковь уничтожает представителей научного мировоззрения. 17 февраля 1600 г. был сожжен на костре смелый мыслитель Джордано Бруно. В 1616 г. прошел первый процесс над величайшим астрономом Галилеем. В том же году католическая церковь осудила учение Коперника. 1619 г. погиб на костре автор „Диалогов о природе“ — вольнодумец Лючиино Ваннини. В 1621 г. в Париже был сожжен Жан Фонтанье, обвиненный в атеизме. В 1633 г. суд инквизиции вторично привлекает к ответственности Галилея, который под страхом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, 1930, стр. 130—131.

² Пояснение имен см. в конце книги в „Указателе имен“.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, 1930, стр. 128.

смерти вынужден был отречься от своего правильного учения. Это — далеко не полный список преступных убийств и процессов, осуществленных католической церковью и феодальной знатью.

Католическая церковь явилась вдохновительницей Тридцатилетней войны, непосредственно обрушившейся на голову Коменского. Он потерял родину и обречен был в течение всей жизни на изгнание. С начала Тридцатилетней войны жизненный путь Коменского тесно связался с чешским народом. Коменский искал для него поддержки у отдельных представителей государств, противодействовавших католической реакции, стремился всеми силами облегчить положение своего народа.

Богословие и католическая реакция не заглушили в Коменском здорового чутья реальной действительности. Филологические занятия натолкнули его на весьма плодотворный замысел собирания материалов для раскрытия богатств и красот своего родного чешского языка. Еще на университетской скамье он начал работу над оригинальным для того времени сочинением „Linguae Bohemicae Thesaurus“ („Сокровищница богемского языка“). Это сделало Коменского одним из первых филологов новых живых национальных языков. К сожалению, это сочинение, над которым Коменский работал более 40 лет, погибло в огне при разгроме Лешно поляками в 1656 г. Там же, в университете, под влиянием Альштеда зародилось у Коменского и характерное для научного движения XVII в. стремление создать энциклопедию знаний на родном чешском языке, доступную широким народным массам.

В 1893 г. были открыты отдельные главы сочинения Я. А. Коменского под заглавием „Amphiteatrum Universitatis gerum“ („Зрелище вселенной“)¹.

Интерес юного Коменского к реальным знаниям между прочим сказался и в том, что впоследствии, будучи студентом в Гейдельберге в 1614 г., он приобрел известное сочинение Коперника „De revolutionibus orbium coelestium“ („О круговращении небесных светил“).

Заслуживает также упоминания большая работа, которую Коменский проводил в связи с чтением книг. По совету Альштеда и Жеротинского, он вел записи в виде выписок и заметок о прочитанном, сопоставляя свои личные наблюдения с мнением авторов. Эти записи Коменский вел на чешском языке для того, чтобы, как он сам об этом пишет, они впоследствии могли быть использованы „дорогими соотечественниками“.

¹ Орывки этого сочинения опубликованы в „Veškeré Spisy“, т. I, стр. 55—129.

В 1612 г. на съезде немецких князей во Франкфурте на Майне с проектом реформы преподавания выступил Ратихий. И Коменский зачитывается как самим проектом Ратихия, так и отзывами об этом материале выдающихся профессоров того времени.

В 1613 г. Коменский предпринимает путешествие по Европе и доходит до Амстердама. По возвращении из путешествия он зачисляется в Гейдельбергский университет. Этот университет так же, как и Герборнский, по направлению богословской мысли был более родственен идеям чешских братьев. Болезнь заставляет Коменского прервать занятия в Гейдельберге. Чтобы поправить здоровье, нужно было переменить обстановку и отвлечься от изнуряющих занятий. Коменский отправляется пешком из Гейдельберга в Прагу, а оттуда возвращается на родину в Моравию.

Таким образом, Коменский завершает свое образование путешествиями. Эти путешествия дали возможность Коменскому составить правильное впечатление о богатствах и разнообразии природных условий, о промыслах и занятиях людей, об особенностях нравов и языка, культуры и быта. Все это, несомненно, расширило научные познания Коменского, придало им жизненность и практическую значимость.

* * *

✓ Вся жизнь и деятельность Я. А. Коменского теснейшим образом связана с исторической судьбой богемских (чешских) братьев, являвшихся в религиозно-политическом отношении прямыми потомками гуситов. Известно, что чешский богослов Ян Гус за свое учение, решительно отступавшее от догматов католической церкви, по постановлению Констанцского собора в 1415 г. был сожжен на костре. Последователи Гуса разделились на два течения: умеренных и более радикальных. Радикальные последователи Гуса, названные впоследствии таборитами, вели борьбу с католической церковью не только по вопросам религии, но и по вопросам социально-политической жизни.

„У таборитов, — по замечанию Энгельса, — под теократической оболочкой выступает даже республиканизм, получивший дальнейшее развитие в конце XV и начале XVI века у представителей плебейства в Германии“¹. Так как табориты объединили преимущественно плебейские, демократические слои, то против них выступили с вооруженными силами знать и буржуазия. Истомленные 15-летней борьбой, табориты в конце концов были разбиты.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, 1930, стр. 130.

Название „богемские братья“ упрочилось за остатками таборитов с 1459 г. Они жили как одна большая семья, сосредоточившись в гористой местности Замберг на северо-востоке Богемии.

„Чешские братья“ вели энергичную трудовую жизнь, укрепляли в своей среде принцип взаимопомощи, особо заботились о детях в семье и в школе. В общинах чешских братьев впервые начинается осуществление всеобщее начальное обучение. Сравнительно небольшое общество энергичных людей стало вместе с тем и национальным объединением, способствовавшим развитию чешского языка и литературы.

В церковной организации братства соблюдался принцип выборности администрации, которая должна была заботиться о больных и бедных.

Вопросы, затрагивавшие братство в целом, в зависимости от их важности, рассматривались на общих собраниях или по округам¹.

* * *

По возвращении в 1614 г. в Преров, Коменский был назначен руководителем школы, в которой он раньше получил среднее образование. Коменский с увлечением отдается педагогической деятельности. Здесь он применяет в своей работе приемы, выдвинутые Ратихием. Составляет и свое методическое руководство под заглавием „*Grammaticae facilioris praescripta*“ („Правила более легкой грамматики“). К сожалению, это сочинение утеряно, и мы знаем о нем лишь из упоминания Коменского в предисловии к Амстердамскому изданию его педагогических сочинений в 1657 г.

Когда Коменскому исполнилось 24 года, братство избрало его в священники. А в 1618 г. его перевели в один из цветущих городов Богемии, в Фульнек, на должность священника с исполнением ректорских обязанностей в школе братства.

В этом городе Коменский отдает все свои силы и внимание членам своей общины, насаждает среди них до тех пор неизвестное в этой местности пчеловодство. Он с любовью занимается со своими учениками. Летом выводит их за город и учит познавать и любить природу.

Все свободное время Коменский посвящает чтению. Особенное внимание он уделяет изучению испанского философа и педагога Людовика Вивеса. Знакомится с педагогическими воззрениями Иог. Вал. Андрес, которого, как

¹ Своеобразной конституцией „братства“ являлось положение, изложенное в *Ratio y disciplinae ordinisq. ecclesiastici in Unitate Fratrum Bohemorum*. См. Veskeré Spisy, t. XVIII.

и Вивеса, он цитирует в своей „Великой Дидактике“. Спокойствие жизни в г. Фульнеке вполне благоприятствовало сосредоточенному чтению и размышлениям.

Одновременно здесь же Коменский занимался рисованием и в частности картографией. Он прекрасно выполнил карту Моравии, которая была напечатана в 1627 г. под названием „*Moraviae nova et post omnes priores accuratissime delineatio*“ („Новая карта Моравии, тщательно исполненная на основании прежних“). Эта карта много раз переиздавалась, и ею пользовались в течение всего XVII в.

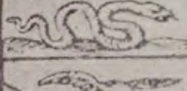
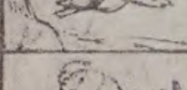
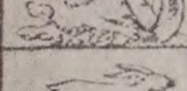
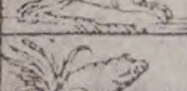
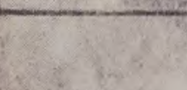
1618 год был последним спокойным годом деятельности Я. А. Коменского, так как в том же году засверкали молнии Тридцатилетней войны, обрекшей Коменского на скитания до конца его жизни.

* * *

Первые удары Тридцатилетней войны обрушились на Чехию, как на государство с наиболее радикальным протестантским населением, непосредственно принадлежавшее Габсбургам. Продвижение императорских войск в северо-западном направлении к торговым водным путям угрожало интересам Дании, Швеции, Голландии, Англии, Франции. Этим объясняется роль этих государств в Тридцатилетней войне и вместе с тем — в борьбе с католической реакцией, а также, как увидим ниже, и то, почему Коменский в течение всей последующей своей жизни находится в тесном общении с представителями именно этих государств. С 1625 по 1629 г. в Тридцатилетней войне принимает деятельное участие Дания; с 1629 по 1635 г. — Швеция, и наконец самый длительный период войны, с 1635 по 1648 г., протекал при участии Франции.

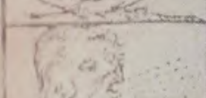
К началу войны Чехия имела самостоятельность, предоставленную ей по так называемой „Грамоте величества“. Когда чехов стали притеснять, они протестовали против этого. На сейме магнатов, дворян и горожан произошла так называемая „дефенестрация“, т. е. выбрасывание из окна двух советников, поддерживавших императора. С этого момента и считается начало Тридцатилетней войны. В следующем, 1619, году Фердинанд Штирийский, несмотря на протест Чехии, был избран императором и вместе с тем, вопреки установившимся традициям, претендовал на чешскую корону. Чехи отказались его признать, и призвали в качестве короля Чехии курфюрста Пфальцского, главу протестантской унии князей, зятя английского короля Якова I.

Собрав войско, чехи вначале действовали успешно. Но затем, в 1620 г. Фердинанд, опираясь на помощь своих союзников по католической лиге, Максимилиана Баварского и Аль-

	die Katze mauket, <i>Felis</i> f. 3. clamat,	<i>nan nan</i>	N n
	der Fuhrmann ruffet, <i>Auriga</i> m. 1. clamat,	<i>ô ô ô</i>	O o
	das Röchlein pipet, <i>Pullus</i> m. 2. pipit,	<i>pi pi</i>	P p
	der Kukuk kufet, <i>Cuculus</i> m. 2. cuculat,	<i>kuk ku</i>	Q q
	der Hund marret, <i>Canis</i> c. 3. ringitur,	<i>err</i>	R r
	die Schlange zischet, <i>Serpens</i> c. 3. sibilat,	<i>si</i>	S s
	der Geheer schreiet, <i>Graculus</i> m. 2. clamat,	<i>tac tac</i>	T t
	die Eule uhuhet, <i>Bubo</i> m. 3. ululat,	<i>é é</i>	U u
	der Hase quächet, <i>Lepus</i> m. 3. vagit,	<i>vô</i>	W w
	der Grosch quächet, <i>Rana</i> f. 1. coaxat,	<i>coax</i>	X x
	der Esel gigaet, <i>Asinus</i> m. 2. rudit,	<i>yy y</i>	Y y
	die Biene summsset, <i>Tabanus</i> m. 2. fludet,	<i>ds ds</i>	Z z

A 3

I. Deus

	Die Krähe frechzet, <i>Cornix</i> f. 3. <i>cornicatur</i> ,	á á	Aa
	das Schaaf blödet, <i>Ovis</i> f. 3. <i>balat</i> ,	b é é	Bb
	die Heuschreck zitschert, <i>Cicada</i> f. 1. <i>stridet</i> ,	ci ci	Cc
	der Wiedhops ruffe, <i>Upupa</i> f. 1. <i>dicir</i> ,	du du	Dd
	das Kind weinmet, <i>Infans</i> c. 3. <i>éjulat</i> ,	é é é	Ee
	der Wind wehet, <i>Ventus</i> m. 2. <i>flat</i> ,	fi fi	Ff
	die Gans gackert, <i>Anser</i> m. 3. <i>gingrit</i> ,	ga ga	Gg
	der Mund hauchet, <i>Os</i> n. 3. <i>halat</i> ,	há há	Hh
	die Maus pffiffert, <i>Mus</i> m. 3. <i>mintrat</i> , (<i>mintrit</i>)	i i i	Ii
	die Ente schnattert, <i>Anas</i> f. 3. <i>tetrinnit</i> ,	kha kha	Kk
	der Wolff heulet, <i>Lupus</i> m. 2. <i>úlulat</i> ,	laulus	Ll
	der Bär brummet, <i>Ursus</i> m. 2. <i>müemurat</i> ,	mum mum	Mm

Bie

брехта Испанского, разбил чешские войска в известной битве при Белой горе. Фридрих Пфальцский позорно сбежал в Голландию.

После этой битвы Чехия подверглась самым жестоким притеснениям. Последовали казни, высылки с реквизицией имущества и владений, изгнание священников, солдатские посты... В 1621 г. испанские войска берут и сжигают г. Фульнек. В огне погибают библиотека и рукописи жившего там Коменского. Сам он спасается бегством, скрываясь в окрестностях города.

В начале 1622 г. война приносит чуму, от которой погибают жена, новорожденный ребенок и старший сын Коменского.

После непродолжительных скитаний по Моравии, Коменский находит приют во владениях графа Жеротинского в Брандизе на Орлице. Здесь Коменский предается размышлениям о непрочности человеческой жизни. Эти размышления нашли свое выражение в сочинении, опубликованном позже в Лешно в 1631 г. под названием „Лабиринт мира и рай сердца“.

Между тем следовали один за другим декреты, жестоко преследовавшие непокорных чехов. По замечанию французского историка Дени, ни в одной части габсбургской монархии католическая реакция не отличалась такой жестокостью и продолжительностью, как в Чехии. Это объясняется тем, что нигде реформационное движение не пустило таких глубоких корней, как в Чехии.

Пребывание Коменского в Брандизе на Орлице не могло больше продолжаться. Поэтому некоторое время он скрывался на границе Силезии и Моравии. На совещании старейшин братства в марте 1625 г. в деревне Дубравица на Упе Коменский вместе с двумя другими пасторами был избран для ведения переговоров в Лешно с Польшей о предоставлении убежища изгнанникам. По дороге в Лешно Коменский виделся с прорицателем, Христофором Коттером, предсказывавшим благоприятный для изгнанников исход войны. Нужно заметить, что это был момент исключительного кризиса для Коменского и его народа. Положение Чехии было безнадежно. И при своем идеалистическом мировоззрении, Коменский готов был искать утешения даже в прорицателях, тем более, что прорицания Коттера соответствовали его страстному желанию видеть свою родину свободной.

По тем же причинам несколько позже Коменский поверил аналогичным пророчествам страдавшей галлюцинациями Христины Понятовской и еще позже—пророчествам своего школьного товарища Драбика. Впрочем, чтобы понять это суеверие Коменского, следует вспомнить, что это

была эпоха, когда Кеплер занимался астрологией, а Ньютон комментировал Апокалипсис Иоанна.

Во время своих путешествий в Лешно Коменский два раза побывал в Берлине. Во время своего второго пребывания в Берлине Коменский виделся с женой экс-короля Фридриха Пфальцского и, по ее поручению, отвез в Голландию экс-королю сообщение о прорицании Коттера.

После этих путешествий, несмотря на опасности, Коменский вместе с другими „братьями“ еще около трех лет находился приют во владениях сочувствовавшего братьям графа Садовского в Слупне. Один из изгнанников, Иоанн Стадий, занимался воспитанием детей графа и часто обращался за советом к Коменскому. Однажды летом, во время прогулки, Коменский и Стадий побывали в замке Вильчиц и познакомились с хранившейся там известной библиотекой дворянина Цильвара Зильберштейна. Здесь им попала в руки незадолго перед тем изданная по-немецки дидактика Ильи Бодина. Ознакомившись с содержанием этой дидактики, Коменский решил написать такую же книгу (дидактику) для своих соотечественников. Это намерение было одобрено близкими к нему людьми. Издаться же в Слупне Коменский набросал план дидактики и написал многие главы.

Между тем преследования протестантов усиливались. 31/VII 1627 г. был опубликован императорский указ, которым католическое вероисповедание признавалось единственным официальным вероисповеданием в Чехии. Знати и городским сословиям предоставлялось 6 месяцев, в течение которых они могли либо принять католичество, либо отказаться от своих имений и имущества и покинуть страну. А крестьяне, не получившие права уходить из страны, под угрозой жестоких притеснений обязаны были принимать католическое вероисповедание. Поэтому в феврале 1628 г. более 30 000 семей протестантов разных сословий: дворяне, купцы, ремесленники и крестьяне, покинули родину. „Чешские братья“ направились в Польшу, а Моравские — в Венгрию. На границе, по словам Коменского, они с горных вершин бросили последний взгляд на свою многострадальную родину; пали на колени, орошая родную землю своими слезами...

* * *

В Польше Коменский вместе со своими соотечественниками поселился в г. Лешно (по-латыни Lesna, по-немецки Lissa). Первый период пребывания Коменского в Польше является наиболее плодотворным временем для его педагогических работ. Здесь Коменский преподает в гимназии. Как член братства, вместе с двумя помощниками он зани-

мается подготовкой молодых людей, посылаемых для довершения образования за границу, а также ведет наблюдение за ходом их образования за границей. Эти обязанности отнимали у Коменского немного времени, и он имеет возможность отдаться чтению. Он внимательно изучает педагогические сочинения Ильи Бодина, Цецилия Фрея, Ратихия, Любина, Рениуса, Гельвинуса и Иог. Вал. Андреэ. К этому времени Коменскому уже хорошо были известны взгляды на воспитание представителей церковной реформации: Лютера, Кальвина и Меланхтона, опыт школ иезуитов, а также реформированных школ в Женеве и в Страсбурге. Он познакомился и с сочинениями наиболее прогрессивных представителей педагогики XVI в.: Рабле и Монтэня.

Наиболее сильное влияние на Коменского имели, несомненно, Ратихий, Андреэ и Людовик Вивес.

Дидактические взгляды Ратихия неоднократно подвергались видоизменениям и дополнениям как им самим, так и пропагандистами его методов — гессенскими профессорами Гельвигом и Юнгиусом. К. Раумер формулирует взгляды Ратихия в девяти следующих кратких положениях:

1. Все согласно естественному порядку или течению.
2. Не более как одно что-либо за раз.
3. Должно многократно повторять одно и то же.
4. Все сначала на отечественном языке.
5. Все без принуждения.
6. Ничто не должно быть заучиваемо наизусть.
7. Однообразие во всех предметах.
8. Сначала предмет сам по себе, а затем уже руководящие правила.
9. Все посредством опыта и исследования путем наведения¹.

Коменский неоднократно обращался к изучению дидактических взглядов Ратихия, даже пытался установить с ним личную переписку. Но по неизвестным причинам Ратихий не ответил на письма Коменского. Не подлежит сомнению, что дидактические взгляды Ратихия оказали на Коменского значительное влияние.

В „Великой Дидактике“ (см. „Привет читателям“, § 14) Коменский в образной форме подчеркивает преемственность своих взглядов по отношению ко взглядам Андреэ и говорит о своем воодушевлении этим оригинальным педагогом. По свидетельству историков, Андреэ был исполнен воодушевления и энергии и других заражал тем же. Он восставал против механического обучения латинскому языку в ученых школах и такого же механического пре-

¹ См. Раумер, История воспитания и учения, СПб 1878, стр. 98.

подавания катехизиса в начальных школах. Он был противником чисто словесного обучения и настаивал на изучении прежде всего доступных детям реальных предметов и их употребления в жизни.

Андреэ выступает против схоластической диалектики, господствовавшей в школах, и высказывается за изучение в школах естествознания и математики. В основу обучения он полагает родной язык, что не исключает изучения латинского, греческого и еврейского языков, принятых в учебных школах того времени в качестве обязательных предметов. Он — сторонник всеобщего обучения без различия происхождения и пола. Женщина, по его мнению, должна быть так же образованна, как и мужчина. Андреэ восстает против бесчеловечной жестокости учителей. Свои мечты о всеобщем обучении Андреэ изложил в сочинении „*Reipublicae christianopolitanae descriptio*“ („Описание христианского государства“). В этом сочинении Андреэ подражает „Государству солнца“ Томазо Кампанеллы, но значительно суживает идеи последнего. Андреэ не выходит из рамок существовавшей в то время идеологии. Религиозное воспитание он считает сущностью и целью всего воспитания, хотя полагает, что для христианина опасны не науки, а ложное пользование ими.

Андреэ являлся вдохновителем благотворительной организации, так называемого „приюта красильщиков“. Это учреждение существовало в течение двух столетий и доставило материальную помощь тысячам учащихся, учителям, а также больным и покинутым вдовам и сиротам. Кипучая деятельность Андреэ, нередко направленная на защиту интересов плебейской части общества, его смелые, часто пламенные, сатирические нападки по адресу привилегированных противников вызывали преследование его со стороны как светских, так и духовных властей, обвинявших его в ереси. Но Андреэ до смерти не слагал оружия и умер с характерными словами: „Нам отраднo, что имена наши начертаны в книге жизни“.

Если от Ратихия, Андреэ, Томазо Кампанеллы и некоторых других Коменский мог взять идеи практической педагогики, то у ряда других мыслителей XVI в. и своего времени Коменский нашел теоретические основы для своих дидактических взглядов. И здесь на первое место нужно поставить ученого испанца — гуманиста Людовика Вивеса (1492—1540). Его сочинение „*De anima et vita*“ (1538) („О душе и жизни“) считается предвестником новой, эмпирической, психологии. Вивес стремился освободить психологию от метафизики и теологии. Его не интересовал вопрос, что такое душа, и он считал более важным знать, как действует душа. Поэтому Вивес требовал, что-

бы опыт был основой всякого познания. Эмпирически-психологические взгляды проводил он и в своих педагогических сочинениях. Именно эти идеи Коменский и цитирует из Вивеса¹.

Коменский изучал и сочинения Томазо Кампанеллы (1561—1626). Широкая картина его „Государства солнца“ не могла не повлиять на Коменского своими идеями всеобщего образования и изучения мира в его наглядном изображении.

Людовика Вивеса, Томазо Кампанеллу и Бэкона Веруламского Коменский считает славными реставраторами философии (*philosophiae restavratorez gloriosi*). О Бэконe Коменский в течение всей своей жизни не переставал отзываться с уважением. Его „*Instauratio magna*“ („Великое восстановление“² Коменский назвал „блестящей авророй новой эры“. Коменский признавал, что Бэкон дал ключ к пониманию природы и хотя не открыл всех ее тайн, но показал, каким путем нужно идти, чтобы их раскрыть, указав на наблюдения и индукцию³.

Чтение авторов античного мира и нового времени вплотную подводит Коменского к основным задачам научно-философской мысли того времени.

В ту эпоху складывались основы новой науки и новой философии в противоположность обветшавшему схоластическому мировоззрению средних веков. Все передовые философы XVII столетия (Бэкон, Декарт, Локк, Спиноза, Лейбниц) занимались проблемой метода научного познания мира как средства, с помощью которого можно было бы достигнуть господства человека над природой. Подобно передовым мыслителям своего времени, Коменский в области философии ищет научного метода для педагогики, чтобы посредством обучения сделать человека не только разумным, но и способным вести практически полезную деятельность в условиях вновь складывающихся общественных отношений.

Это характерное для передовых мыслителей XVII в. стремление посредством верного метода мышления подчинить природу практическим потребностям человека отмечает

¹ См. „Великую Дидактику“, V, 1; XVIII, 33; XXIII, 5.

² Это большой труд Бэкона, в который должны были войти его „*De dignitate et augmentis scientiarum*“ („О достоинстве и росте науки“) и „*Novum organon*“ („Новый органон“). Задачей этого труда являлась реорганизация знаний.

³ Эта оценка Бэкона дана Коменским в предисловии к „*Physicae Synopsis*“ („Извлечение из физики“). Как известно, физика была написана Коменским почти одновременно с „Великой Дидактикой“ на чешском языке и за несколько лет до перевода „Великой Дидактики“ на латинский язык. Таким образом, можно определенно допустить влияние Бэкона и на „Великую Дидактику“.

К. Маркс в „Капитале“. „...Декарт, как и Бэкон,— говорит он,— в изменении способа производства и в практическом господстве человека над природой видел результат перемен в методе мышления“¹.

* * *

Политические и военные обстоятельства благоприятно сложились для Чехии с того времени, как в Тридцатилетнюю войну была вовлечена Швеция. В 1630 г. шведская армия победоносно прошла Германию, вторглась в Богемию, взяла Прагу, восстановила в Богемии протестантское вероисповедание. У изгнанных появилась надежда на устойчивость военных достижений Швеции и на скорое возвращение на родину. Коменский торопится дописать последние главы „Дидактики“, тем более что развитие школьного образования представлялось ему единственным надежным путем для восстановления Чехии и благополучия народа. Однако этому труду Коменского, предназначавшемуся первоначально для родного народа, еще долго не пришлось увидеть свет².

Коменский в это же время написал одно из лучших своих произведений („Schola materni gremii“) „Школа материнского лона“ (или „Materna Schola“, или „Schola infantiae“ — „Материнская школа“, по-чешски „Informatorium Skoly materske“, по-немецки „Informatorium der Mutterschule“).

Для иллюстрации некоторых своих положений, высказанных в „Дидактике“, Коменский задумал написать небольшой учебник латинского языка. В основу этого учебника он положил правильную мысль: дать учащимся слова в сочетании с реальными предметами. В это время один из его друзей обратил его внимание на аналогичную книгу ирландцев, бежавших в Испанию, братьев Гильома и Жана Баттэза и их сотрудника Стефана. Однако, ознакомившись с этой книгой³, Коменский не совсем был ею удовлетворен и в скором времени написал свою книгу. Первоначально эта книга была издана в 1631 г. под названием „Janua linguarum et scientiarum omnium reserata“ („Открытая дверь языков и всех наук“). С изумительной быстротой она распространилась во всех странах Западной Европы, так что Коменский не в состоянии был контролировать все издания. Кроме того, она была переведена на ряд восточных языков. По замечанию Пьера Бэйля, „если бы Коменский надал одну только эту книгу, он и тогда обессмертил бы

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1937, стр. 369.

² Закончена была „Великая Дидактика“ на чешском языке в 1632 г. Рукопись ее была найдена Ев. Пуркине в Лешно в 1841 г., первое издание на чешском языке появилось в Праге только в 1849 г.

³ „Дверь языков“ (испанского и латинского), издана в Соломанке в 1611 г., в Англии—в 1615 г., с прибавлением французского текста—в 1617 г.

себя". „Открытая дверь языков“ служила учебником в течение XVII и XVIII вв. почти во всех странах. В Англии в самом начале она вышла двумя изданиями. В Лейпциге в 1635 г. она была названа „золотой книгой“. Из Англии она занесена была в северо-американские колонии. Первое французское издание появилось в Женеве в 1635 г., а затем в Париже в 1642 г. Книга была принята даже в школах иезуитов. Кроме того, два раза была переиздана во Франции в XIX в.: в 1815 и в 1898 гг. Сам Коменский находил, однако, эту книгу трудной для начинающих изучать латинский язык, и в 1633 г. издал работу: „*Januae linguarum re-seratae Vestibulum, quo primus ad latinam linguam aditus tirunculis paretur*“ (Вестибулюм для новичков, подготовляющихся к изучению Открытой двери). Как показывает самое название „Вестибулюм“, эта книга предназначалась в качестве первоначального подготовительного руководства для приступающих к изучению „Открытой двери языков“.

В это же время Коменский работает над собиранием чешских пословиц, предполагая впоследствии издать „*Adagiorum Bohemicorum farrago*“ („Собрание богемских пословиц“). За недостатком средств эта книга осталась неизданной.

В 1631 г. чума распространяется в Польше. Напуганные поляки не принимают никаких мер борьбы с бедствием и готовы обвинять в несчастье „чешских братьев“, которые ухаживали за больными. Коменский пишет трактат о причинах заразы чумой, защищает своих соотечественников и дает советы, как избежать заразы.

Интерес Коменского к реальным знаниям сказался в его работе по физике, написанной им в 1632 г., „*Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis*“ („Обзор физики“). Этот же предмет он преподавал в высшем классе в школе в Лешно: *Rerum naturalium scientia, quod a natura est non ab arte*. (Познание естественных вещей из природы, а не из науки).

Физика Коменского имела исключительный успех. Она была издана: 1) в Лейпциге в 1633 г., 2) в Амстердаме в том же, 1633, году, 3) в Париже в 1647 г., 4) в Лондоне в 1651 г. на английском языке, 5) расширенное издание на латинском языке в Амстердаме в 1663 г., 6) новейшее издание в 1702 г. в Галле.

В то же время Коменский написал: „*Astronomia ad lumen physicum reformanda*“ („Астрономия должна быть реформирована в свете физики“). Это сочинение утеряно.

1632 год принес изгнанникам удар за ударом: победы императорских войск заставили шведов отступить в Саксонию, оставив Прагу; 16 ноября был смертельно ранен Густав-Адольф в битве под Лютценом, 25/XI умер экс-король Богемии Фридрих Пфальцский. Все это лишало изгнанников надежды на скорое возвращение на родину.

Venátus.

Die Jagd.

Venator 1 m. 3.
venatur feras,
dum sylvam
cingit cassibus, 2
qui tenduntur
super varos (furcil-
las.) 3

Der Jäger 1
 jaget das Wild,
 indem er den Wald
 umstellt mit Garnen, 2
 welche aufgestellt werden
 mit Garnstangen. 3

Fera, f. i. das Wild.
Sylva, f. i. der Wald.
Cassus, m. 3. das Gern.

Varus, m. 2. (*Furcilla*,
 f. i.) die Garnstange.
Canis

При таких тяжелых обстоятельствах осенью 1632 г. синод избрал Коменского в старейшины общины с обязанностями секретаря. И тут к заботам о молодых людях, получающих образование за границей, у Коменского присоединилась еще одна большая работа: вместе со своими помощниками Коменский должен был подготовить к изданию — на чешском языке с переводом на латинский язык — „Устав братства“ и „Историю преследований чешской церкви“.

Между тем, Коменский затевал уже новую научно-педагогическую работу, которой он любовно занимался до конца своей жизни, но, к сожалению, так и не успел закончить. Первоначально он хотел назвать эту работу, „Janua rerum“, т. е. „Дверь вещей“, по примеру „Janua linguarum“. А затем, когда он узнал, что профессор Лоренберг в Ростке опубликовал аналогичное сочинение под заглавием „Pansophia Sive Pădia philophica“ (Всеобщая мудрость, или философское воспитание), Коменский в противоположность этому решил составить энциклопедию всех наук, вдохновленную природой, человеческим сознанием и св. писанием, и назвал ее „Pansophia“.

Идея „Пансофии“ Коменского сводилась к тому, чтобы составить краткую и вместе с тем солидную работу, концентрирующую в себе результаты и последние достижения знаний о мире.

„Я начал думать, — пишет Коменский, — о том, не вызову ли я такого же сочувствия (как Открытой дверью языков), если я попробую возделать ниву более реального образования и более внутренней мудрости... Отсюда явилось желание составить „Дверь вещей“, или „Врата мудрости“, которые должны послужить ревностному в науках юношеству, для того, чтобы... оно приучилось постигать внутреннюю сторону вещей и исследовать, что есть каждая вещь по своей сущности... (чтобы обнять все, что необходимо знать, делать, во что нужно веровать и на что надеяться)“.

Для осуществления этой работы Коменский получил от общины „братства“ разрешение покинуть Лешно и поселился в Скоке, или Остророге. — В 1635 г. Коменский был избран ректором гимназии в Лешно.

В это время Коменский, по совету ряда лиц, начал готовить перевод своей „Дидактики“ на латинский язык, о чем он раньше не помышлял. На латинском языке „Великая Дидактика“¹ должна была стать доступной для народов разных стран, так как латинский язык в то время был международным языком ученых и образованных людей.

¹ Schmid, Geschichte d. Erziehung, B. III, Stuttgart 1892, S. 197—198.

С этой целью Коменский занялся пересмотром „Дидактики“, написанной на чешском языке. В латинском переводе „Дидактики“ он расположил материал более методически, более полно и точно сформулировал свои педагогические принципы. Такой пересмотр чешского текста был необходим тем более, что, как мы видели, Коменский писал „Дидактику“ по-чешски в большой спешке.

Содержание „Великой Дидактики“ на латинском языке можно представить в следующих частях: 1) „Привет читателям“, обращение ко „Всем управляющим человеческими делами...“ и первые 12 глав трактуют преимущественно вопросы педагогики в широком смысле слова — о сущности и целях воспитания, о назначении школ, о необходимости всеобщего обучения и т. п.; 2) главы XIII—XXII излагают общую дидактику и применение принципов общей дидактики к трем группам учебных предметов: языков, науки и искусств; 3) XXIII глава посвящена вопросам воспитания нравственности; 4) XXIV глава — воспитанию благочестия; 5) XXV — отношению к языческим книгам; 6) XXVI — дисциплине, XXVII—XXXII учебным планам и организации учебной работы, системе образования, начиная с материнской школы и кончая академиями; 7) наконец последняя, XXXIII, глава посвящена изложению условий осуществления намеченного автором плана усовершенствования народного образования.

* * *

Между тем, сложились обстоятельства, сыгравшие колоссальную роль в направлении дальнейшей деятельности Коменского. Его „Открытая дверь языков“ и „Физика“ доставили ему уже международное имя. В это время два молодых человека — члены общины — для завершения научного образования были посланы из Лешно в Англию и представлены там известному в то время просвещенному коммерсанту, покровителю наук, Самуилу Гартлибу¹.

На приеме этих молодых людей Гартлиб узнал, что Коменский намерен писать Пансофию, живет бедно, как и все изгнанники. Гартлиб устроил студентов в Оксфордский

¹ Samuel Hartlib родился в конце XVI в. Получил образование в Кенигсберге и Кембридже. Содействовал развитию наук и объединению различных протестантских церквей. Интересовался вопросами воспитания детей и некоторое время руководил школой для знатных молодых людей. Его обширные знакомства и энергичная гуманитарная деятельность сблизили его с выдающимися людьми своего времени, с которыми он поддерживал весьма интересную переписку. Великодушно покровительствовал ученым и содействовал опубликованию их сочинений. Через своих друзей Гартлиб оказал влияние на английский парламент, постановивший пригласить Коменского в Англию. Через Гартлиба педагогические идеи Коменского стали известны английскому поэту Мильтону, который тоже уделял большое внимание вопросам воспитания.

университет, а Коменскому послал теплое письмо и некоторую сумму денег. По предложению Гартлиба Коменский послал ему детализированный набросок своей работы о пансофии¹, к которому присоединил и оглавление „Великой Дидактики“. В течение нескольких месяцев Коменский ожидал ответа от Гартлиба и, наконец, вместо письма он получил пакет с книгой из Дании. Велико было изумление Коменского, когда, вскрыв большой пакет, он нашел в нем том книги, озаглавленной: „Conatuum Comenianorum Praeludia ex bibliotheca S. V. Porta sapientiae reserata sive Pansophiae Christianae Seminarium“ („Введение к опытам Коменского, открытая дверь мудрости, или семинариум христианской Пансофии“). В предисловии, написанном Гартлибом, сообщалось, что это сочинение издано в Оксфорде с одобрения университетского канцлера. В письме же к Коменскому Гартлиб извинялся за поспешность издания и объяснял это техническими соображениями; сообщал также, что соображения Коменского направлены на одобрение ученых всех других европейских стран и представителей различных религиозных сект с целью возбудить интерес и найти покровителей (меценатов) для реализации этого проекта. Больше того, так как одному человеку невозможно выполнить такую задачу, Гартлиб советовал Коменскому подобрать в качестве помощников 6—8 ученых, которые могли бы посвятить себя чисто научной работе и систематизации уже достигнутых знаний. Наконец, так как одно поколение не в силах осуществить весь план работы, Гартлиб предлагал основать, по идее Бэкона, коллегия для универсального изучения достижений наук и искусств.

Посылая свою рукопись, Коменский не имел в виду опубликование ее в печати. Но, так как книга уже была издана, ему ничего не оставалось делать. В 1639 г. эта книга вышла вторым изданием под названием „Pansophiae Prodromus“ („Предвестник Пансофии“). Вскоре она была издана также в Париже и в Лейдене, а в 1642 г. появился и английский перевод. Это сочинение привлекло внимание всей просвещенной Европы. „Каждый угол Европы, — писал Гартлибу проф. математики в Гамбурге Ж. А. Тасс, — горит желанием изучать Пансофию или лучшую дидактику. Если бы Коменский не имел ничего более, то и того было бы достаточно, что он дал такой толчок умам¹“.

Идея пансофии Коменского оказалась и в поле зрения крупнейшего из философов того времени, Декарта. Ознакомившись с „Pansophiae Prodromus“ и оценивая эту работу, Декарт признает, что Коменский является „человеком сильного ума и большой идеи и, сверх того, обнаруживает

¹ A. Heyberger. Comenius, Paris 1928, p. 53—55.

благородную ревность к общественному благу". Полагает, что „Коменский мог бы разрешить проблему, которую он изложил, лучше, чем кто-либо другой; только образцы, которые он представил, недостаточны, чтобы подать большую надежду“. Декарт, однако, сомневается, „чтобы только в одной книге можно было изложить все знания в целом“ и не одобряет намерения автора „соединить религию и истины откровения с знаниями, которые добываются естественным разумом“, а также того, что Коменский изображает какую-то универсальную науку, к которой склонны и которую были бы в состоянии усвоить юные школьники в возрасте до 24 лет. По мнению Декарта, „не следует применять священное писание для той цели, для которой бог не предназначал его“. Он заканчивает свое письмо, однако, предположением, что „автор не намерен ни пользоваться библией в этом смысле, ни смешивать священные предметы с обычными; во всем остальном его намерения обнаруживают столько хорошего, что если даже ему чего-либо еще недостает, он не лишается права на высокое уважение“¹.

К концу тридцатых годов XVII в. относится сочинение Коменского „*Faber Fortunae, sive ars consulandi sibi ipsi*“ („Кузнец счастья, или искусство советовать самому себе“).

В это же время, по совету проф. Куртцмана, сенат муниципалитета в Бреславле установил в городской гимназии в качестве учебников работы Коменского „*Janua*“ и „*Vestibulum*“ и просил его дать указания, как пользоваться этими книгами. В ответ на этот вопрос Коменский в 1637 г. составил и послал Бреславльскому сенату „Дидактическую диссертацию о способе изучения латинской речи в четырех ступенях: через Вестибулюм, Дверь, Дворец и Сокровищницу“. Исходя из принципов, развитых в еще неопубликованной „Великой Дидактике“, Коменский изложил новый метод преподавания латыни и дал советы, как пользоваться его книгами.

К 1638 г. „Великая Дидактика“ на латинском языке была закончена, и Коменский намеревался поместить ее во главе серии педагогических сочинений; эту работу Коменский послал на отзыв своему другу Иоахиму Гюбнеру. Последний не оценил этого труда по достоинству и с большим опозданием прислал свои критические замечания отрицательного характера². Поэтому Коменский и не решился издавать „Великую Дидактику“.

Во время директорства в гимназии в Лешно Коменский ставил ученические спектакли, для которых писал пьесы.

¹ Там же, стр. 56.

² См. Spisy Jana Amosa Komenského. 'Cislo 1. Korrespondence Jana Amosa Komenského, v. Prase 1897, p. 73—82.

Так, в 1638 г. он составил пьесы: „Воскресший циник Диоген“, или „О сокращенном искусстве философствовать“, а в 1641 г.—„Патриарх Авраам“. Постановка ученических спектаклей, как известно, ведет свое происхождение еще с начала Средних веков. Заслуга же Коменского заключается как в составлении пьес, так и в том, что пьесы отражали богатое содержание школьных занятий. Впоследствии в Сарос-Потоке Коменский пользовался такого рода спектаклями специально для возбуждения у учащихся интереса к учебным занятиям.

Между тем успех „Пансофии“ вызвал оппозицию даже в среде „братьев“ в Польше. Коменский вынужден был дать объяснения и предложил обсудить дело синодальному собранию. На этот случай он написал „Освещение пансофических опытов, сделанное в интересах критики“. Синод оправдал опыты Коменского и пожелал дальнейшего успеха его делу.

В 1641 г. Коменского приглашают в Англию для осуществления идеи „Пансофии“.

Английский парламент принял постановление об организации ученой коллегии для разработки „Пансофии“ под руководством Коменского и при участии ученых других стран. Но в это время в Англии разгорелась гражданская война, вопросы культуры были отодвинуты на задний план, и Коменскому пришлось ожидать исхода политических событий.

В течение нескольких месяцев пребывания в Англии Коменский написал „Via lucis“ („Путь света“), в котором проводит идею всеобщей гармонии и универсального языка и коллегиума. Следует также упомянуть, что из Лондона же Коменский послал своим соотечественникам весьма интересное письмо с изложением своих впечатлений от интеллектуальной, религиозной и социальной жизни Англии.

Напрасно ожидая исхода политических событий в Англии, Коменский получил от Людовика Геера¹ весьма любезное приглашение переехать в Швецию, чтобы целиком отдаться научной работе. Английские друзья Коменского советовали ему принять это приглашение, однако с тем, чтобы он снова вернулся в Англию, когда там установится спокойная жизнь.

Заслуживают упоминания напутствия, с которыми отправляли Коменского из Англии в Швецию его друзья. Эти напутствия, как об этом пишет сам Коменский, сводились к следующему: „во-первых, не отвлекаться от пансофиче-

¹ Людовик Геер родом из Голландии. Вследствие религиозных убеждений вынужден был бежать в Швецию, где, будучи коммерсантом, оказывал материальную помощь ученым и протестантам, в частности, чешским изгнанникам.

ских занятий какими-либо второстепенными занятиями; во-вторых, не терять времени на чтение, но заниматься самостоятельными исследованиями¹. Они ожидали от него нового анализа научных достижений, а не компиляций, как бы блестящи они ни были. Наконец, они требовали от него „вести исследования одному... не искать сотрудников и не передавать этим сотрудникам дела до возвращения в Англию“¹.

Перед самым отъездом из Англии Коменский получил приглашение во Францию. К этому приглашению были присоединены великодушные обещания от имени кардинала Ришелье, выраженные его секретарем Россиньолом.

Хотя Франция в это время непосредственно вела войну с католической Германией и могла бы быть очень полезной чешским изгнанникам, Коменский по неизвестным причинам предпочел направиться в Швецию.

Иоахим Гюбнер, доставивший ответ Коменского в Париж, застал кардинала Ришелье уже на смертном одре. От секретаря Ришелье, Россиньола, Гюбнер узнал, что Ришелье под влиянием идей Коменского предполагал открыть в Париже пансофическую школу. Со смертью Ришелье этот проект отпадал.

По дороге в Швецию, в июне 1642 г., Коменский ненадолго останавливается в голландских городах, где его радушно встретили представители культурного мира. Здесь он узнал, что его „Janua“ переводят на турецкий, арабский, персидский и монгольский языки.

Во время пребывания в Лейдене Коменский посетил Декарта, проживавшего в то время в уединении в маленьком замке Эндежест в пол-лье от Лейдена. Беседа Коменского с великим философом продолжалась 4 часа.

Из Лейдена Коменский поехал в Амстердам, чтобы поблагодарить местную консисторию за оказываемую чешским изгнанникам помощь.

Здесь, в Голландии, Коменский познакомился с американцем Джоном Вайнтропом, сыном губернатора Массачусетса, впоследствии ставшим губернатором Коннектикута. По одним данным Вайнтроп предлагал Коменскому пост ректора в Гарвардском университете, по другим — приглашал его в Новую Англию для реорганизации образования. Во всяком случае несомненно, что Коменский и его сочинения еще тогда были известны в Америке. Очевидно, этому способствовали молодые американцы, получавшие образование в английских университетах.

По пути же в Швецию Коменский с триумфом был принят в Бремене и в Любеке, где его хорошо знали по

¹ A. Heyberger Op. cit. p. 62—63.

опубликованным сочинениям. В Бремене, по приглашению советника муниципалитета, Коменский остается на несколько дней для разъяснения принципов своей „Дидактики“ и „Пансофии“. Здесь настойчиво его приглашают остаться для педагогического руководства школами. В Любеке сыновья старейшего городского советника приветствуют Коменского на латинском языке и называют его своим учителем, так как они овладели латинским языком по его „Janua“. Наконец, престарелый епископ, Иоанн Матвей, представляет его своей ученице, принцессе Христине, которая также объясняется с Коменским на латинском языке, усвоенном ею по его „Janua“.

19 августа 1642 г. Коменский прибыл в шведский город Нордкюпинг и встретился там с Геером. Геер направляет Коменского в Стокгольм к правителю государства, архиканцлеру Оксенштирне. Оксенштирна неоднократно беседовал с Коменским, рассказал о своих обманутых надеждах на Ратихия, одобрил дидактические позиции Коменского, но отклонил его предложение заняться пансофией и в конце концов стал настаивать на том, чтобы Коменский занялся вопросами преподавания латыни. Задачи, изложенные Оксенштирной, подтвердил, к изумлению Коменского, и Геер. Интересы „братьев“, надежды на помощь со стороны Швеции в деле восстановления самостоятельности родины заставили Коменского согласиться на неинтересное для него в то время предложение. Геер взялся содержать Коменского с сотрудниками и оказывать ежегодную помощь „чешским братьям“. Местом пребывания Коменского, на время работы для Швеции, по взаимному соглашению, был избран город Эльбинг в Западной Пруссии.

С этими сведениями и планами на будущее Коменский возвратился в Лешно, передал „братьям“ очередную денежную помощь от Геера и, по получении разрешения синода, поселился с семьей и четырьмя помощниками в Эльбинге.

На новом месте Коменский занялся прежде всего „Janua linguarum“, которою, как мы уже видели, он был не совсем доволен, заготовил к ней лексикон и грамматику и в качестве третьей части присоединил „Palatium“ („Дворец“) и „Janua tegum“ („Дверь вещей, или введение в пансофию“).

Между тем, его английские почитатели крайне сожалели, узнав, что ему приходится заниматься не пансофией, а опять филологическими работами. Гартлиб ему писал: „К чему ты, смертный, стремишься? Ты предпринимашь меньше того, что соответствует твоим силам“.

Работа в Эльбинге шла медленно. Помощники Коменского оказались мало компетентными в деле. К этому присоединилось тяжелое материальное положение, вследствие чего Коменскому пришлось давать и частные уроки и вести

публичные чтения. Он колебался между отчаянием и надеждой на успешное выполнение работы.

Между прочим, в это время для одного из своих учеников, Христиана Амброзиуса Кохлевского, отправлявшегося за границу, Коменский написал небольшое интересное сочинение „Regulae vitae“ („Правила жизни“). В 1643 г. он опубликовал в Данциге новую работу о пансофии. Это сочинение быстро распространилось во многих изданиях в Лондоне, Париже и Амстердаме.

Когда прошел слух, что французы посылают в Оснабрюк Гроциуса для заключения мира и примирения церквей, Коменский поспешил с просьбой к Оксенштирне о содействии восстановлению его отечества. Чешские изгнанники, в свою очередь, послали к Оксенштирне делегата с аналогичной просьбой. Оксенштирна обещал сделать все, что только будет в его силах, чтобы восстановить Богемию (Чехию) или, по крайней мере, предоставить возможность изгнанникам вернуться на родину с сохранением вероисповедных прав.

В 1644 г. литовский князь Радзивилл предлагал Коменскому для работы над „Пансофией“ свой замок в Литуани. Князь предоставлял в распоряжение Коменского библиотеку, наконец предлагал привлечь ученых сотрудников по выбору самого Коменского. Но вследствие обязательств, взятых перед шведами, Коменский отказался от этого предложения.

Между тем, работы Коменского по обязательствам перед шведами подвигались медленно, и Коменский получал от шведов письма, полные упреков. В своем ответе Готтону от 28 сентября 1644 г. Коменский раскрывает терзания, мучившие его сердце. В этом письме он называет свои учебники латинского языка и словари „пустяками“, упоминает о приглашении на профессию в Трансильванию. В письме же от 29 сентября 1644 г. к Гееру Коменский считает упреки шведов неосновательными, так как он прилагает все усилия к более совершенному исполнению своих задач, жалуется, что никто ему не помогает.

Трудности, испытываемые Коменским в работе для Швеции, и недовольство шведов объясняются между прочим тем, что определенная группа шведских лютеран обвиняла Коменского в пропаганде кальвинизма под видом пансофии, и Геер, повидимому, поддавался этим слухам.

В 1646 г. работы Коменского для Швеции в незаконченном виде были представлены на утверждение университетского жюри в Стокгольме, одобrivшего работы Коменского.

По возвращении из Стокгольма в Эльбинг, в первые недели 1647 г. Коменский закончил работу над „Linguarum

„methodus novissima“ („Новейший метод преподавания языков“). В этом сочинении он излагал метод преподавания языков, в частности латинского языка, на принципах своей еще не изданной „Великой Дидактики“. В основном этот метод характеризуется тремя особенностями: 1) параллельным изучением предметов и слов, 2) постепенным свободным от пробелов ходом преподавания, 3) легкими и приятными для учащихся и в то же время быстро ведущими к успехам приемами преподавания, основанными на живой, активной учебной работе учащихся под деятельным руководством преподавателя. По точности и размеренности работы Коменский сравнивает свой метод в этой и последующих работах с работой часового механизма.

В противоположность широко распространенному в школах того времени изучению языков, начиная с правил, иллюстрируемых примерами и закрепляемых упражнениями, Коменский предлагает начинать изучение языка с примеров, анализ которых позволяет сформулировать правила, а затем уже переходить к упражнениям.

После смерти епископа Павла Фабрициуса союз „братьев“ избирает Коменского первым епископом. Но Коменский, занятый скорейшим окончанием опубликования работ для Швеции, отказался от этого избрания.

По окончании работ для Швеции, Коменский испытывает значительное облегчение. Его письма от 12 и 15 июня 1647 г. в Англию к Гартлибу полны надежд на творческую работу в области пансофии.

Не успел Коменский выполнить свои обязательства перед шведами, как получил приглашение в Голландию, а „братья“ в Польше и Венгрии звали его к себе. Он избрал последнее. По прибытии из Эльбинга в Лешно, умерла его вторая жена Доротея, оставив 5 детей.

Осенью 1648 г. стало известно, что чехи обманулись в своих надеждах на Швецию. При заключении Вестфальского мира, Чехия была совершенно забыта. Под свежим впечатлением Коменский написал Оксенштирне письмо, полное горечи и упреков, за что ему пришлось впоследствии извиняться перед могучим канцлером. В этот тяжелый период Коменский редактирует „Историю братьев“ Ласицкого.

По возвращении в Лешно, Коменский был занят молодежью, помогал гимназии в деле преподавания, готовил молодых людей к отправлению для получения заграничного образования, вел наблюдения за наставниками в знатных семействах и издал для Швеции пересмотренные учебники латинского языка.

Последние надежды чешских изгнанников были потеряны, когда Вестфальский мир был ратифицирован в Нюрнберге. В процессе дележа Европы чешская нация оконча-

тельно была отдана Габсбургам, а чешские изгнанники были забыты. В мае месяце 1650 г. собрался синод „братьев“ из представителей общин, рассеянных в Польше, Венгрии, Пруссии, Силезии с тем, чтобы принять решение о дальнейшей судьбе церкви. Собрание решило сохранить союз и дисциплину, которую поддерживали их отцы в течение двух веков, избрать преемника только что умершему епископу и принять на себя участь, выпавшую на долю „братьев“. Выбор в епископы пал на Коменского.

В это же время Коменский получил новое приглашение от правителя Венгрии, Сигизмунда Ракочи, на постоянную консультацию по вопросам учебного дела в Сарос-Поток для проведения там реформы школы и осуществления проекта пансофии. К этому приглашению было присоединено письмо Жана Толнея, друга Гартлиба, ректора гимназии в Сарос-Потоке.

Интересы „моравских братьев“, нашедших для себя приют в Венгрии, заставили Коменского принять это приглашение, и он со всей семьей переселился в Сарос-Поток.

Здесь началась энергичная работа. Коменский написал „Schola pansophica“, в которой он изложил мысли, большей частью уже опубликованные в „Pansophiae Prodromus“ и изложенные в еще неизданной „Великой Дидактике“ и в других сочинениях.

Коменский набрасывает план пансофической школы с семью классами. Первые три класса, по этому плану, предназначаются для изучения основ латинского языка, четвертый класс называется философским, пятый отводится логике, шестой — политике и последний — богословию. Наряду с перечисленным основным содержанием пансофической школы в ней имеют место такие общеобразовательные предметы, как арифметика, геометрия, чистописание и музыка. Коменский рекомендует поощрять гимнастику и игры учащихся, прогулки, или, как мы теперь сказали бы, экскурсии за город. На практике в Сарос-Потокской школе Коменский руководил постановкой учебных спектаклей и сам составлял драмы, заполненные учебным материалом. Из всего этого видно, что это была хорошая общеобразовательная средняя школа. Школа в целом и даже каждый отдельный класс представлял собой республику по типу античных республик, с своим сенатом, консулом и претором.

В действительности в Сарос-Потоке Коменскому удалось развернуть только три первых класса пансофической школы. К его великому огорчению, венгерское дворянство, далекое от высоких образовательных интересов, не согласилось на развертывание четырех старших классов.

В Сарос-Потоке была опубликована речь Коменского

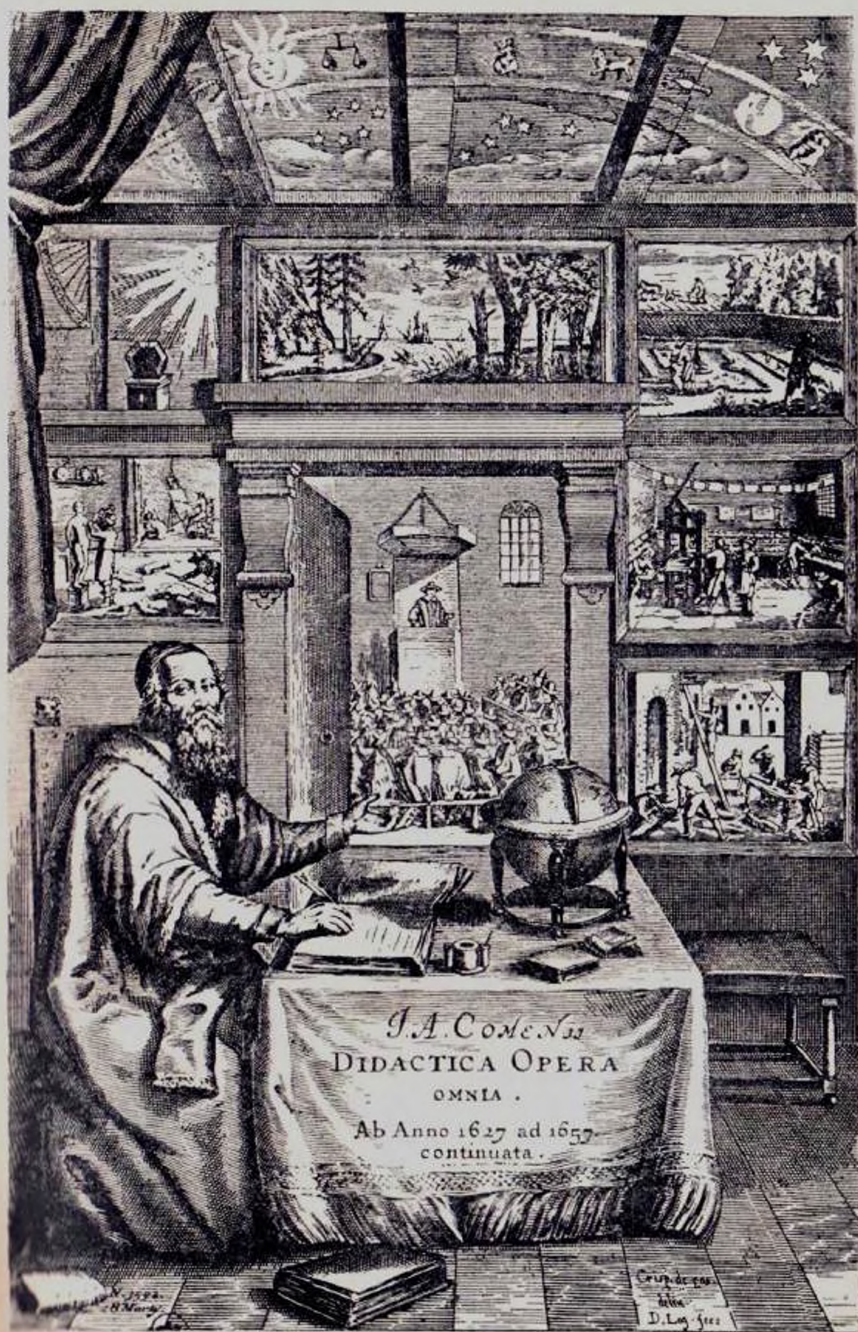
„О культуре способностей“, произнесенная 24 ноября 1650 г., и инструкция о пользовании его книгами. Здесь он пересмотрел „Vestibulum“. После своей речи, при открытии первого класса гимназии в Сарос-Потоке, Коменский пересмотрел „Janua linguarum“ для второго класса и присоединил к ней предисловие.

14 марта 1651 г. он открыл второй класс своей школы рассуждением о пользе точной номенклатуры вещей. 10 февраля 1652 г. открыл третий класс речью о легком изучении изящного и закончил свое сочинение „III часть школьного обучения, заключающая украшения искусств, вещей и языков“. Словарь к этой части был закончен в 1654 г.

Как и в других случаях, энергичная работа Коменского в Сарос-Потоке поддерживалась надеждой, что Венгерский двор сыграет значительную роль в восстановлении независимости Чехии. Однако эти надежды оказались тщетными. Со временем самое благоприятное отношение к Коменскому в Сарос-Потоке сменилось враждебным, и Коменский начал помышлять об отъезде из Венгрии.

До отъезда из Венгрии Коменский написал такие работы, как „Воскрешенны Форций, или об изгнании косности из школы“, „Наставления в нравственности для юношества“ и „Законы хорошо организованной школы“. В последней работе Коменский дал литературно оформленный устав школы с рядом детальных указаний по всем сторонам жизни школы. Здесь все было предусмотрено: место и время учебных занятий, методы преподавания, организация испытаний, или экзаменов, правила поведения учащихся и учащихся, их взаимные отношения, организация самоуправления учащихся, порядок в общежитии для учащихся, обязанности ректора школы, учителей и т. п.

Здесь же в Сарос-Потоке Коменский написал и „Orbis sensualium pictus“ („Видимый мир в картинках“). Но, не найдя граверов, он вынужден был отложить издание этой работы. Впервые это сочинение было опубликовано в 1657 г. в Нюрнберге. Через 2 года после опубликования „Orbis pictus“ был переведен на все европейские языки и до сих пор переиздается во многих странах. Строго говоря, это первая иллюстрированная учебная книга, родоначальница всех последующих книг для классного чтения. В ней Коменский заложил основы звукового метода обучения грамоте и вместе с тем дал одну из лучших книг для чтения в классе, которой увлекались и взрослые. Изображения явлений природы, ремесел и других видов человеческой деятельности служат в этой книге прекрасным средством возбуждения внимания и интереса детей к чтению и вместе с тем облегчают самый процесс чтения и усвоение содержания читаемого.

Заглавный лист амстердамского издания (1657) педагогических сочинений Я. А. Коменского.

Когда во второй половине XVIII в. появилась аналогичная работа Базедова, Гёте заметил, что она по своим достоинствам стоит решительно ниже „Orbis pictus“ Коменского. Аналогичное суждение высказывал о подобных книгах своего времени и Гердер¹. Одной из особенностей данных Коменским иллюстраций к этой книжке служит преобладание в них картин, изображающих действие и показывающих предметы в движении.

Во время пребывания Коменского в Венгрии наибольший успех пал на его „Schola ludus“ („Школа-игра, или живая энциклопедия, т. е. знание практической Двери языков“). В этой работе были даны драматические сочинения Коменского для школьников, проверенные на опыте. Незадолго до отъезда из Сарос-Потока он написал философско-политический трактат под заглавием „Gentis felicitas“ („Счастье народа“), в котором изложил нужды народов вообще, венгерского—в частности, с точки зрения законодательной, экономической, социальной, религиозной и моральной. В конце этого сочинения Коменский обращается к князю венгерскому Георгию Ракочи с просьбой защитить угнетенных и очистить Чехию от врагов. 2 августа 1654 г. Коменский покинул Сарос-Поток.

Возвратившись из Венгрии в Лешно, Коменский с помощью своих друзей опять продолжал свои изыскания в области пансофии.

В это время неожиданно грянула война. Польский король Ян Казимир предъявил свои претензии на трон в Швеции против Карла-Густава, двоюродного брата и преемника королевы Христины. Казаки угрожали Польше. Князь венгерский, Георгий Ракочи, приготовился вступить в конфликт. Коменский взял на себя обязанности вести переговоры о союзе между Карлом-Густавом, английским диктатором Кромвелем и князем Ракочи для защиты протестантизма в Польше, надеясь этим добиться и восстановления своей родины. 5 августа 1655 г. Карл-Густав напал на Польшу, взял Варшаву и направился в Краков. Значительная часть польской знати, в том числе и князь Радзивилл, стала на сторону Карла-Густава. Из симпатии к Коменскому и князю Радзивиллу, шведы не тронули Лешно. Но знатные поляки из партии католиков поклялись отомстить этому городу „еретиков“.

27 апреля 1656 г. армия поляков атаковала Лешно. Не располагая средствами для защиты, жители города бросили свое имущество и бежали в леса Силезии. Многие из них на пути погибли в болотах. Войска поляков разграбили город, и через три дня от Лешно остались только груды пепла. Погибло все: архив, богатейшая библиотека, типо-

¹ Schmidt, Geschichte der Erziehung, B. III, Stuttgart, 1892, S. 237

графия чехов и т. п. Коменский потерял все ценное: библиотеку и большую часть рукописей, дом, имущество. Здесь погибли и такие капитальные работы Коменского, как „Silva pansophica“ („Пансофический лес“) и результат 44-летнего труда, „Thesaurus“ („Сокровищница чешского языка“).

Ко всем этим бедствиям, явившимся результатом разгрома, присоединились эпидемические заболевания, и оставшиеся в живых чешские изгнанники рассеялись по разным странам: по Силезии, Пруссии, Венгрии и др.

В такой тяжелый момент Коменский получил приглашение в Голландию через Лаврентия Геера, шведского посла в Амстердаме. Полный признательности, Коменский принял предложение. Через Штеттин и Гамбург он поехал в Голландию.

По предложению голландского сената, тронутого печальной судьбой чешских изгнанников, Коменский опубликовал „Истинное историческое повествование о сожжении Лешно в апреле 1656 г.“

Богатый Амстердам представлял собой полную противоположность опустошенной, несчастной родине Коменского.

Сенат города Амстердама послал 2 миллиона флоринов несчастным чехам, предложил Коменскому почетную профессию, от чего Коменский отказался, и 800 флоринов в год, с тем чтобы, обосновавшись в Амстердаме, он продолжал свои работы над пансофией, обещающей так много для юношества. Наконец, сенат постановил полностью опубликовать педагогические сочинения Коменского, на что он ответил согласием и благодарил сенат. Первой была издана „Schola ludus“ („Школа-игра“) и затем „Opera didactica omnia“ („Педагогические сочинения“)¹.

Главное место в этом издании занимает „Великая Дидактика“ на латинском языке, до сих пор еще не появлявшаяся в печати. Амстердамское издание педагогических сочинений Коменского распадается на 4 части: первая часть содержит сочинения, написанные с 1627 по 1642 г., вторая содержит работы, написанные с 1642 по 1650 г. для Швеции, третья — сочинения, написанные в Сарос-Потоке с 1650 по 1654 г., наконец, четвертая часть содержит восемь трактатов, составленных в Амстердаме.

Занимаясь в Голландии педагогическими и пансофическими работами, Коменский опубликовал пророческие откровения Коттера, Понятовской и Драбика под заглавием „Lux in tenebris“ („Свет во тьме“) и разослал это сочинение только небольшому кругу лиц. В ученых кругах это сочинение вызвало негодование против Коменского.

Цепляясь за прорицания и веру в откровения, Коменский все еще надеялся в один прекрасный день увидеть

¹ Заглавный лист этого прекрасного издания мы здесь прилагаем.

Памятник Я. А. Коменскому в Брандизе на Орлице.

восстановление своей родины и былых прав „братства“. В этих тонах Коменский составляет обращения к правительствам, послания к „братьям“ и т. п.

Но и среди всех этих последних занятий и увлечения мистицизмом Коменский не переставал заниматься пансофией.

Лебединой песней 77-летнего старца Коменского было его автобиографическое сочинение „Unum necessarium“ („Единственно необходимое“). Подводя итоги жизни, Коменский выражает свое удовлетворение тем, что ему суждено было всю жизнь оставаться „человеком стремлений“ (*vir desideriorum*). „...Вся моя жизнь, — пишет Коменский, — протекала не в отчизне, а в странствованиях, мое пристанище постоянно менялось, и нигде не находил я себе прочного приюта...“

15 ноября 1670 г. Коменский скончался и был похоронен близ Амстердама, в Наардене.

II.

✓ Замысел, план и содержание „Великой Дидактики“ Коменский отчетливо сформулировал в полном заглавии этого выдающегося сочинения. Каждое слово заглавия включает в себе богатейшее содержание. В дальнейшей характеристике „Великой Дидактики“ мы и воспользуемся системой, намеченной этим заглавием.

В „Великой Дидактике“ Коменский ставит себе задачей дать не субъективное изложение своих взглядов, а *„тщательно обдуманную“*, т. е. научно обоснованную, теорию обучения (XVI, 4).

✓ В ней речь идет об „универсальной теории учить всех всему“. Таким образом впервые в истории педагогической мысли оформляется общая дидактика в отличие от частной дидактики и методик преподавания отдельных предметов.

✓ Свою дидактику Коменский ставит на службу *всеобщему обучению*; причем эта идея понимается им демократически. Коменский намечает план создания „по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства“ таких школ, в которых могло бы обучаться „все юношество того и другого пола без всякого, где бы то ни было, исключения“ (см. также гл. IX).

Он уверен, что каждый человек способен к образованию, лишь бы только были подобраны для этого правильные методы. Свою уверенность Коменский обосновывает свойствами человеческого ума, который „отличается такой насыщенностью восприимчивостью к познанию, что представляет собой как бы бездну“ (V, 4). И никакие возражения против всеобщего обучения не смущают Коменского (XII, 12—17). Из системы всеобщего обучения Коменский не исключает и так называемых „тупых“ детей.

✓ Вопреки общераспространенным в его время взглядам, Коменский горячо защищает *право женщин на одинаковое с мужчинами образование*. Больше того, можно предполагать, что он является сторонником совместного обучения обоих полов (см. заглавие и первый параграф IX гл.).

Дети бедняков привлекают особое внимание Коменского. Он предполагает в их среде большое количество талантов, которые без образования напрасно гибнут в ущерб интересам государства и общества (XI, 6). Коменского не удовлетворяют случайные условия получения образования бедняками, например „чь-либо благотворительность“ (XI, 6). Он ищет путей и мероприятий не только для формального доступа детей бедняков в школу, но и „к тому, чтобы дети беднейших родителей могли *иметь досуг*“ (подчеркнуто мной — А. К.) посещать школу“ (XXXIII, 6).

Еще ярче последовательный демократизм Коменского в вопросе о всеобщем обучении, выражается во всесторонней защите им *идеи единой школы* для всех классов общества (XXIX, 2). Дети всех классов общества, рассуждает Коменский, равны между собой как по своим природным данным, так и по назначению. А потому все они должны проходить одну и ту же школу, в которой усвоили бы все то, что делает человека человеком. В соответствии с этим Коменский намечает единую систему образования для всех детей и юношества применительно к четырем возрастным периодам:

1) *материнскую школу* в каждой семье — для младенческого возраста до шести лет;

2) *школу родного языка* в каждом селе и в каждой деревне — для отроческого возраста с 6 до 12 лет;

3) *латинскую школу* в каждом городе — для юношеского возраста с 12 до 18 лет;

4) *академии* в крупнейших городах государства — для возраста возмужалости с 18 до 24 лет.

На первых трех ступенях школа должна обучать всех детей одному и тому же, т. е. познанию мира, с той существенной разницей, что на каждой последующей ступени круг изучаемых знаний расширяется и самые знания углубляются. Иначе говоря, Коменский развивал идею концентрического расположения учебного материала.

Уже в *материнской школе* Коменский предлагает родителям давать детям в доступной для них форме элементы всех знаний (метафизики, которую Коменский в этом случае понимает как умение пользоваться некоторыми общими понятиями, физики, оптики, астрономии, географии, хронологии, истории, арифметики, геометрии, статистики, механики, диалектики, грамматики, риторики, поэзии, музыки, экономики и политики). Идея материнской школы Коменского послужила основой для последующего развития общественных форм дошкольного воспитания.

Школу родного языка Коменский предназначает для обучения детей тому, чем им придется пользоваться на протяжении всей жизни. Родной язык он объявляет основным языком, как для усвоения знаний о мире, так и для овладения иностранными языками. Поэтому-то он и присваивает этой ступени образования название школы родного языка. В отличие от принятых в ту эпоху занятий в начальной школе преимущественно элементами религиозного обучения и простой грамотности, Коменский вносит в школу родного языка изучение истории, географии, ремесел и значительно расширяет круг реальных знаний о мире. Кроме того, и в школе родного языка, как и в материнской школе, Коменский предлагает обучать детей

умению разбираться в явлениях общественной жизни, в вопросах хозяйства и политики настолько, чтобы дети могли понимать, что делается в этом отношении дома, в селе и в городе.

Коменский решительно защищает единую для всех детей школу родного языка и, таким образом, впервые в истории педагогики обосновывает идею единой школы и преемственного расположения ступеней обучения. Он расходится с мнениями некоего Цеппера и своего учителя Альштеда; эти последние предлагали посылать в школу родного языка „только тех девочек и мальчиков, которые со временем будут заниматься ремеслами“ (XXIX, 1), а детей, предназначенных, по решению своих родителей, к высшему образованию, Цеппер и Альштед предлагали направлять сразу в латинскую школу, минуя школу родного языка. Коменский возражает против такого предложения, так как оно привело бы к тому, что высшая ступень школы, вместе с тем и руководящая роль в государственной и общественной жизни оказывались бы доступными только для детей богатых и знатных родителей, как это действительно и имеет место до сих пор в капиталистических странах. Между тем Коменский справедливо замечает: „Ведь не только дети богатых и знатных или должностных лиц рождаются для высоких званий!“ (там же).

В учебный план латинской школы Коменский вносит, кроме традиционных семи свободных искусств (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка), опять-таки учебные предметы, дающие реальные сведения о мире: физику, или, говоря современным языком, естествознание, географию, хронологию, т. е. основы летосчисления, историю, мораль, отводя изучению иностранных языков чисто служебное, вспомогательное значение и довольно ограниченный отрезок времени.

Наконец, академии Коменский предназначает для высшего научного образования в отдельных специальных областях: в богословии, философии, медицине, юриспруденции.

Как в заглавии, так и в содержании „Великой Дидактики“ Коменский предназначает школы к тому, чтобы все юношество могло в них „научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни“. Возникает вопрос, что же нужно понимать под выражением „научиться всему“.

Говоря о конечных задачах и целях образования, Коменский, как мыслитель XVII в., широко пользуется религиозной аргументацией. Однако, даже оперируя текстами из так называемого „священного писания“, Коменский выдвигает и чисто светские образовательные задачи: 1) „быть разумным созданием“ и 2) „созданием, властвующим над другими созданиями“, — вот назначение человека (IV, 2).

Осуществление людьми этого назначения Коменский мыслит не иначе, как через 1) научное образование и 2) моральное воспитание. А то и другое Коменский отчетливо и ясно ставит на службу укрепления хозяйственной мощи и упорядоченности общественной жизни складывавшихся в его время национальных государств (XXXIII, 19).

Разрешая вопрос о содержании учебно-образовательного материал, Коменский стремился сочетать два принципа: принцип *энциклопедического реального образования* и принцип *развития способностей человека*. В интересах соблюдения первого принципа Коменский считал необходимым „заботиться и даже добиваться того, чтобы всех научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего“. „Шелухе слов“, попугайской болтовне, „отбросам и чаду мнений“ старой школы Коменский противопоставляет знание реальных вещей, их связей и отношений (IV, 6; XVI, 15; XIX, 55). Больше того, „нужно учить так,— пишет Коменский,— чтобы люди, насколько это возможно, приобретали знания не из книг, но из неба, земли, дубов и буков, т. е. знали и изучали самые вещи, а не чужие только наблюдения и свидетельства о вещах. А это будет значить, что мы снова идем по стопам древних мудрецов, черпая знания не из какого-либо иного источника, а из самого первообраза вещей“ (XVIII, 23). Даже преподавание иностранных языков покоится у Коменского на этом принципе реальности: сначала реальный предмет, вещь, явление природы или общественной жизни, затем слово, или название предмета. Недаром Коменского называют представителем „реального реализма“ в противоположность словесному реализму, распространенному среди гуманистов.

Однако Коменский ценит реальное энциклопедическое образование и знание не только само по себе, но и его воспитательную роль для развития духовных способностей человека. Полной невнимательности старой школы к развитию духовных сил и задатков человека Коменский противопоставляет такое образование, которое развивало бы все духовные силы человека и делало бы его способным к самостоятельному приобретению знаний (XVIII, 17—27). „Правильно обучать юношество,— говорит Коменский,— это значит раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки (знания), подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, цветы, плоды...“ (XVIII, 22). Коменский объявляет решительную борьбу безраздельно господствовавшему в его время усвоению всех знаний исключительно памятью. Он предлагает при учебных занятиях правильно сочетать работу всех духовных сил чело-

века: внешних органов чувств, рассудка, памяти и воли (XVII, 38, VII; XVII, 28, VII; XXVII, 7; XVI, 37, II, V). Было бы, однако, ошибочным предполагать у Коменского недооценку памяти. Он сочувственно цитирует Квинтилиана и Люд. Вивеса, ставивших задачу расширения и укрепления памяти, и заботливо указывает ряд способов развития памяти (XVIII, 33, 44).

Таким образом, в раскрытии содержания образования Коменский стремится сочетать два принципа, называемые обычно в дидактике материальным и формальным.

* * *

Сочетание в образованном человеке энциклопедических реальных знаний с развитием духовных способностей подчинено у Коменского задаче сделать человека разумным существом и господином всех созданий, т. е. практически действующим и превращающим все вещи себе на пользу. Этим задачам Коменский подчиняет отбор учебного материала по принципу его полезности (XVIII, 3, 8.), приемы преподавания в интересах увлекательности обучения для учащихся (XVII, 1, 8, 44; XVIII, 16) и, наконец, самый процесс учебных занятий, во время которого учащиеся учатся не только знаниям, но и умениям и действиям (XVII, 45; XVIII, 12, 25, 39; XIX, 52—53; XX, 16).

Чтобы осуществить такую широкую задачу, как учить всех всему, Коменский предлагает учить всему *„кратко, приятно, основательно“*.

Отсюда вытекает стремление Коменского найти единый руководящий дидактический принцип и единый метод обучения для всех предметов. Для разрешения этой задачи он обращается к природе и стремится в законах природы отыскать необходимые средства решения проблемы (XIV, 1). В этом направлении Коменский идет по следам, проложенным Бэконом Веруламским в его известном афоризме: „Природу можно побеждать, только повинаясь ей“. В духе этого афоризма звучит и заявление Коменского: „Воспитатель юношества, так же как и врач, является помощником природы, а не ее господином“ (XVII, 34).

В обращении к природе у Коменского сказывается, несомненно, влияние эпохи Возрождения, пробудившей глубокий интерес к поискам причинных и закономерных зависимостей в явлениях природы и к использованию этих закономерностей в практических целях. Но вместе с тем, в понимание природы Коменский вносит и совершенно чуждое для нас теологическое и телеологическое толкование. Коменский часто прибегает к аналогиям учебного процесса с телеологически понимаемыми явлениями природы. Однако к этим аналогиям он прибегал лишь для того, чтобы

Виньетка, заменяющая собой эпиграф к педагогическим сочинениям Я. А. Коменского.

придать большую убедительность своим дидактическим положениям. Здоровые, часто ценные и до настоящего времени, дидактические выводы Коменского, как видно из „Великой Дидактики“, покоятся не столько на излюбленных им сравнениях с внешней по отношению к человеку природой, сколько на его серьезном педагогическом опыте и на глубоком понимании им природы ребенка. Коменский требует считаться с природными силами детей. На этом и основывается принцип природосообразности у Коменского.

Коменский убежден в богатстве природных задатков людей. Вместе с представителями гуманизма он видит в человеческой личности весь мир в миниатюре; человек, по его взглядам, представляет собой удивительный микрокосм с безграничными возможностями. Коменский убежден в спонтанном, свободном движении вещей к своему назначению, или, как мы сказали бы теперь, в свободном проявлении природы по своим собственным законам. Для правильного воспитания нет надобности в принуждении и насилии, а достаточно только легкого возбуждения, вызывающего у учащихся к действию естественные здоровые силы и скрытые возможности. „Omnia sponte fluant, absit violentia rebus“. „Пусть все свободно течет, прочь насилие!“ Эта идея художественно представлена Коменским в виньетке на заглавном листе каждой части его педагогических сочинений. На этой виньетке изображен живописный ландшафт, на котором все движется, растет,

зеленеет и цветет под благотворными лучами солнца (см. также XII, 10). А потому и в процессе обучения Коменский настаивает на устранении всякого насилия и принуждения. Если обучение не вызывает интереса и прилежания учащихся и не увенчивается необходимым успехом, то вина в этом падает не на учащихся, а на учителей (XXVI, 4; XVII, 4—1).

Идея природосообразности методов обучения и соответствие их в частности природным силам детей и юношества приводит Коменского к сенсуалистическому решению главного вопроса дидактики — о методах обучения. „Начало познания, — говорит Коменский, необходимо всегда вытекает из ощущений (ведь нет ничего в уме, чего ранее не было бы в ощущениях). Поэтому следовало бы начинать обучение не со словесного толкования о вещах, но с реального наблюдения над ними. И только после ознакомления с самой вещью пусть идет о ней речь, выясняющая дело более всесторонне“ (XX, 7).

Деятельность внешних органов чувств в деле познания мира Коменский считает всеобъемлющей. „В мире нет ничего, чего бы не мог обнять одаренный чувством и разумом человек“ (V, 6). Данные ощущений являются по Коменскому естественным исходным моментом и при преподавании (XX, 7): обращение учителя к внешним органам чувств возбуждает и поддерживает внимание у учащихся (XIX, 20(4); „истина и точность знания также зависит не от чего иного, как от свидетельства ощущений“ (XX, 8); вместе с тем ощущения в наибольшей степени содействуют закреплению наших знаний в памяти (XX, 9). А потому вполне понятно; что основной методический принцип своей дидактики Коменский формулирует так: „Пусть будет для учащихся золотым правилом: все, что только можно, представлять для восприятия чувствами, а именно — видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, подлежащее вкусу — вкусом, доступное осязанию — путем осязания“ (XX, 6). На основе сенсуализма Коменский разрабатывает вопрос о наглядности преподавания.

Сенсуалистические позиции Коменского в вопросе о методах преподавания безусловно сохраняют свою ценность и до настоящего времени. А исторически эти позиции представляются решительным, серьезным и глубоким переворотом. До Коменского в процессе преподавания обращались исключительно к слуху. Звук служил почти единственным мостиком, соединявшим учителя с учеником. Коменский придал слуху весьма мощного союзника в виде наглядного созерцания и ощущения предметов и явлений природы или их наглядных изображений на картине, в рисунке, а также в виде данных других органов чувств, кроме зрения.

Необходимо отметить, что, идя по пути сенсуализма, Коменский вплотную подводит читателя к материалистическому взгляду на мир. „Вещи сами по себе,—говорит Коменский,—есть то, что они есть, хотя бы их не касался никакой разум и никакое слово“ (разрядка моя—А. К.); но разум и слово вращаются только вокруг вещей и зависят от них, а употребляемые без вещей, если предположить такую глупую и смешную попытку, они либо обращаются ни во что, либо становятся бессмысленным звуком“ (XXX, 5).

На основе сенсуализма Коменский решительно порывает с существенной особенностью схоластического религиозно-догматического преподавания — с авторитарностью. „Ничему не следует учить,—говорит он,—опираясь только на один авторитет, но всему учить при помощи доказательств, основанных на внешних чувствах и разуме“ (XVIII, 28).

* * *

С наибольшей ясностью и отчетливостью свой естественный, природосообразный метод Коменский раскрывает в главах XVII—XIX, в которых речь идет о легкости (приятности), основательности и краткости (быстроте) обучения.

В основе правил *легкости* (приятности) обучения (XVII, 1—2, I—X) у Коменского лежит общее требование о соответствии обучения природным способностям детей. Первое из этих правил направлено на преодоление излишних помех и затруднений при обучении. Коменский предлагает в этих целях начинать обучение своевременно, когда ум учащихся еще не засорен превратными, ошибочными и ложными суждениями, а то и интересами. В центре правил легкости обучения стоит у него группа правил (III—VI, X), раскрывающих частности вопроса о соответствии обучения возрасту учащихся и природным силам. Коменский требует избегать переобременения учащихся презмерным количеством учебного материала (правило V) и неторопливо продвигаться вперед (правило VI), переходить от более легкого к более трудному (правило IV) и от более общего к более частному (правило III), все преподавать одним и тем же методом (правило X). Следующую группу правил легкости обучения составляют три правила (II, VIII, IX), направленные на возбуждение и поддержание у учащихся интереса к обучению. В этих правилах Коменский предлагает позаботиться о подготовке в учащихся расположения к школе, учителям и школьным занятиям (II), вести преподавание всех знаний через посредство внешних чувств (VIII), раскрывать значение и непосредственную пользу изучаемого для учащихся (IX).

Десять правил *основательности* обучения (XVIII, 4) у Коменского вытекают по меньшей мере из двух источников. Одни из этих правил представляют собой преимущественно требования к характеру и логической связности учебного материала. Сюда относятся правила: 1) о принципе полезности для отбора учебного материала; 2) об энциклопедичности и взаимной связности преподаваемых знаний (II); 3) об отчетливом различии одних знаний от других (VI); 4) о последовательности расположения знаний так, чтобы все последующее опиралось на предыдущее (VII); 5) об одновременном изучении того, что дано во взаимной связи (VIII). Другой вид правил основательности обучения Коменский строит преимущественно на психологических соображениях. К этому виду относятся правила: 1) о прочности основания в смысле разносторонней заинтересованности учащихся изучаемыми знаниями (III); 2) о глубоком запечатлении знаний в сознании учащихся (IV); 3) о таком внедрении знаний в сознание учащихся, чтобы эти знания пробуждали и развивали самостоятельное мышление и способности учащихся (V); 4) о пропорциональном распределении знаний между разумом, памятью и языком (IX); 5) о частых повторениях и упражнениях для закрепления знаний (X).

В понятие *краткости* обучения у Коменского входят два вида положений: во-первых, положения, касающиеся сокращения учебного материала; во-вторых, положения, касающиеся рациональной постановки процесса учебной работы.

К сокращению учебного материала относится прежде всего требование об устранении всего бесполезного (XIX, 14, VIII); во-вторых, внесение в учебный материал только основного, „откуда бы все остальное вытекало само собой“ (XIX, 41); в-третьих, связность изучаемого материала или, как Коменский называет, „энциклопедичность“ его в противоположность отрывочности, сравниваемой им с „кучей дров“ (XIX, 6); в-четвертых, строгая последовательность расположения учебного материала (XIX, 14, VI—VII), „чтобы все сегодняшнее закрепляло вчерашнее и пролагало дорогу для завтрашнего“.

Сокращение самого процесса учебной работы, в свою очередь, представлено Коменским в нескольких оттенках. Во-первых, сюда нужно отнести предложение, „чтобы всякая работа приносила более, чем один результат“; „всегда и везде брать вместе то, что связано одно с другим; например, соединять слова и вещи, чтение и письмо, упражнение в стиле и в развитии ума, изучение и преподавание, веселое и серьезное...“ (XIX, 44). Во-вторых, сокращению процесса учебной работы должно содействовать единообразие методов преподавания (XIX, 14, IV). Наконец,

в-третьих, сокращение процесса учебной работы зависит, по Коменскому, от ряда организационных моментов: 1) один учитель для всей школы или для одного класса; 2) один и тот же учебник по каждому учебному предмету; 3) „одна и та же работа... сразу всему классу“ (XIX, 14, I—III).

* * *

Из задачи образования „всего человека“ у Коменского вытекает название школ — „мастерские гуманности“. Понятие о школе как о мастерской гуманности у Коменского имеет разнообразное содержание. Прежде всего оно означает такую работу школы, вследствие которой в человеке развиваются все его лучшие качества (X, 3). Во-вторых, это понятие предполагает гуманное, любовное обращение учителей с детьми в школе. В-третьих, наконец, в этом названии школы нужно сделать ударение на слове „мастерская“, и в таком случае в это понятие войдут элементы планирования, организованности, последовательности и точности учебной работы, аналогичной с соразмерностью и точностью работы в механических искусствах.

В эпоху Коменского обучение юношества в школах происходило в столь жестоких формах, что на школы обыкновенно смотрели, как на дома ужаса и пыток (XI, 7). Тем большая заслуга Коменского в раскрытии приемов обучения и обращения с детьми, превращающих школы в дома наслаждения и удовольствий („Польза дидактики“, 4). Коменский требует от учителей самого внимательного, сердечного, ласкового отношения к учащимся, умения соединять в процессе преподавания полезное с занимательным, серьезное с шутливым, умения во-время приободрить детей, разжечь и поощрить их изобретательность.

Коменский прекрасно понимает, что нельзя обойтись без дисциплины. Но в основу дисциплинарных мер он полагает такие средства, как призыв к внимательности и хорошему поведению, более редко — выговоры и порицания наедине и публично и только в исключительных случаях тяжелых моральных проступков — телесное наказание. Что же касается самого обучения, то Коменский требует, чтобы оно происходило без побоев, без жестокости, без всякого принуждения, а как бы само собой.

Само здание школы и оборудование школьных помещений и пришкольного участка должно привлекать учащихся к школе. Школа „должна быть светлой, чистой, украшенной картинами...“, к школе должны примыкать площадка для игр и школьный сад, ласкающий взор детей деревьями, цветами, травами (XVII, 17).

До Коменского в школах фактически имело место индивидуальное обучение. Учителя затрачивали огромное коли-

чество энергии и теряли много времени на работу с каждым отдельным учеником, выспрашивая его, разъясняя ему непонятное, в то время как остальные ученики даже одного и того же класса оказывались занятыми либо своей индивидуальной работой, либо шалостями. Коменскому принадлежит честь первого отчетливого обоснования *классно-урочной системы занятий*. Он разъяснил, как вести класс, т. е. как один учитель сразу может и должен работать с несколькими десятками или, как мечтал сам Коменский, даже с сотней учеников, как ставить дело так, чтобы все учащиеся одного и того же класса одновременно были заняты одной и той же работой. По совершенно правильному мнению Коменского, такая постановка преподавания сокращает и облегчает работу учителей и вместе с тем возбуждает и повышает внимание учащихся, а следовательно, усовершенствует учебный процесс (XIX, 16). Сформулированные Коменским правила осуществления *классно-урочной системы занятий* остаются практически полезными и до настоящего времени. Общую работу со всем классом Коменский рекомендует проводить как при объяснении нового учебного материала, так и при проверке и исправлении письменных работ, диктантов и стилистических упражнений (XIX, 25—26). В основе всех этих правил лежит требование цитируемого Коменским латинского стиха: „Как можно больше спрашивать, спрошенное усваивать, тому, что усвоил, обучать других“ (XVII, 44). Развивая эти правила, Коменский предлагает практиковать не только ответы учащихся на отдельные вопросы, но и связанное изложение учащимися перед всем классом усвоенного и путем неоднократных повторений такого изложения разными учениками добиваться прочного усвоения изученного (XVIII, 45—46).

Огромной исторической заслугой Коменского нужно считать освещение вопросов *организации учебной работы*. Ни один мыслитель до Коменского не дал столь детального изложения этого важного вопроса. Коменский настаивает на одновременном начале и окончании всеми учащимися учебного года, на правильном распределении времени для учебных занятий и для отдыха (XVII, 35), на обеспечении классов и учащихся учебно-вспомогательными принадлежностями (доски, прописи, учебники, словари, таблицы и т. п.), на своевременной подготовке к занятиям всех необходимых учебных пособий (XVI, 13, XIX 32), на отчетливой размеренности всего хода преподавания и т. д. Высокие требования предъявляет Коменский к учебнику (XIX, 34).

Из рассмотрения правил легкости, основательности и краткости обучения, а также правил об организации учебной

Памятник Я. А. Коменскому в Прерове.

работы ясно, что Коменский ставит искусству обучения высокую, увлекательную задачу. Он хочет поставить обучение „на столь твердые основы“, чтобы оно в строго спланированном виде неизбежно, с необходимостью приводило учащихся к намеченным результатам (XVI, 4—5).

* * *

В „Великой Дидактике“ Коменский изложил законченную теорию обучения. Здесь обобщен опыт передовых представителей человеческой мысли его времени по вопросам дидактики. Как отмечают лучшие знатоки педагогических взглядов Коменского¹, в „Великой Дидактике“

¹ Schmid, Geschichte der Erziehung, Stuttgart 1892, B. III, S. 303—304.

мы имеем ряд исключительных достижений педагогической мысли:

1) Глубокое и убедительное доказательство необходимости всеобщего обучения в качестве одного из важнейших средств для благополучия народов.

2) Первую обоснованную защиту права женщин на образование, одинаковое с мужчинами.

3) Систему школ, обеспечивающую широкое разностороннее образование юношества на различных возрастных ступенях.

4) Стройную систему дошкольного воспитания, возлагаемого на родителей в семье, что вместе с тем послужило основой для дальнейшего развития общественных форм дошкольного воспитания.

5) Первое отчетливое обоснование и раскрытие самостоятельного назначения и роли образования в начальной школе на родном языке.

6) Критику чрезмерного увлечения в средней школе изучением классических языков в ущерб усвоению учащимися реальных знаний о мире.

7) Решительную борьбу с мертвящим вербализмом и формализмом средневековой школы, заполнявшей умы учащихся схоластическим сором, и отчетливое требование реального образования.

8) В противоположность традиционному, лишенному плана и метода преподаванию принцип природосообразности преподавания, основанный на понимании духовного развития учащихся и последовательного продвижения их вперед по отчетливо упорядоченным ступеням: от наглядного созерцания к пониманию изучаемого, от понимания к запоминанию и выражению в речи, от речи к упражнению в действии; продвижению вперед от легкого к трудному, от близкого к отдаленному, от общего к частному.

9) В противоположность бессмысленной растрате времени и сил учащихся и учащихся, при системе обучения в одинокую, значительно снижавшей интерес к преподаванию, практически осуществимую теорию классно-урочной системы занятий.

10) Ограничение количества времени, отводимого ежедневно на учебные занятия, и установление времени для отдыха и освежения духовных сил учащихся в интересах сохранения их здоровья.

11) Смягчение школьной дисциплины и превращение школ из мест угнетения и мучения учащихся в места радости для учащихся.

12) Превращение учителя из сурового, карающего детей судьи и палача в гуманного, внимательного, лучшего друга детей.

Цицерон. 2. De dō. (О прощании.)

„Какой больший и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы обучать и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обучивать и сдерживать общими силами“.

Диоген у Стобея, 41: Τις οὖν ἀρχὰ πολιτείας ἀπάτης; Νέων τροφά.¹

Иог. Валент. Андреэ. Диалог Теофила „О христианской литературе“:

„Правильно руководить юношеством — это значит также создавать и преобразовывать государство. Признаваясь откровенно, здесь мне приходилось многое обдумывать, исследовать, изменять, смягчать, расходясь с практикой, работать между надеждой и страхом. Самым разумным было здесь не слишком ослепляться авторитетом и не увлекаться своими открытиями“.

Так же:

„Отчаиваться в успехе — бесславно, пренебрегать чужими советами — вредно“.

Руководящей основой нашей дидактики пусть будет:

Исследование и открытие метода, при котором учащие меньше бы учили, учащиеся же больше бы учились; в школах было бы меньше шума, одурения, напрасного труда, а больше досуга, радостей и основательного успеха и в христианском государстве было бы меньше мрака, смятения, раздоров, а больше света, порядка, мира и спокойствия.

Псал. LXVI 2,3.

Боже, будь милостив к нам и благослови нас. Освети нас лицом твоим, дабы мы познали на земле путь твой, во всех народах спасение твое.

¹ „В чем основа всякого государства? — В воспитании юношества“.

ПРИВЕТ ЧИТАТЕЛЯМ¹.

1. *Дидактика есть теория обучения.* В последнее время некоторые выдающиеся мужи, тронутые сизифовым трудом² школ, решили исследовать эту теорию. Но как начинания их, так и успех были различны.

2. Некоторые задались целью написать сокращенные руководства для более легкого преподавания только того или иного языка. Другие изыскивали более быстрые и краткие пути, чтобы скорее научить той или другой науке или тому или другому искусству. Третьи предлагали что-либо иное. Но почти все они исходили при этом из внешних наблюдений, составленных на основе более легкой практики, или, как говорят, *a posteriori*³.

3. Мы решаемся обещать Великую Дидактику, т. е. универсальное искусство всех учить всему. И при том *учить с верным успехом*; так, чтобы неуспеха последовать не могло; *учить быстро*, чтобы ни у учащихся, ни у учащихся не было обременения или скуки, чтобы обучение происходило скорее с величайшим удовольствием для той и другой стороны; *учить основательно*, не поверхностно и, следовательно, не для формы, но подвигая учащихся к истинной науке,

¹ В новейшем издании под ред. проф. Яна В. Новака (Veškeré Spisy Jana Amosa Komenského, Svazek IV, v. Brně 1913) „Привет читателям“ помещен после следующего в нашем переводе раздела „Всем стоящим во главе человеческих учреждений, правителям государств...“

² *Сизифов труд*—это вкатывание на гору камня, который беспрерывно снова скатывается обратно. По греческой мифологии, на такой труд в подземном царстве был осужден за разбой и измену умерщвленный Тезеом Сизиф, царь Эфиры, названной впоследствии Коринфом. В переносном смысле сизифов труд означает беспечную мучительную работу.

³ Термины „*a posteriori*“ (от позднейшего), „*a priori*“ (от предшествующего) Коменский употребляет здесь в том значении, какое придавали этим терминам крупнейшие представители средневековой философии. *A posteriori* — означало тогда доказательство, ведущее от следствий к установлению их причин; *a priori* — доказательство, ведущее от причин к порождаемым ими следствиям. Доказательство *a priori* считалось более совершенным по сравнению с доказательством *a posteriori*. Это преимущество своих доказательств и подчеркивает здесь Коменский. Сравни „Великая Дидактика“, гл. XVIII, 36.

добрым нравам и глубокому благочестию. Наконец, все это мы выясняем а priori, т. е. из самой настоящей неизменной природы вещей, точно заставляя вытекать из живого источника неиссякающие ручейки; затем, соединяя их в одну большую реку, мы устанавливаем некоторое универсальное искусство создавать всеобщие школы.

4. Конечно, то, что мы обещаем, весьма значительно и крайне желательно. И я легко предвижу, что это кому-нибудь покажется скорее мечтаниями, чем изложением сути дела. Но кто бы ты ни был, читатель, воздержись со своим суждением, пока не узнаешь, что здесь действительно, и тогда будет возможность не только составить заключение, но и произнести его. Ведь я не желаю, не говоря уже о том, что я не стремлюсь, чтобы кто-нибудь, увлеченный нашими взглядами, выразил свое согласие с тем, что еще не исследовано; я настойчиво прошу, убеждаю, настаиваю, чтобы каждый, кто явится в качестве исследователя этого дела, выставлял свои собственные и притом более усовершенствованные взгляды, которые бы не могли быть ослаблены никакими обманчивыми мнениями.

5. Дело это поистине весьма серьезно и, с одной стороны, должно стать предметом общего желания, а с другой — его нужно взвесить общими обсуждениями и продвигать вперед общими совокупными усилиями, так как оно преследует общее благо всего человеческого рода. „Какой больший и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы учить и образовывать юношество, особенно при настоящих правах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами“. Так говорит Цицерон. А Филипп Меланхтон пишет: „Правильно образовывать юношество — это имеет несколько большее значение, чем покорить Трою“. Сюда же относится знаменитое изречение Григория Назианзина: *„Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств“*.

6. Следовательно, предложить „искусство из искусств“ есть дело чрезвычайной трудности и требует утонченного обсуждения и притом не одного человека, а многих людей, так как один человек никогда не бывает настолько проницательным, чтобы от его взора не ускользнуло весьма многое.

7. Итак, с полным правом я требую от моих читателей, больше того — во имя блага человеческого рода — заклинаю всех, кому дано будет познакомиться с этим трудом, во-первых, не считать безрассудством, что находится человек, принимающий решение не только взяться за столь трудное и столь великое дело, но и давать какие-либо обещания, так

как они [решения и обещания] касаются чрезвычайно спасительной цели. Во-вторых, пусть читатели не приходят в отчаяние в самом начале от того, что не удастся сразу первый опыт и задуманное в наших пожеланиях дело не будет нами доведено до полного совершенства. Ведь прежде всего необходимо, чтобы родились зачатки вещей, а потом уже, чтобы они возрастали по своим ступеням. Поэтому, как бы ни было несовершенно это наше начинание и хотя бы оно еще не достигало намеченной цели, все-таки само дело покажет, что здесь достигнута высшая ступень, более близкая к цели, чем это имело место до настоящего времени. Наконец, я умоляю читателей, чтобы они приложили к делу такое внимание, старание и не только свободу суждения, но и проницательность, какие нужны для самых великих дел. Моим долгом является указать во многих словах повод к своему начинанию и в самой простой форме изложить отдельные главные пункты нового начинания, а затем уже одно с полным доверием предоставить благосклонному суждению, а другое — дальнейшему исследованию всех правильно мыслящих людей.

8. *Это искусство учить и учиться* на той ступени совершенства, до которой оно, повидимому, стремится теперь подняться, в значительной мере было неизвестно предшествующим векам, и таким образом учебные занятия и школы были полны трудов и гнета, колебаний и самообманов, ошибок и заблуждений, так что более основательного образования могли достигнуть лишь те, кто отличался необычайными дарованиями.

9. Однако с недавнего времени для начинающейся, так сказать, новой эры бог стал предпосылать как бы утреннюю зарю и внушил некоторым почтенным мужам Германии проникнуться отвращением к запутанности применявшегося в школах метода и размышлять о каком-нибудь более легком и более сокращенном методе обучения языкам и искусствам. Они работали одни вслед за другими, и, таким образом, одни из них достигали поставленной цели с большим успехом, чем другие. Это видно из изданных ими дидактических книг и из их опытов.

10. Я подразумеваю здесь: Ратихия, Лубина, Гельвига, Риттера, Бодина, Главмия, Фогелля, Вольфштинья и всех других, кто мне еще не известен. Но кого мне следовало бы назвать прежде всего, так это Иоанна Валентина Андреэ (который в разных местах своих драгоценных сочинений прекрасно вскрыл болезни как церкви и государств, так и школ, и отрывочно указал способы исправления). И во Франции взялись за этот тяжелый труд, причем Жан Сесиль Фрей опубликовал в Париже в 1629 г. заслуживающую внимания дидактику

под заглавием „Новый и легчайший путь к высоким наукам и искусствам, языкам и речам-экспромтам“¹.

11. Когда, получив откуда-нибудь возможность, я начал читать эти сочинения, я испытывал, можно сказать, невыразимое наслаждение, которое в значительной степени смягчало мою скорбь о гибели моего отечества² и о чрезвычайно тяжелом положении всей Германии. Ведь я стал надеяться, что не напрасно провидение высочайшего существа соединило это вместе, так что и гибель старых школ и устройство новых школ согласно с новыми идеями падают на одно и то же время. В самом деле, у кого явилась мысль воздвигнуть новое здание, тот обыкновенно выравнивает наперед площадь даже путем разрушения старого, менее удобного и близкого к разрушению здания.

12. Эта мысль, говорю я, возбуждала во мне добрую надежду, смешанную с чувством внутреннего удовлетворения. Однако я почувствовал, что эта надежда ослабевает, по мере того как я приходил к убеждению, что столь великое дело недостаточно выясняется мной в самом его основании.

13. Желая иметь более полную осведомленность по ряду вопросов, а по некоторым и получить указания, я обратился с письмами к одному, к другому, к третьему из вышеназванных лиц, но без успеха, отчасти потому, что некоторые слишком ревниво оберегают свои открытия для себя³, а отчасти потому, что письма за ненахождением адресата возвращались ко мне без ответа.

14. Только один из них (знаменитейший И. В. Андреэ) ответил нам любезно, что передает нам факел⁴, и несколько даже воодушевил меня на смелое дело. И я, ошаренный этим, чаще стал размышлять о своей попытке, пока, наконец, неудержимое стремление принести пользу всем не побудило меня взяться за дело основательно.

¹ *Речи-экспромты* — речи, произносимые без предварительной подготовки.

² Имеется в виду Чехия в период Тридцатилетней войны.

³ Имеются в виду такие лица, как Ратихий.

⁴ Символическое выражение. Оно означает передачу света знаний одним ученым для продолжения его трудов другим, в данном случае — в области педагогики. Взято это выражение из древней Греции. Там был в обычае повторившийся через несколько лет праздник в честь богини луны, Бендиты (Артемиды). Во время этого праздника вечером устраивали скачки на лошадях с зажженными факелами в руках. При чем каждый предыдущий всадник во время скачек на полном ходу должен был перебросить зажженный факел следующему за ним всаднику, а этот последний, также на полном ходу, должен был подхватить горящий факел. — Лучшее из сочинений Платона, „Государство“, начинается сообщением о том, что Сократ, обычно не выходивший за пределы Афин, пришел в гавань Пирей, чтобы посмотреть такое феерическое зрелище.

15. Оставив поэтому в стороне чужие открытия, размышления, наблюдения, наставления, я решил рассмотреть самое дело заново и исследовать причины, основания, способы и цели обучения (*discentia*), как предлагает назвать это искусство Тертуллиан.

16. Так возник этот трактат, излагающий и выясняющий дело полнее (как я надеюсь), чем это было до сих пор. Написанный сначала на моем родном языке, на пользу моему народу, теперь уже, по совету почтенных людей, он переведен на латинский язык, чтобы, если это будет возможно, послужить на общую пользу.

17. Любовь повелевает нам не скрывать завистливо от людей того, что богом дано на пользу человеческого рода, а сделать это достоянием всего мира (так говорит д-р Д. Лубин в своей дидактике). Ибо такова природа всего хорошего (продолжает тот же писатель); его мы должны сообщать всем, так как все доброе тем более и сильнее удовлетворяет всех, чем больше и большему числу лиц сообщается.

18. Сверх того, существует закон гуманности, по которому каждый, кто только умеет, обязан немедленно помочь своему ближнему, когда тот испытывает затруднения, особенно когда дело идет, как в этом начинании, не о благе одного человека, а о благе многих, и не только отдельных людей, но и городов, провинций, государств и даже всего человеческого рода.

19. Если бы нашелся какой-нибудь педант, который считал бы, что призвание богослова не позволяет заниматься вопросами школы, то пусть он знает, что в самой глубине моей души пребывала эта мучительная мысль. Но я убежден в том, что не могу избавиться от нее иначе, как только повинувшись богу и излагая перед всеми то, что внушило мне божественное указание.

20. Христианские души, позвольте мне, прошу вас об этом, говорить с вами с полной откровенностью. Как известно тем, кто ближе знает меня, человек я — незначительного ума и почти без научного образования. Сокрушаясь, однако, о бедствиях моего времени, я чрезвычайно желаю, если будет дана какая-либо возможность к тому, восполнить наши зияющие пробелы своими или чужими нововведениями, которые везде могут исходить лишь от милостивого бога.

21. Следовательно, если здесь что-либо даже правильно открыто, то пусть это будет приписано не мне, но тому, кто из уст младенцев творит себе хвалу, тому, кто, чтобы явить себя верным, истинным, милостивым на самом деле, просящим — дает, стучащим — отвергает, ищущим — предлагает (Лука, XI, 9, 10), чтобы и мы дарованные нам блага

весьма охотно раздавали другим. Христос мой знает, что сердце мое так просто, что для меня нет никакой разницы учить и учиться, давать указания и получать их, быть учителем ученых (если бы это в чем-либо мне было позволено) и учеником учеников (если бы я мог в чем-либо надеяться на успех).

22. Итак, что дал мне господь уразуметь, то я здесь и предлагаю всем. Пусть станет это общим достоянием.

23. Если кто найдет лучшее, пусть поступает так же, как и я, для того, чтобы, положив свою мину¹ в платок и сокрыв ее, не был обвинен в преступлении господом, который хочет, чтобы его рабы пускали свои мины в оборот, чтобы мина каждого, выставленная у менялы, приобретала другие мины (Лука, XI, 19).

„Искать великого дозволено, было дозволено и всегда дозволено будет:

И труд, начатый с господом, не будет тщетным“.

¹ *Мина* — древнегреческая денежная единица; 1 мина = $\frac{1}{60}$ таланта, что составляло 100 драхм.

**ВСЕМ, СТОЯЩИМ ВО ГЛАВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ, ПРАВИТЕЛЯМ ГОСУДАРСТВ,
ПАСТЫРЯМ ЦЕРКВЕЙ, РЕКТОРАМ ШКОЛ,
РОДИТЕЛЯМ И ОПЕКУНАМ ДЕТЕЙ.**

*Благодать вам и мир от бога и отца господа нашего
Иисуса Христа во святом духе ¹.*

Два превосходнейших творения:
рай и человек.

Созданного из земного праха человека сначала бог поселил в раю наслаждения, который насадил на Востоке не только для того, чтобы он его охранял и возделывал (Быт., II, 15), но и для того, чтобы сам он также был садом отрады для своего бога.

Сравнение человека с раем.

1. Ведь как рай был прекраснейшей частью мира, так и человек из всех созданий был самым привлекательным. Рай был насажден на Востоке. Человек создан по образу того, исходы которого от начала, от дней вечности. Из всех деревьев, существовавших в разных местах земли, в раю были насажены те, которые имели красивый вид и давали сладкие плоды. В человеке, как бы в едином целом, сосредоточены были вся мировая материя и все красоты и степени их, чтобы выразить все искусство божественной мудрости. Рай имел древо познания добра и зла. Человек

¹ Все обращение ко "Всем, стоящим во главе человеческих учреждений, правителям государств, пастырям церквей, ректорам школ, родителями опекунам детей" представляет собой яркий образец религиозной христианской философии истории, объясняющей библейским учением о грехопадении и состоянии правое все тяжелые исторические факты общественного бедствия, войн и разлада между людьми. Возможность преодоления этих бедствий выводится из христианского же учения об искуплении. Однако с помощью искусно подобранных текстов из "священного" писания и ссылок на авторитетных писателей античного мира Коменский обосновывает мысль о необходимости всем заботиться о развитии и процветании школ в духе гуманизма, "чтобы они стали истинными и живыми мастерскими людей". При этом он указывает на огромную роль школы не только для благоустройства церквей, но и для процветания "государств и хозяйств". Таким образом под религиозной оболочкой взглядов Коменский излагает чисто светские задачи и значение школ для оздоровления общественной жизни нового времени.

имеет разум, чтобы различать, и волю, чтобы выбирать все, что только есть хорошего или дурного. В раю было древо жизни. У человека—самое древо бессмертия, именно божия мудрость, которая вечные корни положила в человека (Сир. I, 14). Из места наслаждения для орошения рая вытекала река, которая потом разделялась на четыре потока (Быт., II, 10). В сердце человека изливаются различные дары святого духа, чтобы его орошать, и снова из его чрева текут источники живой воды (Иоанн, VII, 38), т. е. в человеке и по человеку распространяется различным образом божественная мудрость, точно расходящаяся во все стороны река. Об этом также свидетельствует апостол, когда говорит, что через церковь делается известной началам и властям на небесах многообразная мудрость божия (Эфес., III, 10).

3. Итак, по справедливости каждый человек, если он удерживается там, где он поселен, есть рай отрады для своего бога. Подобным образом сама церковь, которая есть собрание преданных богу людей, весьма часто сравнивается в Писании с раем, садом, виноградником Божиим.

4. Но увы! несчастье наше! Утратили мы рай телесных наслаждений, в котором мы были, а вместе с ним мы утратили рай наслаждений духовных, которым были мы сами. Мы изгнаны в земные пустыни и сами мы сделали пустыней и некоторым заброшенным местом, постыдным и нечистым. Неблагодарны мы были за то, чем в отношении тела и духа обильно наградил нас в раю бог; поэтому по заслугам лишены мы были и того и другого, причем душа и тело наше преданы были бедствиям.

5. Послушаем об этом пророка, который обращаясь к гордому и осужденному на казнь тирскому царю, говорит так: «Ты находился в сладости рая божия, твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями: сарой, топазом, аметистом, хризолитом и ониксом, бериллом, сапфиром и смарагдом с золотом. В тот день, в который ты был рожден, тебе были приготовлены литавры и свирели. Ты стал херувимом с тех пор, как я помазал тебя владыкою (господином для остальных созданий). С тех пор, как я тебя поставил впереди, ты был на горе святой божией, ты постоянно ходил среди камней, горящих огнем. Ты был совершенным на путях твоих со дня твоего рождения, пока не нашлось в тебе неправды. От обширности твоей торговли внутреннее твое исполнилось неправдой, и ты согрешил. Итак, я низвергнул тебя с горы божией и погубил тебя и пр. Когда возвысилось сердце твое в красоте твоей, ты погубил свою мудрость, я поверг тебя на землю» и пр.

(Иезек., XXVIII, 13 и пр.)... Низверг, увы! и рассеял нас в праведном негодовании своем; хотя мы были, как сад Эдем, мы сделались точно заброшенная пустыня.

Возвращение нашего рая божьим милосердием. 6. Однако слава, хвала, честь и благословение во веки да будут сжалившемуся над нами нашему богу, который, покинув нас на краткое время, однако, не изгнал нас в вечную пустыню. Мало того, посылая свою премудрость, которою созданы были небеса и земля и все милосердием своим снова утвердил покинутый свой рай, род человеческий, так что, подрезав и обчистив омертвевшее и засохшее древо наших сердец, при помощи секиры, пилы и скребка закона своего привил новые прививки из небесного рая. А для того чтобы они могли дать корни и вырасти, оросил их собственной кровью и не преминул снабдить различными дарами своего святого духа, точно источниками живой воды, посылая также своих работников, духовных садовников, которые бы верно несли попечение о новом насаждении бога. Ведь таким образом обращается бог к Исаии и в лице его к другим. „Я вложил слова мои в уста твои и тенью руки моей я покрыл тебя, чтобы устроить небеса и утвердить землю и сказать Сиону: „Ты мой народ“ (Ис., LI, 16).

Расцветающая церковь-рай. 7. Итак, зеленеет снова сад церкви, отрада божественного сердца, как снова он говорит у Исаии (XII, 3): „Утешит господь Сион, утешит все развалины его; и положит пустыни его, как наслаждение и степь его, как сад господа. Радость и веселье обретутся в нем, славословие и песнопение“. И у Соломона: „Запертый сад—сестра моя, невеста; заключенный колодезь—источник запечатанный. Рассадники твои—сад с гранатовыми яблоками, превосходными плодами, киперы с нардом“ (Песнь песней, IV, 12, 13). Ему отвечает невеста-церковь: „О ты сам—источник садов, колодезь живых вод, которые бурно текут с Ливана! Поднимись ветер с севера и пронесись с юга, повеяй на мой сад, да польются его ароматы. Пусть придет возлюбленный мой в сад и пусть вкушает драгоценный плод его“ (там же, V, 16).

Но вскоре опять увядающий. 8. Однако достаточно ли согласно с желанием процветает это новое насаждение божьего рая? Все ли семена счастливо произрастают? Все ли деревья нового насаждения приносят нардовое масло, шафран, корицу, ладан, ароматы, драгоценные плоды? Послушаем голос бога, который говорит своей церкви: „Я насадил тебя всю, как избранную лозу, самое чистое семя, как же ты обратилась у меня в дикую отрасль чужой лозы?“ (Иер., II, 31). Вот жалоба бога на то, что и это также новое насаждение рая вырождается.

Жалобы на это
бога и мудрых
мужей.

9. Подобного рода жалобами полно Писание. Всевозможного смятения полны очи всех тех, кто когда-либо пытался созерцать человеческие дела или даже дела самой церкви. Мудрейший из людей Соломон, тщательно взвешивая все, что происходит под солнцем, даже собственные свои помышления, слова и дела, начинает оплакивать: „Нигде ничего не встретил я, кроме суеты и томления духа; кривое не может сделаться прямым, а чего нет, того нельзя считать“ (Эккл., I, 15). Таким образом, мудрость есть сама томление духа, и кто умножает мудрость, тот умножает печаль и скорбь (Там же, I, 18).

Почему не пе-
чется об этом на-
род.

10. Кто не знает своей болезни, тот не лечит ее, кто не чувствует боли, тот не издает стонов, кто не замечает опасности, тот не страшится ее, даже будучи поставлен над бездной или перед какими угодно пропастями, так и тот, кто не замечает беспорядков, пожирающих род человеческий и церковь, естественно и не страдает. Но тот, кто видит, что он и другие кругом покрыты язвами, кто начинает чувствовать, как свои и чужие раны и нарывы все более и более гноятся, и чье обоняние поражено невыносимым смрадом развивающегося гниения, кто видит, что сам он и другие поставлены среди чрезвычайно опасных пропастей и бездн и всюду ходят среди расставленных сетей, даже постоянно несутся среди бездонных пропастей и что то один, то другой низвергаются в пропасти, — тому трудно не приходить в ужас, не приходить в оцепенение, не погибать от скорби.

Доказательство
через индукцию,
что все у нас
превратно и ис-
порчено¹.

11. Однако есть же, наконец, что-нибудь в нас и в наших делах на своем месте и в должном состоянии? Ничего, нигде. Все превратным и беспорядочным образом или лежит в развалинах или разрушается. Вместо разумения, которым мы должны были бы равняться с ангелами, у большинства такая тупость, что они, наряду с зверями, не знают того, что знать особенно необходимо. Вместо предусмотрительности, благодаря которой мы, предназначенные к вечности, должны были бы готовить себя к вечности, — такое забвение не только вечности, но и смертности, что большинство отдается делам земным и преходящим и даже немедленно угрожающей им смерти. Вместо небесной мудрости, благодаря которой нам дано познавать самого лучшего из лучших, почитать его и испытывать от этого сладчайшее наслажде-

¹ Термин „индукция“ применяется здесь Коменским в обычном для того времени примитивном смысле обобщения наблюдений.

ние — самое позорное забвение того бога, в котором мы живем, движемся и существуем, и самое безумное оскорбление его святейшей воли. Вместо взаимной любви и справедливости — взаимная ненависть, вражда, войны и убийства. Вместо справедливости — несправедливость, обиды, угнетение, поровство, грабежи. Вместо целомудрия — бесстыдство и непристойности в помышлениях, речах и делах. Вместо простоты и правдивости — ложь, обман, коварство. Вместо смирения — надменность и гордость одних по отношению к другим.

И мы совершенно погибли. 12. Горе тебе, несчастное поколение, которое так выродилось. Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий бога. Но все уклонились, сделались равно непотребными, нет ни одного, делающего добро (Псал. XIII, 2, 3). Даже те, кто выдает себя за вождей других, плохо идут вперед, увводя с прямого пути; те, которые должны были бы быть светильниками, большей частью распространяют мрак. А где только есть что-либо доброе и истинное, то искалечено, изуродовано, растерзано; мало того, это тень и обманчивое мнение, если сравнить его с тем, что должно было бы у нас быть. Кто этого не замечает, пусть знает, что он поражен слепотой. Мудрецы, рассматривая свои и чужие дела, видят то, что они видят, не через очки общепринятых мнений, а благодаря яркому свету истины.

Двойное утешение. Вечный рай. 13. Но остается нам двойное утешение. Первое, что для своих избранных бог уготовляет вечный рай, где возвратится совершенство и притом более полное и более надежное, чем то первое, которое теперь потеряно. В этот рай восходил из своей телесной оболочки Христос (Лука, XXIII, 43), восхищен был Павел (2 Коринф., XII, 4) и славу его созерцал Иоанн (Апок., II, 7 и XXI, 10).

Восстановление рая церкви уже здесь на земле. 14. Второе утешение заключается в том, что уже здесь, на земле, бог обычно восстанавливает рай церкви и пустыни ее превращает в сад наслаждения, как показывают вышеприведенные божественные обетования. Несколько раз мы уже видели, как это было торжественно сделано: после грехопадения, после потопа, после введения народа в землю Ханаанскую, при Давиде и Соломоне, после возвращения из Вавилона и восстановления Иерусалима, после вознесения Христа на небеса и проповеди евангелия язычникам, при Константине и в другие времена. Если, быть может, и теперь также, после ужасов столь страшных войн, после таких опустошений стран¹ захочет

¹ Речь идет об ужасах и опустошениях стран во время Тридцатилетней войны.

милостивый отец воззреть на нас более благосклонным оком, с благодарностью должны мы идти навстречу богу и сами также помогать себе в наших делах теми способами и теми путями, которые укажет премудрый бог, все располагающий по своим путям.

Самый действительный способ восстановления — через правильное воспитание юношества.

15. Это прежде всего то, о чем нас учит божественное писание. Нет на земле никакого более действительного пути для исправления человеческой испорченности, как правильное воспитание юношества. Соломон, исследовавший все лабиринты человеческих заблуждений и выразивший жалобу на то, что превратного нельзя исправить и недостатков нельзя исчислить, все же наконец обращается к юношеству. Он закликает юношество помнить о творце своем, бояться его и соблюдать заповеди его, потому что в этом все для человека (Эккл., XII, 13). В другом месте он говорит: „Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, даже когда состарится“ (Притч., XXII, 6). Также и Давид призывает: „Придите, дети, послушайте меня: страху господню научу вас“ (Псалт., XXXIII, 12). Но и сам божественный Давид и истинный Соломон, вечный сын божий, ниспосланный к нам с небес для нашего преобразования, как бы простертым перстом указал нам тот же путь, говоря: „Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть царствие божие“ (Марк, X, 14). А нам остальным говорил: „Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в царство небесное“ (Матф., XVIII, 3).

Дети не только предмет истинного возрождения, но и образец его.

16. О, что это за речи! Послушайте это и внимательно обдумайте все, что господь и учитель всех здесь изрекает нам. Как он возвещает, что одни лишь малые достойны царства божия; мало того, они являются наследниками того же царства; лишь тех одних допускает он к участию в наследии, кто уподобится малым. О, если бы Вы, дорогие дети, понимали это ваше небесное превосходство! Вам принадлежит вся та красота, все то право на небесную родину, которые еще остались нашему роду, — ваш Христос, ваше освящение духа, ваша благодать божия, ваше наследие будущего века, — ваше все это, ваше преимущественно и непреложно, мало того, касается это вас одних или того, кто, обратившись, станет, как вы. Мы, взрослые, считающие людьми только одних себя, а вас только обезьянками, себя только мудрыми, вас — неразумными, себя одних — красноречивыми, а вас — бессловесными, — теперь мы становимся вашими учениками. Вы даны нам в учителя, ваши поступки — образец и пример нашим.

Почему малых
детей так ценит
бог.

17. Если бы кто-нибудь пожелал взвесить, почему так ценит и прославляет бог детей, тот не найдет лучшей причины, чем та, что у детей все более просто и более приспособлено для принятия исцеления, которое предлагает нам божественное милосердие при таком печальном положении человеческих дел. Хотя грех, идущий от падения Адама, заразил всю массу нашего рода, однако второй Адам, Христос, снова приобщил род человеческий к себе, к древу жизни, и отсюда не исключается никто, кроме того, кто исключает себя своим собственным неверием, чего не бывает еще у детей (Марк, XVI, 16). Отсюда-то и следует, что дети, еще не оскверненные снова грехами и неверием, провозглашаются единственными наследниками царства божия — только бы они умели хранить себя в полученной уже благодати божией и сберегать себя не оскверненными миром. И этому легче могут научиться дети, чем другие, так как они еще не захвачены дурными привычками.

Почему к ним
отсылает нас,
взрослых, Хри-
стос?

18. По этой причине Христос посылает нам, взрослым, чтобы мы стали, как дети, т. е. чтобы мы отучились от зла, которое мы восприняли от дурного воспитания и которому мы научились благодаря дурным примерам мира и чтобы мы вернулись в прежнее состояние простоты, кротости, смирения, чистоты, послушания и пр. А так как ничто не достигается с большим трудом, чем отвыкнуть от привычек (ведь привычка — вторая природа, а природу гони в дверь, а она все-таки вернется в окно), то отсюда следует, что *нет ничего труднее, как перевоспитать человека плохо воспитанного*. Дерево, вполне выросши высоким или низким, с ветвями, распростертыми прямо или искривленными, так и остается и не допускает изменения своего вида. Обод, изогнутое дерево у колеса, как показывает опыт, неизменно находящееся в этом положении, легче ломается, чем выпрямляется. То же самое возвещает бог о людях, привыкших поступать дурно. „Может ли эфиоплянин переменить кожу свою и барс пятна свои? Так и вы — можете ли делать доброе, привыкши делать злое?“ (Иез., XIII, 23).

Необходимо,
чтобы возрожде-
ние церкви нача-
лось с детей.

19. Отсюда с необходимостью вытекает вывод: *если нужно употребить средства против испорченности человеческого рода, то это должно производиться, главным образом, путем осторожного и тщательного воспитания юношества*. Точно так же, кто хочет обновить сад, тот должен насадить в нем молодые деревца и, насадив, тщательно ухаживать за ними, чтобы обеспечить успешный

их рост, тогда как, при пересадке состарившихся деревьев и при прививке им плодородия, искусство садоводства обладает ничтожной силой. Поэтому и простые умы, еще не захваченные и не оскверненные суетными мирскими помыслами и привычками, богу наиболее угодны.

Свидетель бог. 20. Это показывает бог у пророка, когда жалуется на всеобщее развращение и свидетельствует: „Не осталось никого, кого бы можно было учить ведению и кого бы вразумлять проповедью, кроме отнятых от грудного молока, отлученных от сосцов матери“ (Ис., XXVIII, 9).

Образное действие Христа. 21. Кажется, что господь пожелал явить то же самое, когда, намереваясь отправиться в Иерусалим, повелел привести себе ослицу и осленка; но поехал не на ослице, а на осленке. Евангелист прибавляет: „Повелел господь привести такого осленка, на которого никто из людей еще не садился“ (Лука, XIX, 30). Подумаем, было ли это сделано и засвидетельствовано без цели? Совсем нет! Все самые великие и самые малые изречения Христа и дела его, как и каждая буква в писании, содержат в себе тайны для нашего наставления. Хотя Христос призывает к себе старцев и юношей и тех и других радостно ведет с собой к небесному Иерусалиму, однако ясно, что более молодые, еще не порабощенные миром, являются более подходящими, чтобы приучаться к игу Христа, предпочтительны пред теми, кого мир сломил и испортил, возложив на них свое бремя. Поэтому справедливо приводить ко Христу наше юношество: с радостью Христос возлагает на него свое благое иго и себя самого.

Что значит предусмотрительно воспитывать юношество? 22. Предусмотрительно воспитывать юношество — это значит заботиться о том, чтобы души юношества предохранялись от соблазнов мира и врожденные им семена нравственности вызывались к счастливому произрастанию чистыми и постоянными наставлениями и примерами и, наконец, их умы исполнились бы истинным познанием бога, самих себя и различных вещей, да научатся они в этом свете видеть свет божий и превыше всего любить и почитать отца светов.

И какой от этого плод? 23. Если бы это произошло, то было бы ясно, что на самом деле истинно поет псалмопевец, что бог из уст младенцев и грудных детей устроил хвалу ради врагов своих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя (Псал., VIII, 3), т. е. чтобы уничтожить сатану, который из мести за свое осуждение сокрушает юношество, это юное насаждение божие, различными язвами самых ложных своих измы-

шений или в корне отравляет его своим адским ядом (примерами различного нечестия и извращенных побуждений), чтобы юные растения или совсем засохли и погибли, или, по крайней мере, зачахли и захирели и стали бесполезными.

Каким образом бог печется о юношестве.

24. По этой причине бог, с одной стороны, ниспосылает детям своих ангелохранителей (Матф. XVIII, 10), а затем поставил воспитателей-родителей, повелевая, чтобы они воспитывали детей в учении и наставлении господнем (Ефес., VI, 4); наконец, всем остальным строго повелевает не соблазнять юношества дурными примерами и не развращать его, а тем, кто поступает иначе, возвещает вечное страдание (Матф., XVIII, 6, 7).

Итак, нам должно держаться примера патриархов.

25. Но каким образом мы будем выполнять это при таком распространении мирских беспорядков? Во времена патриархов, когда эти святые мужи, удаленные от мира, обитали отдельно и сами были в своих семействах не только отцами семейств, но и священниками, учителями и наставниками, дело шло легче. Ибо, удалив своих детей от общества злых людей, патриархи показывали свет своим благим примером добродетелей, легким назиданием, убеждением и, где было нужно, порицанием, и таким образом они увлекали их за собой. Что часто делал это Авраам, об этом свидетельствует сам бог, говоря: я знаю, что он будет заповедывать сынам своим и дому своему после себя, ходит путем господним, творя правду и суд (Быт., XVIII, 19).

Иные дурные сообщества губят юношество.

26. Но теперь мы живем вместе, добрые смешавшись со злыми, и число злых бесконечно больше числа добрых. Примерами злых так сильно увлекается юношество, что предлагаемые в противодействие злу наставления о соблюдении добродетели либо не имеют никакой силы, либо имеют силу ничтожную.

И родители не заботятся о том, чтобы противодействовать злу или не умеют это делать.

будучи заняты

И не все учителя,

27. Что же сказать о том, что и наставления в добродетелях предлагаются редко? Немного есть родителей, которые бы могли поучить своих детей чему-либо доброму или потому, что сами не учились ничему подобному, или потому, что, будучи заняты другим, этим пренебрегают.

28. Не много есть таких учителей, которые бы умели хорошо внушать юношеству добрые правила. А если иногда такой и бывает, то такого учителя отвлекает какой-нибудь вельможа, чтобы он отдал свой труд частным

образом детям вельможи, и его способности не приносят пользы для народа.

Отсюда все дичает и стремительно несется к худшему.

29. Вследствие этого остальное юношество растет без должного ухода, наподобие леса, которого никто не насаждает, никто не орошает, не обрезывает, не выпрямляет. Поэтому дикие и неукротимые нравы и обычаи владеют миром и всеми городами и селениями, всеми домами и всеми людьми, у которых в теле и душе везде величайшее множество неурядиц. Если бы сегодня у нас воскресли и вернулись к нам Диоген, Сократ, Сенека, Соломон, они не нашли бы у нас ничего другого, кроме того, что было когда-то. Если бы бог с небес нам стал говорить, то не сказал бы ничего другого, кроме того, что сказал некогда: „Все уклонились, сделались равно непотребными; нет ни одного, делающего добро“ (Псал., XIII, 2).

Итак, для общего блага всем нужно объединить свои заботы или ждать божьего гнева.

30. Поэтому, если бы нашелся кто-нибудь такой, кто может подать какой-либо совет или что-либо придумать или мольбами, воздыханиями, плачем и слезами вымолить у бога указания о том, каким образом можно было бы всего лучше позаботиться о подрастающем юношестве, тот пусть не молчит, пусть дает советы, размышляет, молит. „Проклят, кто слепого сбивает с пути“, говорит господь (Второз., XVII, 18). *Проклят и тот, кто, имея возможность отвести слепого с ложного пути, не отводит его.* Итак, горе тому, кто соблазнит одного из малых сих, сказал Христос (Матф., XVIII, 6, 7). Горе также и тому, кто, имея возможность отстранить соблазны, не отстраняет их. Бог запрещает покидать осла или вола, блуждающего в лесах и полях или лежащего под бременем ноши, и повелевает помочь ему, даже если бы ты не знал, чей он, даже если бы ты знал, что он принадлежит врагу твоему (Исх., XXIII, 4, Второз., XXII, 2). И неужели должно быть ему угодным, если мы, видя, как блуждают не неразумные животные, но разумное создание, не одно или другое, а весь мир, пройдем спокойно, не попытаемся помочь?! Да не будет этого, да не будет!

31. Проклят, кто дело господя делает лукаво, и проклят тот, кто удерживает меч свой от крови Вавилона (Иер., XVIII, 10). И смеем ли мы надеяться, что не падет на нас вина, если мы спокойно будем терпеть проклятый Вавилон наших заблуждений? О, обнажи меч всякий, кто им препоясан или кто знает, в каких ножнах он пребывает сокрытым. И чтобы быть тебе благо-

словенным от бога, споспешествуй истреблению Вавилона¹.

К гражданской власти.

32. Совершайте это господнее дело, вы, власти, слуги вышнего бога, и мечом, которым препоясал вас господь, мечом справедливости истребляйте непорядки, которыми наполнен мир и которыми раздражает он вашего бога.

И к руководителям церкви.

33. Творите это дело и вы, священнослужители, верные слуги Иисуса Христа, и обоюдоострым вверенным вам мечом, мечом уст, истребляйте зло. Чтобы искоренять, разорять, расточать, разрушать зло и опять созидать и насаждать добро, затем вы и поставлены (Иером., I, 10, Псал., CI, 5; Посл. к Римл., XIII, 4 и пр.).

Вы уже уразумели, что в человеческом роде нельзя противодействовать злу удачнее, как противодействовать ему в раннем возрасте человека; нельзя удачнее насаждать молодые деревья, предназначенные к вечности, как насаждая и ухаживая за ними в юном возрасте; нельзя на месте Вавилона воздвигнуть Сион, если живые камни божии, юношество, не будут своевременно выломаны, обтесаны, отполированы и прилажены к небесному строительству. *Итак, если мы желаем, чтобы были хорошо благоустроены и процветали церкви, государства и хозяйства, прежде всего упорядочим школы и дадим им расцвети, чтобы они стали истинными и живыми мастерскими людей и рассадниками для церквей, государств и хозяйств.* Так — достигнем мы нашей цели, по иному — никогда.

Теперь нужно изложить и взвесить способ этой работы.

34. Но каким образом нужно приняться за дело и довести его до желанной цели, это теперь мы, дух которых уже пробудил господь, раскроем перед вашим взором. В чем это заключается, — смотрите, слушайте, внимайте все, кому только бог дал очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и разум, чтобы понимать.

Что следует делать, увидит ли кто-либо здесь некоторый новый свет или нет.

35. Если кому-либо блеснет не замеченный ранее свет, да воздаст он хвалу богу и пусть не скрывает этого нового света от нового века. Если же в этом свете заметишь даже малейший недостаток блеска,

¹ По библейским сказаниям, в упоении своим могуществом, богатством и ученостью вавилоняне полны были всяческого самомнения и заблуждений. Отсюда в качестве подзаголовка этого параграфа употреблено выражение „Вавилон заблуждений“. По тем же сказаниям, находясь в плену у вавилонян, евреи испытали особенно жестокие притеснения. Поэтому еврейские пророки призывали своих соотечественников к беспощадному отмщению вавилонянам. Выражение „Вавилон заблуждений“ Коменский применяет к обществу своего времени, полному раздоров, мрака, смятения и противодействия подлинному образованию. К беспощадной борьбе с этими недостатками своего времени и призывает Коменский.

или усиль его и исправь, или, чтобы его можно было исправить, скажи: много глаз видят больше, чем один.

Деятельным людям здесь нужно ожидать награды.

36. Таким образом мы взаимно будем помогать друг другу согласно вести дело божие; таким образом мы избежем проклятия, предвозвещенного для тех, кто лукаво делает дело божие; таким образом всего лучше мы будем пеших о драгоценнейшем сокровище мира, о юношестве; таким образом мы будем участниками славы, обещанной тем, кто других научает справедливости (Дан., XII, 3). Да умиласердится к нам господь, да во свете его узрим свет. Аминь!

ПОЛЬЗА ДИДАКТИКИ.

Правильная постановка дидактики важна:

1. *Для родителей*, которые до сих пор большею частью были не осведомлены, чего им ждать от своих детей. Они нанимали учителей, обращались к ним с просьбами, задабривали их подарками, даже меняли их часто так же напрасно, как и с некоторой пользой. Но если метод воспитания доведен до безошибочной верности, то результат, на который не всегда надеются, не может, с божией помощью, не воспоследовать.

2. *Для учителей*, большинство которых совершенно не знало дидактики и вследствие этого, желая выполнить свой долг, мучили себя и истощали свои силы трудолюбием и старательностью; стремясь достигнуть успеха то тем, то другим способом, они меняли метод не без тягостной потери времени и трудов.

3. *Для учеников*, чтобы можно было довести их до вершин наук без трудности, скуки, окриков и побоев, а как бы играя и шутя.

4. *Для школ*, которые при правильном методе не только можно будет сохранять в цветущем состоянии, но и без конца умножать. Ведь они будут поистине местами игр, домами наслаждения и удовольствий. И когда (вследствие непогрешимости метода) из какого угодно ученика выйдет ученый (в большей или меньшей степени), никогда не будет недостатка в хороших начальниках школ, и научные занятия всегда будут процветать.

5. *Для государств* — по приведенному ранее свидетельству Цицерона. С этим согласно знаменитое выражение Диогена-пифагорейца (у Стобея): „Что составляет основу всего государства?— Воспитание юношей“. Ведь никогда виноградные лозы не принесут полезного плода, если за ними не было хорошего ухода.

6. Для церкви, так как правильное устройство школ одно только может довести до того, чтобы у церквей не было недостатка в ученых пастырях, а у ученых пастырей — в восприимчивых слушателях.

7. Наконец, важно и для небес, чтобы школы были

преобразованы для подлинной и универсальной культуры духа, чтобы тем легче были освобождены от тьмы блеском божественного света те, которых не может пробудить звук божественной трубы. Ведь хотя евангелие и проповедуется в различных местах и мы надеемся, что будет оно проповедано до скончания мира, однако на свете бывает так, как это обыкновенно происходит на каком-либо собрании народа, на ярмарке или в таверне, или в другом шумном сборище людей: слушают не исключительно того одного, кто предлагает наилучшее, но и того, кто, встретившись с кем-либо или сидя или стоя возле него, занимает и привлекает своего соседа своей болтовней. Пусть служители слова исполняют свою обязанность с каким угодно рвением; пусть они говорят, возглашают, увещевают, заклинают, но большая часть людей их не слушает. Ведь многие посещают религиозные собрания только по какому-либо редкому случаю; другие, хотя и приходят на них, однако слушают невнимательно, так как их уши и глаза закрыты и они про себя большей частью заняты другим. Наконец, допустим, что они внимательны и воспринимают смысл священных заветов, однако несомненно, эти заветы не действуют и не влияют на них так сильно, как это должно было бы быть: косность духа и привычка к грехам притупляют у людей ум, ослепляют их, делают нечувствительными, и потому они не могут освободиться от своей спячки. Точно связанные оковами, они остаются в привычной своей слепоте и в своих грехах; следовательно, от застарелой греховности никто не может их освободить, кроме одного бога, как сказал кто-то из отцов церкви: почти чудо, если закоренелый грешник обратится к раскаянию. Но так как в других случаях, где бог указывает средства, требовать чуда — значит искушать бога, то нужно признать, что и здесь также дело находится в таком же положении. Поэтому будем думать, что наш долг — помышлять о средствах, которыми бы вся христианская молодежь все с большим пылом побуждалась бы к силе ума и любви к небесному. И если мы этого достигнем, то увидим, что небесное царство, как это было некогда, расширит свою мощь.

Итак, от столь святой цели пусть никто не отвлекает своих помышлений, своих стремлений, сил и средств. Тот, кто вызвал желание, даст и выполнение его. Подобаает непрестанно просить этого от божественного милосердия в молитвах и представлять себе это в надеждах. Ведь здесь дело идет о спасении людей и славе всевышнего.

Иог. Вал. Андреев:

„Отчаиваться в успехе — бесславно, пренебрегать чужими советами — несправедливо“.

ПОЛОЖЕНИЯ, РАЗВИВАЕМЫЕ
В СОДЕРЖАНИИ ГЛАВ.

- I. Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение.
- ~~II.~~ Последняя цель человека находится за пределами этой жизни.
- ~~III.~~ Эта жизнь является только приготовлением к вечной жизни.
- ~~IV.~~ Есть три ступени приготовления к вечности: познание себя (и вместе с тобою—всего), управление собою и стремление к богу.
- V. Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы.
- VI. Человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование.
- VII. Образование человека с наибольшей пользой происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить.
- VIII. Юношество должно получать образование совместно, и для этого нужны школы.
- IX. Школам нужно верить всю молодежь обоего пола.
- X. Обучение в школах должно быть универсальным.
- XI. До сих пор не было школ, вполне соответствующих своему назначению.
- XII. Школы можно преобразовать к лучшему.
- XIII. Основою преобразования школ является точный порядок во всем.
- XIV. Точный порядок для школы следует заимствовать у природы.
- XV. Основы для продолжения жизни.
- XVI. Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться.
- XVII. Основы легкости обучения и учения.
- XVIII. Основы прочности (основательности) обучения и учения.
- XIX. Основы кратчайшего пути обучения.
- XX. Метод наук в частности.
- XXI. Метод искусств.
- XXII. Метод языков.

- XXIII. Метод нравственного воспитания.
- XXIV. Метод насаждения благочестия.
- XXV. Если мы желаем, чтобы школы были вполне реорганизованы на подлинных началах истинного христианства, должно или удалить книги язычников, или, по крайней мере, пользоваться ими с большей осторожностью, чем это было до сих пор.
- XXVI. О школьной дисциплине.
- XXVII. О четырехступенном устройстве школ в соответствии с возрастом и успехами учащихся.
- XXVIII. Очерк (идея) материнской школы.
- XXIX. Идея школы родного языка.
- XXX. Очерк латинской школы.
- XXXI. Об академии, путешествиях и коллегии света.
- XXXII. О всеобщей совершенной организации школ.
- XXXIII. Об условиях, необходимых для практического применения этого всеобщего метода.
-

ДИДАКТИКА.

ГЛАВА I.

Человек есть самое высшее, самое совершенное
и превосходнейшее творение.¹

Думали, что изречение „познай самого себя“ упало с неба.

1. Когда некогда П и т т а к провозгласил свое знаменитое изречение γνῶσι σεαυτοῦ „познай самого себя“, то оно было встречено мудрецами с таким одобрением, что они, желая увековечить его в народе, утверждали, будто оно упало с неба, и велели начертать его золотыми буквами на храме Аполлона Дельфийского², куда стекалось множество людей. Последнее разумно и благочестиво, а первое, конечно, выдуманно, но в общем правдоподобно; это нам ясно более, чем им.

И, однако, истине оно упало с неба.

мое творение, мой образ, мое наслаждение³.

Возвышенность человеческой природы.

3. Ибо тебя я предназначил быть моим соучастником в вечности; на твою пользу я создал небо и землю и все, что содержится в них; тебе одному совокупно вручил то, что

¹ Первые три главы „Великой Дидактики“ раскрывают внутренние противоречивые принципиальные позиции Я. А. Коменского по основным вопросам педагогики. Здесь переплетаются вне всякой внутренней связи, с одной стороны, совершенно неприемлемое для нас религиозно-христианское воззрение на происхождение и назначение человека и античный телеологический взгляд на природу вообще и на назначение человека, в особенности, с другой — гуманистическое представление о ценности человеческой личности. Гуманистические тенденции составляют сущность педагогических идей Коменского. А привлечение им для обоснования своих взглядов так называемого „священного“ писания объясняется условиями времени.

² Аполлонов храм в Дельфах служил местом своеобразного общенационального объединения древней Греции, распадавшейся на множество отдельных городов - государств. Этот храм славился своими мудрыми проорицаниями - советами, что и привлекало к нему множество посетителей.

³ Изречение античного мудреца, „познай самого себя“ Коменский искусственно переделывает в христианское учение о первостепенном значении познания бога.

остальным творениям в отдельности: бытие, жизнь, чувство и разум. Тебя я поставил над делами моих рук, все положил под твои ноги, овец и волов и полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, и таким образом славою и честью увенчал я тебя (Псал., VIII). Наконец, чтобы не было у тебя недостатка ни в чем, я сам явился к тебе, соединившись сущностью своей с тобой, соединяя мою природу с твоей на вечность, как не выпадало это на долю никакой иной твари, видимой и невидимой. Ибо неужели какое-либо создание на небе или на земле может похвалиться тем, что бог явился во плоти, показал себя ангелам (1 Тим., III, 16), конечно, не для того, чтобы они видели только и с изумлением созерцали того, кого видеть желали (1 Петра, I, 12), но чтобы поклонялись богу, явившемуся во плоти, т. е. сыну божью и сыну человеческому (Евр., I, 6; Иоанн, I, 52; Матф., IV, 11). Итак, пойми, что ты полное завершение моих творений, удивительный микрокосм¹ и наместник бога среди моих творений, венец моей славы.

Она должна
быть поставлена
пред очами всех
людей.

4. О, если бы все это было начертано не на дверях храмов, не на заглавных листах книг, наконец не на устах, не в ушах и очах всех людей, а в их сердцах! Именно к этому должно стремиться всем, кто несет обязанность образовывать людей, чтобы они, помня об этом достоинстве и своем превосходстве, научили всех жить и направляли все средства к тому, чтобы достигнуть этой возвышенной цели.

ГЛАВА II.

Последняя цель человека находится за пределами этой жизни².

1. Высшее из творений должно иметь высшую цель.

1. Сам разум говорит, что столь высокое творение предназначается для более высокой, по сравнению со всеми созданиями, цели, а именно, чтобы человек,

¹ От греческих слов *μικρός* — малый и *κόσμος* — мир, — мир в миниатюре, в переносном смысле — человек как зеркало или отражение всего мира. Этот взгляд на человека идет от античной философии, проходит через средневековую философию и с особой силой выдвигается у представителей гуманизма эпохи Возрождения. Этим термином гуманисты подчеркивали ценность человеческой личности. Понятию *микрокосма* противопоставляется понятие *макрокосма* (см. гл. V, 5) от греческих слов *μικρός* — большой и *κόσμος* — мир, т. е. большой мир, мир в целом.

² В основе этой главы лежит господствовавшее в эпоху Коменского религиозно-телеологическое истолкование явлений биологического порядка и деление жизни человека на три обособленных друг от друга вида: растительный, животный и разумный, или духовный, которые фактически существуют в неразрывной связи. Телеологическое истолкование явлений биологического порядка кратко сформулировано в V гл., § 2: „Все, что существует, существует для чего-либо...“.

будучи соединен с богом, высшим пределом всякого совершенства, славы и блаженства, наслаждался вместе с ним славой и блаженством во веки.

2. Это ясно:

2. Хотя это достаточно ясно из Писания, и мы твердо верим, что дело вообще находится в таком положении, однако не было бы потерей труда коснуться, хотя бы мимоходом, того, сколькими способами бог в этой жизни изобразил нам нашу высшую цель.

1) Из истории творения.

3. И прежде всего, конечно, в самом творении. Ведь человеку не повелел бог просто существовать, подобно прочим созданиям, но предпослал торжественный совет; тело он образовал ему как бы собственными перстами, а душу вдохнул в него из самого себя.

2) Из нашей природы.

4. Наше устройство показывает, что для нас достаточно того, что есть у нас в этой жизни, *ибо мы живем здесь тройною жизнью: растительною, животною и умственною, или духовною*, из которых первая нигде не выходит за пределы тела, вторая через действия чувств и движения направляется к предметам, а третья может существовать также отдельно, как это видно у ангелов. А так как очевидно, что эта высшая ступень жизни сильно у нас затмевается и сковывается первыми ступенями, то по необходимости следует, что должно существовать место, где бы она доведена была до совершенства.

3) Из всего, что мы здесь делаем и претерпеваем.

5. Все, что мы в этой жизни делаем и терпим, показывает, что здесь мы не достигаем последней цели, но что все наше существо, как и мы сами, имеет иное назначение. Все, в чем выражается наше существо, все, что мы делаем, думаем, говорим, замыслим, приобретаем, имеем, есть только некоторая лестница; продвигаясь по ней все далее и далее, мы всегда, правда, восходим на высшие ступени, однако последней ступени мы не находим никогда. Вначале человек ничто, как ничто он был от вечности, а только во чреве матери воспринимает начало от капли отцовской крови. Итак, что такое вначале человек? Бесформенная и грубая масса. Затем он принимает очертания маленького тельца, однако без чувства и движения. После этого он начинает двигаться и силою природы выходит наружу; понемногу открываются глаза, уши и остальные чувства. С течением времени проявляется внутреннее чувство, когда человек понимает то, что он видит, слышит и чувствует. Далее, через наблюдение различия вещей, появляется рассудок. Наконец, воля, направляясь к одним предметам, отвращаясь от других, принимает на себя обязанность руководительницы.

3. Во всем этом есть постепенность, однако без окончательного предела.

больше света, пока продолжается жизнь (если только кто-нибудь не погружается в скотское состояние вообще), и так вплоть до самой смерти. Наши действия также сперва слабы, бессильны, грубы и слишком беспорядочны. Постепенно затем, вместе с силами тела, развиваются также качества духа, так что, пока мы живем (если кого-либо не охватит и не похоронит его заживо крайнее тупоумие), всегда мы что-нибудь делаем, замысливаем, предпринимаем, и *все это в благой душе всегда стремится выше, не достигая, однако, конечного предела. Ибо в этой жизни нельзя найти какого-либо предела желаниям и стремлениям.*

Это обнаруживает всякий опыт.

своей жажде, хотя бы он владел целым миром: это стало ясно на примере Александра. Кто воспламенится жаждой почестей, тот не в состоянии будет успокоиться, хотя бы ему поклонялся весь мир. Кто отдается чувственным наслаждениям, тому все прискучит, хотя бы потоки наслаждений наполняли все его чувства, и жажда наслаждений будет направляться от одного к другому. Кто предается изучению философии, тот не найдет никакого предела: ведь чем более кто знает, тем более понимает, что ему недостает еще многого. Справедливо сказал Соломон: „Не насытит око зрением, не наполнится ухо слышанием“ (Эккл., 1,8).

4. И самая смерть не ставит предела нашему бытию.

жизнь, а проникнутые любовью к настоящей жизни, видя, что с ней нужно расстаться и что нужно переселиться в другую жизнь, начинают трепетать и примиряются с богом и людьми, если только каким-нибудь образом могут это сделать. И хотя бы сломленное страданиями тело ослабевало, чувства затмевались и сама жизнь уходила, дух, однако, выполняет свои функции живее, чем когда-либо. Благочестиво, серьезно и осмотрительно даются распоряжения относительно себя, своей семьи, своего наследства, государства и пр., и кто видит умирающего благочестивого и мудрого человека, видит несомненно рассыпающийся земной прах, но кто его слышит, тому кажется, будто он слышит ангела. Поэтому каждый должен признать, что здесь происходит не что иное, как подготовка к уходу

6. Но и внутри указанных отдельных ступеней есть своя постепенность. Ведь и понимание вещей проявляется постепенно, выступая точно сияние утренней зари из глубокой тьмы ночи и проливая все

7. Куда бы кто ни обратился, он узнает это на опыте. Кто полюбит сокровища и богатство, тот не сможет утолить

8. Но примеры умирающих показывают, что и смерть не кладет последней грани нашим делам. У кого жизнь прошла хорошо, те радуются, что вступят в лучшую

хозяина, когда его жалкая хижина грозит разрушением. Это поняли сами язычники: римляне, по свидетельству Феста, смерть называли исходом, а у греков глагол, обозначающий *уходить*, часто употребляется в значении погибать, умирать. Почему? Не потому ли, что полагают, что путем смерти только переходят в другое место?¹

5. Пример Христа-человека указывает, что люди предназначены для вечности.

и явившись на свет через рождение, он пребывал среди людей; затем умер, воскрес и вознесся на небеса, и смерть не властвует более над ним. Вот он и называется и есть на самом деле наш предтеча (Евр., VI, 20), перворожденный среди братьев (Римл., VIII, 29), глава среди своих членов (Ефес., I, 22), первообраз всех, которые должны быть возрождены по образу божью (Римл., VIII, 29). Итак, как сам он был на земле не для того, чтобы оставаться здесь, но чтобы, свершив свой путь, перейти в вечные жилища, так и нам, соучастникам его, не суждено оставаться здесь, а придется переселиться в иное место.

Тройное местопребывание человека

10. Итак, каждому из нас предназначены тройная жизнь и тройное местопребывание для жизни: чрево матери, земля и небо. Из первого жилища во второе человек вступает через рождение, а из второго в третье — путем смерти и воскресения; из третьего — никуда навеки. В первом мы получаем только жизнь с зачатками движения и чувством; во втором — жизнь, движение, чувство с началами разума; в третьем — совершенную полноту всего².

и тройная жизнь.

11. Первая жизнь есть приготовление ко второй, вторая — к третьей, третья сама в себе без конца. Переход из первой жизни во вторую и из второй в третью узок и болезненен: и в том и в другом случае приходится расставаться с одеянием, или с внешними покровами (там — послед, здесь — само тело), подобно тому как из разбитой скорлупы выходит птенец. Первое и второе жилище есть образ мастерских: в одной формируется тело для последующей жизни, а в другой — разумная душа для вечной жизни; третье жилище принесет самое совершенствование и наслаждение той и другой жизнью.

¹ Истолкование смерти как перехода „в другое место“, а также представление о местопребывании человека после смерти на „небе“ (см. § 10 этой же главы) вытекает из анимистического мировоззрения первобытных людей, преобразованного и развитого идеалистической философией античного мира и христианским вероучением.

² См. примечание к § 8 этой же главы.

Прообраз этого
у израильтян.

12. Так израильтяне (да позволено будет привести их здесь для сравнения) были рождены в Египте, откуда отведены через горные теснины и Красное море в пустыню. Там они строили шатры, изучали закон, сражались с различными врагами и, наконец, перейдя Иордан, сделались наследниками Ханаанской земли, текущей молоком и медом.

ГЛАВА III¹.

Эта жизнь является только подготовлением к вечной жизни

Свидетельства.

1. Что эта жизнь, преследующая иную цель, не есть (собственно говоря) жизнь, а вступление к истинной и вечной жизни, это будет видно, во-первых, из доказательства, заложенного в нас самих, во-вторых, из доказательства, заложенного в мире, и, наконец, из свидетельств священного писания.

1. Мы сами.

2. Если мы посмотрим на самих себя, то увидим, что все, касающееся нас, подвигается вперед так последовательно, что все предшествующее пролагает дорогу последующему. Примером этому служит наша первая жизнь — в утробе матери. Ради чего протекает эта жизнь? Не ради ли самой себя? Ничуть. Она протекает там только для образования тела как жилища души и как инструмента для удобного пользования в последующей жизни, которою мы наслаждаемся под солнцем. Как только эта цель достигнута, мы вырываемся на свет, так как нечему больше произойти с нами в той тьме. Точно так же и эта наша жизнь под солнцем есть не что иное, как подготовка к вечной жизни, а именно — душа с помощью тела подготавливает себе все необходимое для будущей жизни. Как только и это достигнуто, мы переселяемся отсюда, так как не остается ничего, что могли бы мы делать на земле. Правда, некоторые похищаются отсюда неподготовленными или, вернее, извергаются на погибель, как выкидыши, выбрасываемые по разным причинам из утробы матери не для жизни, а для смерти. В обоих случаях это происходит хотя и по божьему изволению, но по вине людей.

2. Видимый мир
создан только,
как рассадник,
питомник и шко-
ла для людей.

3. Сам видимый мир, в какой бы части мы его ни рассматривали, свидетельствует о том, что он создан именно с тою целью, чтобы служить:

размножению, }
питанию, } человеческого рода.
деятельности }

¹ Глава III представляет дальнейшее развитие неверного, антинаучного телеологического мировоззрения в его религиозно-христианской форме.

Так как богу было угодно сотворить всех людей не сразу в одно и то же мгновение, как произошло это с ангелами, но сотворить мужа и жену, которым были дарованы силы и благословение для размножения путем рождения, то необходимо было для последовательного размножения дать надлежащее время; для этого дано было несколько тысяч лет. Но, чтобы это время не было беспорядочным, глухим, слепым, он распростер небеса, украсив их солнцем, луною и звездами, и повелел им своим круговращением измерять часы, дни, месяцы и годы. Далее, так как человек должен был стать телесным созданием, нуждающимся в месте, где обитать, чтобы дышать и двигаться, в пище, чтобы расти, и в одежде, чтобы покрываться, он распростер (в глубине мира) твердую почву, землю и окружил ее воздухом, оросил водами и повелел произвести разнообразные растения и животных не только для удовлетворения нужд, но и для наслаждения. И так как он создал человека по образу своему, даровав ему разум, то для того, чтобы и у разума не было недостатка в соответствующей пище, разделил отдельные твари на многообразные виды затем, чтобы этот видимый мир являлся ему самым ярким зеркалом бесконечного могущества, мудрости и благодати божией и чтобы, созерцая его, человек проникался удивлением к творцу, совершенствовался в познании его, увлекался любовью к нему. Для этого именно невидимые и скрывающиеся в бездне вечности прочность, красота и прелесть показываются повсюду через видимые творения и дают возможность ощущать, созерцать и вкушать себя. Итак, этот мир есть не что иное, как наш рассадник, наш питомник и наша школа. Итак, есть нечто за пределами этого мира; выйдя из подготовительных ступеней этой школы, мы возвысимся до вечной академии. Следовательно, уже разум убеждает нас, что это так. Однако еще очевиднее это из божественных изречений.

3. Сам бог
в своем слове.

4. У Осии сам бог свидетельствует, что небеса существуют для земли, земля — для пшеницы, вина и масла, а все это — для людей (Ос., II, 21, 22). Итак, все ради человека, даже само время. Ибо существование миру не будет дано дольше, чем это нужно для восполнения числа избранных (Апок., VI, 11). Как только это свершится, небеса и земля прейдут, и не найдется им места (Апок., XX, 7). Ибо явятся новое небо и новая земля, в которых будет обитать справедливость (Апок., XXI, 1; 2 Петр., III, 13). Наконец, названия, которые Писание дает этой жизни, указывают, что она есть не что иное, как подготовка к другой жизни. Оно называет ее дорогой, путем, дверью, ожиданием, и нас

называет чужестранцами, пришельцами, наемниками, искателями другого града и притом непреходящего (Быт., XLVII, 9; Псал. XXXIX, 13; Иов, VII, 12; Лука, XII, 34).

4. Опыт.

5. Всему этому нас учит само дело и наше общее положение, которое находится пред глазами всех людей. Ведь кто из родившихся, явившись, не исчезал снова, хотя мы и предназначены для вечности? Но так как мы предназначены для вечности, то по необходимости мы переживаем здесь только переходное положение. Поэтому Христос говорит: „Будьте готовы, ибо не знаете часа, в который придет сын человеческий“ (Матф., XXIV, 44). По этой причине (и это также мы знаем из Писания) бог призывает некоторых отсюда еще в раннем возрасте, когда видит их уже подготовленными, как, например, Еноха (Быт., V, 23, ср. Премудр., IV, 14). Почему же тогда он проявляет долготерпение по отношению к злым? Именно потому, что он не хотел бы, чтобы кто-нибудь неподготовленный был застигнут смертью, а чтобы всякий пришел к покаянию (2 Петр., III, 9). Если, однако, кто-нибудь продолжает злоупотреблять терпением бога, то он повелевает того взять.

Заключение.

6. Итак, насколько верно то, что пребывание во чреве матери есть приготовление к жизни в теле, так верно и то, что пребывание в теле есть приготовление к той жизни, которая последует за этой настоящей жизнью и будет продолжаться вечно. Счастлив тот, кто из чрева матери вынес хорошо образованные члены, в тысячу раз счастливее тот, кто унесет отсюда хорошо образованную душу.

ГЛАВА IV.

Есть три ступени приготовления к вечности: познание себя (и вместе с собой—всего), управление собой и стремление к богу¹.

Откуда познаются второстепенные цели человека, подчиненные высшей цели (вечности).

1. Таким образом, ясно, что последняя цель человека есть вечное блаженство с богом. А каковы цели подчиненные и служащие этой переходной жизни, это ясно из слов божественного совета, который устроил бог, намереваясь создать человека. „Сотворим, — сказал бог, — человека по образу нашему и по подобию; и да владычествует он над рыбами морскими и над птицами небесными и над зверями всей земли, которые движутся по земле“ (Быт., I, 26).

¹ „Познание себя (и вместе с собой—всего), управление собой“ или, как говорится в § 2, быть „созданием, владычествующим над другими созданиями“, — не обязательно связано с „устремлением к богу“, а также с религиозно-христианским учением о „приготовлении к вечности“.

Есть три цели: человек должен быть

- 1) одаренным разумом среди всех,
- 2) владыкой над собой и
- 3) радостью для бога.

2. Отсюда ясно, что человек поставлен среди видимых созданий с тем, чтобы быть

I. *Разумным созданием.*

II. *Созданием, властвующим над другими созданиями.*

III. *Созданием, представляющим собою образ и радость своего творца.*

Эти три цели соединены так, что ни одной из них нельзя отбросить, так как на них зиждется основание настоящей и будущей жизни.

3. *Быть разумным созданием — это значит все исследовать и давать всему*

имена и все исчислять, т. е. знать и иметь возможность назвать и понять все, что находится в мире, как это ясно из „Книги Бытия“, II 19) или, как поясняет Соломон (Премудр., VII, 17 и пр.): „Познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времен; смены поворотов солнца и перемены времен года, круги годов и положение звезд; природу животных и души зверей; стремление ветров и мысли людей; различия растений и силы корней; одним словом — все сокровенное и явное. Сюда же принадлежит знание ремесел, также искусство речи, чтобы (как говорит Сын Сиравов) ничто не было неизвестным в какой-либо как малой, так и в большой вещи“ (Сир., V, 18). В самом деле, таким лишь образом человек будет в состоянии удержать за собой имя разумного существа, если он будет понимать разумное основание (устройство) всех вещей.

Что значит быть владыкой всех созданий?

4. Быть владыкой всех созданий — это значит, приспособляя к надлежащему назначению все вещи, употреблять их с пользою для своих выгод, везде среди созданий вести себя царственно, т. е. с достоинством и святостью (а именно, ставя выше себя лишь одного чтимого творца, а также ангелов его, рядом с собою — своих сослужителей, а все прочее — ниже себя), соблюдать дарованное достоинство; не служить никакому созданию, даже собственной плоти; свободно пользоваться всем для собственных услуг: хорошо знать, где, когда, каким образом и до какого предела благоразумно пользоваться каждою вещью, где, когда, каким образом и до какого предела признавать право плоти, где, когда, каким образом и до какого предела нужно уступать ближнему, — словом, быть в состоянии разумно управлять движениями и действиями внешними и внутренними, своими и чужими.

Что значит быть образом Божиим?

говорит: „Будьте

Эти три требования осуществляются, во-первых, в образовании, во-вторых, в добродетели, в-третьих, в благочестии.

известными словами, то получим:

I. Научное образование.

II. Добродетель, или нравственность.

III. Религиозность, или благочестие.

Под научным образованием нужно понимать познание всех вещей, искусств и языков; под добродетелью — не только внешнюю воспитанность, но и всю внутреннюю и внешнюю основу побуждений, а под религиозностью — то внутреннее богопочитание, которым дух человека связывается и соединяется с высшим существом.

Эти три качества в этой жизни составляют в человеке всю сущность; все же остальное — второстепенно.

и внешнее украшение жизни тех, которым они даны богом, или же излишняя суетность, бесполезное бремя и вредные препятствия для того, кто, страстно стремясь к ним, сам приобретает их себе и, пренебрегши теми важнейшими благами, занимается этими и подавляет себя ими.

Что выясняется на примерах:

I. Часов.

8. Разъясню это на примерах. Часы (солнечные или автоматические) есть изящный и чрезвычайно необходимый инструмент для измерения времени; их субстанцию, или сущность, завершает художественная соразмерность всех частей. Присоединяемые к частям футляры, скульптурные изображения, живопись, золотые украшения — все это дополнительные вещи, прибавляющие несколько красоты, но ничего не прибавляющие к качеству. Если бы кто-либо предпочел, чтобы подобного рода инструмент был скорее красивым, чем доброкачественным, то его ребячество было бы осмеяно, так как он не понимал бы, для какого употребления они преимущественно предназначены.

5. Наконец, быть образом Божиим — значит в точности представлять совершенство своего первообраза, как сам он свят, как свят я, ваш бог“ (Лев., XIX, 2).

6. Отсюда следует, что истинные требования, предъявляемые к человеку, заключаются в том, чтобы он был: 1) знающим все вещи, 2) владыкою вещей и самого себя, 3) чтобы он себя и все возводил к богу, источнику всех вещей. Если эти требования мы выразим тремя хорошо

2. Коня.

Так, достоинство коня состоит в его силе в соединении с пылкостью, скоростью и готовностью направлять свой бег по мановению всадника; хвост же, развевающийся или связанный в узел, расчесанная и поднятая грива, позолоченные удила, вышитая попона и различная сбруя лишь придают красоту коню; однако если бы мы увидели, что кто-нибудь по этим украшениям измеряет достоинство коня, то назвали бы его глупцом.

3. Здоровья.

Наконец, наше хорошее здоровье заключается в правильном пищеварении и в хорошем состоянии внутренних частей нашего организма. Спать на мягком ложе, великолепно одеваться, изысканно питаться — это все не только не способствует улучшению здоровья, а скорее ему вредит. Поэтому, кто обращает больше внимания на приятное, чем на полезное, тот неразумен. Но бесконечно более губительно неразумие того, кто, желая быть человеком, обращает больше внимание на украшения человека, чем на его сущность. Вот почему премудрый называет глупцами и нечестивцами тех, кто считает нашу жизнь забавою и прибыльной ярмаркой, и утверждает, что от таких людей далеки и божия хвала и божие благословение (Премудр., XV, 12 и 19).

Закключение.

9. Итак, пусть будет твердо установлено, что мы постольку поднимаемся к нашей конечной цели, поскольку мы прилагаем старания в этой жизни к приобретению добродетелей и благочестия. Поэтому указанные три стремления пусть будут истинным делом нашей жизни, а все остальное — второстепенным, задержкой и внешним украшением.

ГЛАВА V.

Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы¹

Природа человеческая первоначально была доброй; к ней мы должны быть возвращены (от испорченности).

наше состояние, в которое нужно еще призвать нас, как к первоначалу. В этом смысле Людвиг Вивес сказал

1. *Под природой здесь мы разумеем не испорченность, присущую всем нам после падения, вследствие чего называемся мы по природе „сынами гнева“, не способными собственными силами помышлять о чем-либо благом, но первое и основное*

¹ По вопросу о врожденности некоторых задатков Коменский проявляет непоследовательность. Посвящая данную главу идее врожденности, Коменский в § 9 этой же главы сочувственно ссылается на сравнение

„Что такое христианин, как не человек, возвращенный к своей природе и как бы восстановленный в правах своего рождения, от чего его отвратил диавол?“ (Кн. 1 „О согласии и несогласии“). И в том же смысле следует понять то, что сказал Сенека: „Мудрость заключается в следующем: вернуться к природе и возвратиться туда, откуда нас низвергло общее заблуждение“ (т. е. грехопадение человеческого рода, допущенное первосозданными людьми). Далее он говорит: „Человек — не добр, но он становится добрым, чтобы, помня о своем происхождении, стремиться стать равным богу. Вследствие своей порочности никто не пытается подняться туда, откуда он пал“ (Письмо 93).

И это силою вечного провидения, восстанавливающего падшего.

2. Под словом „природа“ мы понимаем также всеобщее божие провидение, или непрестанное воздействие божественной благодати, чтобы во всем совершить все, а именно во всяком творении то, для чего оно предназначено. Ибо дело божественной мудрости заключалось в том, чтобы ничего не создавать напрасно, т. е. без какой-либо определенной цели и без средств, соответствующих достижению этой цели. Итак, все, что существует, существует для чего-либо и, чтобы достигнуть этого, снабжено всеми необходимыми органами и вспомогательными средствами и, кроме того, некоторою устремленностью. Это — устремленность к своей цели не против воли, не с сопротивлением, а с охотой и с наслаждением под напором самой природы, и, если задержать это стремление, то наступают мучение и смерть. Следовательно, несомненно, что человек родился способным для уразумения вещей, для добродетели, для неограниченной любви к богу (что он для этого предназначен, это мы уже видели), и корни этих трех способностей существуют у него с такою же несомненностью, как и корни у каждого дерева.

Мудрость заложена в человеке вечные основы:

3. Посмотрим, какие в нас заложены основы мудрости, добродетелей и религии, чтобы было очевиднее, что значит, когда Сирах провозглашает, что мудрость положила вечные основы в людях (Сир., I, 14). Таким образом можно увидеть, каким удивительным созданием мудрости является человек.

Аристотелем души „с чистой доской, на которой еще не было ничего написано, но можно было бы написать все“. В § 10 той же главы Коменский считает „удачным“ сравнение мозга — „этой мастерской мыслей“, „с воском, на котором, оттискивается печать или из которого лепятся фигурки“. См. также VI гл., § 5.

1. Сделав человека способным к приобретению познания вещей. Это ясно из того, что она создала его по образу своему.

4. Ясно, что всякий человек рождается способным к приобретению познания вещей, так как прежде всего он есть образ божий. Образ, если он точен, по необходимости представляет черты своего первообраза, или он не будет образом. А ввиду того, что среди остальных свойств божиих выдающееся место занимает всеведение, естественно, некоторый образ его отразится в человеке. И почему же нет? Имея светлый ум, человек, несомненно, находится в центре дел божиих, наподобие шарообразного зеркала. Будучи повешено в комнате, это зеркало воспринимает образы всех вещей, образы всего находящегося вокруг. Ведь наш ум схватывает не только соседние предметы, но и отдаленные (по месту или по времени), привлекает к себе, поднимается в высоту, угадывает тайное, открывает сокровенное, пытается исследовать даже непостижимое; таким образом, он есть нечто бесконечное и беспредельное. Пусть будет дано человеку прожить тысячу лет, в течение которых он, всегда научаясь чему-либо новому, постигал бы одно из другого; и все-таки он будет иметь еще место для восприятия предметов. Ум человеческий отличается такой ненасытной восприимчивостью к познанию, что представляет собой как бы бездну. Наше ничтожное тело ограничивается самыми тесными пределами; голос распространяется немного далее, зрение ограничивается лишь высотой небесного свода, а уму нельзя поставить твердого предела ни на небе, ни где-либо за его пределами; он как возвышается выше неба небес, так и опускается ниже бездны бездн, и, хотя бы они были в тысячу раз выше и глубже самих себя, он все же проникает туда с невероятной быстротой. И будем ли мы отрицать, что ему доступно все? И будем ли мы отрицать, что он вмещает все?

2. Малый мир. 5. Философы называли человека микрокосмом¹ (малый мир); он обнимает собою в сжатой форме все, что расстилается во все стороны по великому миру (макрокосму). Что это так, это доказывается в другом месте. Итак, ум человека, вступающего в мир, чрезвычайно удачно сравнивается с семенем, или зерном; в котором хотя и нет в действительности формы травы или дерева, однако понятия травы или дерева на самом деле в нем существуют: как это ясно, когда семя, посаженное в землю, внизу пускает маленькие корни, а выше дает ростки, из которых впоследствии, по прожденной силе, развиваются ветви и сучья; последние покрываются листьями, украшаются цветами и плодами.

¹ См. примечание к стр. 80, § 3.

Следовательно, нет необходимости что-либо приносить человеку извне, но необходимо развивать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом, в зародыше, указывая значение всего существующего. Поэтому, как известно, Пифагор имел обыкновение говорить, что человеку так свойственно от природы все знать, что если семилетнего мальчика разумно спрашивать о всех вопросах философии, то он мог бы ответить на все вопросы, именно потому, что единый свет разума по своей форме и по своим пределам достаточен для всех вещей. Только теперь, после грехопадения, затемняя сам себя и спутывая, он не может обнаружить себя, а те, которые должны были бы его освободить, постоянно еще более запутывают.

3. Одаренный чувствами.

6. Обитающей в нас разумной душе, сверх того, даны органы, как бы лазутчики и разведчики, с помощью которых душа исследует все, что находится вне ее, — это зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, так что ни одно создание, где бы оно ни находилось, не может от нее укрыться. Так как в видимом мире нет ничего, чего нельзя было бы или видеть, или слышать, или обонять, или вкушать, или осязать и, таким образом, определять по существу и качеству, то отсюда следует, что в мире нет ничего, чего бы не мог обнять одаренный чувством и разумом человек¹.

4. Побуждаемый стремлением к знаниям.

7. Врождены также человеку стремление к знанию и не только способность переносить труды, но и стремление к ним. Это проявляется непосредственно в раннем детском возрасте и сопровождает нас всю жизнь. Ведь кто не желает всегда слушать, видеть, делать что-либо новое? Кому не доставляет удовольствия каждый день куда-нибудь отправляться, с кем-либо побеседовать, о чем-либо с своей стороны рассказать? Положение дел именно таково: глаза, уши, орган осязания, самый разум, беспрестанно отыскивая себе пищу, всегда устремляются во внешний мир, и для живой природы нет ничего более невыносимого, как праздность и бездействие. А так как даже люди невежественные удивляются ученым мужам, то не указывает ли это на то, что они чувствуют притягательную силу какого-то естественного стремления? Они и сами хотели бы быть участниками их учености, если бы могли надеяться на осуществление этого, но так как они

¹ Здесь мы имеем достаточно ясное изложение Коменским универсального значения в познании сенсуалистического источника, доставляющего разуму данные о „существе и качестве“ всех явлений мира. В этом вопросе Коменский вплотную примыкает к Бэкону, с сочинениями которого он был знаком еще до написания „Великой Дидактики“.

на это не надеются, то предаются сожалениям и почитают тех, кого считают стоящими выше себя.

Поэтому многие самостоятельно достигают разнообразного познания вещей.

8. Примеры автодидактов¹ показывают со всей очевидностью, что, следуя за природой, человек может постигнуть все. Не имея никаких учителей, будучи сами себе учителями или (как говорит Бернгард) имея своими наставниками дубы и буки (т. е. гуляя и размышляя в лесах), некоторые пошли гораздо дальше других, находившихся под тщательным руководством учителей. Разве это не указывает, что у человека поистине есть и лампада, и светильня, и масло, и огниво со всем прибором? Лишь бы только он умел высекать искры, принимать их огнем, зажигать светильник, и он тотчас же в восхитительном зрелище увидал бы удивительные сокровища премудрости божией как в себе, так и в великом мире (как все расположено по числу, мере и весу). Теперь, когда у него зажигается не внутренний свет, а вне его кругом носят светильники чужих мнений, не может быть ничего другого, кроме того, что происходит именно так, как если бы вокруг кого-либо, заключенного в мрачную тюрьму, носили факелы; лучи их, конечно, проходят в щели, однако полный свет проникнуть туда не может. Так происходит то, о чем говорит Сенека: „Врождены нам семена всех наук, а бог, как учитель, выводит способности из таинственной глубины“ (О благод., IV, 6).

Наш ум сравнивается

- 1) с землей,
- 2) с садом,
- 3) с чистой доской,

9. Тому же учат нас и предметы, которым уподобляется наш ум. Ибо не воспринимает ли земля (с которой часто сравнивается в священном писании наше сердце) семена всякого рода? Разве одного и того же сада нельзя засеять всевозможными травами, цветами и ароматическими растениями? Конечно, можно, если у садовника нет недостатка в уме и прилежании. И чем более разнообразия, тем более получается приятное зрелище для глаз, тем большее наслаждение для обоняния, тем более сильное отдохновение для сердца. Аристотель сравнил человеческую душу с чистой доской, на которой еще не было ничего написано, на которой, однако, можно было бы написать все. Итак, подобно тому как на чистой доске сведущий в своем деле писатель мог бы написать, а живописец — нарисовать что угодно, так в человеческом уме одинаково легко начертить все тому, кто хорошо знает искусство обучения. Если этого не происходит, то вернее верного, что вина не в доске

¹ Автодидакт — самоучка (от греческих слов *αὐτός* — сам и *διδάσκω* — учу).

(если только она иногда не бывает шероховата), но в умении пишущего или рисующего. Разница в том, что на доске линии можно проводить лишь до пределов ее краев, между тем как для письма и чертежа в уме ты никакой границы не найдешь, потому что (как сказано выше) ум безграничен.

4. С воском, на котором оттискиваются бесчисленные печати.

10. Удачно также наш мозг (эта мастерская мыслей) сравнивается с воском, на котором оттискивается печать или из которого лепятся фигурки. Как воск принимает любую форму и из него можно лепить и снова переделывать любую слепленную фигуру, так и мозг, отражая образы всех вещей, все принимает, что только содержит мир. Этим сравнением вместе с тем удачно обозначается, что такое наше мышление и наше знание. Все, что возбуждает мое зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, является для меня печатью, посредством которой образ вещи отпечатлевается в мозгу и притом в такой степени, что, если даже удалить вещь от моих глаз, ушей, носа и моей руки, ее образ остается уже у меня и не может не оставаться, если только, вследствие недостаточного внимания, образ не отпечатлется слабо. Например, если я увидел какого-нибудь человека или заговорил с ним, если, совершая куда-нибудь прогулку, увидел гору, реку, поле, лес, город и т. п., если когда-либо услышал гром, музыку, какие-либо речи, если прочитал что-либо внимательно у автора и пр., — все это запечатлевается в мозгу и всякий раз при воспоминании воспроизводится так, как если бы все это опять стояло у меня перед глазами, раздавалось в ушах, вкушалось или осязалось мною. Хотя мозг воспринимает одни впечатления, по сравнению с другими, или более раздельно, или представляет более ясно, или удерживает прочнее, однако каждое из них он воспринимает, представляет и удерживает так или иначе.

Способность нашего ума воспринимать — божие чудо.

11. Здесь мы имеем достойное удивления зрелище божественной мудрости, которая могла позаботиться о том, чтобы совсем небольшая масса мозга была достаточна для восприятия стольких миллионов образов. Ибо все то, что каждый из нас (особенно людей науки) в течение стольких лет видел, слышал, вкушал, читал, собрал опытом и размышлением, и о чем он в силу необходимости может вспомнить, — все это, очевидно, носится в мозгу; это именно образы вещей, некогда виденных, слышанных, вычитанных из книг и т. д., которых миллионы и снова миллионы существуют и увеличиваются до бесконечности, так как ежедневно мы видим, слышим, читаем, исследуем и пр. нечто новое. Однако все это вмещается в

мозгу. Какая это неисповедимая мудрость божьего всемогущества! Соломон удивляется, что все реки текут в море, но море не переполняется (Эккл., 1,7). Кто не подивится бездне нашей памяти, которая все исчерпывает и все восстанавливает, но никогда, однако, не переполняется и не оскудевает! Таким образом, наш ум в самом деле более велик, чем мир, в том отношении, что содержащее должно быть (по необходимости) больше содержимого.

Наш ум — зеркало.

12. Наконец, самым подходящим сравнением нашего ума является сравнение с глазом или зеркалом: что бы ни поставили перед зеркалом, какой бы формы и цвета ни был предмет, оно тотчас воспроизводит точное его изображение, за исключением тех случаев, когда предмет пододвнешь к нему в темноте или с задней стороны или если предмет находится слишком далеко, т. е. на большем, чем следует, расстоянии, или если помешаешь отображению, или затемнишь его, приводя предмет в колебание, — тогда, нужно признаться, изображение будет неудачным. Но я говорю о том, что естественно происходит при свете и при удобном положении предмета перед зеркалом. Итак, подобно тому как нет никакой необходимости принуждать глаз, чтобы он открывался и смотрел на предмет, так как он сам собою (стремясь от природы к свету) с наслаждением взирает на свет и воспринимает все (лишь бы только не мешало ему сразу слишком большое число предметов) и никогда не может насытиться созерцанием, — точно так же наш ум жаждет предметов, сам всегда открывается пред ними, сам хочет созерцать все, сам воспринимает все, сам быстро все усваивает; везде он неутомим, лишь бы только не был он подавлен множеством предметов и лишь бы все ему предоставлялось для созерцания одно вслед за другим, в надлежащем порядке.

Корень благонравия в человеке — гармония.

13. Что человеку от природы свойственна гармония нравов, это видели даже язычники. Правда, они не знали иного, свыше ниспосланного, света и более надежного вождя, данного для вечной жизни, но и из этих проблесков света природы (при значительном усилии) они делали себе факелы. Цицерон, например, говорит так: «Нашим духовным силам врождены семена добродетелей; если этим семенам дать развиваться, то сама природа приведет бы нас к счастливой жизни». (Это преувеличено!) Однако лишь только мы являемся на свет и в жизнь, подвергшись воспитанию, мы постоянно вращаемся среди всякой испорченности, так что кажется, будто мы всасываем заблуждения почти с молоком кормилицы (Туск., 3). Но что действительно некоторые семена добродетелей врож-

дены человеку, это доказывается следующим двойным аргументом: во-первых, всякий человек наслаждается гармонией, а во-вторых, сам он также изнутри и извне есть не что иное, как гармония¹.

1. Гармонией человек наслаждается везде, именно: во всем видимом.

откуда это, если не из того источника, что пропорция частей и цветов доставляет нам удовольствие? В этом самым естественным образом состоит очарование для глаз. Я спрашиваю также, на кого не действует музыка? И почему это?

во всем, воспринимаемом слухом, вкусом, осязанием и даже в самих добродетелях.

умеренный покой членов и движение. Почему? Не потому ли, что все умеренное в природе благотворно и здорово, а все неумеренное враждебно и губительно? Мало того, мы ценим друг в друге самые добродетели (ведь даже не имеющие добродетелей удивляются добродетелям других, хотя и не подражают им, так как полагают, что не сумеют преодолеть свои предосудительные привычки). Итак, почему же каждый не ценит добродетелей в самом себе? Воистину мы слепы, если мы не признаем, что корни всякой гармонии заключаются в нас.

2. Гармония, которую каждый находит в самом себе: в отношении

а) как тела,

что в общем для непрерывности движений и для гармонии одно сочетается с другим, — таков и человек. Что касается тела, устроенного с изумительным искусством, то первым двигателем является сердце, источник жизни и действий,

14. Ясно, что человек наслаждается гармонией и страстно к ней стремится. Ведь кто не наслаждается созерцанием красивого человека, стройного коня, прекрасного изваяния, красивой картины? Но

Именно потому, что гармония тонов дает приятное созвучие. Кому не нравится хорошо приготовленная пища? Это потому, что сочетание вкусовых ощущений приятно раздражает небо. Каждому приятны умеренная теплота, умеренный холод, умеренный покой членов и движение. Почему? Не потому ли, что все умеренное в природе благотворно и здорово, а все неумеренное враждебно и губительно? Мало того, мы ценим друг в друге самые добродетели (ведь даже не имеющие добродетелей удивляются добродетелям других, хотя и не подражают им, так как полагают, что не сумеют преодолеть свои предосудительные привычки). Итак, почему же каждый не ценит добродетелей в самом себе? Воистину мы слепы, если мы не признаем, что корни всякой гармонии заключаются в нас.

15. Но и сам человек есть не что иное, как гармония как в отношении тела, так и в отношении души. Ибо как сама вселенная есть подобие огромного часового механизма, столь искусно составленного из множества колес и звуковых приборов,

¹ В этом, как и в следующих параграфах, термин „гармония“ употребляется Коменским по традиции, идущей от древних греческих философов, в смысле стройности, согласованности и правильного сочетания одних элементов целого с другими, вызывающего эстетические чувствования. Для обозначения музыкальной гармонии Коменский пользуется латинским словом „*consonantia*“, передаваемым по-русски словом „созвучие“.

от которого остальные члены получают движение и меру движения. А силой, вызывающей движение, является мозг, который с помощью нервов, как бы шнуров, притягивает и отпускает остальные колеса (члены). А разнообразие деятельности внутри и вне заключается именно в той самой соразмерной пропорции движений.

б) так и в отношении души. 16. Подобным образом в душевных движениях главным движущим колесом является воля; рычаги, приводящие ее в движение, — это желания и страсти, которые склоняют волю в ту или другую сторону. Рычагом, открывающим движение и замыкающим его, является разум, который взвешивает и определяет, чего, где, в какой мере нужно желать или чего избегать. Остальные движения души есть как бы меньшие колеса, следующие за главным. Отсюда, если желаниям и страстям не дается слишком большой силы и рычаг, т. е. разум, правильно будет открывать и закрывать движения страстей, необходимым следствием должны быть гармония и согласованность добродетелей, т. е. соответствующее сочетание действий и пассивных состояний.

Нарушенная гармония может быть восстановлена 17. Итак, человек поистине есть сам в себе не что иное, как гармония. Поэтому, как о часах или о музыкальном инструменте, сделанных рукою опытного мастера, если они испорчены и расстроены, мы не говорим решительно, что они уже больше негодны (ведь их можно починить и исправить), так и относительно человека, хотя и испорченного грехопадением, нужно притти к выводу, что благоволением божьим он может быть исправлен при помощи определенных средств.

Что корни религии врождены человеку, доказательством служат: 1. Сущность образа. 18. Что корни религии врождены человеку от природы, это доказывается тем, что он — образ божий¹. Ведь образ носит подобие, а подобное радуется подобному; это непреложный закон всех вещей (Сир., XIII, 19). И так как человек не имеет ничего себе подобного, кроме бога, по образу которого он создан, то отсюда следует, что нет ничего, к чему бы он скорее стремился своими желаниями, кроме того источника, от которого он произошел; лишь бы только он достаточно хорошо познал его.

¹ Ивно искусственное, надуманное соображение. Однако этим неверным соображением раскрывается весьма бодрая, жизнерадостная и вместе с тем правильная идея о бесконечной способности каждого человека к образованию и развитию. Коменский пользуется аналогичными же приемами доказательства в виде ссылок на „священное“ писание и изречения, взятые у античных авторов и в других местах своей книги.

2. Всем врожденное почитание божества.

19. Это ясно даже на примере язычников, которые, не будучи научены словом Божиим, по тайному внушению одной только природы признавали божество, поклонялись ему и благоговели перед ним, хотя ошибались в числе богов и способе почитания. „У всех людей есть понятие о богах, и все уделяют высшее место какому-нибудь божественному существу“, пишет Аристотель („О небе“, кн. 1, гл. 3). А Сенека говорит: „Почитание богов заключается прежде всего в том, чтобы верить в богов, затем признавать за ними подобающее величие и благость, без которой нет никакого величия, чтобы знать, что они именно управляют миром, вселенной как своим достоинством и пекутся о человеческом роде“ (Письмо 96). Но между этим и известным апостольским изречением существует лишь самая незначительная разница: „Приходящему к богу подобает веровать, что он есть, и ищущим его воздает“ (Евр., XI, 6).

3. Стремление к высшему благу, которое есть бог.

20. Платон говорит: „Бог есть высшее благо, превыше всякой субстанции и всякой природы; к нему стремится все“ (Платон, в письме). Это же (что бог есть высшее благо, к которому все стремится) подтверждает и Цицерон, говоря: „Первая учительница благочестия есть природа“ (1 кн., „О природе богов“). Именно потому, что (как говорит Лактанций, кн. 4, гл. 28) мы рождаемся с тем, чтобы воздавать справедливое и должное послушание сотворившему нас богу, мы и будем его познавать, за ним следовать. Этим союзом благочестия мы обязаны богу и соединены с ним, откуда (т. е. от religio) и религия получила свое название.

Оно не уничтожено совершенно даже падением человеческого рода.

21. Правда, нужно признать, что естественное стремление к богу, как к высшему благу, вследствие грехопадения было извращено и выродилось в какое-то блуждание, которое своею силою никогда не может вернуться на правый путь. Однако у тех, кого снова просвещает бог своим словом и своим духом, это стремление настолько изощряется, что Давид восклицает богу: „Кто, кроме тебя, для меня на небе! И с тобой ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое. Бог — твердыня сердца моего и жребий мой во веки“ (Псал. 1, XXII, 2526).

Итак, безбожно искать возражений против стремлений к благочестию.

22. Итак, когда мы совещаемся о средствах против испорченности, пусть никто не указывает на существующую испорченность, так как бог духом своим, при помощи разумных средств, хочет ее упразднить. Когда у Навуходоносора был отнят челове-

ский разум и дано было звериное сердце, ему все-таки была оставлена надежда возвратить себе человеческий разум и даже царское достоинство, как только он признает власть в небесах (Дан., IV, 23). Так и нам, деревьям, выброшенным из рая божия, все-таки оставлены корни, которые снова могут произрастать, если на них падают дождь и солнечные лучи милости божией. Разве тотчас после грехопадения и возмездной гибели (наказание смертью) бог не внедряет снова в наши сердца (обещанием благословенного семени) залога новой милости? Разве он не послал нам сына своего, чтобы через него восстановить падшее?

Ветхого Адама и не следует вооружать против нового.

23. Позорно и безбожно — и это представляет явный знак неблагодарности, — что мы всегда шумим об испорченности, а скрываем возрождение. Какую силу имеет в нас ветхий Адам, на это мы указываем, а какую силу имеет новый Адам — Христос, этого мы не исследуем. Конечно, апостол от своего имени и от имени возрожденных говорит: „Я все могу в укрепляющем меня Христе“ (Филипп., IV, 13). Если возможно, чтобы произрастал и давал плоды черенок, привитый к иве, терновнику или еще к какому-либо лесному деревцу, почему бы этого не могло быть, если бы он был привит к самому корню? Сравним аргументацию апостола (Римл., XI, 20): „К тому же, если бог может из камней воздвигнуть чад Аврааму (Матф., III, 9), то почему же ему не возбудить людей на всякие благие дела, которые от начала сотворены были сынами Божиими и вновь усыновлены Христом и возрождены через духа благодати?“.

Благодать Божию следует не ограничивать, а с благодарностью принимать.

24. Ах, не будем ограничивать благодать Божию, которую бог готов излить на нас с величайшей щедростью. Ведь если мы, верою насажденные во Христе и одаренные духом усыновления, если мы, говорю я, будем утверждать, что мы вместе с нашими детьми неспособны к тому, что свойственно царствию Божию, то каким образом Христос провозгласил относительно детей, „что их есть царствие божие“? Или каким образом он направляет нас к ним, повелевая обратиться и быть, как дети, если мы хотим войти в царствие небесное (Матф., XVIII, 3)? Каким образом апостол объявляет святыми детей христиан (даже когда один только из родителей — верующий) и утверждает, что они не могут быть нечистыми (I Коринф., VII, 14)? Но даже и о тех, которые в действительности уже были обременены тяжчайшими пороками, апостол решается утверждать: „И такими были некоторые из вас, но вы омылись, освятились, оправдались

именем господя нашего — Иисуса Христа, духом бога нашего" (1 Коринф., VI, 11). Поэтому, когда мы требуем, чтобы дети христиан (не потомство ветхого Адама, но возрождение нового Адама, чада божии, малые братья и сестры Христа) были образованными и способными для восприятия семени вечности, может ли показаться это кому-либо невозможным? Ведь не от дикой маслины требуем мы плода, но помогаем приносить плоды черенкам, снова привитым к древу жизни.

Заключение.

25. Итак, утвердимся же на том, что для человека естественнее и, через благодать святого духа, легче стать мудрым, благонравным, святым, чем чтобы со стороны пришедшая испорченность могла затруднить развитие. Ведь всякая вещь легко возвращается к своей природе. И это то, чему учит Писание. „Премудрость легко созерцается любящими ее и обретается ищущими ее; она даже упреждает желающих познать ее. С раннего утра ищущий ее не утомится, ибо найдет ее стоящей у дверей своих“ (Премудр., VI, 13, 14). Известны также слова Венузийского поэта¹: „Кто же настолько дик, что не мог бы смягчиться, если бы только слух свой просвещал терпеливо образованием!“ (учением) (Гораций, Посл. I, 39—40).

ГЛАВА VI.

Человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование.

Семена не есть еще плод.

1. Семена знания, нравственности, благочестия дает, как мы видели, природа, но она не дает самого знания, добродетели, благочестия. Это приобретается с помощью молитвы, учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать.

Человеку вродено предрасположение к знанию, но не самое знание.

2. Если мы будем рассматривать истинное знание, то богу свойственно знать все без начала, без преуспевания, без конца — одним простым проникновением. Человеку и ангелу этого дать было нельзя, как нельзя было дать и бесконечности и вечности, т. е. свойств божества. Ангелам и людям достаточно преимущества в том, что они обладают остротой ума, которым могут

¹ Имеется в виду Гораций.

достигать дела божии и таким образом накапливать сокровищницу знания. Поэтому об ангелах известно, что они также учатся созерцая (1 Петр., I, 12; Эфес., III, 10; 1 Царств, XXII, 20; Иова, I, 6), и их знание так же, как и наше, есть опытное.

Чтобы человек стал человеком, он должен получить образование, что доказывается:

1. На примере прочих творений.

становятся таковыми, только будучи приспособленными для этого рукой человека. Так, например, камни даны затем, чтобы служить для постройки домов, башен, стен, колонн и пр., но они служат для этой цели лишь в том случае, если они нами наломаны, отесаны, уложены. Так и жемчужины и драгоценные камни, предназначенные для украшения людей, обрабатываются, шлифуются, полируются людьми; металлы, созданные для важных нужд нашей жизни, нужно добывать, расплавлять, очищать, различным образом отливать и ковать. Без этого от них меньше пользы, чем от земляной грязи. Из растений мы имеем пищу, питье, лекарства, однако таким образом, что травы и хлеба нужно сеять, окапывать, косить, молотить, молоть, толочь, а деревья необходимо сажать, подрезывать, обкладывать навозом, снимать с них плоды, сушить и пр., но еще более их нужно обрабатывать самыми разнообразными способами, если что-либо из них должно быть использовано на лекарства или на постройку. Казалось бы, что животные, которые одарены жизнью и движением, должны сами по себе быть на все способны. Однако, если мы желаем пользоваться их работой, ради которой они нам даны, мы должны предварительно их упражнять в ней. Вот примеры: конь от природы пригоден для военного дела, вол — для упряжки, осел — для ношения тяжестей, собака — для охраны и охоты, сокол и ястреб — для ловли птиц и пр. И все же, если каждое из этих животных мы не приучим к свойственному им делу упражнением, то пользы от них будет мало.

2. На примере самого человека во отношении к его телесной стороне.

нами для работы. Итак, откуда же у нашего духа было бы преимущество, чтобы без предварительной подготовки он сделался бы совершенным благодаря самому себе и через себя? Потому что для всех созданий существует

3. Итак, пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать, как человек, т. е. не получивши наставления в том, что делает его человеком. Это ясно на примере всех созданий, которые хотя и предназначены быть полезными человеку, но

4. Человек со стороны тела создан для труда. Но мы видим, что вместе с

ним рождается только способность к этому: человека нужно постепенно учить и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками

закон брать начало из ничего и постепенно возвышаться как в отношении сущности, так и в отношении действий. Ведь и относительно ангелов, по совершенству особенно близких богу, известно, что они знают не все, но постепенно совершенствуются, познавая дивную божью премудрость, как мы это указали несколько раньше.

3. И так как даже до грехопадения человек должен был упражняться, то тем более это нужно теперь — после испорченности.

5. Ясно также, что для человека уже до грехопадения в раю была открыта школа, в которой он постепенно мог бы совершенствоваться. Правда, у первозданных людей, как только они были произведены на свет, не было недостатка ни в способности ходить, ни в даре слова, ни в способности рассуждать. Однако из беседы Евы со змием очевидно, что им не хватало знания вещей, которое приобретается из опыта. Если бы у нее был больший опыт, она так просто не вступила бы с ним в разговор, так как знала бы, что это животное речью не обладает и, следовательно, здесь кроется обман. Теперь же в состоянии испорченности тем более необходимо учиться, чтобы приобрести знания. Ведь действительно мы приносим с собою в мир чистый ум, точно гладкую доску, не умея что-либо сделать, говорить и понимать, и все это нужно приобретать с основания. И мы действительно добиваемся теперь этого с гораздо большим трудом, чем это должно было быть в состоянии совершенства, так как и вещи для нас затемнены, и языки смешаны. Тому, кто в интересах науки хотел бы использовать различные источники на живых или мертвых языках, вместо одного языка нужно изучать их уже несколько; мало того — и родные языки стали более запутанными, и ничто (из знаний) нам не врождено.

4. И потому что примеры показывают, что человек без воспитания становится не чем иным, как только зверем.

6. Имеются примеры того, как некоторые люди, похищенные в детстве дикими животными и выросшие среди них, знали несколько не больше зверей. Мало того, по речи, движениям рук и ног они ничем не отличались от зверей, если только снова через некоторое время не попадали в среду людей. Приведу несколько примеров. Приблизительно в 1540 г. в одном из гессенских сел, расположенном среди лесов, случилось, что, по небрежности родителей, пропал трехлетний мальчик. Несколько лет спустя крестьяне заметили, что среди волков находится какое-то животное, по виду не схожее с ними: четвероногое, а лицом похожее на человека. Когда об этом распространились слухи, начальник этой местности приказал поймать его живым. Животное было поймано, приведено к нему, а затем и к ландграфу Кассельскому. Когда его привели во

двор князя, животное вырвалось, убежало и спряталось под скамьей, сердито выглядывая оттуда и издавая отвратительный вой. Князь распорядился оставить его среди людей. После этого зверь начал понемногу становиться ручным, затем подниматься на задние ноги и ходить на двух ногах и, наконец, разумно говорить и становиться человеком. И тогда он, насколько мог припомнить, рассказал, что был похищен волками и вскормлен ими, а затем вместе с ними обыкновенно выходил на добычу. Описывает эту историю М. Дрессер в книге о новом и древнем воспитании. О том же упоминает и Камерарий („Горы“, т. I, гл. 75), присоединяя к этой истории и другую, весьма похожую. А Гуларций (в „Чудесах нашего века“) пишет, что в 1563 г. во Франции несколько знатных людей, выйдя на охоту и убив двенадцать волков, одновременно поймали в сети мальчика приблизительно семи лет, голого, с желтой кожей и вьющимися волосами. Когти у него были загнуты, точно у орла. Говорить он не умел, а только издавал какое-то нечленораздельное мычание. Когда его отвели в замок, то с трудом наложили на него оковы,—до того он был озверелым. Но изнуренный несколькими днями голода, он стал кротким, а на седьмой месяц заговорил. Его водили на показ по городам с немалой прибылью для хозяев. Наконец, какая-то бедная женщина признала в нем своего сына. Итак, верно то, что сказано в сочинениях Платона (кн. 6, „О законах“): „Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет украшен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля“.

1. В воспитании
нуждаются и тупые
и даровитые.

7. Вот что следует сказать вообще о том, что образование необходимо всем. Если бы теперь мы обозрели различные качества людей, то мы нашли бы то же самое. Ведь кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям тупым, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей. Как действующая мельница, если в нее не подсыпать зерна, т. е. материала для перемалывания, стирает сама себя и, отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно с шумом и треском пылит, так и подвижной ум, лишенный серьезной работы, будет вообще наполняться ничтожным,

пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной гибели.

2. Богатые и бедные.

8. *Чем являются богатые без мудрости как не откормленными отрубями свиньями, чем оказываются бедные без разума вещей, если не ослами, осужденными носить тяжести?* Что такое красивый невежда, если не разукрашенный перьями попугай, или, как сказал кто-то, золотые ножны, в которые вложен свинцовый меч?

3. Начальствующие и подчиненные.

9. Что касается тех, кто когда-либо должен управлять другими, — царей, князей, магистратов, пастырей церкви и ученых, — то им прежде всего необходимо проникнуться мудростью, так же как проводнику нужно иметь глаза, переводчику — язык, трубе — звук, мечу — острие. Равным образом нужно просвещать и подчиненных, чтобы они умели разумно повиноваться мудрым правителям не по принуждению, не по ослиной покорности, а добровольно, из любви к порядку. Ведь разумным творением нужно управлять не с помощью криков, тюрьмы, палок, но опираясь на разум. Если это происходит иначе, то бесчестие подчиненных падает и на бога, который одинаково вложил свой образ и в них, и человеческие дела будут полны насилиями и беспорядками, как это и есть теперь.

Итак, все без исключения.

10. Итак, пусть будет установлено: *всем, рожденным людьми, безусловно необходимо воспитание для того, чтобы они были людьми, а не дикими животными, не бессмысленными зверями, не неподвижными чурбанами.* Отсюда следует и то, что каждый настолько превосходит других, насколько он более других упражнялся. Итак, эту главу мы заключим словами Премудрого: „Презирующий мудрость и наставление — несчастен, и суетна надежда его (именно достигнуть своей цели), и труды его бесплодны, и дела его бесполезны“ (Премудр., III, 12).

ГЛАВА VII.

Образование человека с наибольшей пользой происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить.

Сходство человека с растением.

1. Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь, плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное самому себе, но как дикое растение при-

несет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал, подчищал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодо.

Образование человека должно начинаться в раннем возрасте:

1. Вследствие ненадежности настоящей жизни.

Но уход из этой жизни неподготовленным—дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. Настоящая жизнь несомненно дана затем, чтобы человек или приобрел милость божью, или утратил ее навеки. Во чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Пока мы живем, душа образуется для познания бога и союза с ним, и если этого кто-нибудь не достигнет при жизни, то после смерти для этого не будет уже ни места, ни времени. Ввиду того, что здесь идет дело о предмете такой великой важности, нужно очень спешить, чтобы кто-нибудь не был застигнут врасплох.

2. Чтобы он был подготовлен для житейской деятельности ранее, чем начнет действовать.

Следует поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь науке, то бесконечное разнообразие вещей, которые создатель мира предоставил нашему приятному созерцанию, так велико, что если бы кому-либо достался в удел век Нестора, все же у него не было бы недостатка в весьма полезных занятиях. Он находил бы повсюду сокрытые сокровища божественной мудрости и из них добывал бы себе средства для счастливой жизни. Итак, *рано нужно раскрывать у человека способности для созерцания вещей, так как в течение всей жизни ему многое придется познать, испытать и вы-поднять.*

2. Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. Во-первых, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно, где и когда.

Но уход из этой жизни неподготовленным—дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. Настоящая жизнь несомненно дана затем, чтобы человек или приобрел милость божью, или утратил ее навеки. Во чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Пока мы живем, душа образуется для познания бога и союза с ним, и если этого кто-нибудь не достигнет при жизни, то после смерти для этого не будет уже ни места, ни времени. Ввиду того, что здесь идет дело о предмете такой великой важности, нужно очень спешить, чтобы кто-нибудь не был застигнут врасплох.

3. Но если даже человеку не угрожала бы неожиданная смерть и он был бы уверен в чрезмерной продолжительности жизни, все же образование ему необходимо начинать как можно раньше, так как живет он не для учения, а для деятельности.

3. Все всего легче образуется в нежном возрасте.

поддаются формированию. Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок. Молодое дерево можно сажать, пересаживать, подчищать, изгибать как угодно; но если оно выросло, это невозможно сделать. Так, если кто желает согнуть из дерева лук, ему нужно взять дерево зеленое и молодое; нельзя согнуть старое, сухое, суковатое дерево. Свежие яйца при насиживании легко согреваются и дают птенцов; от старых яиц напрасно будешь ждать этого. Желая приучить к работе, барышник — коня, пахарь — вола, охотник — собаку и ястреба (как вожак — медведя к пляске, старуха — сороку, ворона, попугая к подражанию человеческому голосу), избирают молодых и юных животных и птиц; если же выберут старых, то их труды пропадут даром.

Так же формируется и сам человек.

5. Все это, очевидно, в такой же мере относится и к самому человеку. У него мозг (как мы выше сказали), воспринимая попадающие в него через органы чувств образы вещей, похож на воск, в детском возрасте вообще влажен и мягок и способен воспринимать все встречающиеся предметы; затем понемногу он высыхает и твердеет, так что, по свидетельству опыта, вещи запечатлеваются и отображаются на нем с большой трудностью. Отсюда известное выражение Цицерона: „Дети быстро схватывают бесчисленное количество предметов“. Таким образом, и руки, и все остальные члены только в детские годы могут приспособляться к ремеслам и работам, пока мускулы еще гибки. Кто должен стать хорошим писцом, художником, портным, кузнецом, музыкантом и пр., — должен заниматься этим с юных лет, когда воображение еще живое, а пальцы гибки, в противном случае он никогда не овладеет своим предметом. Точно так же и корни благочестия следует насаждать в сердце каждого с ранних лет. В ком мы желаем гармонически развить изящный нрав, над тем нужно работать в нежном возрасте. Кому нужно сделать большие успехи в изучении философии, тому нужно раскрыть чувства ко всему в первые же годы жизни, пока он может загореться воодушевлением, пока ум быстр, а память крепка. „Постыдное и смешное дело представляет из себя старик, изучающий элементы; юноше нужно учиться, а старику этим пользоваться“, говорит Сенека (Письмо 36).

4. Человеку дано чрезвычайно большое время для роста, и это время нельзя употребить на другое.

6. Чтобы человек мог стать образованным человеком, бог даровал ему годы юности, чтобы он, будучи непригодным для других занятий, проявил бы прилежание только для образования. Ибо, в самом деле, конь, вол, слон и другие животные, как бы громадны они ни были, в течение одного-двух лет развиваются до настоящего роста; один только человек доходит до настоящего роста едва в двадцать или тридцать лет. Если бы кто-либо полагал, что это происходит случайно или зависит от каких-либо второстепенных причин, поистине тот выдавал бы свою тупость. Ужели бог, отмерив, как известно, соответствующее время всем остальным тварям, только одному человеку, этому владыке мира, предоставил бесцельную растрату времени? Не проще ли предположить нам, что в этом была сделана уступка природе, чтобы она, медленно действуя, тем легче совершала образование человека? Но она ведь без всяких усилий в несколько месяцев образует гораздо большие тела. Следовательно, мы должны прийти к заключению, что по обдуманному плану творец удостоил нас своим благоволением, дал нам более продолжительное время для роста, чтобы было у нас больше времени для упражнения в науках, чтобы, оставаясь более длительный период неспособными к экономической и политической деятельности, мы стали зато более подготовленными для остального времени жизни (даже для вечности).

5. Только то прочно, что усваивается в раннем возрасте.

7. Только то в человеке прочно и устойчиво, что он впитывает в себя в юном возрасте. Это ясно из тех же примеров. Даже разбитый сосуд сохраняет запах, которым он пропитался при первом употреблении. Дерево как распростерло свои ветви в нежном возрасте вверх, вниз, в стороны, так и сохраняет их в течение сотен лет, пока его не срубят. Шерсть так прочно удерживает краску, которой она была первоначально окрашена, что перекрасить ее нельзя. Деревянный обод колеса, затвердев, скорее разлетится на тысячу кусков, чем станет снова прямым. Таким же образом и в человеке первые впечатления настолько устойчивы, что было бы чудом, если бы они изменились. Поэтому чрезвычайно разумно, чтобы они внушались в юном возрасте согласно с требованиями истинной мудрости.

6. Получить неправильное воспитание — дело весьма опасное.

8. Наконец, дело чрезвычайно опасное, если человек не проникается здоровыми для жизни правилами еще в колыбели. Ибо, как только начинают действовать внешние чувства, человеческий дух ни в

к~~ом~~ случае не может оставаться в покое и даже не может воздержаться, чтобы не занять себя полезными делами, если он не будет занят чем-либо самым пустым и (под влиянием дурных примеров испорченного века) даже вредным. Как мы уже указали, отвыкнуть от усвоенного в раннем возрасте впоследствии будет или невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти и служители церкви, оттого, что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Закключение.

9. Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческих дел в политическом и церковном управлении — благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно образовывать небесные растения для достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

ГЛАВА VIII

Юношество должно получать образование совместно, и для этого нужны школы.

Попечение о детях собственно есть дело родителей.

1. Показав, что райские растеньица — христианское юношество, не могут расти наподобие леса, а нуждаются в попечении, следует рассмотреть, на кого же падает это попечение. Всего естественнее признать, что оно падает на родителей, чтобы те, кому дети обязаны жизнью, оказались и источником для них разумной, нравственной и святой жизни. Для Авраама это было обычным правилом, как об этом свидетельствует бог: „Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем господним, творя правду и суд“ (Быт., XVIII, 19). Этого же бог требует и от родителей, повелевая следующее: „Внушай слова мои детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, ложась и вставая“ (Второз., VI, 7). А через апостола он говорит: „Отцы, не раздражайте детей ваших, а воспитывайте их в учении и наставлении господнем“ (Ефес.; VI, 4).

На помощь им, однако дают ся школьные учителя.

2. Однако, при многообразии людей и их занятий редко встречаются такие родители, которые могли бы сами воспитывать своих детей или по роду своей деятельности располагали бы необходимым для этого досугом. Поэтому давно уже практикуется порядок, при котором дети многих семей вверяются для обучения специальным лицам, обладающим знаниями и

серьезностью характера. Этих воспитателей юношества обыкновенно называют наставниками, учителями, школьными учителями, профессорами, а самые места, которые предназначены для общих совместных занятий, называют школами, учебными заведениями, аудиториями, коллегиями, гимназиями, академиями и пр.

Происхождение и распространение школ.

3. По свидетельству Иосифа Флавия, первую школу открыл вскоре после потопа патриарх Сим, и она впоследствии была названа еврейской школой¹. Кому не известно, что в Халдее, особенно в Вавилоне, было много школ, в которых преподавались как другие науки, так и астрономия. Впоследствии (во времена Навуходоносора) обучались этой халдейской² мудрости Даниил и его товарищи (Дан., I, 20) так же, как в Египте обучался Моисей (Деян., VII, 22).

А у израильтян, по повелению божью, по городам возникали школы, называвшиеся синагогами; в них левиты обучали закону. Эти школы существовали до времен Христа и прославились проповедями его самого и его апостолов. От египтян заимствовали обычай воздвигать школы греки, и от них римляне, а от римлян этот похвальный обычай распространился по всей Империи, особенно после распространения христианства, благодаря неусыпным заботам благочестивых князей и епископов. История свидетельствует, что Карл Великий, при покорении какого-либо языческого народа, немедленно назначал туда епископов и учителей и воздвигал храмы и школы. Его примеру следовали и другие христианские императоры, цари, князья и государственные власти и тем самым умножили число школ настолько, что они стали неисчислимыми.

Что школы, наконец, нужно открывать везде, это объясняется:

4. Для всякого христианского государства важно, чтобы этот священный обычай не только удержался, но и распространялся, а именно, чтобы во всяком благоустроенном человеческом обществе (будь то столица, город и деревня) была устроена школа как учебное заведение для совместного воспитания юношества. Ведь этого требуют:

1. Надлежащим порядком, который должно соблюдать везде.

5. Похвальный порядок вещей. Ведь если глава семейства, сам не имея досуга для устройства всего, что ему нужно для хозяйства, приглашает различных ремес-

¹ Как личность патриарха Симы, так и открытие им первой школы — чистая легенда, взятая из библии.

² Халдеи — народ семитического племени, подчинивший вавилонян. Слово «халдеи» стало нарицательным названием вавилонских жрецов, славившихся своими астрономическими познаниями.

ленников, то почему бы не быть такому же порядку и здесь? Когда ему нужна мука, он обращается к мельнику; когда нужно мясо — к мяснику; когда напитки — к виноторговцу; когда нужна одежда — к портному; когда нужна обувь — к сапожнику; когда нужны здание, плуг, ключ и т. д. — к плотнику, каменщику, кузнецу, слесарю и пр. Мало того, для наставления взрослых в религии мы имеем храмы; для разбирательства судебных тяжб, для собраний народа и для его осведомления обо всем необходимом у нас есть судебные места и думы. Почему же не иметь для юношества школ? Ведь даже свиней и коров крестьяне не пасут каждый в отдельности, а держат для этого наемных пастухов, которые и обслуживают одинаково всех, между тем как сами крестьяне получают возможность заняться, не отвлекаясь, остальными своими делами. Это и есть прекраснейшее сбережение труда, когда один делает только одно, не отвлекаясь другими делами; именно таким способом каждый служит с пользой многим, а многие — каждому отдельному лицу.

2. Необходимость.

6. Во-вторых, необходимость. Так как сами родители очень редко обладают надлежащей способностью обучать своих детей и редко имеют для этого достаточно досуга, то отсюда следует, что должны быть люди, которые бы по своей профессии занимались одним этим делом и чтобы таким образом обслуживались нужды всей общины.

3. Пользой.

7. Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то все же более целесообразно обучать юношество вместе в более значительном объединении, так как больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других. Ведь совершенно естественно делать то, что на наших глазах делают другие, и идти туда, куда идут другие, следовать за теми, кто впереди, и опережать тех, кто следует за нами.

„Радостно резвый уносится конь из открытого стойла.

Есть и кого обогнать, есть и погнаться за кем“.

Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами. Если ты что-либо предписываешь детям, то это слабо к ним прививается; если же ты показываешь, как делают что-либо другие, то этому они подражают и без всяких приказаний.

4. Постоянными примерами природы.

8. Наконец, повсюду природа дает нам пример того, что произрастающее в изобилии должно появляться в одном каком-либо месте. Так, деревья в огромном количестве растут в лесах, трава — на полях, рыбы плодятся в водах, металлы находятся в недрах земли. И если в лесу

растут сосны, кедровые или дубы, то обычно они растут в большом количестве; при этом остальные породы деревьев произрастают там не так уже хорошо. Земля, богатая золотом, не содержит в себе в таком же изобилии других металлов. Но в еще большей мере эта истина проявляется в нашем теле: в нем каждый отдельный член должен, конечно, получить соответствующую часть принятой пищи; однако необходимая для его питания часть ее поступает не в сыром виде, чтобы он сам ее перерабатывал и усваивал, а в организме имеются определенные части тела, как бы специально предназначенные для этой цели мастерские, чтобы с пользой для всего организма принимать пищу, согревать ее, переваривать и, наконец, в переваренном виде распределять питание всем остальным членам. Таким образом, желудок образует сок, печень—кровь, сердце—дух жизни, мозг—душевный дух; все это уже в готовом виде легко распределяется по всем членам и приятно поддерживает жизнь во всем теле.¹ Итак, почему же школы не могут производить света мудрости, очищать его, распространять и распределять по всему организму человеческого объединения, подобно тому как мастерские поддерживают и направляют ремесла, храмы—благочестие, судебные места—правосудие?

5. И примерами искусства.

9. Наконец, если работа производится разумно, мы наблюдаем то же и на произведениях искусства. Садовник, например, проходя по лесу и среди кустарника, натолкнувшись где бы то ни было на годное для посадки растение, не сажает его тут же, но, вырыв, переносит в фруктовый сад и там ухаживает за ним вместе с сотнями других. Таким же образом, занимаясь размножением рыб для питания, человек устраивает садки для них и предоставляет им возможность размножаться там тысячами. И чем больше фруктовый сад, тем лучше обыкновенно растут деревья; чем больше садок, тем больших размеров рыбы. Поэтому как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев—сады, так для юншества—школы.

ГЛАВА IX.

Школам нужно верить всю молодежь обоего пола.

Школы должны быть общественными местами для юншества.

1. Из нижеследующего вытекает, что в школы следует отдавать не только детей богатых или знатных, но и всех вообще: знатных и незнатных, богатых

¹ Выработка крови печенью, „духа жизни“—сердцем, „душевного духа“—мозгом,—все это представления, известные в науке эпохи Коменского, смешивавшей понятия о физиологических процессах с таковыми надуманными понятиями метафизической психологии, как „дух жизни“, „душевный дух“.

и бедных, мальчиков и девочек во всех городах и местечках, селах и деревнях.

1. Потому что все должны быть воспитаны по образу божью.

ярким подобием своего творца. Следовательно, всех нужно вести к тому, чтобы они, надлежащим образом впитав в себя науку, добродетель и религию, могли с пользой пройти настоящую жизнь и достойно подготовиться к будущей. У бога нет лицемерия — не раз свидетельствует он об этом сам. А если мы позволим развивать свой ум только некоторым, исключив остальных, то будем несправедливы не только по отношению к тем, кто обладает той же самой природой, но и по отношению к самому богу, который хочет, чтобы все, на ком он начертал свой образ, его познавали, любили и восхваляли. Это, несомненно, будет происходить тем пламеннее, чем больше будет разгораться свет знания. Мы любим именно настолько, насколько познаем.

2. Все должны быть подготовлены к обязанностям своего будущего призвания.

самых отверженных, самых темных людей. Будем же подражать небесному солнцу, которое освещает вселенную, согревает и животворит землю с тем, чтобы жило, зеленело, цвело, приносило плоды все, что только может жить, зеленеть, цвести, приносить плоды.

3. В особенно-сти нужно решительно помогать детям тупым и злым от природы.

по природе более медлителен и зол, тот тем больше нуждается в помощи, чтобы по возможности освободиться от бессмысленной тупости и глупости. И нельзя найти такого скудоумия, которому совершенно уж не могло бы помочь образование (cultura). Как дырявый сосуд, часто подвергаемый мытью, хоть и не удерживает воды, но все-таки теряет свою грязь и становится чище, так тупые и глупые люди, хотя бы и не сделали никаких успехов в образовании, однако же смягчатся характером настолько, что научатся повиноваться государственной власти и служителям церкви. Кроме того, известно из опыта, что некоторые слишком медлительные от природы, получив научное образование, опережали даже людей одаренных, ибо, как верно сказал поэт,

„неутомимый труд побеждает все“. Мало того, некоторые обладают с детства прекрасным здоровьем, а затем начинают хворать и худеть, а другие наоборот — в молодости болезненны, а затем крепнут и хорошо растут. Так точно бывает и с умственными способностями: *одни развиваются быстро, но быстро слабеют и до некоторой степени тупеют, а другие сначала бывают тупыми, а затем быстро и прочно развиваются.* В фруктовых садах мы любим иметь не только деревья, рано приносящие плоды, но и такие, которые приносят плоды среди лета и позднее, так как все (как говорит в одном месте Сирах) в свое время находит свою хвалу и когда-нибудь, хоть и с опозданием, показывает, что оно существовало не напрасно. *Почему же в сад науки мы хотели бы допускать только одного рода дарования, рано созревающие и подвижные? Поэтому не будем исключать никого, кроме того, у кого бог отнял смысл, или разум.*

Следует ли также и женский пол допускать к изучению наук? 5. Нельзя представить никакого *достаточного основания, почему бы и слабый пол* (чтобы сказать кое-что отдельно о нем) *нужно было бы совершенно устранить от научных занятий* (преподаются ли они на латинском языке или на родном). Женщины — также образ божий. Равно причастны они благодати и царству будущего века. Одинаково они одарены (часто более нашего пола) быстрым и воспринимающим мудрость умом. Одинаково им открыт доступ к самым высоким положениям, так как часто самим богом они призывались к управлению народами, к тому, чтобы давать самые спасительные советы царям и князьям, к изучению медицины, к другим делам, полезным для человеческого рода, даже к пророческой деятельности и к тому, чтобы обличать священников и епископов. Так почему же допускать их к изучению азбуки и устранять их потом от чтения книг? Боймся ли мы их легкомыслия? Но чем более мы будем занимать их ум, тем менее найдет себе место у них легкомыслие, которое обыкновенно рождается от пустоты ума.

С какою, однако, осторожно- 6. Однако это нужно делать с такой предосторожностью, чтобы девушкам, как и юношеству другого пола, не была доступна первая попавшаяся книга (нужно сожалеть о том, что этого не избегали до сих пор с большей осмотрительностью). Им должны быть доступны книги, из которых с истинным познанием бога и дел его они могли бы постоянно почерпать истинные добродетели и истинное благочестие.

Устраняется 7. Итак, пусть никто не возражает мне изображение против этого. известными апостольскими словами: „Жене учить не повелеваю“ (1 Тим., II, 12) или известными словами Ювенала из VI сатиры:

„Пусть матрона, которая состоит с тобой в брачном союзе, не владеет изысканной речью или пусть не упражняется в краткой энтимеме¹, в изящной речи и не знает всяких историй“.

Или пусть не возражают тем, что говорит у Эврипида Ипполит:

„Я ненавижу ученую женщину. Пусть никогда не будет в моем доме женщина, которая знает больше, чем ей подобает: ведь в ученых сама Киприда влагает больше коварства“.

Это, говорю я, нисколько не противоречит нашему намерению, так как мы советуем учить женщин не для пустой любознательности, но для благонравия и счастья, учить особенно тому, что подобает им знать, чем владеть как для достойного устройства своей домашней жизни, так и для попечения о своем собственном благополучии и о благополучии мужа, детей и семьи.

Другое возражение. 8. Если кто-нибудь возразил бы: *что произойдет, если ремесленники, мужики, носильщики и даже женщины стали бы учеными?* Отвечаю: Произойдет то, что когда будет установлено законом это всеобщее образование юношества, то после этого ни у кого не будет недостатка в хороших предметах для размышления, желания, стремления, даже действия, и все будут знать, куда нужно направлять в жизни все действия и все стремления, в каких границах нужно жить и каким образом каждому охранять свое положение. Кроме того, все, даже среди работ и трудов, будут наслаждаться помышлением о словах и делах божиих и, благодаря чтению библии и других хороших книг (к которым, как уже вкусивших их, будут увлекать эти лучшие наслаждения), они будут избегать праздности, опасной для плоти и крови. И — скажу раз и навсегда — они научатся везде видеть бога, везде хвалить его, везде его постигать и таким образом проводить приятнее эту бедственную жизнь и с большим желанием и надеждой ожидать вечной жизни. Но такое состояние церкви не представляло ли бы для нас рая, какой только возможно иметь под солнцем?

¹ *Энтимема* (умолчание) — сокращенное силлогистическое умозаключение. В обычном силлогизме две посылки и заключение, а в энтимеме одна из посылок опускается, как сама собой разумеющаяся. Например:

Гипотенуза лежит против наибольшего угла треугольника.

Следовательно, гипотенуза есть наибольшая сторона прямоугольного треугольника.

В этом умозаключении опущена вторая посылка, которая, очевидно, была бы такой:

Во всяком треугольнике против большего угла лежит и большая сторона.

ГЛАВА X.

Обучение в школах должно быть универсальным

В чем же заключается все, чему нужно учить и учиться в школах.

1. Теперь нам нужно доказать, что в школах всех нужно учить *всему*. Но этого нельзя понимать так, однако, как будто бы мы требовали от всех знания всех наук и искусств (особенно знания точного и глубочайшего). Это ведь по существу дела бесполезно и, по краткости нашей жизни, ни для кого из людей не возможно. Ведь мы видим, что любая наука (физика, арифметика, геометрия, астрономия и пр., даже сельское хозяйство или садоводство) так глубоко и так широко развилась, что даже у самых выдающихся умов, если они желают заняться теоретическими размышлениями и опытами, она могла бы наполнить всю жизнь. Так, например, это и случилось у Пифагора с арифметикой, у Архимеда с механикой, у Агриколы с рудничным делом (металлургией), у Лонголия с риторикой (хотя последний стремился только к тому, чтобы стать совершенным цicerонианцем). Но во всяком случае необходимо заботиться и даже добиваться того, чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки.

Именно в том, что касается образования всего человека.

2. Итак, во всех случаях без исключения нужно стремиться к тому, чтобы в школах, а отсюда благодаря школам и во всей жизни

1. При посредстве наук и искусств развивались способности.

II. Совершенствовались языки.

III. Развивались благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями.

IV. Бог искренно почитался.

В мудрости, благоразумии, благочестии.

3. Ведь мудро сказал тот, кто сказал, что школы — *мастерские гуманности*, если они достигают того, что люди становятся действительно людьми, т. е. (возвращаясь к поставленным выше целям): I. Созданием разумным. II. Созданием, господствующим над всеми творениями

(также и над самим человеком). III. Созданием, которое является радостью своего творца. Это будет происходить в том случае, если школы много потрудятся над тем, чтобы сделать людей мудрыми по уму, благонравными в своих действиях и благочестивыми сердцем.

Доказывается, что эти три качества не должны быть разрываемы:

4. Эти три качества поэтому нужно внедрять во всех школах всему юношеству. Это я докажу, взяв за основание:

I. Вещи, которыми мы окружены,

II. Нас самих,

III. Христа — богочеловека — как совершеннейший образец нашего совершенства.

1. Связью самих вещей.

5. Сами вещи, которые имеют к нам отношение, должны быть разделены на три группы. Некоторые, как небо и земля и то, что в них, представляют только предмет исследования, некоторые, как всюду распространенный дивный порядок, — предмет подражания, который постоянно повелевается человеку осуществлять в своих действиях; наконец, некоторые, как милость божия и многократное его благоволение здесь и во веки, служат для наслаждения. Если ко всему этому человек должен быть подготовлен, то его нужно научить, во-первых, познавать то, что растилается пред ним при созерцании этого удивительного зрелища мира, во-вторых, научить тому, что он обязан делать, и, наконец, научить наслаждаться тем, что, точно в гостеприимном доме, подает ему своей щедрой рукой всеблаготворец.

2. Строением нашей души.

6. Если мы взглянем на самих себя (примем ли во внимание сущность нашей души, или цель нашего появления и вселения в мир), то равным образом обнаружим, что одинаково всем присущи образование, нравственность и благочестие.

7. *Сущность души составлена из трех способностей* (которые воспроизводят несотворенную троицу): *разума, воли и памяти*. Разум направляется на наблюдение различий между вещами (вплоть до малейших мелочей), воля стремится к отбору полезных вещей и к отстранению вредных, а память хранит для будущего использования то, чем когда-либо занимались разум и воля, и напоминает душе о ее зависимости от бога и об ее обязанностях, в этом последнем отношении память называется также совестью¹.

¹ Память в качестве одной из трех основных частей душевных способностей имеет место и у Бэкона Веруламского. Последний, однако, давал классификацию душевных способностей по их значению и роли для создания наук. Поэтому наряду с памятью, на которой основываются, по Бэкону, исторические науки, он ставил рассудок и фантазию.

Чтобы эти способности могли с успехом проявлять (выполнять) указанные свойства (свои обязанности), совершенно необходимо снабдить их тем, что просвещало бы разум, направляло бы волю, пробуждало бы совесть, благодаря чему разум проницательно познавал бы вещи, воля безошибочно делала отбор, а совесть чутко устремляла бы все к богу. Следовательно, как нельзя отрывать друг от друга эти три способности (разум, волю и совесть), так как они составляют единую душу, так не следует разрывать и три украшения души: образование, добродетель и благочестие.

Целью нашего
ниспослания
и мир.

8. Далее, если мы поразмыслим, зачем мы посланы в мир, то будет ясно, что цель эта вдвойне троякая, а именно: чтобы служить богу, созданиям и себе и наслаждаться радостью, проистекающей от бога, созданий и от нас самих.

1) Чтобы слу-
жить богу, ближ-
ним и себе самим.

9. Если мы хотим служить богу, ближним и себе самим, то по отношению к богу нам нужно иметь благочестие, по отношению к ближним — нравственность и в отношении нас самих — знание. Правда, все это так тесно связано между собой, что как человек по отношению к себе самому должен быть не только благо-разумным, но и нравственным и благочестивым, так и ко благу ближнего должны служить не только добрые нравы, но и знание и благочестие, а славе божией должны содействовать не только благочестие, но и знание, и добрые нравы.

2) Чтобы поль-
зоваться тройным
наслаждением,
проистекающим

10. Что касается наслаждения, то бог при сотворении засвидетельствовал, что оно предназначено для человека, так как ввел его в мир, уже украшенный всеми благами и, сверх того, создал для него рай блаженства и, наконец, постановил сделать его участником своего блаженства.

11. А наслаждение нужно понимать не физическое (хотя и оно, будучи не чем иным, как крепостью здоровья, удовольствием от пищи и сна, может проистекать не из чего иного, как только от добродетели умеренности), а духов-

Сведение Коменским функций памяти к напоминанию „душе в ее зависимости от бога и об ее обязанностях“ является одним из совершенно произвольных богословских истолкований, к которым нередко прибегает Коменский. К числу таких же произвольных истолкований относится и замечание Коменского о том, что названные им душевные способности „воспроизводят несотворенную троицу“. Это — традиционное для того времени схоластическое истолкование функций душевной жизни человека как отражения свойств божества.

ное, которое истекает или от вещей, нас окружающих, или от нас самих, или, наконец, от бога.

а) От самих вещей; 12. Наслаждение, истекающее от самих вещей, есть то удовольствие от размышлений, которое испытывает мудрец. Ведь чем бы он ни занимался, что бы ни представлялось его взору, на что бы он ни обращал свое размышление, всюду и во всем этом он находит прелести, доставляющие ему столь большое удовольствие, что часто он, как бы вне себя от увлечения, забывает о себе самом. Об этом именно и свидетельствует книга „Премудрости“: „В обращении мудрости нет суровости, ни в сожитии с нею — скорби, но веселие и радость“ (Премудр., VIII, 16). А языческий мудрец говорит: „Нет ничего в жизни приятнее, как философствовать“.

б) От себя самих; 13. Удовольствие, получаемое от самого себя, представляет то величайшее наслаждение, которое испытывает человек, отдавшийся добродетели, радуясь своему внутреннему доброму расположению. Он сознает себя готовым выполнять все, чего требуют правила справедливости. Эта радость гораздо больше, чем первая: чистая совесть — непрерывный пир.

в) От бога. 14. Наслаждение в боге есть наивысшая ступень радости в этой жизни. Чувствуя вечное милосердие к себе бога, человек так восторгается его отеческой и неизменной милостью, что сердце его от любви к богу тает и он не знает, что ему более совершать или чего желать, кроме того, чтобы, поручая всего себя милосердию божию, сладостно пребывать в покое и наслаждаться предвкушением вечной жизни. Это то, превышающее всякое разумение спокойствие в боге (Филипп., IV, 7), выше которого ничего нельзя ни пожелать, ни помыслить. Итак, есть три качества: образование, добродетель, благочестие — три источника, из которых вытекают все источники самых совершенных наслаждений.

15. Наконец, бог, явившийся во плоти (для того, чтобы явить в себе образ и закон всего), своим примером научил, что эти три качества должны быть у всех вместе и у каждого в отдельности. Ведь евангелист свидетельствует, что он, преуспевая в возрасте, вместе с тем преуспевал в премудрости и любви у бога и человеков (Лука, II, 52). Вот где счастливая троица наших украшений. Ведь что такое мудрость, если не познание всех вещей так, как они есть? Что вызывает любовь у людей, если не нравственный характер? А что привлекает к нам милость божию, если не страх перед господом, т. е. внутреннее,

3. Примером Христа—нашего образца.

серьезное и пламенное благочестие? Итак, восчувствуем в себе то, что есть во Христе Иисусе, который является абсолютнейшей идеей всякого совершенства, с которой нам подобает согласоваться.

16. Ибо поэтому и сказал он: „Научитесь от меня“ (Матф., XI, 29). И так как Христос был дан человеческому роду как просвещеннейший учитель, святейший жрец, могущественнейший царь, то ясно, что христиан должно образовывать по примеру Христа и делать их просвещенными по уму, святыми по влечению совести, мощными по делам (каждому в своем призвании). Итак, школы наши будут подлинно христианскими лишь тогда, если сделают нас возможно более подобными Христу.

Несчастный
разлад.

17. Поэтому является несчастным разладом, если в чем-нибудь эти три качества не связаны неразрывными узами. Несчастно то образование, которое не переходит в нравственность и благочестие. Ведь что такое научное образование без нравственности? *Кто успевает в науках, а отстаёт в добрых нравах* (старинная поговорка), *тот скорее отстаёт, чем успевает*. Следовательно, что сказал Соломон о красивой, но отвергающей разум женщине, то же можно сказать об образованном, но безнравственном человеке: „Что золотое кольцо в носу свиньи, то образование у человека, который отвращается от добродетели“ (Притч., XI, 5). Как драгоценные камни оправляются не свинцом, а золотом, придающим им больший блеск, так знание должно соединяться не с распушенностью, а с добродетелью, и тогда оно увеличит и свой блеск, и блеск добродетели. А где к тому же присоединится истинное благочестие, там осуществится совершенство. Ибо страх господень является как началом и концом мудрости, так равным образом — завершением и венцом знания, так как полнота премудрости есть страх господень (Притч., I; Сир., I и др.).

Заключение.

18. Словом, так как от детского возраста и воспитания зависит вся последующая жизнь, то цель не будет достигнута, если души всех не будут подготовлены заранее ко всему, что предстоит в жизни. Итак, подобно тому как в чреве матери у каждого будущего человека образуются одни и те же члены, и притом у каждого человека все: руки, ноги, язык и пр., хотя не все должны быть ремесленниками, скороходами, писцами, ораторами, — так и в школе всех должно учить всему тому, что касается человека, хотя впоследствии одним будет более полезно одно, а другим — другое.

ГЛАВА XII.

Школы можно преобразовать к лучшему.

Следует ли лечить застарелые болезни?

1. Излечить застарелые болезни трудно, тяжело, и считается почти невозможным. Однако, если бы кто-нибудь нашелся, кто обещал бы их излечить, неужели больной отверг бы это? Разве больной не пожелал бы, чтобы как можно скорее было применено лечение, особенно если он чувствовал бы, что врач руководится не легкомыслием, а прочным основанием? Итак, в нашем смелом предложении нам нужно добиваться того, чтобы, во-первых, стало ясным то, что мы обещаем, а во-вторых, на каком основании.

Что мог бы предложить здесь и обещать автор.

2. Мы же обещаем такое устройство школ, благодаря которому

1. Образование должно получать все юношество, за исключением разве тех, кому бог отказал в разуме.

II. Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.

III. Как подготовка к жизни, это образование должно быть закончено еще до наступления зрелости.

IV. Это образование должно происходить весьма легко и мягко как бы само собою — без побоев и суровости или какого-либо принуждения.

Как организм растет и крепнет, не требуя никакого расширения и растягивания своих членов, если только его разумно питать, дать ему тепло и упражнения, так, говорю я, разумно доставляемые душе питание, тепло, упражнения должны сами собой переходить в мудрость, добродетель, благочестие.

V. Юношество должно получить образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное, т. е., чтобы разумное существо — человек — приучался руководствоваться не чужим умом, а своим собственным, не только вычитывать из книг и понимать чужие мнения о вещах или даже заучивать и воспроизводить их в цитатах, но развивать в себе способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание их и употребление их. Нужно также стремиться к основательному усвоению нравственности и благочестия.

VI. Это образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно легким. Нужно уделять не более четырех часов ежедневно на занятия в школе, и притом так, чтобы было достаточно одного учителя для обучения одновременно хотя бы ста учеников. Причем эта работа все же будет в десять раз легче, чем та, которая

теперь обыкновенно затрачивается на обучение отдельно взятых учащихся по одиночке.

Природные свойства людей в отношении к новым изобретениям иллюстрируются:
примером машины Архимеда,

3. Но кто поверит этому, прежде чем не увидит на деле? Ведь известна характерная особенность людей: до того, как будет сделано какое-либо замечательное открытие, они удивляются, как это оно может быть сделано, а после того как оно сделано, удивляются, как это оно не было открыто раньше. Когда Архимед обещал царю Гиерону одной рукой спустить в море огромный корабль, который не могли сдвинуть с места сто человек, он был встречен насмешками, а когда это было выполнено, все изумились.

примером открытия Нового Света,

4. Когда Колумб обещал открыть новые острова на западе, то, за исключением короля Кастилии, никто из королей не хотел его слушать и хоть сколько-нибудь помочь в его попытке. История повествует, что сами его спутники неоднократно приходили вследствие отчаяния в негодование, так что едва не выбросили Колумба в море и не вернулись назад, не доведя дела до конца. И однако этот столь обширный Новый Свет был открыт, и все мы теперь удивляемся, как это он не был так долго открыт. Относится сюда и известная шутка того же Колумба. Когда он услышал на одной пирушке, что испанцы, завидуя славе такого открытия, сделанного итальянцем, нападали на него и, между прочим, говорили, что открытие сделано случайно, а не благодаря его таланту, и что оно могло бы быть сделано кем-либо другим,— он предложил остроумную задачу: „Каким образом куриное яйцо может стоять на своем остром конце без всякой подпорки?“. Когда все напрасно пытались это сделать, он, слегка ударив яйцо о блюдо и несколько надломив скорлупу, поставил яйцо. Те рассмеялись и стали кричать, что то же самое могут сделать и они. „Теперь вы можете,— сказал он,— так как вы увидели, что это возможно; но почему же никто не сделал этого раньше меня?“.

примером типографского искусства,

5. То же самое, я думаю, было бы, если бы Иоганн Фауст, изобретатель типографского искусства, начал везде рассказывать, что у него есть способ, благодаря которому один человек в течение восьми дней может написать больше книг, чем пишут обыкновенно в течение целого года десять опытейших переписчиков, и что книги будут написаны весьма изящно, что все экземпляры будут одной и той же формы до самой последней буквы и что в них не будет совершенно ошибок, если только первоначальный экземпляр будет выправлен. Кто

бы ему поверил? Кому это не показалось бы загадкой или, по крайней мере, пустым и бесполезным хвастовством? Однако теперь даже дети знают, что это совершенно верно.

6. Если бы Бартольд Шварц, изобретением пороха, изобретатель медных орудий, обратился к стрелкам из лука с такими словами: „Ваши луки, ваши метательные машины, ваши пращи бессильны. Я вам дам орудие, которое без всякого усилия рук, только с помощью огня, не только будет выбрасывать камни и железо, но и будет стрелять дальше и вернее попадать в цель, поражать сильнее, потрясать и разрушать“, — кто из них не рассмеялся бы над изобретателем? Так обычно считают новое и неиспробованное за чудесное и невероятное.

7. Первобытные жители Америки, конечно, не могли вообразить себе, как может быть, чтобы один человек мог сообщать другому свои мысли, не вступая с ним в разговор, без передатчика, а только переслав ему клочок бумажки. Это понимают у нас даже самые тупоумные. Совершенно так везде и во всем. То, что казалось некогда трудным, вызывает у потомков улыбку.

8. Мы легко предвидим, что та же судьба постигнет и это наше новое начинание: отчасти мы даже это уже испытывали. Именно, некоторые будут удивляться и негодовать, что есть люди, которые смеют упрекать в несовершенстве школы, книги, методы, принятые на практике, и обещать нечто необычное и превышающее всякое вероятие.

9. И нам, конечно, весьма легко было бы сослаться на успех, как на правдивейшее подтверждение в будущем нашего утверждения (так я верю в моего бога). Однако, так как это мы пишем предварительно не для невежественной толпы, а для людей ученых, то нужно доказать, что возможно все юношество научить наукам, добрым нравам и благочестию без всякого обременения ими, испытываемого как учащими, так и учащимися при обычно применяемом методе.

10. Единственным и вполне достаточным основанием этого доказательства пусть будет следующее: *каждая вещь не только легко позволяет себя направлять туда, куда влечет ее природа, но, больше того, и сама охотно устремляется туда и испытывает страдание, если ей в этом помешать.*

Развитие его

11. Ведь нет, конечно, никакой необходимости принуждать птицу летать, рыбу плавать, зверя приучать бегать. Они делают это сами собой, лишь только чувствуют, что достаточно окрепли. Точно так же нет необходимости заставлять воду течь по покатоному месту вниз или — разгораться огонь, получивший горючий материал и приток воздуха, круглый камень катиться вниз, а квадратный камень заставлять лежать на месте, глаз и зеркало воспринимать предметы, если возле них есть свет, семя, согретое влагою и теплом, произрастать. Итак, все вещи стремятся действовать так, как им от природы надлежит действовать. И проявляют свою деятельность хотя бы при малейшем содействии им.

и применение.

12. Итак, ввиду того что семена знания, нравственности и благочестия (как мы это видели в пятой главе) от природы присущи всем людям (за исключением уродов), то отсюда по необходимости следует, что нет надобности ни в чем, кроме самого легкого побуждения их и некоторого разумного руководства ими.

Возражение первое.

13. Но, говорят, не из каждого куска дерева выходит Меркурий¹. Отвечаю: *но из каждого человека выходит человек, если нет порчи.*

Возражение второе.

14. Тем не менее (возразит кто-нибудь) внутренние наши силы вследствие первоначального греха надломлены. Отвечаю: но не иссякли. Конечно, так же ослаблены телесные силы, однако мы умеем укреплять их до пределов их естественной крепости при помощи ходьбы, бега и упражнений на искусственных работах. Хотя первые люди сразу же после их сотворения могли ходить, говорить, рассуждать, а мы можем ходить говорить рассуждать только научившись этому путем упражнения, все-таки отсюда не следует, что нельзя научиться этому иначе, как при помощи запущенного метода, с большими трудностями, с сомнительным результатом. Ведь если всему тому, что относится к телу, а именно: есть, пить, ходить, прыгать, производить работу, мы выучиваемся без особых затруднений, так почему же мы не можем таким же образом научиться и всему тому, что относится к духовным силам? Только бы не было недостатка в надлежащем наставлении.

¹ Выражение взято из практики скульптурных изображений мифических божеств и так называемых „полубогов“. Фигура Меркурия, он представлен в мифических сказаниях, особенно трудна для изображения на дереве.

Что прибавить к этому более? В течение нескольких месяцев наездник обучает коня по знаку хлыста бегать рысью, скакать, ходить по кругу и делать сложные движения. Ловкий фигляр выучивает медведя танцевать, зайца бить в бубны, собаку пахать, фехтовать, гадать и пр. Жалкая старуха научает попугая, сороку, ворона подражать человеческим звукам или мелодиям и т. п. — все это вопреки природе и в короткое время. Как же человек не был бы в состоянии легко научиться тому, к чему сама природа, не говоря допуская его или ведет, а даже влечет? Стыдно было бы утверждать это, чтобы нас не засмеяли дрессировщики зверей.

**Возражение
третье.**

15. К этому прибавляют, будто самая трудность вещей приводит к тому, что не каждый их понимает. Отвечаю: какая это трудность? Есть ли, спрашиваю я, в природе столь темного цвета тело, которое не могло бы отразиться в зеркале, лишь бы только кто хорошо расположил его при достаточном освещении? Есть ли что-либо, чего нельзя было бы нарисовать на картине, лишь бы рисовал тот, кто умеет рисовать? Найдется ли какое-либо семя или корень, которых бы не могла воспринять земля и не довести своим теплом до прорастания? Был бы только человек, который бы знал, где, когда, как нужно сажать каждое семя. Прибавлю к этому: нет в мире столь высокой скалы или башни, на которые не мог бы подняться всякий, у кого есть ноги, лишь бы только лестницы были приставлены правильно или ступеньки, высеченные в самой скале, были сделаны в надлежащем положении и порядке и ограждены были бы загородками от опасности падения в пропасть. Поэтому, если до вершин знаний доходят столь немногие, хотя подходят к ним с рвением и чрезвычайно охотно, а те, которые в какой-либо мере приближаются к ним, достигают этого не иначе как с трудом, задыхаясь, усталые, с головокружением, постоянно спотыкаясь и падая, — то это происходит не оттого, что для человеческого рода есть что-либо недоступное, а оттого, что ступеньки расположены плохо, испорчены, с провалами, готовы обрушиться, т. е. оттого, что метод запутан. Несомненно, что по правильно расположенным, неповрежденным, крепким, безопасным ступенькам можно кого угодно возвести на какую угодно высоту.

**Возражение
четвертое.**

Ответ первый.

16. Скажут: тем не менее есть тупейшие головы, в которые ничего нельзя вложить. Отвечаю: едва ли есть настолько загрязненное зеркало, чтобы оно все-таки хоть как-нибудь не воспринимало изображения; едва ли есть столь шероховатая доска, чтобы на ней все-таки чего-нибудь и как-нибудь нельзя было написать.

Ответ второй. Однако, если попадаете зеркало, загрязненное пылью или пятнами, его пред- парительно нужно вытереть, а шероховатую доску нужно выстрогать; после этого они будут годны для употребления.

Равным образом юношество, если его упражнять, конечно будет изощряться и развиваться один с помощью другого, и, наконец, всякий будет воспринимать все (я упорно настаиваю на этом моем утверждении, так как основание остается неизменным). Разница окажется лишь в том, что более отсталые будут знать, что они восприняли весьма ограниченное знание вещей, но все же кое-что восприняли, более же способные, переходя от изучения одного предмета к другому, будут все глубже и глубже проникать в сущность вещей и тем самым приобретать все новые и полезные знания о них.

Ответ третий. Наконец, пусть найдутся такие, которые совершенно неспособны к образованию, как сучковатое дерево не годно для резьбы. Все же наше утверждение будет истинным для умов средних, которые, милостию божиею, всегда рождаются в величайшем изобилии. Скудные умом встречаются так же редко, как и природные калеки. Ведь слепота, глухота, хромота, плохое здоровье как и чудовищная (неестественная) тупость мозга редко бывают прирожденными, а приобретаются по нашей вине.

Возражение пятое. 17. Еще возражают: Некоторые прояв- ляют не способность к учению, а не- желание; принуждать их учиться против воли — и скучно и бесполезно. Следует ответ: действительно рассказывают про какого-то философа, что он, имея двух учеников — одного неспособного, а другого шаловливого, — прогнал обоих, так как один, желая учиться, не мог, а дру- гой, имея способности, не желал. Ну, а что если причину этого нежелания учиться являются сами учителя?

Ответ. Аристотель, по крайней мере, про- возгласил, что стремление учиться чело- веку врождено; что это так, мы видели в пятой главе и в предшествующей — одиннадцатой. Но так как иногда не- жная снисходительность родителей извращает у детей естественное стремление, иногда их привлекают к пустым занятиям необузданные товарищи, иногда сами дети отвле- каются от врожденных стремлений из-за различных город- ских или придворных развлечений или из-за обольщения какими-либо внешними предметами, то отсюда и происхо- дит, что у детей отпадает всякое желание усваивать неиз- вестное и они нелегко могут на чем-либо сосредоточиться. Подобно тому как язык, пропитанный одним вкусом, не- легко различает другой, так и ум, увлеченный чем-либо

одним, недостаточно внимателен к чему-либо другому. Поэтому в таких случаях прежде всего нужно устранить эту случайно возникшую тупость, вернуть детей к первоначальной природной восприимчивости, и несомненно у них восстановится стремление к знанию. А многие ли из занимающихся образованием юношества размышляют над тем, как сделать юношество прежде всего восприимчивым к образованию? Ведь токарь, прежде чем вытачивать что-либо из дерева, сначала обрубает его топором, кузнец, прежде чем ковать железо, размягчает его, ткач, прежде чем прясть нитки из шерсти, ставит основу, очищает шерсть, промывает ее и расчесывает, а сапожник, прежде чем шить сапоги, кожу обрабатывает, вытягивает, разглаживает. Но кто же, говоря я, обращает внимание на то, чтобы таким же образом учитель, прежде чем начать образовывать ученика, возбудил бы интерес к знанию, своими наставлениями сделал бы его способным к учению, вызвал бы в нем большую готовность во всем повиноваться своему наставнику? Обычно каждый учитель берет ученика таким, каким он его находит, и сразу же начинает подвергать его обработке, вытачивает его, кует, расчесывает, ткёт, приспособляет к своим образцам и рассчитывает, что тот станет блеснуть, как отполированный. Если же этого немедленно по его желанию не произойдет (а как могло это произойти, спрашиваю я), то он негодует, шумит, неистовствует. Мы не удивляемся, что от подобного образования некоторые уклоняются и бегут от него! Скорее следует удивляться тому, как кто-либо в состоянии выдерживать его.

Шесть способностей. 18. Тут как раз представляется случай напомнить кое-что о различии способностей, а именно: у одних способности острые, у других — тупые, у одних — гибкие и податливые, у других — твердые и упрямые, одни стремятся к знаниям ради знания, другие увлекаются скорее механической работой. Из этого трижды двойного рода способностей возникает шестикратное сочетание их.

19. Во-первых, есть ученики с острым умом, стремящиеся к знанию и податливые; они, преимущественно пред всеми другими, особенно способны к занятиям. Им ничего не нужно, кроме того, чтобы предлагалась научная пища; растут они сами, как благородные растения. Нужно только благоразумие, чтобы не позволять им слишком торопиться, чтобы раньше времени они не ослабели и не истощились.

20. Во-вторых, есть дети, обладающие острым умом, но медлительные, хотя и послушные. Они нуждаются только в прищипывании.

21. В-третьих, есть ученики с острым умом и стремящиеся к знанию, но необузданные и упрямые. Таких обыкновенно в школах ненавидят и большей частью считают безнадежными; однако, если их надлежащим образом воспитывать, из них обыкновенно выходят великие люди. В качестве примера история дала великого афинского полководца *Фемистокла*, который в юности был неукротимого нрава (так что учитель ему говорил: „Ты, дитя, не будешь посредственностью; ты принесешь государству или великое благо, или великое зло“). Когда впоследствии удивлялись тому, что характер его изменился, он обыкновенно говорил: неукротимые молодые лошади становятся прекрасными, если к ним применяется правильное обучение. Это оправдалось на Буцефале Александра Великого. Ибо когда Александр увидел, что его отец Филипп считает негодным коня из-за его исключительной дикости, так как тот не подпускал к себе ни одного наездника, он сказал: „Какого коня они губят из-за неумения им воспользоваться!“ И когда он, не прибегая к ударам, удивительно искусно обошелся с конем, то добился того, что не только тогда, но и впоследствии Буцефал постоянно носил на себе Александра, и во всем мире нельзя было найти коня более благородного и более достойного такого героя. Передавая этот рассказ, Плутарх прибавляет: *„Пример этого коня указывает нам на то, что много отличных природных дарований гибнет по вине наставников, которые коней обращают в ослов, не умея управлять возвышенными и свободными существами“*.

22. В-четвертых, есть ученики послушные и любознательные при обучении, но медлительные и вялые. И такие могут идти по стопам идущих впереди. Но, для того чтобы сделать это для них возможным, нужно снизойти к их слабости, никогда не переобременять их, не предъявлять к ним слишком строгих требований, относясь к ним доброжелательно и терпеливо, или помогать, ободрять и поддерживать их, чтобы они не падали духом. Пусть они позднее придут к цели, зато они будут крепче, как бывает с поздними плодами. И как печать с большим трудом оттискивается на свинце, но держится дольше, так и эти ученики в большинстве случаев более жизненны, чем даровитые, и раз они что-либо усвоили, они не так легко забывают. Поэтому их не следует устранять из школ.

23. В-пятых, есть ученики тупые и, сверх того, равнодушные и вялые. Их еще можно исправить, лишь бы только они не были упрямыми. Но при этом требуется великое благоразумие и терпение.

24. На последнем месте стоят ученики тупые, с извращенной и злобной натурой; большей частью эти ученики

безнадежны. Однако известно, что в природе для всего испорченного есть противодействующие средства и бесплодные от природы деревья при правильной посадке становятся плодоносными. Поэтому вообще не следует отчаиваться, а нужно добиваться устранить у таких учеников, по крайней мере, упрямство. Если этого достигнуть не удастся, тогда только можно бросить искривленное и суковатое дерево, из которого ты напрасно будешь надеяться создать Меркурия. Почву бесплодную, говорит К а т о н, не следует ни обрабатывать, ни трогать. Однако среди тысяч едва ли найдется хоть одна столь выродившаяся натура; это-то и служит замечательным доказательством божией благодати.

25. Сущность сказанного сводится к следующему высказыванию П л у т а р х а: *„Какими дети рождаются, это ни от кого не зависит, но чтобы они путем правильного воспитания сделались хорошими—это в нашей власти“*. Да, в нашей власти, говорит он. Так, садовник из любого живого корня выращивает дерево, применяя в необходимых случаях именно свое искусство посадки.

Четырьмя способами доказыва-
ется, что ко всем
способностям
можно, однако,
подходить с од-
ним и тем же ис-
кусством и мето-
дом.

26. Четыре следующих доказательства показывают, что все юношество со столь различными способностями можно воспитывать и образовывать одним и тем же методом.

27. Во-первых, всех людей следует вести к одним и тем же предметам мудрости, нравственности и благочестия.

28. Во-вторых, как бы ни отличались люди друг от друга способностями, все они обладают одной и той же человеческой природой, снабженной одними и теми же органами.

29. В-третьих, указанное различие способностей есть не что иное, как отступление от естественной гармонии или недостаток ее, точно так же как болезни тела выражаются в излишках влажности или сухости, теплоты или холода. Например, что такое острота ума, как не тонкость и подвижность жизненного духа в мозгу, чрезвычайно стремительно распространяющаяся через органы чувств и с величайшей поспешностью проникающая в представляющиеся вещи? ¹. Если эта быстрота не сдерживается в какой-либо степени разумом, то дух рассеивается, а мозг остается или ослабленным или тупым; итак, рано развивающиеся умы большей частью или уносятся преждевременной смертью, или тупеют. Наоборот, что такое тупость ума, если не не-

¹ См. примечание к § 8 гл. VIII.

поворотливость и затмение жизненного духа в мозгу? Вследствие более частого движения темнота духа по необходимости рассеивается и светлеет. А что такое, спрашиваю я, дерзость и упрямство, как не излишняя подвижность сердца, не склоняющегося к уступчивости? Ее поэтому нужно смягчать дисциплиною. А что такое вялость, если не чрезмерная слабость сердца, нуждающаяся в укреплении? Поэтому, как для тела наиболее подходящим лечением является не то, которое применяет противоположные средства (так как это вызывает более ожесточенную борьбу), а то, которое смягчает противоположность так, чтобы в одной части не было в чем-либо недостатка, а в другой — излишка; точно так же при недостатках человеческого духа наилучшим методом будет лечение, при котором умеряются излишества и недостатки дарований и все приводится в гармонию и приятную согласованность. Вследствие этого наш метод приспособлен к средним способностям (которые всего чаще встречаются), чтобы сдерживать преждевременное истощение наиболее даровитых и поощрять и подгонять вялых.

30. Наконец, при указанных недостатках и отклонениях способностей скорее можно помочь, пока они новы. Как на войне, пока бой происходит в правильном порядке, новобранцы смешиваются со старыми солдатами, слабые — с крепкими, ленивые — с подвижными, и все сражаются под одними и теми же знаменами, по одним и тем же приказам, а после победы каждый преследует врага, пока хочет и может, забирает добычу по желанию, — так и в этом научном походе необходимо, чтобы более медленные смешивались с более быстрыми, более тупые с более умными, упрямые с послушными и учились бы по одним и тем же правилам и примерам до тех пор, пока нуждаются в руководстве. По окончании же школы, пусть каждый изучает и усваивает науки с той быстротой, с какой может.

С какою мудростью должно действовать при смешении способностей различного характера.

инвертирует для наблюдения и управления учеников худшего нрава. Таким образом, будет проявлена прекрасная забота о тех и других; при этом, конечно, учитель должен будет следить за тем, чтобы все делалось разумно. Но, пожалуй, пора уже приступить, наконец, к разъяснению самого дела.

31. Указанное смешение я понимаю не столько в отношении места занятий, но в гораздо большей степени в отношении оказания помощи: кого учитель признает более способным, к тому он присоединяет для обучения двух или трех отстающих; тому, у кого хороший характер, он

ГЛАВА XIII.

Основую преобразования школ является точный порядок во всем¹.

Порядок—душа вещей.

1. Если бы мы обратили внимание на то, что собственно сохраняет в устойчивом состоянии всю эту вселенную со всеми ее мельчайшими вещами, то не нашли бы ничего, решительно ничего иного, *кроме порядка*, т. е. размещения вещей предшествующих и последующих, верхних и нижних, больших и малых, схожих и несхожих в соответствии с местом, временем, числом, мерой и весом, надлежащих и соответствующих каждой вещи. Кто-то метко и верно сказал, что *порядок есть душа вещей*. Ведь все, что приведено в порядок, сохраняет свое положение и целость до тех пор, пока удерживает порядок. Если порядок нарушен, то все ослабевает, колеблется, расшатывается, падает. Это ясно из примеров природы и искусства. Действительно:

Это поясняется примерами:

1. Мира.

2. Чем, спрашиваю я, достигается то, что мир отличается стройностью и существует во всей своей полноте? Конечно тем, что каждое создание весьма строго держится в своих пределах согласно предписанию природы.

Этим сохранением порядка в частностях сохраняется и порядок вселенной.

2. Небесной тверди.

3. Чем достигается столь точное и без всякого замешательства чередование различных *промежутков времени*, годов, месяцев и дней? Только неизменным порядком небесной тверди.

3. Тонкой работы маленьких живых существ.

4. Что дает возможность *пчелам, муравьям, паукам* давать работу такой точности, что человеческий ум находит в ней больше, чему удивляться, чем подражать?

Не что иное, как врожденное искусство соблюдать в действиях порядок, число, меру.

4. Человеческого тела.

5. Чем достигается то, что *человеческое тело* является столь удивительным органом, вполне достаточным для бесчисленных действий, хотя этот орган наделен не бесчисленными средствами, т. е. что немногими членами, из которых он состоит, можно выполнять изумительные по своему разнообразию дела и не требуется каких-либо дополнительных членов или изменений в них? Это достигается, конечно,

¹ Как в названии, так и в содержании главы термин „порядок“ (ordo) употребляется Коменским не в обычном, а в философском смысле слова и означает закономерную зависимость одних частей и явлений от других.

благоразумнейшей пропорцией всех членов как внутри самих себя, так и в отношении друг к другу.

5. Нашего ума. 6. Чем достигается то, что единственный данный нашему телу ум, управляя столькими действиями, является достаточным для всего тела? Только порядком, благодаря которому все члены связаны постоянными связями и по мановению первого движения, исходящего от ума, легко приводятся в соответствующее действие.

6. Мудро управляемого царства. 7. Чем объясняется, что один человек, царь или император, может управлять целыми народами и, несмотря на то, что сколько голов, столько и умов, все, однако, осуществляют намерения его одного? И если он хорошо ведет дело, все неминуемо идет хорошо. Это происходит только благодаря порядку, по которому все связаны узами законов и подчинения. Одному правителю государства ближайшим образом подчинено несколько человек, которыми он должен править непосредственно, каждому из них подчинены другие и так далее, постепенно до самого последнего человека. Таким образом, точно в цепи, одно звено поддерживает другое, так что, если двинуть одно, двигаются все; если остается в покое первое, покоятся и все другие.

7. Машины Архимеда. 8. Что это было такое, чем Гигион один мог при желании поворачивать такую громаду, которую тщетно пытались сдвинуть с места несколько сот человек? Конечно, изумительная машина, которая была построена из валов, блоков и канатов так, что одно находило себе поддержку в другом и в целях увеличения сил.

8. Пушки. 9. Страшные действия пушек, которыми потрясаются стены, ниспровергаются башни, уничтожаются войска, происходят только от определенного порядка вещей и приложения активного к пассивному, именно от правильного смешения селитры с серою (самого холодного с самым горячим), от точного соответствия орудия или пушки этим составным элементам, от достаточного снабжения орудия порохом и ядрами и, наконец, от правильной наводки на цель. Если хоть одно из этих условий отсутствует, то само орудие будет бесполезно,

9. Типографского искусства. 10. От чего зависит типографское искусство, благодаря которому быстро, изящно и правильно размножаются книги? Конечно, от порядка тщательного вырезывания медных форм, отливки, полировки, раскладывания их по кассам, разборки шрифта для нового набора, установки в машину и т. д., а также от приготовления, смачивания, разглаживания бумаги и т. д.

10. Повозки.

11. Если коснуться также и механики, то чем объясняется, что повозка, т. е. дерево и железо (составные ее части), так быстро следует за бегущими впереди конями и представляет собою столь удобное средство для перевозки людей или тяжестей? Причина заключается только в искусном сочетании дерева и железа, в колесах, осях, дышлах и в поперечных брусках при дышлах, ибо, при разрыве или сломе хоть одной из этих частей, вся машина становится бесполезной.

11. Корабля.

12. Чем объяснить, что люди, садясь на сооружения из дерева, вверяют себя яростному морю, достигают даже антиподов¹ и возвращаются невредимыми? Причина только в сочетании на корабле киля, мачты, рей и парусов, весел, руля, якоря, морского компаса и пр.; если что-либо из этого портится, то угрожает опасность качки, кораблекрушения и гибели.

12. Часов.

13. Чем объясняется, наконец, что в инструменте для измерения времени, т. е. в часах, различным образом расположенные и размещенные железные части дают сами от себя движение? И при этом стройно отсчитывают минуты, часы, дни, месяцы, а быть может, и годы? И не только показывают это глазам, но также и ушам, чтобы давать указания даже издали и в темноте? А чем объясняется, что такой инструмент пробуждает человека от сна в тот час, в который ему укажут? И сам зажигает свечу, чтобы ты, проснувшись, тотчас увидел свет? Чем объясняется, что часы могут показывать смену дней по календарю, новолуние и полнолуние и все движения и затмения светил? Что, спрашиваю я, может быть достойным удивления, если не это? Действительно, металл, вещь сама по себе неодушевленная, может делать столь живые, столь устойчивые, столь правильные движения! Разве это раньше, чем было изобретено, не считалось бы так же не возможным, как если бы кто-либо стал утверждать, что деревья могут ходить, а камни — говорить? Однако теперь наши глаза свидетельствуют, что это действительно происходит.

Вся тайна часов заключается в порядке.

14. Но по какой скрытой силе это происходит? Это совершается только вследствие явного, во всем здесь царящего порядка, а именно вследствие расположения в определенном числе, мере и порядке всех согласованно действующих здесь частей так, что каждая из них имеет

¹ Антиподы — от греческих слов *ἀντί* и *ποῦς*, *ποδός* — нога, означает жителей двух противоположных мест земного шара. Это название вытекало из наивного представления, по которому жители противоположной части земли, стоя на земле ногами, будто бы оказывались повернутыми вниз головой.

определенное назначение и определенные средства для выполнения этого назначения и определенные способы действия этих средств, а именно: точнейшую пропорцию каждой части по отношению к остальным, необходимую связь с соответствующей частью и законы взаимодействия для восприятия и передачи силы.

Таким образом, все движется с большей точностью, нежели какое-либо живое тело, приводимое в движение собственным духом. Но если в составных частях часов образуется какой-либо разрыв или что-либо ломается, разбивается или замедляется, или принимает неправильное движение, хотя бы это было самое маленькое колесико, самая маленькая ось, самая маленькая задвижка,—тотчас все или останавливается, или перестает отвечать своему назначению. Отсюда ясно видно, что и здесь *все зависит от порядка.*

Есть надежда, что должна быть изобретена организация школ, похожая на часы.

15. Итак, *искусство обучения не требует ничего иного, кроме искусного распределения времени, предметов и метода.* Если мы будем в состоянии точно установить это распределение, то обучать всему школьную молодежь в каком угодно числе будет не столько не труднее, чем, взяв типографские инструменты, ежедневно покрывать изящнейшими буквами тысячу страниц или чем, установив архимедову машину, переносить дома, башни, всевозможные тяжести, или, сев на корабль, переплыть океан и отправиться в Новый Свет. Все пойдет вперед не менее легко, чем идут часы с правильно уравновешенными тяжестями, так же приятно и радостно, как приятно и радостно смотреть на такого рода автомат, и, наконец, с такой верностью, какую можно только достигнуть в подобном искусном инструменте.

Закключение.

16. Итак, во имя всевышнего, попытаемся установить такое устройство школ, которое бы в точности соответствовало чрезвычайно искусно устроенным и изящно украшенным различными приспособлениями часам.

ГЛАВА XIV

Точный порядок для школы и притом такой, который не в состоянии были бы нарушить никакие препятствия, следует заимствовать у природы.

Основы искусства следует искать в природе.

1. Начнем, во имя божие, искать основы, на которой, точно на незыблемой скале, можно построить *метод обучения и учения.* Если мы намереваемся искать средства против

недостатков природы, то нам приходится искать их не где-либо, как в самой природе. Совершенно справедливо, что *искусство сильно не чем иным, как только подражанием природе.*

Природа, которая показывает примеры того, что и как делать:

1. При плавании человека.

вытянутые руки ему заменяют плавники, ноги—хвост, и двигать он должен ими именно так, как двигает плавниками рыба.

2. При плавании на корабле.

3. При летании.

Дедал вздумал подражать птице, ему нужно было привязать крылья, достаточные для поддержания столь тяжелого тела, и размахивать ими.

4. При производстве звуков.

Вверху находится дыхательное горло, снабженное точно запирающимся клапаном, а внизу—испускающие дыхание меха—легкие. В подражание этому устраиваются свирели, флейты, волынки и другие музыкальные духовые инструменты.

5. При появлении молнии.

который, воспламенившись и будучи выкинут из орудий, производит искусственный гром, блеск и молнию¹.

6. В водопроводе.

с двумя отверстиями, каким бы расстоянием они ни отделялись друг от друга. На этом основании пробовали устроить посредством труб различные водопроводы; оказывается, что вода сама поднимается из любой глубины до любой высоты, если она настолько же понижается с про-

2. Поясним это примерами. Видишь ли ты, как рыба плавает в воде? Это ей свойственно по природе. Если человек пожелает ей подражать, то вынужден будет прибегнуть к орудиям и движениям наподобие тех, которыми она пользуется: ему заменяют плавники, ноги—хвост, и двигать он должен ими именно так, как двигает плавниками рыба.

Даже корабли могут быть построены только по тому же принципу: роль плавников играют у них весла или паруса, а роль хвоста—руль, или правило.

Видишь, как по воздуху летает птица? Это ей свойственно по природе. Когда

3. Органом для производства звуков у животных является твердый канал, состоящий из хрящевидных колец, причем

4. Замечено, что то, что в облаках производит гром и выбрасывает огонь и камни, есть зажженная селитра с серою. В

5. Замечено, что вода сохраняет горизонтальную поверхность даже в сосуде

¹ Явления молнии и грома объясняются электрическими разрядами, что было совершенно неизвестно в эпоху Коменского. Да и изобретение пороха имело место совсем по другим поводам и причинам, чем это представляет здесь Коменский как подражание природе.

тивоположной стороны. Это производится искусственно, но сообразно с природой. Что это так происходит — дело искусства, а что это вообще происходит — дело природы.

7. В измерении времени.

6. Созерцая небесный свод, люди заметили, что он непрестанно вращается и, вследствие различного кругового движения светил, миру дается приятное разнообразие времен года. В соответствии с этими наблюдениями был изобретен аппарат, похожий по форме на небесный свод, изображающий суточное обращение светил и измеряющий часы¹. Он составлен из колесиков таким образом, что одно колесико не только приводит в движение другие, но и так, что движение может продолжаться без конца. Также было необходимо, чтобы этот инструмент, как и сам мир, слагался из частей подвижных и неподвижных: так, вместо первой покоящейся части мира, земли, положены здесь неподвижные основания, колонны, обшивки, вместо подвижных сфер неба — различные колесики.

Разбор часового механизма для выяснения идеи его устройства.

Но так как нельзя было какому-нибудь колесу дать способность вращаться самому и за собой увлекать другие (подобно тому как творец дал светилам способность двигаться и двигать другие), то необходимо было подражать природе в силе движения, а именно — дать движение под влиянием силы тяжести или стремления к свободе. Так, к валу основного колеса или привязывается тяжесть, вследствие стремления которой вниз вал вращается и увлекает за собой свое колесо, а оно в свою очередь двигает другие колеса; или же готовится длинная стальная пружина, крепко обмотанная вокруг вала, и, стремясь вернуть себе свободное состояние и развернуться, эта пружина заставляет вращаться вал и колесо. Чтобы это развертывание происходило не порывисто, а спокойно, подобно движению неба, посредине вставляются другие колесики, из которых крайнее, будучи приводимо в движение только двумя зубчиками, вращается попеременно туда и сюда и представляет собой смену появляющегося или исчезающего света, или смену дней и ночей. К этой же части, которая должна обозначать целые часы или четверти их, присоединяются искусно сделанные тормоза, которые в свое время отодвигают и снова задвигают задвижки таким же образом, как природа движением небесных сфер приводит и уводит зиму, весну, лето и осень, разделенные на месяцы.

¹ Далее Коменский весьма отчетливо излагает механические основы устройства теллурия.

Заключение о подражании природе при создании теории дидактики.

7. Из всего этого ясно, что тот порядок, который мы желаем сделать универсальной идеей для искусства—всему учить и всему учиться,—должен быть заимствован и может быть заимствован не из чего иного, как только из указаний природы. Как только это будет точно осуществлено, созданное искусно будет протекать так же легко и свободно, как легко и свободно протекает все природное. Ибо справедливо говорит Цицерон: „Если будем следовать за природой, как за вождем, мы никогда не заблудимся“.

На это надеемся и мы. А потому, сделав наблюдение над процессами, которые то там, то здесь совершает природа, будем советовать поступать подобным же образом.

Указывается на пять затруднений.

8. Но нам и выставленным нами громким обещаниям можно было бы противопоставить афоризм Гиппократ: „ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακρή, ὁ δὲ καιρὸς ὀξύς, ἡ δὲ πέτρα σφαλερή, ἡ δὲ κρίσις χαλεπή, т. е. „жизнь коротка, искусство длинно, удобные случаи быстротечны, опыт обманчив, суждение о вещах трудно“. Здесь он перечисляет пять затруднений, из-за которых немногие достигают вершины, а именно:

I. Краткость жизни, вследствие которой смерть часто уносит нас из жизни при самом приготовлении к ней.

II. Огромное множество предметов, которые должны быть подвергнуты изучению, вследствие чего желание собрать их все в пределы познания бесконечно трудно.

III. Недостаток удобных случаев для изучения искусств или быстрое исчезновение их, если иногда они представляются. Ведь годы юности, особенно пригодные для культуры духа, большей частью проходят в забавах, последующий же возраст, как это свойственно смертным, представляет всегда более случаев для пустого времяпрепровождения, чем для серьезного; если же иногда и представляется удобный случай, он исчезает ранее, чем им успевают воспользоваться.

IV. Ограниченность нашего ума и неясность суждений, вследствие чего мы обычно скользим по поверхности вещей, а не проникаем в их сущность.

V. Наконец, если кто-нибудь путем долгого наблюдения и многочисленных опытов захотел бы проникнуть в подлинную сущность вещей, то это было бы сопряжено с большим трудом и в то же время ненадежно и неточно: ведь при столь тонком сочетании вещей, очень многое может ускользнуть от проницательности даже самого наблюдательного человека, а если допустить хотя бы одну ошибку, то все наблюдение становится совершенно неверным.

Ответ на это.

9. Если все это справедливо, то каким образом мы осмеливаемся обещать столь всеобщий, надежный, легкий и прочный путь научных занятий? Отвечаю: опыт показывает, что все это совершенно правильно, но равным образом, на основании соображений разума, тот же опыт показывает, что есть также и вернейшие средства против указанных затруднений.

Так установил бог с премудрым намерением.

Ведь раз так установлено мудрейшим правителем дел — богом, значит, это нам на благо, значит, все это может быть и разумно обращено на благо. Действительно он даровал нам кратковременность жизни, так как, при настоящем состоянии испорченности, мы не умеем ею правильно пользоваться. Ведь если теперь, умирая при самом рождении и когда нам грозит конец с самого нашего рождения, мы все-таки растрачиваем себя на суету, то чего только не было бы, если бы мы имели пред собой сотни и тысячи лет?

На первый из пяти пунктов.

Поэтому бог соблаговолил дать нам лишь столько времени жизни, сколько он считал достаточным для приготовления к лучшей жизни. Для этой цели наша жизнь достаточно продолжительна, если бы только мы умели ею пользоваться.

На второй.

10. Для нашей же пользы богу было угодно, чтобы существовало достаточно много вещей, которые бы нас занимали, развивали, упражняли и поучали.

На третий.

11. Ему было угодно, чтобы удобные случаи были мимолетными, доступными лишь на короткое время, чтобы, заметив их, мы старались за них ухватиться там, где это возможно.

На четвертый.

12. Опыты ненадежны для того, чтобы было место для внимательности и чтобы и на нас налагалась необходимость исследовать вещи более глубоко.

На пятый.

13. Наконец, суждение о вещах затруднительно для того, чтобы изошрялись наше прилежание и настойчивость к основательному исследованию. А это — с той целью, чтобы божия мудрость, сокровенно простирающаяся на все в мире, становилась все более очевидной для наибольшего нашего наслаждения. Ведь если бы все постигалось легко (говорит блаженный Августин), тогда мы не добивались бы так ревностно истины и не находили бы в этом удовольствие.

Эти препятствия можно разумно устранить.

14. Итак, следует посмотреть, каким образом с божией помощью можно устранить препятствия, которые для изошрения нашего старания противопоставило нам извне бо-

жественное провидение. Но это возможно не иначе, как посредством:

I. *Удлинения жизни*, чтобы ее было достаточно для предопределенного поприща.

II. *Сокращения наук и искусств*, чтобы они соответствовали продолжительности жизни.

III. *Умения пользоваться благоприятными случаями*, чтобы они не ускользали бесполезно.

IV. *Развития ума*, для того чтобы он легко постигал вещи.

V. *Установления*, вместо шаткого наблюдения, *какого-нибудь твердого основания*, которое бы не вводило нас в заблуждение.

Порядок следующих глав. 15. Итак, приступим к тому, чтобы при помощи указаний природы исследовать основания:

Удлинения жизни, чтобы изучить все необходимое. Сокращения учебного материала для ускорения изучения.

Использования удобных случаев для надежного обучения.

Развития умственных способностей, чтобы учиться легко.

Изошрения суждения, чтобы учиться основательно.

Эти отдельные пункты мы разъясним в отдельных главах. Однако вопрос о сокращении материала мы отнесем на последнее место.

ГЛАВА XV.

Основы для продолжения жизни.

Человеку дается достаточно долгая жизнь.

1. Что касается кратковременности человеческой жизни, то Аристотель вместе с Гиппократом жалуются на это и упрекают природу, что она оленям, воронам и другим неразумным животным дает в удел гораздо более долговечную жизнь, жизнь же человека, предназначенного для столь высоких целей, ограничивает столь тесными границами.

Но мудро отвечает Сенека: „Короткую жизнь мы не получаем, а делаем ее такою; не бедны мы жизнью, а пользуемся ею расточительно. Жизнь длинна, если ею умело пользоваться,“ а также: „Жизнь достаточно длинна и щедро дана нам для совершения величайших дел, если всю жизнь хорошо воспользоваться“ („О краткости жизни“, гл. 1 и 2).

Но нами она сокращается.

2. Если это верно, — а это несомненно верно — мы сами виноваты, что нам не хватает жизни для совершения даже важнейших дел, так как действительности мы расточаем жизнь, частью медленно

убивая ее, так что она по необходимости должна прекратиться ранее своего естественного конца, частью же расходуя остаток ее на ничтожные вещи.

Мы подрываем свои силы.

3. Справедливо пишет не безызвестный писатель Ипполит Гваринио (Hippolytus Guarinonius), и подтверждает это доказательствами, что человек даже самого нежного телосложения, родившись нормальным, обладает жизненной силой, достаточной для шестидесятилетнего возраста, а у человека самого крепкого телосложения жизненной силы хватит на 120 лет. Если же кто умирает ранее этого срока (а кто не знает, что очень многие умирают в детстве, юности и в возмужалых годах?), то это происходит по вине людей, так как различными излишествами и пренебрежением к тому, что поддерживает жизнь, они губят как свое здоровье, так и здоровье своих будущих детей, и ускоряют смерть.

Не посвящаем всей жизни, как Александр Великий,

4. Что на протяжении краткой жизни (например 50, 40, 30 лет) можно совершить величайшие дела, если только уметь правильно ею пользоваться, показывают примеры тех людей, которые до наступления полной зрелости достигали того, чего не пытались достигнуть другие даже при более продолжительной жизни. Александр Великий умер на 33-м году своей жизни не только чрезвычайно образованным в науках, но и победителем всего мира, который им был подчинен не только силою оружия, но мудрыми решениями и изумительной быстротой в действиях (*οὐδὲν ἀναβαλλόμενος*) „ничего не откладывая“. Иоанн Пикус Мирандольский (Мирандола) не достиг даже возраста Александра, но своими научными исследованиями до того возвысился над всем, что может быть постигнуто человеческим умом, что считался чудом своего времени.

особенно как сам Христос.

5. Не будем перечислять других. Сам господь наш Иисус Христос, пребывший на земле только 34 года, совершил великое дело искупления, несомненно, давая пример того (ибо все, его касающееся, имеет таинственное значение), что какой бы малый срок жизни ни выпал на долю человека, его достаточно для того, чтобы приготовить себе все необходимое для вечности.

Поэтому не следует жаловаться на краткость жизни.

6. Я не могу воздержаться от того, чтобы не привести здесь золотых слов Сенеки, сказанных в том же смысле (Письмо 93). „Многих,— говорит он,— находил я справедливыми по отношению к людям и никого — по отношению к богу. Ежедневно упрекаем судьбу и пр.

Ужели важно, как скоро ты уйдешь оттуда, откуда тебе непременно нужно уйти. *Жизнь продолжительна, если она полна.* А заполняется она в том случае, если дух восстановил свое состояние и сохранил власть над собой". И далее: "Умоляю тебя, мой Луцилий, будем заботиться о том, чтобы, подобно драгоценным камням, наша жизнь, не имея большой продолжительности, имела бы большую ценность. Будем измерять ее деятельностью, а не временем". И затем: "Будем восхвалять и считать в числе счастливых того, кто хорошо воспользовался временем, как бы мало ему ни было его дано. Ведь он видел истинный свет, не был одним из многих, он действительно жил и заслужил полное уважение". И снова: "Как при малом теле человек может быть совершенным, так и при кратковременности жизнь может быть совершенна. Продолжительность жизни есть внешнее благо. Ты спрашиваешь меня, какова наибольшая продолжительность жизни. Дожить до мудрости. Кто достиг ее, тот достиг не только самой отдаленной, но и величайшей цели".

Два средства.

7. Следовательно, против жалоб на краткость жизни нашей и наших детей (а также и школ) имеются следующие два средства: принимать возможные меры к тому, чтобы

I. *Предохранять тело от болезней и смерти,*

II. *Приспособлять ум к разумному управлению всем*

Тело нужно предохранять от болезней. Почему? Так как оно является

1. *вместилищем души;*

его часть, — жилище становится неудобным для живущей в нем души. Итак, если во дворце мира, куда мы допущены благодатью божией, мы желаем прожить возможно дольше и возможно удобнее, мы обязаны заботливо ухаживать за этой телесной оболочкой. Во-вторых, тело предназначено быть не только жилищем разумной души, но и ее орудием, без которого она ничего не может ни слышать, ни видеть, ни говорить, ни действовать, мало того, она не может даже мыслить.

2. *органом души.*

Так как ничего не бывает в сознании, чего ранее не было в ощущении, то материал для всех размышлений ум получает только от ощущений и акт мышления совершается не иначе, как через внутреннее ощущение, т. е. через созерцание образов,

отвлеченных от вещей¹. Отсюда следует, что с повреждением мозга повреждается способность воображения и при заболевании частей тела болеет и сама душа, поэтому справедливо сказано: „Нужно молиться о том, чтобы был здоровый дух в здоровом теле“².

И каким образом? При помощи разумного образа жизни; его характер указывает на примере дерева, которому нужно:

1) умеренное питание.

9. Наше тело сохраняется в бодром состоянии умеренным образом жизни. Об этом подробно говорят врачи, а мы здесь затронем это лишь кратко, приведя в пример дерево. Для долгого его существования нужны три условия: 1) постоянная влага, 2) частые испарения и 3) переменный отдых. Влага нужна дереву потому, что без нее оно вянет и сохнет. Но влага нужна дереву умеренная, так как при излишней влаге корень загнивает. Таким же образом телу нужно питание, так как без него оно истощается от голода и жажды, но питание должно быть без излишества, чтобы способность пищеварения не затруднялась и не ослаблялась. Чем умереннее пища, тем лучше будет пищеварение; так как обычно на это не обращают внимания, то излишеством пищи подрывают свои силы и жизнь. Ведь смерть происходит вследствие болезней, болезни — от вредных соков, дурные соки — от плохого пищеварения, плохое пищеварение — от излишества пищи, когда в желудок вводится столько, сколько он переварить не в состоянии, так что он вынужден рассылать по организму полусырые соки, а отсюда с неизбежной необходимостью должны возникать болезни. „От пресыщения (говорится в Экклезиасте) многие умерли, а воздержанный прибавит себе жизни“ (Сир., 37, 34).

¹ В латинском тексте начало этой фразы сформулировано так: *Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu* (ничего не бывает в сознании, чего ранее не было бы в ощущении). Формулируя это положение, Коменский пристраивает к Бекону и становится на чисто сенсуалистические позиции. См. также XX гл. § 7, где Коменский заявляет: „Начало познания необходимо всегда вытекает из ощущений“. Больше того, Коменский делает и необходимые дидактические выводы из этого положения: реальность, конкретность и наглядность предметов изучения, сочетание слов с вещами, обозначаемыми словами, и т. д.

² Здесь Коменский цитирует известное латинское выражение „*mens sana in corpore sano*“ (здоровый дух [ум] в здоровом теле). Это выражение служит исходным положением „Мыслей о воспитании“ Локка. И у Коменского это положение взято не случайно: он систематически проводит идею соблюдения правил свежести и бодрости физических сил учащихся, чтобы тем легче и приятней был для них умственный труд.

и притом простое;

10. Для сохранения телесной силы нужна не только умеренная, но и простая пища. Хотя бы и самое нежное дерево садовник поливает не вином или молоком, но обычной для растений влагою, водою. Итак, родители должны остерегаться того, чтобы не приучить детей к пище, возбуждающей аппетит, особенно если дети предназначены или должны быть предназначены к научным занятиям. Не напрасно написано, что Даниил и его товарищи, отроки царской крови, посвятившие себя наукам, вследствие употребления в пищу овощей и воды, оказались способнее и крепче телом и, что еще важнее, разумнее всех мальчиков, питавшихся изысканной царской трапезой (Дан., I, 12 и след.). Но об этих частностях — в другом месте.

2) частое испарение;

11. Дерево также нуждается в испарении и частом освежении при помощи ветров, дождей, холодов: иначе оно легко слабеет и вянет. Точно так же человеческому телу необходимы вообще сильные движения, деятельность и серьезные упражнения или игры.

3) переменный отдых.

12. Наконец, периодически дерево нуждается в известном отдыхе. Несомненно, оно не всегда имеет необходимость давать почки, цвести, производить плоды; иногда оно должно иметь возможность направлять свою деятельность на подготовку сока для своего укрепления. В соответствии с этим бог определил, чтобы за летом следовала зима для доставления всему растущему на земле, а также и самой земле, покоя; для того же постановил законом давать земле отдых каждый седьмой год (Левит, 25). Равным образом он установил для людей (наряду с остальными животными) ночь, в которую они сном и отдыхом членов могли бы восстанавливать силы, расстраченные в дневном изнуряющем труде. Но и в меньшие часовые промежутки времени как уму, так и телу необходим известный отдых, чтобы не допускать чего-либо противоестественного, враждебного природе.

Итак, даже среди дневных трудов необходимо давать себе известный отдых в виде бесед, игр, шуток, музыки и тому подобных развлечений, восстанавливающих силы внешних и внутренних чувств.

От исполнения этих правильно соблюдаемых трех условий зависит благосостояние жизни.

13. При соблюдении этих трех условий (умеренного питания, упражнения тела и помощи природе), было бы невозможным не сохранить весьма долго здоровье и жизнь, за исключением только несчастного случая, который зависит от высшей воли.

Итак, правильное устройство школ в значительной сте-

пени будет зависеть от надлежащего распределения труда и покоя, или занятий, досуга и отдыха.

Время труда
нужно распреде-
лять правильно.

14. Следует сказать о разумном распределении остального времени, посвященного труду. Представляется чем-то ничтожным и легко произносимым: тридцать лет! Это, однако, включает в себе много месяцев, еще больше дней и весьма много часов. В такой промежуток времени всякий, кто только продвигается вперед хотя бы и медленно, конечно, может продвинуться намного вперед. Это показывает рост деревьев. Ни при каком, даже самом тонком, наблюдении, нельзя заметить, что они растут, так как это происходит постоянно и незаметно. Однако после каждого месяца можно видеть, что они несколько выросли, а после тридцати лет обнаруживается, что выросло лесовосстановительное дерево. То же самое относится к росту нашего тела: мы не видим, как оно растет, а видим, что оно выросло. А что то же самое относится и к нашему уму, приобретающему знание о вещах, на это указывают известные стихи:

Малое к малому, зернышко к зернышку все прибавляй,
Так в короткое время нагромоздится гряда большая¹

Сила движения
вперед удиви-
тельна.

15. Кто хорошо знает силу движения вперед, тот легко это заметит. В самом деле, если на дереве ежегодно из каждой почки вырастает только одна веточка или сучок, то в течение тридцати лет оно будет иметь тысячи больших или меньших ветвей, а листьев, цветов и плодов — бесчисленное количество. И неужели следовало бы считать невозможным, чтобы человеческое трудолюбие в течение двадцати или тридцати лет достигло какой угодно высоты или ширины? Рассмотрим это несколько подробнее.

Точное распре-
деление времени.

16. Естественный день имеет двадцать четыре часа; если разделить их применительно к жизненным потребностям на три части, то *восемь часов придется на сон, столько же часов на посторонние дела* (т. е. на уход за здоровьем, принятие пищи, на одевание и раздевание, на разумный отдых, на беседу с друзьями и пр.), *наконец, остается еще восемь часов на серьезные работы*, которые нужно производить бодро и без скуки. Итак, в неделю (оставив седьмой день всецело для отдыха) будут предназначены для работы 48 часов, в течение года — 2496² часов; а сколько часов получится в течение десяти, двадцати, тридцати лет?

¹ Это двустишие взято из известного произведения одного из первых древнегреческих поэтов — Гезиода — «Труды и дни», стр. 361—362.
² В тексте ошибочно 2495.

достаточного для приобретения великих богатств учености.

17. Следовательно, если ты в каждый отдельный час будешь выучивать хотя бы одно положение из какой-либо науки, хотя бы одно правило из техники искусства, хотя бы одну изящную маленькую историю или одно изречение, что, очевидно, можно сделать безо всякого труда, то спрашиваю, какое огромное сокровище знаний должно образоваться?

Заключение.

18. Итак, прав Сенека: жизнь достаточно продолжительна, если бы мы умели ею пользоваться, и если бы все устраивалось правильно, то ее хватило бы на совершение величайших дел. Все зависит от того, насколько мы не пренебрегаем искусством правильно ее организовывать. Это теперь нужно исследовать.

ГЛАВА XVI.

Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться.

Рост вещей в природе происходит сам собой.

1. У евангелиста имеется прекрасная притча¹ господина нашего Иисуса Христа. „Царствие божие, — сказал он, — таково, как если бы человек бросал в землю семя и спал бы и вставал бы ночью и днем и сам не знал бы, каким образом семя прорастает и растет. Ибо земля сама собой приносит плод: сперва всходы, затем колос, а затем полное зерно в колосе. Когда же плод созреет, посылает он жнецов и пр.“ (Марк, VI, 26).

Таким же образом должно происходить и в искусстве.

2. Здесь Спаситель показывает, что бог есть тот, кто творит все во всем; человеку он предоставляет лишь воспринимать верным сердцем семена учения, причем до некоторой степени сам сеятель не будет замечать того, как все будет произрастать и созреть само собой. Поэтому на воспитателях юношества лежит не что иное, как обязанность умело сеять в душах семена наук и осмотрительно орошать растеньица божии; успех и рост явятся свыше.

Удачность насаждения поддерживается искусством.

3. А кто не знает, что для посева и насаждения требуется некоторое искусство и опытность? Ведь у неопытного садовника, засевающего сад растениями, большая часть растений обыкновенно погибает, а если что и

¹ Притчами называются небольшие рассказы, аллегорические по форме и нравственно-дидактические по цели. Притчи были весьма распространены у восточных народов. К ним прибегали и для изложения христианского вероучения.

вырастает счастливо, то это происходит скорее благодаря случаю, чем искусству. Предусмотрительный же садовник действует искусно, хорошо зная, что, где, когда и как нужно делать или не делать, так что у него ни в чем не бывает неудачи. Конечно, иногда неудача постигает даже опытных людей (так как едва ли возможно человеку выполнять все так тщательно, чтобы нигде не допустить какой-либо ошибки), однако речь идет сейчас не о предусмотрительности и случайности, а об искусстве предупреждать случайность предусмотрительностью.

Метод обучения должен быть позведен в научную теорию.

4. До сих пор метод наставления был до такой степени неопределенным, что едва ли кто-нибудь решился бы сказать: „В течение стольких и стольких-то лет этого юношу я доведу до того-то, обучу его так-то и так“. Поэтому нам нужно будет рассмотреть, можно ли это искусство духовного насаждения поставить на столь твердые основы обучения, чтобы оно наверняка шло вперед и не обманывало в своих результатах.

И это на основании параллелизма естественного и искусственного.

5. Но так как это основание может состоять лишь в том, чтобы действия этого искусства как можно старательнее приспособить к нормам действий природы (как мы видели в главе XIV), то исследуем пути природы на примере птицы, выводящей птенцов. Рассматривая, как, следуя по стопам природы, удачно подражают ей садовники, художники, архитектора, мы легко увидим, каким образом должны подражать ей и образователи юношества.

И почему так?

6. Если кому-либо это покажется слишком низким, известным, обыкновенным, тот пусть вспомнит, что мы теперь стремимся к тому, чтобы из повседневных и известных явлений, которые успешно совершаются в природе и искусстве (вне школы), мы могли вывести менее известные, требуемые нашей целью. И несомненно, если известно, откуда мы черпаем идею наших правил, то, надеемся, тем очевиднее будут и наши заключения.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ I.

Ничто не предпринимается несовременно.

7. Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, *птица*, намереваясь размножать свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность всего вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость. И вместе с

тем она поступает постепенно. Пока стоит еще холодная погода, птица производит яйца и согревает их внутри организма, где они предохранены от холода; когда воздух становится более теплым, она кладет их в гнездо, и, наконец, при наступлении уже теплой части погоды она выводит птенцов, чтобы нежнейшие существа постепенно привыкали к свету и теплу.

**Правильное по-
дражание этому в
садах и в архи-
тектуре.**

8. Так же и садовник обращает внима-
ние на то, чтобы все делать только в
свое время. Он не сажает растений зимой
(так как сок в это время остается в кор-
не и не поднимается для питания саженца) и не летом (по-
тому что сок уже распределен по ветвям), и не осенью
(так как сок устремляется к корню), но весной, когда сок
начинает распространяться из корня и оживлять верхние
части дерева. И впоследствии он должен знать удобное
время для всего, что должно делать с деревцами, т. е.
время для унаваживания, подрезывания, окапывания и пр.;
даже и самое дерево имеет определенное время для пуска-
ния ростков, для цветения, для распускания листьев, для
созревания плодов и пр. Не иначе поступает и предусмо-
трительный архитектор; он считает необходимым выбирать
удобное время для рубки леса, обжигания кирпичей, за-
кладки фундамента, возведения стен и штукатурки их и т. п.

**Двойное уклоне-
ние в школах от
этой идеи.**

9. Против этой основы в школах до-
пускаются ошибки двоякого рода:

I. Не избирается надлежащее время
для умственных упражнений.

II. Не располагают упражнения так тщательно, что-
бы все шло вперед в определенной последовательности,
безошибочно.

Пока мальчик еще мал, учить его нельзя, так как ко-
рень познания лежит у него еще глубоко. Учить человека
в старости слишком поздно, так как познавательная спо-
собность и память уже ослабевают. В среднем возрасте
учить затруднительно, так как с трудом можно объединить
умственную деятельность, рассеянную по различным пред-
метам. Следовательно, нужно пользоваться юным возрастом,
пока сила жизни и разума находится на подъеме; тогда
все воспринимается и легко пускает глубокие корни.

**Тройное исправ-
ление.**

10. Итак, мы делаем заключение:

I. Образование человека нужно начи-
нать в весну жизни, т. е. в детстве, ибо
детство изображает собой весну, юность — лето, возмужа-
лый возраст — осень и старость — зиму.

II. Утренние часы для занятий — наиболее удобны (так
как опять утро соответствует весне, полдень — лету, ве-
чер — осени, а ночь — зиме).

III. *Все, подлежащее изучению, должно быть распределено сообразно ступеням возраста* так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ II.

Материал ранее формы. 11. Природа подготавливает себе материал, прежде чем начинает придавать ему форму.

Например *птица*, намереваясь произвести существо, подобное себе, сперва из капли крови своей вводит внутрь оплодотворяющее семя, затем выстилает гнездо, в которое кладет яйца, наконец, согревает их высиживанием и дает оформиться и вылупиться птенцам.

Подражание. 12. Так разумный *архитектор*, прежде чем начинать строить здание, свозит бревна, камни, известь, железо и другие необходимые материалы, чтобы впоследствии из-за недостатка материалов не замедлились работы или не пострадала прочность здания.

Подобным образом *художник*, намереваясь дать рисунок, приготовляет полотно, натягивает его на раму, накладывает фон, разводит краски, раскладывает кисточки, чтобы они были под рукой, и, наконец, начинает рисовать.

Также *садовник*, прежде чем начать посадку, старается иметь наготове сад, отводки, высадки и всевозможные инструменты, чтобы не быть вынужденным искать во время работы то, что ему необходимо, иначе он погубит весьма многое.

Отклонения. 13. Против этого основного положения школы погрешают следующим образом:

Во-первых, тем, что *не стараются иметь наготове для общего пользования всевозможные орудия: книги, доски, модели, образцы* и т. п. Тогда только лишь отыскивают, устраивают, диктуют, переписывают и пр., когда что-либо понадобится, что приводит (особенно если попадется неопытный или небрежный преподаватель, которых обычно больше) к жалким результатам. Подобное положение мы имели бы в том случае, если бы врач только тогда стал бы бегать по садам и лесам, собирать травы и корни, варить их, процеживать и пр., когда надо давать лекарства. Между тем как лекарства на всякий случай должны быть уже наготове.

14. Во-вторых, так как даже *в тех книгах, которые употребляются в школах, не соблюдается тот естественный порядок, при котором материал предшествовал бы форме*. Почти повсюду происходит наоборот: порядок вещей излагается ранее самих вещей, хотя невозможно устанавливать порядок, когда еще нет налицо того, что следует приводить в порядок. Я покажу это на четырех примерах.

15. (1). Школы учат словам ранее вещей, так как в течение нескольких лет занимают ум словесными науками, и затем, наконец, не знаю когда, обучают реальным наукам: математике, физике и пр. Между тем как вещь есть сущность, а слово — нечто случайное, вещь — это тело, а слово — одежда, вещь — зерно, а слово — кора и шелуха. Следовательно, то и другое нужно предоставлять человеческому уму одновременно, но сперва — вещь, как объект не только познания, но и речи.

16. (2). Затем при самом изучении языков превратно поступали в том отношении, что начинали не с какого-либо автора или умело подготовленного словаря, а с грамматики, тогда как и авторы (как по-своему и словари) обеспечивают материал языка, слова; грамматика же прибавляет только форму, законы словообразования, порядок их расположения и сочетания (согласования).

17. (3). В-третьих, в круге наук или в энциклопедиях повсюду предпосылают искусство, а науки и знания заставляют следовать за ними издали, между тем как эти последние обучают вещам, а первые — формам вещей.

18 (4). Наконец, правила предпосылают абстрактно и затем только их разъясняют приводимыми примерами, хотя свет должен предшествовать тому, что освещается.

Исправление. 19. Отсюда вытекает, что для коренного исправления метода необходимо:

I. Подготавливать книги и все другие учебные пособия;

II. Развивать ум ранее языка;

III. Никакого языка не изучать из грамматики, а каждый язык следует изучать из подходящих произведений писателей;

IV. Реальные учебные предметы предпосылать формальным,

V. Примеры предпосылать правилам.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ III

Материал делается годным для восприятия формы.

20. Природа избирает для своего воздействия подходящий предмет или, по крайней мере, сперва надлежащим образом его подготавливает, чтобы он стал

подходящим.

Например, птица кладет в гнездо, на котором ей надо сидеть, не что угодно, но такой предмет, из которого

¹ Речь идет об установленном еще у древних греков круге учебных предметов, знание которых считалось обязательным для каждого образованного человека, прежде чем он перейдет к изучению какой-нибудь специальной практической деятельности.

можно было бы высадить птенца, т. е. яйцо. Если попадется камень или что-либо другое, птица выбрасывает его как бесполезную вещь. Затем, высиживая яйцо, она до тех пор его согревает, поворачивает, дает форму заключенной в яйце материи, пока оно не станет готовым для вылупливания птенца.

Подражание.

21. Так *архитектор*, срубив возможно лучшие деревья, высушивает их, обрубает, распиливает, затем выравнивает площадь для постройки, очищает ее, закладывает новый фундамент или так восстанавливает и укрепляет старый, чтобы он стал пригодным для возведения на нем постройки.

22. Таким же образом *художник*, имея недостаточно хорошее полотно или грунт для красок, прежде всего старается сделать их возможно лучшими, выскабливая, выглаживая и всячески подготавливая их для удобного пользования.

23. Так *садовник* 1) выбирает самый здоровый отводок плодоносного дерева, 2) переносит его в сад и умело сажает в землю; 3) однако, пока не увидит, что он пустил корень, не обременяет его привитием нового черенка; 4) прежде чем привить новый черенок, отрезает прежние веточки, мало того, удаляет пилую в некоторых местах часть самого ствола, чтобы никакая часть сока не могла утечь куда-либо в другое место, кроме как для питания привитого черенка.

Отклонение.

24. Против этого основного положения грешили в школах не столько тем, что туда принимали тупых и глупых (так как по нашему плану нужно допускать всю молодежь), сколько тем, что

I. Эти молодые растения не переносили в питомники, т. е. не вверяли всецело школам, чтобы те, из кого нужно сделать людей, не выпускались из мастерской до полного оформления.

II. В большинстве случаев зародыши наук, нравственности и благочестия пытались привить ранее, чем самый отводок пустит корни, т. е. прежде чем была пробуждена любовь к учению у тех, в которых не зажгла этой любви сама природа.

III. Не очищали молодые деревца или отростки перед посадкой, так как не освобождали души от ненужных занятий, умело удерживая их дисциплиной и приучая к порядку.

25. На основании этого:

Исправление.

I. *Всякий, кого отдают в школу, пусть остается в ней до конца.*

II. *Когда приступают к изучению какого-либо предмета, умы учеников должны быть к этому подготовлены.* (О чем полнее в следующей главе, основоположение II.)

III. Все, препятствующее ученикам, должно быть от них устранено.

Ведь совершенно бесполезно давать правила, если предварительно не устранить всего, что мешает правилам,— говорит Сенека. Но и об этом в следующей главе.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ IV.

посиживает ~~от~~

Все образуется
отдельно, а не
смешанно.

26. Природа не смешивает своих действий, выполняет их по отдельности, в определённом порядке.

Например, когда природа создает *птенеца*, то в одно время формирует кости, кровеносные сосуды, нервы, в другое — плотные мускулы, в третье — покрывает кожей и опять в особое время одевает перьями и, наконец, учит летать и пр.

Подражание.

27. Закладывая фундамент, *архитектор* одновременно с этим не выводит стен, а тем более не покрывает здания крышей, а каждое из этих дел делает в свое время и на своем месте.

28. Так, *художник* не рисует сразу двадцати или тридцати изображений, но направляет свое внимание на одно; хотя он, быть может, в свободные промежутки времени и подготавливает другие картины или занимается каким-либо иным делом, однако только одна из картин является у него основной.

29. Равным образом *садовник* не сажает несколько отростков вместе, а поодиночке, чтобы самому не запутаться и не повредить делу природы.

Уклонение.

30. В школах же царила путаница.
Многое одновременно навязывалось ~~уче-~~

никам, например латинская и греческая грамматика, а быть может, еще риторика и поэтика, и чему еще только не учили! Ведь кому не известно, что в классических школах в течение целого дня, почти на каждом уроке, меняется материал занятий и упражнений. Что же, спрашиваю я, считать путаницей, если не это? Это похоже на то, как, если бы сапожник взялся шить сразу шесть или семь сапогов и то брал бы в руки, то откладывал бы в сторону один сапог за другим. Или если бы пекарь сажал различные хлеба в печь, то вынимал, так что каждому хлебу пришлось бы по много раз то попадать в печь, то вынутым. Кто же поступает настолько бессмысленно? Сапожник, раньше чем не окончит один сапог, к другому даже не прикасается; хлебопек не сажает в печь других хлебов ранее, чем испекутся уже посаженные хлеба.

Исправление.

31. Будем же подражать им. Ради всего святого умоляю вас принимать меры к тому, чтобы при изучении грамматики не вмешивать диалектику, а в то время, когда ум занят диалектикой, не впускать риторику, и, когда мы занимаемся латинским языком, греческий нужно отложить. В противном случае предметы будут мешать друг другу, так как устремленное на несколько предметов внимание менее сосредоточивается на отдельном предмете. Хорошо это знал великий Иосиф Скалигер, который, как говорят (быть может, по совету отца), всегда занимался одновременно только одним предметом, направляя на него все силы своего ума. Благодаря этому он усвоил четырнадцать языков, а искусств и наук— столько, сколько в состоянии вместить человеческий ум, и овладел, казалось, всем этим с большим совершенством, чем те, которые изучали только одну науку. И всякий, кто пробовал идти по тому же пути, пробовал это не напрасно.

32. Итак, пусть в школах будет установлен порядок, при котором ученики в одно и то же время занимались бы только одним предметом.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ V.

Сперва внутреннее.

33. Всякое свое действие природа начинает изнутри. Например, у *птички* природа формирует сперва не когти, перья или кожу, а внутренности. А наружные части после, в свое время.

Подражание.

34. Так и *садовник* не прикладывает черенки извне к коре и не прививает их к поверхности дерева, но расщепляет ствол растения до сердцевины и внедряет черенок возможно глубже, хорошо его приспособив, плотно замазывает щели, чтобы сок ни в одном месте не мог вытечь, а впитывался бы во внутренность черенка и всю свою силу отдал бы на его произрастание.

35. Так *дерево*, питающееся орошающим его небесным дождем или соком из земли, впитывает эту пищу не через внешний покров коры, а через поры внутренних частей. Поэтому садовник обыкновенно поливает не ветви, а корень. И животное переваривает пищу для питания не внешними органами, а желудком, который переваренное распространяет по всему телу. Поэтому, если воспитатель юношества таким же образом больше всего будет занят корнем знания, то разумная жизненная сила легко перейдет в ствол, т. е. в память, и, наконец, появятся цветы и плоды: свободное пользование языком и опытность в делах.

Отклонение.

36. Ошибку делают те наставники, которые хотят достигнуть образования вверенного им юношества тем, что много диктуют и дают заучивать много на память, без тщательного разъяснения вещей. Точно так же погрешают и те, которые хотят все разъяснить, но не соблюдают меры, не зная, как нежно нужно оторвать корень и ввести ростки наук. Таким образом, они терзают учеников так же, как если бы кто-нибудь для надреза в растении, вместо ножичка, пустил бы в ход дубину или колотушку.

Исправление.

37. Итак, на основании сказанного

1. Нужно образовывать, во-первых, понимание вещей, во-вторых, память и, в-третьих, язык и руки.

II. Учитель должен соблюдать все способы раскрытия познавательных способностей и применять их сообразно обстоятельствам (это мы рассмотрим в следующей главе).

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VI.

Прежде общее.

38. Всякое свое формирование природа начинает с самого общего и кончает наиболее особенным.

Например, намереваясь произвести из яйца птицу, природа не создает и не формирует сперва голову, глаз, перо или коготь, а согревает всю массу яйца и движением, вызванным теплотой во всей массе, образует кровеносные жилки, так что возникает уже общее очертание всей птицы (именно то, что должно превратиться в голову, крылья или ноги), и затем только постепенно развиваются отдельные члены, пока не завершится их полное развитие.

Подражание.

39. Подражая этому, архитектор сперва или в уме составляет себе общую идею всего здания, или вырисовывает на бумаге проект, или даже делает деревянную модель и согласно этому закладывает фундамент, затем выводит стены и, наконец, покрывает крышей. И только после этого он заботится о тех второстепенных вещах, которыми заканчивается постройка дома: о дверях, окнах, лестницах и пр. Наконец, он присоединяет украшения, картины, скульптуру, занавеси и пр.

40. Так художник, желая изобразить лицо человека, не изображает сначала ухо, глаз, нос, рот, а делает только абрис лица (или всего человека) грубым углем. Затем, если он видит, что пропорция верна, закрепляет эту основу легкой кистью все еще в общей форме. Наконец, обозначает распределение света и тени, и только тогда вырисовывает части тела и раскрашивает их самыми разнообразными красками.

41. Таким же образом *скульптор*, намереваясь создать статую, берет грубый чурбак, обтесывает его со всех сторон, и притом сначала грубо, затем тоньше, чтобы обрубок передал уже в грубом виде общие очертания изображения; наконец, чрезвычайно тщательно отделяет отдельные члены и покрывает красками.

42. Подобным же образом *садовник* берет только общий образ дерева, т. е. прививной черенок; сколько почек на нем, столько же ~~может~~ вырасти впоследствии главных ветвей.

Отклонение. 43. Отсюда следует, что ~~неправильно будет преподавать науки с самого начала со всеми подробностями, вместо того чтобы предпосылать им сперва простой общий очерк всех знаний~~. Никому нельзя дать образование на основе одной какой-либо частной науки, независимо от остальных наук.

44. Точно так же ~~плохо учат искусствам, наукам, языкам, если не предпосылают им предварительного элементарного обучения~~. Так, я помню, было на практике. Только что приступив к диалектике, риторике и метафизике, мы были завалены длинными правилами, даже с комментариями правил и объяснениями комментариев, сличениями авторов и спорными вопросами. Подобным образом нас набивали и латинской грамматикой со всеми отступлениями, и греческой грамматикой с диалектами греческого языка. Мы, несчастные, были ошеломлены, не зная, что кругом нас происходит.

Исправление. 45. Средство против этой беспорядочности будет состоять в следующем:

I. ~~С самого начала юношам, которым нужно дать образование, следует дать основы общего образования, т. е. распределить учебный материал так, чтобы следующие за тем занятия повидимому не вносили ничего нового, а представляли только некоторое развитие полученных знаний в их частностях~~. Ведь у дерева, хотя бы оно росло сто лет, не вырастает ни одного сука, но все новые ветви разрастутся от первоначально выросших сучков.

II. Любой язык, любые науки или искусства должны быть сперва преподаны в простейших элементах, чтобы у учеников сложилось общее понимание целого их; затем для более полного изучения их даются правила и примеры, потом сообщаются полные системы с присоединением неправильностей, наконец даются, если это нужно, комментарии. Кто начинает дело с основания, тот не так нуждается в комментариях. Немного позже каждый сам будет в состоянии комментировать лучше.

Все постепенно и никаких скачков.

46. Природа не делает скачков, а идет вперед постепенно. Так, образование птички имеет свои ступени, которые не могут быть ни обойдены, ни переставлены, пока птенец, вырвавшись из своей скорлупы, не выйдет наружу. Когда это произойдет, то мать птенца не заставляет его немедленно летать и искать корма (так как он еще не в силах это делать), но кормит его сама и, согревая пока собственной теплотой, помогает его оперению. Когда он оперился, то не сейчас же она выгоняет его из гнезда для летания, а заставляет постепенно упражняться, сперва расправлять крылья в самом гнезде, затем размахивать ими, поднимаясь над гнездом, а вскоре пробовать летать и вне гнезда, однако на близком расстоянии, потом перелетать с ветки на ветку, с дерева на дерево, а там уже с горы на гору; таким образом, наконец, спокойно вверяет она его небу. И каждая из отдельных этих ступеней требует для себя определенного времени, и не только времени, но и постепенности, и не только постепенности, но и неизменного их порядка.

Подражание.

47. Так подвигается вперед и тот, кто строит дом. Он начинает не с крыши и не со стен, а с фундамента. А заложив фундамент, не покрывает его крышей, а воздвигает стены. Словом, как в природе все сцепляется одно с другим, так и в обучении нужно связывать все одно с другим именно так, а не иначе.

48. Так, садовнику нужно соблюдать постепенность в своих работах: необходимо, говорю я, выбирать корень, выкапывать его, пересаживать, подрезывать, делать надрезы, прививать черенок, замазывать расщелины и пр.; ничего из этого нельзя опустить, ничего нельзя производить ранее другого. И когда все это делается закономерно, в порядке постепенности, то в деле следуют удачи и едва ли может произойти неудача.

Отклонение.

49. Следовательно, получают явные нелепости, когда учителя не распределяют занятий для себя и учеников таким образом, чтобы одно не только постепенно следовало за другим, но и так, чтобы каждая работа по необходимости заканчивалась в определенный срок, ибо, не установив задач и средств для их достижения и порядка использования этих средств, легко что-либо пропустить, извратить, запутать дело.

Исправление.

50. А потому, сообразно с этим, 1. Вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы, так, чтобы

предшествующее всегда открывало дорогу последующему и освещало ему путь.

II. Время должно быть распределено с величайшей точностью так, чтобы на каждый год, месяц, день, час приходилась своя особая работа.

III. Распределение времени и работ необходимо соблюдать точно, чтобы ничто не было пропущено и извращено.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VIII.

До окончания дела не следует останавливаться.

51. Начав что-либо, природа не останавливается, пока не доведет дело до конца.

Птица, например, начиная по природному инстинкту высидывать яйца, не прекращает этого, пока не выведутся птенцы. Если бы она перестала сидеть хотя бы несколько часов, остывший зародыш погиб бы. Даже когда птенцы выведутся, птица не перестает их согревать до тех пор, пока они не окрепнут и не покроются перьями и не будут в состоянии переносить действие воздуха.

Подражание. 52. Также и художник, начав писать картину, поступит лучше всего, если будет продолжать дело без перерыва. Ведь тогда и краски лучше согласуются одна с другой и держатся крепче.

53. По той же самой причине всего лучше без перерыва доводить до конца строение здания. Иначе солнце, дождь, ветры разрушают работу, и все, что придется прибавить впоследствии, не так прочно держится, словом вся постройка получает повреждения, трещины и становится непрочной.

54. Разумно поступает также садовник, когда он, принявшись за насаждение, не прерывает его, пока не завершит дела, иначе с течением времени влага ствола или черенка высохнет, а тогда засохнет и все растение.

Отклонение. 55. Из всего этого ясно, что нельзя без ущерба для дела отвлекать на другие занятия детей, помещенных на месяцы и годы в школы. Равным образом вредно, когда учитель с учениками берется то за одно, то за другое, не доведя ничего серьезно до конца. Вредно, наконец, если он не назначает на каждый час определенной задачи и не выполняет ее в положенное время так, чтобы вообще всякий раз было заметно продвижение вперед. Где недостает подобного огня, там все застывает. И недаром советуют ковать железо, пока оно горячо, так как если позволить ему остыть, то излишне бить по нем молотом; необходимо будет снова его раскалить, и это повлечет потерю как времени, так и железа: ведь каждый раз, как кладут его в огонь, оно теряет некоторую часть своего вещества.

Исправление.

56. Следовательно,

I. Отданный в школу ребенок должен оставаться в ней до тех пор, пока он не станет образованным, нравственным и религиозным человеком.

II. Школа должна находиться в спокойной местности, удаленной от шума и развлечений.

III. То, что предназначено к выполнению в соответствии с предначертанным планом, должно быть выполнено без всякого перерыва.

IV. Никому, ни под каким предлогом не следует позволять пропускать занятия и уклоняться от уроков.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ IX

Нужно избегать противоречий.

57. Природа тщательно избегает всего противоречивого и вредного.

В самом деле, птица, высиживая яйца, охраняет их от резкого ветра, дождя или града. Она отгоняет змей, хищных птиц и всех других врагов.

Подражание.

58. Так, архитектор, насколько возможно, сохраняет лес, кирпичи, известь в сухом месте и не позволяет разорять или разрушать то, что уже выстроено.

59. Подобным образом художник охраняет только что выполненную картину от холодного ветра, сильного жара, от пыли и от прикосновения руками.

60. Садовник ограждает молодое растение кольями или плетнем, чтобы не обглодали или не вырвали его козел или заяц.

Отклонение.

61. Поэтому неразумно сообщать юношеству в самом начале какого-либо занятия нечто противоречивое, т. е. возбуждать сомнения в том, что должно быть изучено. Разве это не то же самое, что расшатывать молодое растение, которое собирается пустить корни? Чрезвычайно верно сказал Гуго: „Никогда не познает основания истины тот, кто начнет обучаться с обсуждения спорных вопросов“. Так же неразумно, если юношество не охраняется от безнравственных, ошибочных, запутанных книг, а равно и от дурного товарищества.

Исправление.

62. Итак, нужно заботиться о том, чтобы:

I. Учащиеся не получали никаких других книг, кроме тех, которые приняты в соответствующем классе.

II. Эти книги были составлены так, чтобы их по справедливости и заслуженно можно было назвать источниками мудрости, добродетели и благочестия.

III. В школе, и вне школы не было терпимо дурное товарищество.

Заключение. Если все это тщательно соблюдать, то едва ли возможно, чтобы школы не достигли своей цели.

ГЛАВА XVII.

Основы легкости обучения и учения.

Недостаточно уметь что-нибудь делать, нужно стремиться к легкости.

1. Итак, мы рассмотрели, какими средствами воспитатель юношества может верно достигнуть своей цели. Теперь посмотрим, каким образом те же самые средства нужно приспособить к врожденным способностям, чтобы можно было применять их *легко и приятно*.

Оснований для этого десять.

2. Но очевидно, что, идя по стопам природы, обучение юношества будет происходить *легко* если

I. Приступить к нему своевременно, прежде чем ум подвергнется испорченности.

II. Оно будет протекать с должной подготовкой умов.

III. При обучении будут идти от более общего к более частному.

IV. От более легкого к более трудному.

V. Никто не будет обременен чрезмерным количеством подлежащего изучению материала.

VI. Во всем будут двигаться вперед не спеша.

VII. Умам не будут навязывать ничего такого, что не соответствует возрасту и методу обучения.

VIII. Все будет передаваться через посредство внешних чувств.

IX. Для непосредственной пользы.

X. Все постоянно одним и тем же методом.

Так, говорю я, следует поступать, чтобы все протекало легко и приятно. Но последуем теперь по стопам самой природы.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ I.

Материал берет-ся чистый.

3. Природа всегда начинает с устранения негодного.

Птица, например, берет для высиживания только свежие яйца, содержащие чистейшее вещество; если птенец уже раньше начал формироваться, то напрасно было бы ожидать успеха.

Подражание.

4. Так и *архитектор*, намереваясь строить здание, нуждается в свободной площади, если же ему нужно строить на месте прежнего здания, то он должен предварительно его разрушить.

5. Также и живописец пишет лучше всего на чистой доске. Если же она уже разрисована или запачкана, или испорчена какой-либо шероховатостью, то сперва ее следует вычистить и отполировать.

6. Так и тот, кто хранит драгоценные мази, нуждается в чистых сосудах или, по крайней мере, в тщательно очищенных от находившейся в них раньше жидкости.

7. Так, садовник с наибольшим успехом сажает молодые деревца; если же он сажает уже подросшие, то ему придется сперва освободить их от старых ветвей, чтобы устранить возможность распространения сока в другом направлении. Вот почему Аристотель относит устранение ненужного к началам вещей, видя невозможность придать материи новую форму, не уничтожив прежней.

Отклонение. 8. Отсюда следует, что, во-первых, всего лучше воспринимают учение мудрости молодые умы, еще не привыкшие отвлекаться к другим занятиям, и чем позже начинается образование, тем с большим трудом оно продвигается вперед, так как ум уже занят другим. Во-вторых, не может мальчик с пользой для себя одновременно обучаться у многих учителей, так как едва ли возможно, чтобы все придерживались единой формы обучения; следствием этого бывает рассеянность в нежных умах и задержка в их развитии. В-третьих, неосмотрительно поступают в том случае, когда, принимаясь за образование более взрослых мальчиков и юношей, не начинают с воспитания благонравия, чтобы, обуздав их страсть, сделать учеников восприимчивыми ко всему прочему.

Укротители коней сперва обуздывают коня железными удилами и добиваются повиновения, а потом обучают его той или иной поступи. Следовательно, прав Сенека, говоря: „Сперва учись хорошим нравам, а потом мудрости, которая без хороших нравов усваивается плохо“, и Цицерон: „Нравственная философия подготавливает умы для восприятия посева“ и пр.

Исправление.

9. Следовательно

1. Образование юношества должно начинаться рано.

II. У одного и того же ученика по одному и тому же предмету должен быть только один учитель.

III. По воле воспитателя прежде всего должны быть приведены в гармонию нравы.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ II.

Материя стремится принять необходимую форму.

10. Природа так располагает материей, чтобы она стремилась к форме.

Так, птенец, уже достаточно сформир-

ровавшийся в яйце, стремясь к более полному совершенству, начинает сам двигаться и разрывает скорлупу или разбивает ее клювом. А освободившись из заключения, с радостью согревается у матери, охотно питается и жадно раскрывает рот, глотает положенный в него корм, с удовольствием направляется к созерцанию неба, радуется упражнению в летании и, немного спустя, летает, словом, жадно, хотя и постепенно, стремится ко всему, к чему влечет его природное побуждение.

Подражание. 11. Так садовник считает нужным позаботиться о том, чтобы растение, получив необходимую влагу и жизненную теплоту, благополучно росло.

Отклонение. 12. Плохую поэтому заботу о детях проявляют те, кто насильно принуждает их учиться. В самом деле, чего надеются этим достигнуть? Если едят без аппетита, вводя при этом все-таки в желудок пищу, то в результате это вызовет только тошноту и рвоту и, по меньшей мере, плохое пищеварение, нездоровье. Напротив, если еда вводится в желудок под влиянием чувства голода, то он воспринимает ее с удовольствием, хорошо переваривает и успешно обращает в сок и кровь. Поэтому и говорит Исократ:— „Если будешь любить знание, будешь много знать“, и Квинтилиан: „Стремление к учению определяется волею, принудить которую нельзя“¹.

Исправление. 13. Итак:
I. Всеми возможными способами нужно воспалять в детях горячее стремление к знанию и к учению.

II. Метод обучения должен уменьшать трудность ученья, с тем чтобы оно не возбуждало в учениках неудовольствия и не отвращало их от дальнейших занятий.

Каким образом следует пробуждать и поддерживать в детях стремление к учению. 14. Стремление к учению пробуждается и поддерживается в детях родителями, учителями, школой, самими учебными предметами, методом обучения и школьным начальством.

1. Родителями. 15. Если родители в присутствии детей с похвалой отзываются об учении и об ученых людях или, побуждая детей к прилежанию, обещают им красивые книги, красивую одежду или еще что-либо приятное; если хвалят учителя (особенно того, которому хотят поручить детей) как со стороны его учениости, так и гуманного отношения к детям (ведь любовь и восхищение являются сильнейшим средством, чтобы вызвать стремление к подражанию); наконец, если они иногда

¹ Эта цитата взята Коменским из сочинения Квинтилиана, „О воспитании оратора“, I кн., § 8.

пошлют детей к учителю с поручением или маленьким подарком и пр., то легко достигнут того, что дети искренне полюбят и науку и самого учителя.

2. Учителями.

16. Если *учителя* будут приветливы и ласковы, не будут отталкивать от себя детей своим суровым обращением, а будут привлекать их своим отеческим расположением, манерами и словами; если учителя рекомендуют науки, к которым они приступают, со стороны их превосходства, привлекательности и легкости; если более прилежных учеников будут время от времени хвалить (даже наделяя малышей яблоками, орехами, сахаром и т. п.); если, пригласив некоторых учеников к себе на дом, а также всем вместе, будут показывать картинки, изображающие то, что им в свое время придется изучать, оптические и геометрические инструменты, глобусы и другие подобные вещи, которые могут вызвать у них чувство восхищения; если будут через них сноситься с родителями, словом, если учителя будут относиться к ученикам с любовью, тогда они легко завоюют их сердце так, что детям будет приятнее пребывать в школе, чем дома.

3. Самой школой, которая должна быть чрезвычайно привлекательна внутри и снаружи.

17. Сама *школа* должна быть приятным местом, доставляя глазам привлекательное зрелище изнутри и снаружи. Внутри она должна быть светлой, чистой, украшенной картинами: портретами знаменитых людей, географическими картами, памятниками исторических событий, некоторыми эмблемами. А извне к школе должна примыкать не только площадка для прогулок и игр (так как у детей этого отнимать нельзя, о чем будет сказано ниже в своем месте), но также небольшой сад, в который иногда следует пускать учеников и предоставлять возможность наслаждаться зрелищем деревьев, цветов и трав. Если дело будет так поставлено, то дети, вероятно, будут посещать школу с меньшей охотой, чем обыкновенно они посещают ярмарки, где они всегда надеются увидеть и услышать что-либо интересное.

4. Предметами преподавания.

18. Привлекают юношество и самые *учебные предметы*, если они соответствуют возрасту и преподаются понятно с присоединением иногда чего-либо шуточного или менее серьезного, но приятного. Это и значит приятное соединять с полезным.

5. Методом, который должен быть естественным.

19. Чтобы пробуждать стремление к знанию, прежде всего, *самый метод* по необходимости всегда должен быть естественным. Ведь все, что естественно, развивается само собой. Нет необходимости заставлять воду течь по наклонной плоскости; удали только плотину или

вообще все то, что ее задерживает, — и ты увидишь, что она тотчас потечет. Нет нужды просить птичку улететь — открой только клетку. Нет необходимости принуждать глаз к изящной картине или ухо обращаться к прекрасной мелодии, если только ты предоставишь им это. В таких случаях скорее придется сдерживать их.

Метод должен разумно сочетать приятное с полезным.

Чего требует естественный метод, должно быть ясным из предшествующей главы, равно как и из последующих правил. Кроме того, чтобы способности пробуждались самым методом, необходимо его разумно оживать и делать приятным именно так, чтобы все, как бы оно ни было серьезно, преподавалось дружеским и приятным образом в форме бесед, состязаний, разгадывания загадок или в форме притч или басен. В своем месте об этом будет сказано полнее.

6. Школьным начальством.

20. *Начальство и попечители школы* могут возбуждать усердие к учению, если сами будут присутствовать на публичных актах (будут ли то упражнения в декламации и в диспутах, или экзамены и присуждение ученых степеней) и более прилежным будут раздавать похвальные отзывы и награждать их (без лицепрития) подарками.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ III.

Все из собственных основ.

21. Природа производит все из основ незначительных по величине, но мощных по своему качеству.

Например, то, из чего должна образоваться птица, свертывается в каплю и окружается скорлупой, чтобы ее легко можно было носить в утробе и согреть при высиживании. Однако это по своему качеству содержит в себе всю птицу, потому что потом из заключенной в нем жизненной силы сформируется тело птицы.

Подражание. 22. Так, *дерево* какой угодно величины целиком заключается как в зерне своего плода, так и в черенке последнего побега своих ветвей. Таким образом, если последний посадить в землю, то из него благодаря внутренней действующей силе снова вырастет целое дерево.

Поразительное уклонение.

23. Обычно против этого основного положения в школах свершается величайший грех. Ведь большинство учителей считают нужным, вместо семени, сажать растения, а вместо черенков — деревья, так как вместо основных начал навязывают ученикам хаос различных заключений, больше того — даже подлинных текстов. Но как верно то, что мир состоит из

четырёх элементов (видоизменяющихся только по своим формам), так, несомненно, и научное образование состоит из немногих начал, из которых, если только знать способы их различения, возникает бесконечное множество положений, подобно тому как на дереве из основательно укрепившегося корня могут вырасти сотни ветвей, тысячи листьев, цветов и плодов. Да умиласердится бог над нашим веком и откроет у кого-либо мысленные очи, чтобы тот правильно понял связи вещей и сообщил это другим. А мы, если будет угодно богу, в кратком изложении христианской пансофии¹ дадим очерк нашего опыта в той скромной надежде, что бог через других откроет в свое время большее.

Исправление I.

24. Отметим между тем три положения:

I. *Каждая наука должна быть заключена в самые сжатые, но точные правила.*

II. *Каждое правило нужно излагать немногими, но самыми ясными словами.*

III. *Каждое правило должно сопровождаться многочисленными примерами, чтобы стало достаточно ясным, как разнообразно его применение.*

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ IV.

25. Природа переходит от более легкого к более трудному.

Сначала более легкое.

Например, образование *яйца* начинается не с более твердой части, скорлупы, а с желтка; последний сначала покрывается кожей и только впоследствии—скорлупой. Так, птица, приготавливаясь к полету, сперва приучается становиться на ноги, потом двигать крыльями, затем размахивать ими, наконец, при более сильных движениях, подниматься и уж тогда только вверять себя воздушному простору.

Подражание.

26. Так, *плотник* сперва учится рубить бревна, потом их обтесывать, затем скреплять одно с другим, наконец строить целые здания и т. д.

Различные отклонения.

27. Следовательно, превратно поступают, когда в школах обучают неизвестному при помощи столь же неизвестного. Так происходит.

I. Когда правила латинского языка преподаются начинающим его изучать на латинском же языке; это то же самое, как если бы кто-нибудь еврейский язык разъяснил правилами на еврейском языке, а арабский язык—правилами на арабском.

¹ *Пансофия* (от греческих слов—*παν*—все и *σοφία*—мудрость)—всеобщая мудрость, или знание всего.

II. Когда тем же самым начинающим дают в пособие словарь с латинского языка на родной язык, тогда как должно быть наоборот. Ведь они изучают не родной язык при помощи латинского, а латинский язык при помощи родного, так как последний уже известен (об этой несообразности подробнее будет говориться в главе XXII).

III. Когда мальчику дается в учителя чужеземец, не владеющий родным языком мальчика. Так как они лишены общего средства взаимного понимания и вынуждены объясняться при помощи знаков и догадок, то не соорудят ли таким образом Вавилонской башни?

IV. Делается также ошибка против правильного ведения дела и в том случае, когда по одним и тем же грамматическим правилам (например Меланхтона или Рамуса) обучают юношество всех наций (французов, немцев, чехов, поляков или венгров и пр.), тогда как каждый из языков имеет свое особое, и до некоторой степени обособленное, отношение к латинскому языку. Это своеобразие и нужно вскрывать, если мы хотим, чтобы основные свойства латинского языка легко были усвоены учениками.

28. Это будет исправлено, если

Исправление.

I. *Учитель и ученик говорят на одном и том же языке.*

II. *Все разъяснения вещей делаются на знакомом языке.*

III. *Грамматика и словарь будут приспособлены к тому языку, при посредстве которого изучается новый (латинский язык—при посредстве родного, греческий—латинского и т. д.).*

IV. *Новый язык изучается постепенно, а именно: сперва ученик приучается его понимать (это самое легкое), затем писать (при этом дается время для предварительного обдумывания) и, наконец, говорить, что—самое трудное, так как это делается без непосредственной предварительной подготовки.*

V. *При изучении латинского и родного языков этот последний, как более известный, будет предшествовать, а латинский язык—следовать.*

VI. *Учебный материал располагается таким образом, чтобы сперва усваивалось то, что является наиболее близким, затем—не столь отдаленным, потом—более отдаленным и, наконец, самым отдаленным. Поэтому, когда первые ученикам предлагаются правила (например правила логики, правила риторики и др.), их следует разъяснять примерами, не далекими от их понимания, например богословскими, политическими и пр., а примерами, заимствованными из повседневной жизни. Иначе ученики не поймут ни правила, ни его применения.*

VII. *У учеников развивают сперва внешние чувства (это*

всего легче), *затем — память, далее — понимание и, наконец, суждение.* Именно в такой постепенности они следуют друг за другом, *так как знание начинается из чувственного восприятия, с помощью воображения переходит в память, а затем, через обобщение единичного, образуется понимание общего и, наконец, для уточнения знания о вещах достаточно понятных составляется суждение.*

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ V

Ни в чем излишнего обременения. 29. Природа не обременяет себя излишне; она довольствуется многим.

Например, из одного *яйца* она не выводит двух птенцов, удовлетворяясь удачно выведенным одним.

Подражание. К одному стволу *садовник* прививает не нескольких черенков, а один, и, если считает ствол достаточно крепким, то два.

Отклонение. 30. Следовательно, внимание будет рассеиваться, если предлагают изучать одновременно в одном и том же году различные предметы, например грамматику, диалектику, а то еще риторику, поэтику, греческий язык и пр. (см. в предшествующей главе основоположение IV).

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VI

Ни в чем не следует спешить. 31. Природа не спешит, а подвигается вперед медленно.

Чтобы быстро высидеть птенцов, *птица* ведь не бросает яиц в огонь, а чрезвычайно медленно согревает их естественным теплом и впоследствии, чтобы птенцы быстрее подросли, не обкармливает их пищей (ведь она бы этим скорее их уморила), а кормит понемногу и осмотрительно, давая столько пищи, сколько может переварить неразвитая еще способность пищеварения.

Подражание. 32. Так, *архитектор* не торопится воздвигать на фундаменте стены, а на стенах — крышу, так как недостаточно высохший и неокрепший фундамент обыкновенно под тяжестью оседает, что вызывает разрушение здания. Таким образом, ни одна более значительная каменнаястройка не может быть окончена в течение года; нужно дать ей выстоять надлежащее время.

33. *Садовник* не добивается от растения, чтобы оно в первый же месяц выросло или чтобы в первый же год принесло плод. Поэтому он не каждый день им занимается, не каждый день поливает его, не ускоряет его созревания, разводя возле него огонь или осыпая негашеной

известью, а довольствуется тем, что растение орошается с неба и согревается солнцем.

34. Следовательно, пыткой является для юношества:

1. Если его заставляют ежедневно заниматься по шести, семи, восьми часов классными занятиями и упражнениями да, кроме того, несколько часов дома.

2. Если оно бывает переобременено до обморока и до умственного расстройства (как это часто мы видим) диктантами, составлением упражнений и заучиванием наизусть чрезвычайно больших отрывков. Чего добьется тот, кто предпочитает в небольшой сосуд с узким отверстием (с чем можно сравнить способности детей) вливать жидкость сразу, а не вводить ее по каплям? Конечно, большая часть жидкости разольется, и в сосуд попадет несравненно меньше, чем это можно было бы сделать при постепенном вливании. Совершенно неразумен тот, кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только сам он желает, так как нужно помогать способностям а не подавлять их, и воспитатель юношества, так же как и врач, является только помощником природы, а не ее господином.

35. Итак, легкость занятий и удовольствие от них для ученика увеличит тот,

1. Кто будет привлекать учеников к классным занятиям на наименьшее число часов, а именно—на четыре часа, предусматривая столько же часов для домашних работ.

II. Кто как можно меньше будет обременять память, давая только самое главное, предоставив остальное свободному течению.

III. Кто все будет преподавать сообразно степени восприимчивости ученика, которая будет увеличиваться с возрастом и дальнейшим ходом занятий.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VII.

36. Природа ничего не вызывает насильно наружу, кроме того, что, созрев внутри, сама стремится выйти.

Ведь природа не заставляет птенца покидать яйцо ранее, чем его члены правильно сформируются и укрепятся; не заставляет его летать ранее, чем он оперится, не выгоняет его из гнезда ранее, чем он научится летать, и пр.

Так дерево не дает отростков ранее, чем сок, поднимаясь от корня, не заставляет их расти; не дает раскрываться почкам ранее, чем образовавшиеся из сока вместе с цветами листья стремятся развернуться свободнее; не сбрасывает листву ранее, чем она успеет окрепнуть; не заставляет

сывает цвета ранее, чем охваченный им плод не покрывается кожицей; не дает плоду падать ранее, чем он созрел.

Отклонение. 37. Итак, над умами детей совершается насилие,

I. Когда их принуждают к тому, до чего они не дошли еще ни по возрасту, ни по своему умственному развитию.

II. Когда учеников заставляют что-либо запомнить или делать без предварительного и достаточного разбора, разъяснения и наставления.

Исправление. 38. Итак, согласно с этим,

I. Детям следует заниматься только тем, что соответствует их возрасту и способностям, а также тем, к чему они сами стремятся.

II. Ничего нельзя заставлять заучивать, кроме того, что хорошо понято. И также ничего нельзя требовать от памяти ребенка, кроме того, что, судя по несомненным признакам, он усвоил.

III. Ничего не следует предлагать к выполнению, кроме того, форма и способ выполнения чего в достаточной мере разъяснены.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VIII.

Все для внешних чувств. 39. Природа всячески себе помогает. Например, у яйца нет недостатка в своем жизненном тепле; однако отец природы, бог, предусматривает, чтобы этому теплу помогли или теплота солнца, или перья сидящей на яйцах птицы. Когда птенец выйдет из яйца, мать, пока это необходимо, согревает и всячески развивает и укрепляет его для всего, что нужно ему в жизни. Наблюдая аистов, мы можем видеть, как они помогают своим птенцам, даже принимая их себе на спину и летая с ними вокруг гнезда, причем те также размахивают крыльями. Так и няни различным образом помогают слабым детям. Сперва они учат их поднимать голову, затем сидеть, становиться на ноги, двигать ими, чтобы сделать шаг, понемногу подвигаться вперед, идти свободно; отсюда, наконец, является также проворство в беганье. А когда учат говорить, произносят вперед слово и показывают рукой на то, что эти слова означают и пр.

Отклонение. 40. Итак, жесток тот учитель, который, предложив ученикам работу, не разъясняет достаточно, в чем она заключается, не показывает, как ее выполнять, а еще менее того помогает им при их первых попытках, но обязывает их самих работать изо всех сил и волнуется и свирепеет, если они что-либо делают не совсем правильно. Но что это такое, как не истязание юношества? Это равносильно тому, как если бы няня пожелала

заставить свободно ходить ребенка, который еще боится стоять на ногах, и принуждала бы его к этому побоями, если он еще не может этого сделать. Природа нас учит другому: до тех пор нужно терпеливо относиться к слабому, пока у него не хватает сил.

Исправление.

41. Итак, на основании этого:

I. *Не следует прибегать при обучении ни к каким телесным наказаниям* (так как если ученье идет плохо, то чья это вина, как не самого преподавателя, который или не умеет сделать ученика способным к ученью, или не прилагает к этому достаточно старания).

II. *Все, что ученики должны выучить, нужно преподавать им и изложить так ясно, чтобы они имели пред собой свои пять пальцев.*

III. *А для того, чтобы все воспринималось легче, надо, насколько лишь это возможно, привлекать к восприятию внешние чувства.*

42. Например, слух постоянно нужно соединять со зрением, язык (речь) с деятельностью рук. Следовательно, о том, что надо знать, надо не только рассказать, чтобы это было воспринято слухом, но это же следует зарисовать, чтобы через зрение предмет запечатлелся в воображении. С своей стороны, пусть ученики немедленно учатся все воспринятое произносить вслух и выражать деятельностью рук. Не следует отступать ни от одного предмета, пока он не запечатлется достаточно в ушах, глазах, в уме и памяти. *А для этой цели будет полезно, чтобы все, что обыкновенно изучается в каждом классе, будь то теоремы или правила, или образы и эмблемы из преподаваемого предмета, изображалось наглядно на стенах той же аудитории.*

Такая постановка дела исключительно сильно способствовала бы твердому усвоению предмета. Сюда будет относиться и то, чтобы ученики приучались переписывать в свои дневники или сборники общих истин все то, что они слышат или читают в книгах, так как это будет давать пищу воображению и облегчит припоминание этого предмета в дальнейшем.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ IX.

Все направляется преимущественно на пользу.

43. Природа не производит ничего такого, польза чего не стала бы вскоре очевидной.

Создает ли она *птичку*, скоро становится ясным, что крылья даются ей для летанья, ноги — для беганья и пр. Возникает ли что-либо на дереве, все это имеет свое полезное значение вплоть до шелухи и пушка, покрывающих плод и пр.

Подражание. 44. Итак, ты облегчишь ученику усвоение, если во всем, чему бы ты его ни учил, пока жешь ему, какую это приносит повседневную пользу в общезжитии. Этого правила нужно придерживаться везде: и в грамматике, и в диалектике, и в арифметике, и в геометрии, и в физике и пр. Иначе, что бы ты ни рассказал, все будет представляться детям каким-то чудовищем с того света. Не доведенный до понимания того, существует ли это в природе и в порядке ли это вещей, ребенок скорее будет верить, чем знать. Но если ты покажешь назначение всякой вещи, то ты действительно обеспечишь его подлинным знанием и умением действовать.

45. Следовательно, нужно учить только тому, в чем есть очевидная польза.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ X.

Все единообразно. 46. Природа действует во всем единообразно.

Например, каково происхождение одной птицы, таково происхождение и всех птиц, мало того—всех животных, измененное лишь некоторыми побочными обстоятельствами. Так и в растениях: как одна былинка рождается и вырастает из своего семени, как одно дерево сажается, дает ветви и цветет, так это происходит повсюду и всегда со всеми другими растениями и деревьями. И каков на дереве один лист, таковы и все остальные, и какими листья бывают в этом году, такими же они будут и в следующем году и всегда.

Отклонение. 47. Вот почему разнообразие методов обучения только затрудняет юношество и осложняет обучение. Между тем, не только различные преподаватели различным образом преподают предметы, но и один и тот же преподаватель преподает различно, например, иначе преподает грамматику, иначе—диалектику и пр., тогда как все это можно было бы преподавать единообразно, в соответствии с гармонией целого и с тем, что вещи и слово имеют связь и родство между собой.

Исправление. 48. Поэтому нужно позаботиться, чтобы в дальнейшем.

I. Один и тот же метод был принят для преподавания всех наук, один и тот же метод—для преподавания всех искусств, один и тот же метод—для преподавания всех языков¹.

II. В одной и той же школе был один и тот же порядок и метод во всех упражнениях.

¹ Здесь имеется ввиду единый дидактический принцип См. выше стр. 43—45.

III. *Насколько это возможно, были одни и те же издания книг по одному и тому же предмету.*

Так все пойдет вперед легко и без затруднения.

ГЛАВА XVIII.

Основы прочности (основательности) обучения и учения.

**Поверхностность
обычного обуче-
ния.**

1. От многих раздаются жалобы, да и факты это подтверждают, что только немногие ученики выносят из школ основательное образование, а большинство — только поверхностное образование или даже только намек на образование.

**Причина того
двойкая.**

2. Если ты будешь искать причины этого, то она окажется двойкой. Это происходит либо потому, что в школах, пренебрегши существенным, обращают внимание на ничтожное и пустое, либо потому, что ученики снова забывают то, что они выучили, так как большая часть знаний только скользит по поверхности ума и не внедряется в него. Этот второй недостаток настолько распространен, что мало людей, которые на него не жаловались бы. В самом деле, какими бы мы считались учеными, если бы память тот час воспроизводила нам все то, что мы когда-либо читали, слышали, восприняли умом — мы, которые использовали каждый случай для приобретения знаний! Но такой способностью наша память не обладает, и очевидно, что мы черпаем воду решетом.

**Средство против
того и другого
недостатка нуж-
но искать в есте-
ственном методе.**

3. Но есть ли средство против этого зла? Несомненно, найдется. Обратившись к школе природы, опять-таки будем искать руководящих указаний в ее творениях, предназначенных для долгого существования. Таким путем можно будет найти метод, при котором каждый будет знать не только то, что выучил, но даже более, чем он выучил, т. е. не только свободно излагать почерпнутое от учителей и из авторов, но и основательно судить о самих вещах.

4. Но этого можно достигнуть,

I. *Если основательно будут рассматриваться только те вещи, которые должны принести пользу*

II. *Занимаясь однако, всеми этими вещами уже без всякого изъятия.*

III. *Если всему будет положено прочное основание.*

IV. *Если указанные основания будут закладываться глубоко,*

V. Если все затем будут опираться только на эти основания.

VI. Все, что нужно различать, должно быть различаемо с полной определенностью.

VII. Все последующее должно опираться на предыдущее.

VIII. Все, что связано между собой, должно быть связываемо постоянно.

IX. Все должно быть распределяемо пропорционально между разумом, памятью и языком.

X. Все должно закрепляться постоянными упражнениями.

Рассмотрим отдельные положения подробнее.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ I.

Не следует приниматься ни за что ненужное.

5. Природа никогда не делает ничего бесполезного.

Например, создавая *птичку*, природа не дает ей ни чешуи, ни плавательных перьев, ни жабр, ни рогов, ни четырех ног и ничего такого, что ей не будет нужно, а дает только голову, сердце, крылья и пр. *Дереву* природа не дает ушей, глаз, перьев, волос и пр., а лишь кору, лыко, сердцевину, корень и пр.

Подражание механическим искусствам.

6. Таким образом, и тот, кто желает, чтобы *поле*, *виноградник*, *сад* давали плоды, засеивает их не сорной травой, не крапивой, не чертополохом и не терновником и

пр., но благородными семенами и растениями.

7. Так и *архитектор*, думая построить крепкое здание, заготавливает не солому, не мякину, не грязь, не ивовые прутья, но камни, кирпичи, крепкое дерево и тому подобный крепкий и плотный материал.

И в школах

8. Следовательно, в школах.

I. Нужно преподавать только то, что приносит самую основательную пользу как в настоящей, так и в будущей жизни и даже более в будущей. Ибо, по указанию Иеронима, на земле нужно изучать то, изучение чего имело бы значение и для небесной жизни.

II. Если что-либо нужно сообщить юношеству даже и ради настоящей жизни (как это и бывает), *все это должно быть таково, чтобы*, не мешая той вечной жизни, *и в этой настоящей жизни приносило бы существенную пользу.*

Нужно изучать только ценное.

9. Кому нужны пустяки? Какой смысл изучать то, знание чего не принесет пользы, а незнание не принесет вреда и от чего в дальнейшем возрасте придется отучиваться или что придется среди занятий забывать? Нам есть чем

заполнить всю свою короткую жизнь, если даже ни одной капли ее не тратить на пустяки. Итак, пусть будет задачей школы занимать юношество только серьезным. А каким образом забава может превращаться в серьезное дело — об этом будет сказано в своем месте.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ II.

Нужно заниматься только тем, что относится к делу.

10. Природа ничем не пренебрегает из того, что является полезным в будущем для того тела, которое она создает.

Например, создавая *птичку*, она не забывает ни головы, ни крыла, ни ноги, ни когтя, ни кожи, — словом ничего, что относится к сущности данного рода птицы и т. п.

Подражание в школах.

11. Следовательно, таким же образом в школах, образовывая человека, необходимо образовывать его в целом, чтобы сделать его пригодным для настоящей жизни и вместе с тем подготовленным к самой вечности, которая составляет цель всего того, что ей предшествует.

12. Поэтому в школах следует обучать не только наукам, но и нравственности и благочестию. А научное образование пусть служит человеку к усовершенствованию одновременно и его разума, и языка, и рук, для того чтобы он мог все, что требуется, разумно созерцать, выражать словами и осуществлять в действии. Если что-либо из этого опустить, то получится пробел, который не только нанесет ущерб образованию, но и подорвет его основательность. Ибо *крепким может быть только то, что тесно связано во всех своих частях.*

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ III.

Прочно только то, что хорошо обосновано.

13. Природа ничего не творит без твердого основания, без корня.

Растение не растет кверху, пока не пустит свой корень вниз, а если попытается это сделать, то ему придется завянуть и погибнуть. Вот почему разумный садовник даже и посадки не производит, пока не убедится в том, что черенок уже пустил корень. У птицы и у всякого животного место корня заступают внутренности (питающие члены), которые поэтому, как основа всего тела, и начинают всегда образовываться в первую очередь.

14. Так *архитектор* не строит здания, не положив сперва твердого основания, иначе все обратится в развалины. Равным образом и *художник* подкладывает под краски грунт, без которого краски

или легко отваливаются и выветриваются, или теряют свой цвет.

Отклонение.

15. Такого фундамента не подводят под обучение те преподаватели, которые 1) не работают над тем, чтобы прежде всего сделать учеников любознательными и внимательными, 2) не посвящают учеников в намечаемый ими общий план занятий в целом, так, чтобы ученики отчетливейшим образом понимали (различали), что нужно делать и что делается в действительности. А какой прочности можно ожидать, если ученик учится без любви к знанию, без внимания и без понимания?

Исправление.

16. Следовательно, сообразно с этим, I. *Какое бы занятие ни начинать, нужно прежде всего возбудить у учеников серьезную любовь к нему, доказав превосходство этого предмета, его пользу, приятность и что только можно.*

II. Идея языка или искусства (которая является не чем иным, как извлечением, охватывающим в самом общем виде все части предмета) всегда должна запечатлеваться в уме учащегося ранее, чем приступают к частному его рассмотрению. В таком случае учащийся уже в самом начале хорошо может обозреть как цель и пределы предмета, так и внутреннее расположение его частей. Ибо как скелет есть основа всего тела, так общий очерк искусства есть базис и основа всего искусства.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ IV.

Основания должны быть заложены глубоко.

17. Природа пускает корни глубоко.

Так, у животного природа скрывает жизненные органы глубоко в теле. И *дерево* тем крепче стоит, чем глубже пускает корни; если его корни находятся только под наружным слоем почвы, то его легко можно вырвать.

Исправление отклонения.

18. Отсюда ясно, что восприимчивость к учению в ученике нужно возбуждать серьезно и идею предмета глубоко запечатлевать в уме. К более полной системе искусства или языка следует подходить не ранее, чем будет установлено, что идея усвоена совершенно ясно и пустила хорошие корни.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ V.

Все из собственных корней.

19. Природа все производит из корня и более ни откуда.

Ибо, сколько на *дереве* ни появляется древесины, коры, листьев, цветов, плодов, — все это рож-

дается только от корня. Хотя дождь и идет сверху, а садовник поливает снизу, необходимо, чтобы вся эта влага прошла через корни, а затем только разлилась по стволу, ветвям, отросткам, листьям и плодам. А потому, хотя садовник приносит прививок со стороны, однако считает необходимым так привить его к стволу, чтобы он, как бы слившись с его существом, всасывал бы сок того же корня и, питаясь этим соком, разрастался силою корня. От корня у дерева является все, и нет необходимости приносить со стороны и прививать ему листья и ветви. Точно так же оперение птицы не составляется из перьев, которые побросали другие птицы, но происходит из самих внутренних ее частей.

Подражание
этому в технике.

20. Так и предусмотрительный *архитектор* все устраивает таким образом, чтобы здание опиралось исключительно на свой фундамент и поддерживалось своими связями без подпорок со стороны. Если здание нуждается в таких подпорках, то это служит доказательством его непрочности и готовности обрушиться.

21. Кто устраивает пруд или водоем, тот не приказывает доставлять воду из другого места и не ждет дождевой воды, но отыскивает естественный источник и по каналам и скрытым трубам проводит воду в свой водоем.

В школах.

22. Из этого основного положения следует, что правильно обучать юношество — это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит — раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки (знания), подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, цветы, плоды, а на следующий год из каждой почки вырастет целая новая ветка со своими листьями, цветами и плодами.

23. На самом деле до сих пор школы не достигли того, чтобы приучать умы, точно молодые деревца, развиваться из собственного корня, но приучали учащихся только к тому, чтобы, сорвав ветки в других местах, навешивать их на себя и, подобно эзоповской вороне, одеваться чужими перьями. В школах прилагали старание не столько к тому, чтобы открыть скрывающиеся в сознании источники познания, сколько к тому, чтобы орошать этот источник чужими ручьями. Это значит, что школа не показывала самые вещи, как они происходят из самих себя и каковы они в себе, но сообщала, что о том и другом предмете думает и пишет один, другой, третий и десятый автор. И величайшей ученостью казалось знать о многом противो-

речивые мнения многих. Поэтому и получилось то, что весьма многие (ученые) занимаются только тем, что, копаясь в авторах, извлекают фразы, сентенции, мнения, составляя науку наподобие лоскутного платья. К ним с упрёком обращается Гораций: „О, подражатели, рабский скот!“. И действительно — рабский скот, привыкший только к тасканию чужих тяжестей.

**Внешний блеск
поверхностной
учёности.**

24. Но, спрашиваю я, какая польза от того, что мы теряемся среди различных мнений о вещах, когда вопрос ставится о знании вещей, каковы они на самом деле? Так ли уж в жизни ничего нет такого, чем бы мы могли заняться, кроме того, чтобы следовать за другими, которые блуждают туда и сюда и высматривают, кто, где сбивается с пути или спотыкается, или уклоняется от правильного направления. О, смертные, будем стремиться к прямой цели, оставив обходные пути. Если эта цель прочная и достаточно ясная, почему нам не стремиться к ней прямо? Почему лучше пользоваться чужими глазами, а не своими?

**Причина этого —
ошибочный
метод.**

25. Метод преподавания всех предметов показывает, что школы стремятся к тому, чтобы научить смотреть чужими глазами, мыслить чужим умом. Школы учат не тому, чтобы открывать источники и выводить оттуда различные ручейки, но только показывают ручейки, выведенные из авторов, и согласно с ними предлагают идти по ним к источникам назад. Ведь ни один словарь (по крайней мере, нам известный, если исключить словарь поляка Кнапия, хотя и к нему мы выскажем свои пожелания в XXII главе) не учит говорить, а только понимать. Едва ли хоть одно руководство по грамматике учит составлять речь, а учит только ее разбирать. Ни один учебник фразеологии не учит способу искусно составлять и разнообразить фразы, а дает только запутанную смесь фраз. Почти никто не преподаёт физику посредством наглядных демонстраций и экспериментов, но все преподают ее путем чтения текстов Аристотеля или кого-либо другого. Никто не развивает нравов путем внутреннего преодоления страстей, но все дают лишь поверхностный очерк учения о нравственности путем внешнего определения и разделения добродетелей. Это станет ясным, если с божией помощью мы подойдем к специальному методу преподавания искусств и языков, и еще более ясным, если это будет угодно богу, в начертании пансофии¹.

¹ См. примечание к стр. 166, § 23.

Мастера механических ремесел лучше преподают свои ремесла.

26. Удивительно, что и древние поняли здесь дело не лучше или что, по крайней мере, эта ошибка давно уже не была исправлена новейшими исследователями, хотя известно с полною несомненностью, что именно здесь лежит причина столь медленных успехов. В самом деле, показывает ли плотник ученику искусство строить дома, разрушая их? Напротив того, выстраивая их, он показывает, какой нужно выбирать материал и как все в свое время нужно вымерить, обрубить, обтесать, поднять, положить, связать и пр. Ведь кто знает способ построения, тому ничего не стоит разрушить, как и распороть одежду тому, кто умеет ее сшить. Но никто и никогда не научился искусству плотника, разрушая дома, и искусству портного, распарывая одежды.

Двойкий вред небрежности образованных людей по отношению к своим делам.

27. И в самом деле, неудобство неисправленного в этой части метода и даже его вредные стороны очевидны. Они состоят 1) в том, что образование весьма многих, если не большинства, заключается в чистой номенклатуре, т. е. в том, что они, правда, могут называть термины и правила искусств, но воспользоваться ими настоящим образом не могут; 2) в том, что ни у кого образование не является целостной совокупностью знаний, которые друг друга поддерживают, подкрепляют и обогащают, но заключает в себе нечто искусственно связанное: кусок отсюда, кусок оттуда, нечто такое, что нигде достаточно не связано и не приносит никакого основательного плода. Ведь подобное знание, составленное из мнений и суждений различных авторов, чрезвычайно похоже на то дерево, которое воздвигается на деревенских праздниках освящения новых домов: хотя оно и увешивается всевозможными ветками, цветами, плодами, даже гирляндами и венками, но так как все это исходит не от собственного корня, а прикреплено извне, то не может размножаться и долго существовать. Такое дерево не приносит никаких плодов, а те ветви, которые навешены на него, сохнут и отваливаются. Человек, обученный основательно, есть дерево, имеющее свой собственный корень, питающее себя собственным соком и поэтому постоянно (сильнее и сильнее со дня на день) растущее, зеленеющее, цветущее, приносящее плоды.

Исправление.

28. Вывод сводится к следующему: нужно учить так, чтобы люди, насколько это возможно, приобретали знания не из книг, но из неба и земли, из дубов и буков, т. е. знали и изучали самые вещи, а не чужие только наблюдения и свидетельства о вещах. И это будет значить, что мы снова идем по стопам древних

мудрецов, черпая знание не из какого-либо иного источника, а из самого первообраза вещей. Итак, пусть будет законом:

I. Все должно выводиться из незыблемых начал вещей.

II. Ничему не следует учить, опираясь только на один авторитет; но всему учить при помощи доказательств, основанных на внешних чувствах и разуме.

III. Ничего не преподавать одним аналитическим методом, а предпочтительнее преподавать синтетическим¹.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VI.

Все отчетливо. 29. Чем разнообразнее употребление, для которого природа готовит какой-либо предмет, тем большее расчленение она в нем производит.

Например, чем лучше расчленен организм у животного, тем более разнообразны его движения; так лошадь имеет в этом отношении преимущество перед быком, а ящерица — перед улиткой. Так дерево с широко раскинувшимися корнями и ветвями крепче и красивее.

Нужно подражать этому. 30. Поэтому при образовании юности все нужно делать [как можно более отчетливо, так, чтобы не только учащий, но и учащийся понимал без всякого затруднения, где он находится и что он делает. Следовательно, большое значение будет иметь для дела, если все книги, употребляемые в школах, будут состоять в самом тщательном соответствии с этими законами природы.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VII.

Все в постоянном движении вперед. 31. Природа находится в постоянном движении вперед, никогда не останавливается, никогда не берется за новое, бросая начатое, но продолжает прежде начатое, расширяет его и доводит до конца.

Например, при образовании зародыша, то, с чего начинается развитие — голова, нога, сердце и пр., — все остается и лишь доводится до совершенного развития. Посаженное дерево не теряет первоначально выросших ветвей, но заботливо продолжает давать им жизненный сок, чтобы они ежегодно могли получать новые ветви.

¹ Диалектическая логика учит о единстве этих методов в процессе познания и мышления. „Мышление состоит, — говорит Энгельс, — столько же в разложении объектов сознания на их элементы, сколько в соединении родственных между собою элементов в единство. Без анализа нет синтеза“ (Энгельс, Анти-Дюринг, 1928, стр. 36).

32. Итак, в школах:

Этому следует подражать.

И. Все занятия должны располагаться таким образом, чтобы последующее всегда основывалось на предшествующем, а предшествующее укреплялось последующим.

II. Все преподаваемое, правильно понятое умом, должно быть закреплено также и в памяти.

О развитии и укреплении памяти, преимущественно в юном возрасте.

33. Так как при этом натуральном методе все предшествующее должно будет служить основанием всему последующему, то по необходимости все должно закладываться в умы учащихся основательно.

А основательно внедряется в ум только то, что хорошо понято и тщательно закреплено памятью. Ведь правильно говорит Квинтилиан: „Вся наука опирается на память, и мы учимся напрасно, если что-либо из того, что мы слышали (или читали), ускользает от нас“. Людовиг Вивес также говорит: „Память нужно развивать с раннего возраста, она укрепляется от постоянного ее упражнения. Многое должно верить ей заботливо и часто. Ведь в этом возрасте не чувствуют труда, так как его не взвешивают. Так, без труда и усилия память расширяется и становится чрезвычайно обширной“ (книга 3, „О преподавании наук“). И во „Введении к мудрости“ он говорит: „Не позволяй памяти оставаться бездеятельной. Нет ни одной способности, которой труд так был бы приятен и которая бы от него так расширялась. Ежедневно веряй ей что-либо; чем больше ейверишь, тем вернее она будет хранить все; чем меньше — тем память будет ненадежнее“. А что это чрезвычайно справедливо, на это указывают примеры природы. Например, дерево, чем более впитывает влаги, тем сильнее растет, и, наоборот, чем сильнее растет, тем более впитывает влаги. Так и животное, если оно больше переваривает пищи, тем больше растет, а выросши больше, больше требует питания, больше переваривает. Таким же образом все совершенно естественно возрастает благодаря собственному росту. Итак, в этом отношении нечего щадить ранней молодости (только бы это делалось разумно). Это будет фундаментом самого основательного движения вперед.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ VIII.

Все — при постоянной связи.

34. Природа все соединяет постоянными связями.

Например, когда она образует птенца, она все связывает: один член с другим, одну кость — с другой, нерв — с нервом. Так, в дереве из корня вырастает ствол, из ствола — сучья, из сучьев — ветви, из

ветвей—отростки, из отростков — почки, из почек — листья, цветы, плоды и, наконец, новые отростки и т. д. Так что, хотя бы тысячи тысяч было суков, ветвей, листьев, плодов,— все-таки все это составляло бы одно и то же дерево. Так, в здании, для того чтобы оно было прочным, стены должны быть прииноровлены к фундаменту, потолки и крыши к стенам, словом, все—и самое большое и самое малое—так должно быть прилажено между собой и соединено, чтобы образовывать одно неразрывное целое, один дом.

35. Отсюда следует:

Этому должно подражать.

1. Научные занятия всей жизни должны быть так распределены, чтобы составлять одну энциклопедию, в которой все должно вытекать из общего корня и стоять на своем собственном месте.

II. Все, что преподается, должно быть так обосновано аргументами, чтобы не оставалось никакого места ни сомнению, ни забвению.

Ведь обоснования разумом — это те гвозди, те пряжки, скобы, которые прочно спрепляют дело, не дают ему колебаться и распадаться.

36. Подкреплять все основаниями ра-

Что значит учить, указывая причины?

зума — это значит всему учить, указывая на причины, т. е. не только показывать, каким образом что-либо происходит, но также и показывать, почему оно не может быть иначе. Ведь знать что-нибудь — это значит познавать вещь в причинной связи. Например, пусть ставится вопрос: правильно ли сказать *totus populus* или *cunctus populus*. Если учитель ответит *cunctus populus*, не прибавив основания, то ученик немного спустя об этом забудет. Но если он скажет, что *cunctus* сокращено из *conjunctus* и потому *totus* лучше сказать об одной целой вещи, а *cunctus* о каком либо собирательном понятии, как в данном примере, то я не понимаю, каким образом ученик это может забыть, если он не совершенно тупоумен. Точно так же грамматики спорят, почему говорится: *mea refert, tua refert, ejus refert*, т. е., почему в первом и во втором лице употребляются творительный (как обычно думают), а в третьем лице — родительный? Если я скажу, что так бывает потому, что *refert* здесь сокращено из *res fert* (через элизию *s*) и что таким образом следует сказать *mea res fert, tua res fert ejus res fert* (или, сокращенно, *mea refert, tua refert, ejus refert*) и что таким образом *mea, tua* не творительные падежи, но именительные, — не зажгу ли я для ученика путеводного огня? Следовательно, мы желаем, чтобы ученики отчетливо и легко научились знать происхождение всех слов, основания всех оборотов (или конструкций) и основания всех

правил в области искусств. Ведь теоремы наук должны быть обоснованы не рассуждениями или гипотезами, но непосредственным рассмотрением самих вещей. Кроме чрезвычайного удовольствия, это будет иметь также весьма большую пользу, так как подготовит дорогу к самому основательному образованию; ведь таким образом замечательно открываются у учащихся глаза для того, чтобы из полученных знаний самостоятельно выводить новые.

Заключение.

37. Итак, в школе все следует преподавать путем исследования причин.

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЕ IX.

Все — в постоянной соразмерности между внутренним и внешним.

38. Природа сохраняет пропорции между корнем и ветвями в количественном и качественном отношениях.

Ибо как корень развивается под землей сильнее или слабее, так не в большей и не в меньшей степени развиваются на поверхности земли и ветви. И это необходимо, так как если бы дерево росло только вверх, то оно не могло бы держаться, потому что оно поддерживается корнем; если бы оно росло только вниз, то это было бы бесполезно, — ведь плоды приносятся ветвями, а не корнями. Так, у животного наружные органы развиваются в равном соотношении с внутренними. Если внутренние органы находятся в хорошем состоянии, то и наружные приобретают хороший вид.

Этому нужно подражать.

39. Хотя образование сперва должно восприниматься, развиваться и укрепляться, внутренним корнем понимания, однако вместе с тем нужно принимать меры к тому, чтобы оно заметно распространялось наружу, как бы в суки и ветви, т. е. чтобы все то, что понятно, вместе с тем обучали бы красноречиво излагать и должным образом применять на практике, и наоборот.

40. Итак:

I. При усвоении всякого предмета тотчас нужно обдумать, какую это принесет пользу, чтобы ничего не изучать напрасно.

II. Все то, что усвоено, в свою очередь должно быть передаваемо другим и для других, чтобы никакое знание не пропадало.

В этом смысле правильно сказано: *твое знание ничто, если другой не знает, что ты это знаешь*. Итак, пусть не открывается даже маленький источник знания без того, чтобы тотчас не потекли из него ручейки. Но больше скажем об этом в следующем основном положении.

Все—с постоянными упражнениями.

41. Природа сама себя оплодотворяет и укрепляет постоянным движением.

Так, *птица* не только согревает яйца насиживанием, но также ежедневно поворачивает их во все стороны, чтобы они нагревались отовсюду равномерно (это легко наблюдать у гусей или у кур и голубей, когда они высиживают своих детенышей у нас дома). А когда птенец вышел из яйца, мать, вплоть до того как он окрепнет, заставляет его упражняться в частых движениях, раскрывая у него клюв, расправляя крылья, вытягивая ноги, приводя его в движение, приподнимая и пытаясь научить его различным образом ходить и летать.

Так *дерево* тем быстрее растет, тем глубже пускает корни, чем чаще обвеивается ветрами. Мало того, всем растениям полезно подвергаться дождю, граду, грому и молнии. Поэтому страны, где господствуют ветры и молнии, производят, как говорят, более мощные деревья.

Подражание ремесленников.

42. Так и *строитель* умеет высушивать свои постройки и укреплять их лучами солнца и ветра. И кузнец, желая сделать железо более крепким и приготовить из него сталь, многократно погружает его в огонь и в воду и таким образом попеременно закаляет его жаром и холодом, чтобы, чаще его размягчая, сделать более крепким.

Идею школьных упражнений нужно искать в природе.

43. Отсюда следует, что *обучение нельзя довести до основательности без возможно более частых и особенно искусно поставленных повторений и упражнений*. А какого рода упражнения являются

наилучшими, на это нам указывают естественные процессы, которые в живом теле служат для питания, а именно — движения для привлечения пищи, переваривания и выделения ее.

Ибо как в животном (а также в растении) любой орган ищет питания, чтобы его переварить, а переваривает как за тем, чтобы питать самого себя (часть переваренного оставляя себе и усваяя), так и за тем, чтобы передать соседним органам для сохранения целого (ведь любой орган служит другим, чтобы другие служили ему), — так равным образом будет умножать знание тот, кто всегда:

I. Будет искать и привлекать к себе духовную пищу.

II. Будет пережевывать и переваривать то, что он найдет и привлечет.

III. Переварив, будет выделять и сообщать другим.

Многое спрашивать, усваивать учить — тайна великой учености.

44. Эти требования выражены в следующем латинском стихе: как можно больше спрашивать, спрошенное — усваивать, тому, что усвоил, обучать — эти три правила дают возможность ученику побеждать учителя.

Спрашивать — это значит обращаться за советом по поводу неизвестной вещи к учителю, к товарищу или к книге... Усваивать — это значит узнанное и понятое запоминать и для большей верности заносить в тетрадь (так как немногие отличаются столь счастливыми способностями, чтобы иметь возможность во всем полагаться на память). Обучать — это значит все усвоенное в свою очередь пересказывать товарищам или всякому, желающему слушать. Два первых приема известны школам, третий — еще недостаточно; однако ввести его было бы весьма полезно. Ведь чрезвычайно правильно известное положение: „Кто учит других, учится сам“ — не только потому, что, повторяя, он укрепляет в себе свои знания, но также и потому, что получает возможность глубже проникать в вещи. Поэтому талантливейший Иохим Форций свидетельствует о себе, что все то, что он только слышал или читал, ускользало у него из памяти даже в течение месяца, а чему он учил других, то он может перечислить, как свои пять пальцев, и думает, что это может отнять у него только смерть.

В соответствии с этим он советует, чтобы тот из учащихся, кто желает сделать большие успехи в занятиях, искал бы себе учеников, которых он мог бы ежедневно учить тому, чему учится сам, даже если бы ему пришлось платить им деньги. Лучше тебе, говорит он, чтобы ты стеснил себя в чем-либо в своих внешних удобствах, только бы иметь того, кто желал бы слушать, как ты учишь, т. е. подвигаешься вперед.

Каким образом это нужно ввести в школы.

45. Чтобы применить этот прием в классе, где он, наверное, может принести пользу наибольшему числу учащихся, учитель каждого класса мог бы ввести между своими учениками этот превосходный род упражнений удобнее всего следующим образом. На каждом уроке, после краткого изложения изучаемого материала и толкового объяснения смысла слов, наглядно показав применение изучаемого, тотчас нужно предложить встать одному из учеников, который все сказанное учителем должен повторить в том же порядке (как будто бы он сам уже был учителем других), объяснить правила теми же самыми примерами. Если он в чем-либо ошибется, его нужно исправлять. Затем нужно предложить встать другому и сделать то же самое, причем все остальные слушают; затем —

третьему и четвертому и всем, кому необходимо, пока не станет ясным, что все правильно поняли и могут передать усвоенное и сами учить других. Не советую здесь соблюдать какой-либо особенный порядок, кроме того, чтобы сначала вызывать более способных, для того чтобы ободренные их примером более слабые легче могли следовать за ними.

Польза от поставленных так упражнений.

46. Такого рода упражнения будут приносить особенную пользу в пяти следующих отношениях:

I. *Учитель всегда будет вызывать к себе внимание со стороны учеников.* Так как любому ученику нужно быстро встать на вызов и повторить весь урок и каждый будет чувствовать страх как за себя, так и за других, то поневоле все будут напрягать внимание, как бы чего-либо не упустить. Этого рода напряжение внимания, укрепленное опытом нескольких лет, сделает юношу бдительным во всех случаях жизни.

II. *Преподаватель определеннее убедится в том, что все им предложенное правильно усвоено всеми.* Если недостаточно усвоено, то он будет иметь возможность тотчас исправить ошибки к великой пользе для себя и для учеников.

III. *Когда столько раз повторяется одно и то же, то даже наиболее отстающие поймут изложенное настолько, чтобы идти наравне с остальными,* между тем как более способные будут радоваться своей уверенности, создаваемой в них полным пониманием предмета.

IV. *Благодаря этому столько раз проведенному повторению все ученики усвоят себе этот урок лучше, чем при самом долгом домашнем корпении над ним,* так что, наскоро пробежав этот урок еще раз вечером и на другой день утром, ученики найдут, что все шутя и с удовольствием запечатлелось в памяти.

V. *Когда таким образом ученик постоянно будет допускаться, так сказать, к исполнению учительских обязанностей, то в умы вселится некоторая бодрость и увлечение этим учением и выработается смелость с одушевлением говорить о любом высококом предмете перед собравшимся людьми, а это будет особенно полезно в жизни.*

47. Таким же образом и вне школы ученики будут в состоянии на отдыхе или во время прогулки устраивать различные сравнения и споры о предметах, только что или прежде изученных, или о новом каком-либо представившемся им предмете. Для этой цели, собравшись в некотором количестве, пусть они выберут себе заместителя учителя (по жребию или голосованием), который бы руководил их прениями. Если кто-либо из их

товарищей, которому это будет предложено, будет отказываться, того нужно строго наказывать; ведь мы хотим непреклонно того, чтобы не только никто не избегал случаев учить и учиться, но чтобы все даже искали этого. Об упражнении в письме (которое также сильно помогает основательному продвижению вперед) мы сделаем специальные указания в описании народной и классической школы, в гл. XXVII — XXVIII.

ГЛАВА XIX.

Основы кратчайшего пути обучения.

Возражение с точки зрения трудности. Ответ. Итак, нужно искать кратчайших путей.

1. Это весьма трудно, скажет кто-либо, и чрезвычайно длинно. Сколько нужно для этого учителей? Сколько библиотек? Сколько труда потребуются для подобного рода универсального образования? Отвечаю. Конечно, если в нашем распоряжении не будет сокращенных путей, — это дело огромной трудности и требует почти бесконечной работы. Ведь наука так же длинна, обширна и глубока, как самый мир, подлежащий исследованию. Но кто не знает того, что длинное может сокращаться, что трудное может быть сведено к легкому. Кто не знает того, что ткачи чрезвычайно быстро соединяют вместе тысячи тысяч нитей, выделявая удивительно разнообразные узоры? Кто не знает, что мельники быстро перемалывают тысячи тысяч зерен, весьма чисто и без всякого труда отделяют отруби от муки? Кто не знает, что механики совсем небольшими машинами, почти без всякого труда, поднимают и переносят огромные тяжести? А весовщики даже одной унцией уравнивают весьма много фунтов, отодвигая унцию от центра весов. Таким образом, для того чтобы совершать что-либо великое, не всегда нужна только сила, но нужно и искусство. Так неужели только у одних людей науки не будет хватать искусства, чтобы выполнять свое дело талантливо? Пусть хотя бы стыд заставит нас подражать искусству вышеуказанных профессий и отыскивать средства против тех трудностей, которыми до сих пор страдало школьное дело.

Прежде чем назначать лекарство, следует определить болезнь.

2. Мы не найдем лекарства, если ранее не определим болезни и ее причины. В самом деле, что это было такое, что настолько задерживала успех школьной работы, что большинство учащихся, если бы они провели даже целую жизнь в школах, все еще не уразумели бы

всех наук и искусств, а с некоторыми и совсем остались бы незнакомы?

Восемь причин,
задерживающих
успех в школах

3. Самыми подлинными причинами этого являются следующие:

Во-первых, не было устанавливаемо никаких границ, до которых учащихся необходимо было доводить в течение каждого года, каждого месяца, каждого дня: все колебалось в ту и другую сторону.

4. *Во-вторых, не было указано никаких путей, которые безошибочно вели бы к намеченной цели.*

5. *В-третьих, то, что было соединено природой, брали не вместе, а раздельно.* Например, новичков учили только читать, а письмо откладывали на несколько месяцев. В латинской школе требовали от юношей, чтобы они в течение нескольких лет изучали только слова без предметов, и годы молодости уходили исключительно только на занятия грамматикой, а занятия философией откладывали лишь на более поздний возраст. Кроме того, их заставляли только учиться и никогда — учить, хотя все это, как мы это видели в своем месте (чтение и письмо, слова и вещи, учение и обучение), должно быть так соединено вместе, как при беге — способность поднимать и опускать ноги, при разговоре — слушать и отвечать, в игре в мяч — бросать мяч и подхватывать и т. п.

6. *В-четвертых, искусство и наука едва ли где-либо преподаются не в отрывках, а энциклопедически.* Поэтому в глазах учащихся они являются как бы кучей дров или хвороста, и никто не может понять, чем они между собой связаны: один подхватывал одно, другой — другое, и ни у кого образование не было вполне всесторонним, а следовательно, и основательным.

7. *В-пятых, пользовались слишком разнообразными и различными методами;* каждая школа имела свой метод, мало того — свой метод имел каждый учитель; наконец, один и тот же учитель в преподавании одного искусства или языка действовал так, а в преподавании других — иначе. И, что всего хуже, в одном и том же предмете не сохраняли последовательности в методе, так что ученики едва ли когда-либо достаточно понимали, что делается. Отсюда — колебания, задержки, а по отношению к некоторым дисциплинам у учащихся получалось отвращение или отчаяние, раньше чем они подходили к их изучению, так что многие учащиеся даже не желали начать заниматься этими предметами.

8. *В-шестых, отсутствовал способ обучать всех учеников одного и того же класса одновременно;* работали с отдельными учениками, а если в классе бывало много

учеников, то это должно было требовать от учителей бессмысленного труда, а ученикам либо предоставлялся бесполезный досуг, либо, если и предлагалось чем-либо заняться, то не чем-либо иным, как изнуряюще скучным делом.

9. В-седьмых, если в классе бывало несколько учителей, то из этого возникало только новое замешательство. Ведь почти на каждом отдельном часе предлагались и велись различные занятия, не говоря уже о том, что множество учителей, как и множество книг, рассеивает внимание учеников.

10. Наконец, при благосклонном отношении к этому учителям, ученикам позволяли — в школе или вне школы, изучать другие книги. Полагали, что чем больше раскрывается авторов, тем больше дается удобных случаев продвинуться вперед, между тем как в действительности результатом этого является только большая рассеянность ума. И, таким образом, вовсе не удивительно, что немногие охватывали все дисциплины, как не удивительно и то, что редко кто мог выпутаться из этих лабиринтов; это удавалось только особенно даровитым.

Идею об устранении этих препятствий должно заимствовать у природы.

можно обойтись меньшим, не следует употреблять большего.

11. Итак, на будущее время нужно будет устранить эти препятствия и затруднения, нужно пользоваться без околичностей только тем, что прямо ведет к цели, или, как гласит обычное правило: где

Именно у солнца на небесах.

12. Возьмем же себе здесь для подражания небесное солнце как блестящий образец природы. Хотя оно выполняет трудную и, повидимому, бесконечную работу (а именно, по всему земному шару распространяет свои лучи и доставляет свет, тепло, жизнь и рост всем элементам, всем их сочетаниям, минералам, растениям, животным, виды которых и отдельные экземпляры бесконечно многочисленны), однако его на все хватает, и оно ежегодно прекрасно справляется со всем кругом своих обязанностей.

Сокращенное изложение работы солнца.

13. Итак, рассмотрим способы действия солнца, имея в виду перечисленные методы работы в школах.

I. Солнце не занимается отдельными предметами, будь то дерево или животное, но освещает, согревает и наполняет испарениями всю землю.

II. Одними и теми же лучами оно освещает все. Одним и тем же сгущением облаков и новым их разрежением оно орошает все; одним и тем же ветром все освежает; одним и тем же жаром и холодом действует на все и т. д.

III. Производя в одно и то же время по всем странам весну, лето, осень, зиму, заставляет все расти, цвести и приносить плоды; этому, конечно, не противоречит то, чтосообразно своей природе одно созревает скорее, другое — медленнее.

IV. Всегда сохраняет оно один и тот же порядок: какой сегодня—такой же и завтра, какой в этом году—такой же и в следующем; всегда неизменно сохраняет одну и ту же форму в одном и том же роде вещей.

V. Оно производит всякое создание из его собственного семени, а не откуда-либо еще.

VI. И притом все, что должно быть одновременно, оно производит одновременно: древесину — вместе с корой и его сердцевинной, цветок — с листьями, плоды — вместе с оболочкой, стеблем и зерном.

VII. Все производит последовательно, чтобы одно само уступало место другому и сменялось другим.

VIII. Наконец, солнце не производит бесполезного, а если что-либо рождается ненужное, то иссушает его и устраняет.

14. Мы должны подражать этому следующим образом:

I. Один учитель должен стоять во главе одной школы или, по крайней мере, одного класса.

II. По каждому предмету должен быть только один автор (учебник).

III. Одна и та же работа должна задаваться сразу всему классу.

IV. Все науки и языки должны преподаваться одним и тем же методом.

V. Все нужно преподавать основательно, кратко и убедительно, так, чтобы смысл открывался точно одним ключом, с помощью которого вещи раскрывались бы сами собой.

VI. Все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи.

VII. Все должно вестись в неразрывной последовательности так, чтобы все сегодняшнее закрепляло вчерашнее и пролагало дорогу для завтрашнего.

VIII. И, наконец, должно быть устранено все бесполезное.

15. Если это, повторяю, ввести в школьную практику, то нет никакого сомнения в том, что круг наук будет завершаться так же легко и быстро, как солнце совершает свое ежегодное течение вокруг всего Света. Подойдем же к этому вопросу поближе, чтобы убедиться, можно ли вообще и насколько легко осуществить эти советы.

ПРОБЛЕМА I.

Каким образом один учитель может обслужить любое число учеников?

Почему один учитель должен стоять во главе одной школы.

16. Я не только утверждаю, что один учитель может руководить несколькими сотнями учеников, но и настаиваю на том, чтобы это было так, потому что это наиболее целесообразно и для учащего и для учащихся. Учитель, несомненно, тем с большим удовольствием будет вести дело, чем большее число учеников будет видеть перед собой (так и добывающие руду работают с наслаждением при ее обилии), а чем более воодушевленным будет учитель, тем более оживленными делает он и учеников. Равным образом, самим ученикам большее число их доставляет большее удовольствие (всем доставляет радость иметь товарищей по работе) и большую пользу. Они взаимно будут друг друга возбуждать и друг другу помогать, так как этот возраст имеет свои особые побуждения к соревнованию.

Кроме того, если учителя слушают немногие, то что-либо легко может ускользнуть от внимания всех, а если слушают многие, то каждый воспринимает, сколько он может, и в дальнейшем все это легче воспроизвести и сделать общим достоянием, так как один ум помогает другому, одна память помогает другой. Словом, как хлебопек, однажды замесив тесто и однажды истопив печь, печет много хлебов, кирпичный мастер обжигает много кирпичей, а типограф одним набором букв печатает сотни или тысячи экземпляров книг,—так именно и учитель школы одними и теми же упражнениями в занятиях может без всякого для себя неудобства сразу обслуживать огромное количество учеников. Это подобно тому, как единственный ствол бывает достаточен для поддержания и питания соком даже самого развесистого дерева, а солнце — для оживления всей земли.

Как это возможно сделать, — доказывается на примерах природы.

17. Но как же это, наконец, сделать? Посмотрим на действие природы в только что предложенных примерах. Ствол не доходит до всех самых крайних ветвей, но, оставаясь на своем месте, сообщает сок главным примыкающим к нему ветвям; те передают его другим, и таким образом, сок переходит последовательно вплоть до последних и самых маленьких веток дерева. Солнце не спускается к отдельным деревьям, травам, животным, но, рассеивая лучи со своей высоты, сразу освещает все полушарие, причем отдельные создания берут свет и тепло на собственные нужды. Вместе с тем нужно заметить, что действие солнца облегчается и положением местности;

например, скопившиеся в долинах лучи сильнее согревают прилегающую местность.

Подражание природе в школах.

18. Если обучение будет поставлено та-

ким образом, то одного преподавателя будет вполне достаточно для самого многочисленного состава учеников. Только нужно, чтобы он:

Ученики делятся по классам.

Ученики делятся по классам. Разделил всех учеников на определенные разряды, например на десятки, и во главе каждого десятка поставил наблюдающих, а над ними в свою очередь — других и т. д. до самого старшего.

Никого не следует учить отдельно, но всех вместе.

II. Если учитель никогда ни вне школы, ни в самой школе не будет обучать какого-нибудь ученика или часть учеников отдельно от прочих, а будет обучать только всех вместе и сразу. Следовательно, ни к кому он не будет подходить порознь, не будет позволять кому-либо подходить к себе в одиночку, но, стоя на кафедре (откуда все его могут видеть и слышать), он, подобно солнцу, будет распространять свои лучи на всех. А все, устремив к нему глаза, слух и внимание, должны воспринимать все, что он будет рассказывать или показывать рукой на картине. Так (белилами), из одного горшка будут окрашены не две стены, но множество стен.

От всех нужно добиваться внимательности к себе.

19. Необходимо лишь искусство сделать внимательными к себе всех и каждого. Убеждаясь, что уста преподавателя (как это и есть) являются источником, откуда к ним истекают ручьи наук, ученики должны приывать направлять к ним все внимание, как только заметят, что этот источник открывается, чтобы ничто не осталось невоспринятым. Итак, главная забота для учителя заключается в том, чтобы говорить только для слушающих, обучать только при наличии внимания учащихся. Именно нужно помнить совет Сенеки: „Чтобы то ни было нужно говорить только тому, кто хочет слушать“. И, быть может, сюда относится известное выражение Соломона: „Муж мудрый имеет дух драгоценный“ (Притч. XVII, 27), т. е. дух, который он не бросает на ветер, а внедряет в души людей.

Но как он мог бы этого достигнуть? Через надзирателей и благодаря самому себе при восьми разумных условиях

20. Но возбуждать и удерживать это вниманием можно будет не только через десятников и других, которым поручается какое-либо всецело на них возлагаемое наблюдение за остальными, но главным образом собственными усилиями учителя, для чего он должен соблюдать следующие восемь условий:

1. *Всегда стараться сообщать что-нибудь, что доставляло бы и удовольствие и пользу; таким образом, ученики будут приступать к делу с охотой и уже с пробужденным вниманием.*

2. *Если учитель пред началом каждой работы или заинтересовывает учеников, рекомендуя им предлагаемый материал, или ободряет их посредством вопросов о том, что уже было пройдено, чтобы по связи подойти к настоящему материалу, или чтобы, сознав с этой стороны свое невежество, ученики были охвачены тем большим интересом к восприятию разъяснения предмета.*

3. *Стоя на более высоком месте, он должен бросать взоры кругом и не допускать, чтобы кто-либо занимался чем-либо другим, кроме того, чтобы направлять взоры с своей стороны на преподавателя.*

4. *Если он поддерживает внимание тем, чтобы везде, насколько это возможно, обращаться к внешним чувствам, как мы указали в XVII главе, в основоположении VIII, в правиле III. Ведь это не только облегчает усвоение, но и возбуждает внимание.*

5. *Если среди работ он иногда, прервав речь, спросит: Такой-то или такой-то, что я только что сказал? Повтори этот период. А ты скажи, как мы дошли до этого? И тому подобное, сообразно с успехами каждого класса. Кто будет замечен в том, что он не был внимателен, тому нужно выразить порицание или сделать выговор здесь же. И это будет повышать общее внимание.*

6. *Подобным же образом, если ты спросил кого-либо одного, а он затрудняется ответить, быстро вызывай другого, третьего, десятого, тридцатого и требуй ответа, не повторяя вопроса. Все это с той целью, чтобы все старались быть внимательными к тому, что говорится одному, и обращать это себе на пользу.*

7. *Может быть и так, что, если чего-либо не знает один и другой ученик, нужно обращаться с вопросом ко всем, и тогда ответившего первым или лучше всех нужно похвалить перед всеми, чтобы пример вызывал подражание; если кто-либо сделает ошибку, нужно ошибку исправить, причем вскрывается и устраняется самый повод к ошибке (который проницательный учитель обнаруживает без труда). Такой прием принесет огромную пользу для достижения быстрейшего успеха.*

8. *Наконец, когда урок окончен, нужно дать возможность самим ученикам спрашивать учителя, о чем они хотят, явилось ли у кого-либо сомнение во время настоящего урока или ранее. Ведь расспросы вне класса должны быть устранены; кому это нужно, пусть при всех спрашивает учителя или непосредственно, или через своего*

(декуриона¹) десятника (если тот не мог дать ему удовлетворительного ответа), чтобы все — и вопросы и ответы — было на пользу всем. Кто чаще поднимает полезные вопросы, того нужно будет чаще хвалить, чтобы у остальных не было недостатка в образцах старательности и в побуждениях к ней.

Как велика польза от такого упражнения внимания.

22.² Такое ежедневное упражнение внимания будет полезно юношам не только в настоящее время, но и на всю жизнь. В самом деле, привыкнув в течение нескольких лет всегда быть внимательными они будут исполнять свое дело, прилагая свои силы, не ожидая чужих увещаний или побуждений. И если бы у нас были именно такие школы, то почему бы нам не ожидать, что у нас явится огромное число самых дельных людей?

Возражение: но будет ли таким образом обращено должное внимание на отдельных учеников и на всех вместе. Утверждаю:

1. При помощи декурионов (десятников).

тетради у всех. Так как учитель будет иметь в помощь десятников, то они и будут следить каждый за своими товарищами, чтобы все исполняли все наилучшим образом.

2. При помощи деятельности самого учителя.

24. Сам учитель в качестве старшего наблюдателя будет только обращать внимание то на того, то на другого для проверки добросовестности преимущественно тех, кому он не доверяет. Например, то, что предложено выучить, пусть отвечает один и другой, и третий, и скольких бы учитель ни вызывал еще одного за другим, как из числа последних, так и из числа первых учеников, в то время как весь класс будет слушать. В таком случае все всегда, по необходимости, будут готовы отвечать, так как каждый будет опасаться, что спросят именно его. Когда учитель заметит, что известный ученик начал отвечать свободно, то убедившись в том, что он хорошо знает остальное, пусть предложит продолжать другому. Если и этот будет отвечать

¹ Декурион — по-русски *десятский*. От латинского слова *decem* — десять. Отсюда старшина десятка, например всадников, судей, сенаторов, писцов, назывался декурионом. Коменский предполагает, что во главе каждых десяти учеников класса будет стоять лучший из них по успехам и по поведению. Таких представителей десятков учащихся Коменский называет «декурионами».

² Мы соблюдаем нумерацию параграфов латинского текста, в котором § 21 оказался пропущенным.

быстро, пусть учитель предложит далее третий период или параграф отвечать новому ученику. Таким образом, спрашивая немногих, он будет спокоен за всех.

Способ проверять: 25. Так же нужно поступать при про-

1) диктанты и проверке диктантов. Пусть будет предложено письменные работы, одному и другому, а если необходимо, то и многим, ясно и отчетливо прочитать на-

писанное, выразительно называя и знаки препинания. Остальные, глядя в свои тетрадки, пусть исправляют ошибки. Однако иногда учитель и сам может заглянуть в тетрадь одного другого ученика, но не подряд, и если у кого-либо окажется небрежность, тот должен быть наказан (получить выговор).

2) и исправлять стилистические упражнения. 26. При исправлении упражнений, очевидно, требуется несколько больше труда, но и здесь можно идти тем же самым путем. Например, в упражнениях при пере-

воде с одного какого-либо языка на другой следует поступать так: убедившись по каждой декурии в отдельности, что все сделали перевод, нужно предложить одному ученику встать и вызвать по своему желанию себе противника. Когда тот также встанет, пусть первый читает свой перевод по частям, краткими предложениями, а все остальные внимательно слушают; учитель же или, по крайней мере, декурион, стоит возле читающего и заглядывает в перевод, проверяя хотя бы орфографию. Когда ученик прочитает перевод до конца, пусть остановится, а противник пусть укажет, какую он может отметить ошибку. Затем пусть будет предоставлена возможность критики того же перевода остальным ученикам из той же декурии, а далее всему классу; наконец, если будет нужно, пусть сделает указания учитель. Но в то же время пусть все, за исключением вызванного противника, смотрят в свои тетради и исправляют их, если они допустили какие-либо подобные ошибки; вызванный же противник также должен представить на оценку свой неисправленный перевод. Когда этот перевод закончен и вполне исправлен, нужно переходить к другому и так далее до конца. Затем пусть противник таким же способом прочтет свой перевод, но тот, кто вызвал, будет следить, чтобы он вместо неисправленного перевода не прочитал исправленный; суждение об отдельных словах, фразах и выражениях нужно производить таким же способом, как и ранее. Затем предлагается выступить другой какой-либо паре таким же образом и так далее, насколько позволит время.

Обязанности 27. Что касается декурионов, то они здесь декурионы должны смотреть, во-первых, за тем, чтобы все приготовили свой перевод до начала исправления, а во-вторых, за тем, чтобы во время исправления учащиеся по чужим ошибкам поправляли свои.

Польза этого метода.

28. Таким образом,

I. Труд преподавателя уменьшается.

II. Все будут учиться, так как никто из всего класса не останется без внимания.

III. У всех будет изощряться внимание.

IV. Сказанное по какому-нибудь поводу одному — будет одинаково полезно всем.

V. Разнообразие фраз, которые у различных учеников не могут быть одинаковыми, прекрасно будет развивать и укреплять как суждение о вещах, так и употребление языка.

VI. Наконец, когда будет покончено (с исправлением переводов у одной, другой, третьей пары), то окажется, что у остальных или мало, или вовсе не останется ошибок. Поэтому остальное время пусть будет предоставлено всему классу вообще, и каждый, у кого есть какое-либо сомнение в своем переводе или кто думает, что его перевод удачнее, чем у других, пусть об этом заявит на предмет всеобщего обсуждения вопроса.

29. Все сказанное для примера об упражнении в переводе легко, однако, может быть применено во всяком классе к стилистическим упражнениям, к ораторским, логическим, богословским и философским рассуждениям.

30. Таким образом, мы видим, как один учитель может справиться даже с сотней учеников и притом так, что у него будет не больше забот, чем с одним или двумя учениками.

ПРОБЛЕМА II.

Как можно было бы сделать, чтобы все учились по одним и тем же книгам.

Здесь нужно сделать пять указаний.

1. Не следует допускать книг, не имеющих отношения к делу,

что провозглашалось у древних при совершении жертвоприношений: — „это совершай“. Ведь чем меньше посторонние книги будут отвлекать внимание, тем более будут занимать ум предназначенные.

2. Предназначенные для этого книги должны быть в большом количестве.

32. Во-вторых, если школьные пособия такого рода, как доски, прописи, начальные пособия, словари, руководства по разным наукам и искусствам заранее будут готовы. Ведь сколько, к сожалению, пропадает времени, пока, наконец, учителя (как это бывает) приготовят ученикам алфавитные таблицы, дадут

образцы каллиграфии, продиктуют правила, тексты или переводы текста. Следовательно, будет выгодным, чтобы все книги, которые нужны по всем классам, имелись отпечатанными в большом числе, а те, которые требуют перевода на родной язык, должны быть представлены в переводе. Таким образом, все то время, которое нужно было бы потратить на диктовку, записывание и перевод, с несравненно большей пользой было бы употреблено на самое объяснение, повторение, на опыты подражания.

Предупреждение возражения.

33. И не нужно бояться того, что таким образом поощряется бездеятельность учителей. Ведь если проповедник разъяснил прочитанный им из библии священный текст и указал его значение (по отношению к учению, увещанию, утешению и пр.), то это все, что можно от него требовать, хотя бы текст из источников он перевел и не сам, а заимствовал откуда-либо готовый перевод. Это последнее для слушателей совершенно неважно. Так, для учеников совершенно неважно, сам ли учитель подготовил все необходимое к уроку или кто-нибудь это сделал до него, лишь бы было под рукой все, чего требует дело. Учитель должен точно указать применение этого пособия. Но лучше иметь в руках готовое пособие, чтобы, с одной стороны, была большая уверенность в отсутствии ошибок, а с другой стороны — было бы больше времени для практических упражнений.

3. Книги должны быть написаны весьма точно и доступно.

34. Такие книги нужно будет составлять для всех школ в соответствии с нашими принципами легкости, основательности и краткости; их изложение должно быть полным, основательным и точным, таким, чтобы они были вернейшей картиной всего мира (который должен запечатлеться в сознании). И чего я особенно желаю и на чем я настаиваю, так это на том, чтобы эти книги были написаны понятно и доступно и давали бы учащимся такое освещение, благодаря которому они понимали бы все сами, даже без учителя.

Почему их должно составлять в форме диалогов.

35. С этой последней целью я желал бы, чтобы они составлялись преимущественно в форме диалогов. 1) Именно таким способом легче приспособить содержание и слог к детским силам, чтобы не внушить ученикам представления о предмете, как о чем-то невозможном или недоступном, или слишком трудном, между тем как нет ничего более искреннего и более естественного, чем беседа, которою постепенно и незаметно можно завести человека куда

угодно. В такой форме писатели комедий излагали для наставления народа все свои наблюдения над испорченностью нравов; таким образом излагал всю свою философию Платон; так в интересах общедоступности весьма многое преподносил Цицерон и излагал все свое богословие Августин. 2) Разговоры возбуждают, оживляют и поддерживают внимание. Это происходит вследствие того, что нас увлекают разнообразие вопросов и ответов и различные случаи и формы их многократного применения. Мало того, вследствие самого разнообразия разговаривающих лиц и их смены не только устраняется скука, но и возбуждается сильное желание слушать все более и более. 3) Разговор делает познание более прочным. Мы вернее запоминаем факт, который мы видели сами, чем тот, о котором мы только слышали рассказ. Так и в умах учащихся крепче запоминается то, с чем мы знакомимся при помощи комедии или диалога (так как нам кажется, что при этом мы не столько слышим, сколько видим), чем то, что мы услышим при простом чтении учителя, и это подтверждает опыт. 4) Так как большая часть нашей жизни состоит из разговора, то самым кратким путем к этому юношество готовится в том случае, если оно приучается не только понимать полезное, но и рассуждать об этом разнообразно, изящно, серьезно и быстро. 5) Наконец, разговор облегчает повторение, давая ученикам возможность заниматься им даже самим.

4. Книги должны быть одного и того же издания.

5. Содержание книг должно быть начертано на стенах классных комнат.

36. Хорошо также, чтобы книги были одного и того же издания, чтобы в них совпадали не только страницы и строки, но и все остальное; это нужно для справок и зрительной памяти, а также для того, чтобы ни в чем не было задержки.

37. Было бы также весьма полезно, чтобы содержание всех книг каждого класса было начертано на стенах аудиторий, — в виде ли кратких, но выразительных текстов, в виде ли картин и эмблем, при созерцании которых ежедневно могли бы развиваться и чувства, и память, и ум учеников. Недаром, как рассказывают древние, в храме Асклепия на стенах были изложены все медицинские предписания, которые и списал Гиппократ, тайно войдя в святилище. Ведь и бог повсюду наполнил великий этот театр мира картинами, статуями и изображениями, точно живыми проявлениями своей мудрости, и желает нас ими обучать (подробнее об этих изображениях нам придется сказать при специальном описании классов).

ПРОБЛЕМА III.

Каким образом можно было бы в школе всем ученикам в одно и то же время заниматься одним и тем же.

Почему нужно, чтобы в одной школе все занимались одним и тем же.

38. Очевидна также целесообразность того, чтобы в одно время в одном и том же классе все занимались одним предметом. Такой способ будет легче для учителя и принесет больше пользы для учеников. Ведь только тогда один поощряет другого, когда мысли всех возвращаются и развиваются вокруг одного и того же предмета, а затем при взаимном сопоставлении ученики друг друга поправляют. Военачальник производит упражнения новобранцев не поодиночке, а выводя их вместе в поле; всем указывает употребление оружия и способ пользования им, хотя указания делает отдельно кому-либо одному, но требует от остальных, чтобы они занимались тем же самым, сосредоточив на этом внимание, и пробовали бы делать то же самое. Так нужно делать и каждому учителю.

И как это могло бы быть?

39. Для осуществления этого необходимо:

I. Начинать занятия в школах только один раз в году, точно так же, как и солнце только раз в году (весной) начинает действовать на всю растительность.

II. Все, что предстоит выполнить, нужно располагать таким образом, чтобы на каждый год, месяц, неделю, день и даже час падало свое собственное задание, и тогда ничто не будет мешать предлагать это задание одновременно всему классу и одновременно же всех доводить до цели. Об этом в своем месте будет сказано подробнее.

ПРОБЛЕМА IV.

Каким образом может быть, чтобы все преподавали по одному и тому же методу.

Натуральный метод только один, и его нужно применять повсюду.

40. Из глав XX, XXI и XXII будет ясно, что для всех наук, как и для всех искусств и языков, существует только один естественный метод. Ведь легче внести изменение или разнообразие, если где-нибудь к ним нужно прибегать, чем создавать новый метод; эти изменения учитель вносит по своему разумению в зависимости не от существа предмета, а от сравнительных особенностей искусств и языков и от способностей к ним и успеваемости в них учащихся. Итак, сохранять везде естественный метод будет кратчайшим путем для учащихся, так же как для путников

кратчайшим путем будет одна прямая дорога без поворотов. Частные отличия выступают отчетливее, если они указываются как отдельные отклонения от однажды данной общей основы.

ПРОБЛЕМА V.

Каким образом в немногих словах может быть выражено понимание многих вещей.

Основательные
книги нужно пред-
почитать поверх-
ностным.

41. Загромождать ум огромной массой книг или многословием есть дело совершенно бесполезное. Больше питания составляет человеческому желудку кусок хлеба и глоток вина, чем полный горшок шелухи и отбросов. Лучше одна самая маленькая золотая монета в кошельке, чем сотня медных монет. И относительно правил Сенека сказал метко: „Правила нужно сообщать наподобие семян, их нужно немного, но они должны быть плодотворными“. Ведь остается в силе то, что мы излагали в гл. V. Человеку, как микрокосму, присуще все, и нет необходимости вносить что-либо со стороны, кроме света: он сам увидит. А кто не знает, что для работающего при искусственном свете достаточным является свет даже от маленького пламени свечки. *Поэтому-то нужно выбирать или составлять вновь по наукам и языкам основные книги, небольшие по объему, но пригодные по содержанию на практике. Они должны излагать дело кратко, давая в немногом многое (как советует Сирах, 32, II), т. е. представляя умственному взору учащихся основные вещи так, как они есть, в немногих, но продуманных и чрезвычайно легких для усвоения теоремах и правилах, откуда бы все остальное вытекало само собой.*

ПРОБЛЕМА VI.

Каким образом поставить дело так, чтобы при одной работе выполнялось двойное или тройное дело.

Природа пока-
зывает, что и при
одной работе
можно выполнить
многое.

42. Природа дает нам примеры, показывающие, что в одно и то же время, при одной и той же работе можно выполнять разнообразные дела. Дерево, например, в одно и то же время растет и вверх, и вниз, и в стороны, и вместе с тем у него растут и древесина, и кора, и листья, и плоды. То же самое можно наблюдать и у животного, все члены которого растут вместе и каждый член имеет несколько функций. Например, ноги дают

возможность человеку встать, поддерживают его, двигают вперед и назад различными способами. Рот является в одно и то же время как бы дверью для организма и мельницей и трубой, которая звучит, когда ей приказывают. Легкие одним и тем же вдыханием освежают сердце, проветривают мозг, производят звук и пр.

Искусство — подражание этому. 43. То же происходит и в произведениях искусства. Например, в солнечных часах одна и та же стрелка одной и той же тенью может показывать и час дня (точно так же, как и всякие другие часы), и знак зодиака, через который проходит тогда солнце, и длину дня и ночи, и день месяца, и многое другое. В повозке одно и то же дышло служит и к тому, чтобы управлять движением, и менять его направление, и задерживать. А хороший оратор и поэт в одно и то же время и поучает, и трогает, и доставляет наслаждение, хотя по существу это три различные вещи.

Пусть этому подражают и школы; общее для этого правило. 44. Таким же образом пусть будет поставлено и образование юношества, т. е. чтобы всякая работа приносила более, чем один результат. Здесь общее правило состоит в том, чтобы всегда и везде брать вместе то, что связано одно с другим. Например, соединять слова и вещи, чтение и письмо, упражнение в стиле и развитие ума, изучение и преподавание, веселое и серьезное и все другое, что еще можно придумать.

Пять специальных правил: 45. Итак, слова нужно преподавать и изучать не иначе, как вместе с вещами. Слова в соединении с вещами и наоборот. И. Слова в соединении с вещами и наоборот. меч — с ножами, дерево — с корой, плод — вместе с кожицей. Ведь что такое слова, если не оболочка или ножны для вещей. Итак, какой бы язык мы ни изучали, даже родной язык, нужно показывать вещи, которые обозначаются словами, и, с другой стороны, нужно учить также выражать словами все, что видишь, к чему прикасаешься, что ешь, чтобы речь и мысль всегда шли бы параллельно и развивались бы, следовательно, вместе. Нужно поэтому взять за правило: пусть каждый приучается выражать словами все, что понимает, и наоборот, что он выражает словами, пусть научится понимать. Нельзя позволять кому-либо читать то, чего он не понимает, или рассуждать о том, чего он не может высказать словами. Ведь кто не может выразить ощущений духа, тот — статуя; кто болтает о том, чего он не понимает, тот — попугай. Мы же даем образование людям и хотим это сделать, идя кратчайшим путем, и этого мы достигнем, если вещи и речь будут идти в полном соответствии друг с другом.

Следствие: поэтому многословные книги нужно считать пустыми.

нужно больше заботиться о лучшем. Нужно стремиться к тому, говорит Сенека (Письмо 9), чтобы мы подчинялись не словам, а ощущениям. Если уж читать такие книги, то пусть читают их вне школ, мимоходом и бегло, без подробного и сложного объяснения и без настойчивого стремления к подражанию, так как эти усилия с большей пользой можно посвятить более реальным предметам.

II. Чтение и письмо вместе.

47. *Сокращение труда получится и при одновременном упражнении учеников в чтении и письме.* Едва ли можно придумать более действительное побуждение или приманку для учеников даже при изучении алфавита, чем если заставить их усваивать буквы путем письма. Так как стремление к рисованию является как бы естественным для детей, то от такого упражнения они будут получать удовольствие; между тем, вследствие двойного ощущения, сила представления будет получать большую поддержку. Так, после, когда они научатся читать быстро, пусть упражняются на таком материале, который и независимо от этого подлежит изучению, т. е. который капля за каплей дает знание вещей, наставляет в нравственности и благочестии.

Прекраснейший совет.

Таким же образом, когда они впервые учатся читать латинские, греческие и еврейские буквы, сокращение работы получится в том случае, если они, перечитывая и переписывая склонения и спряжения, будут повторять это упражнение до тех пор, пока не усвоят твердо чтение и письмо, значение слов и, наконец, свободное образование окончаний. Следовательно, здесь в результате одной и той же работы достигаются сразу четыре цели.

Следует этот прием распространить на все.

А такого рода полезнейшее сокращение работы можно было бы распространить на всякого рода занятия, так, чтобы все то, что добыто путем чтения, оформилось, как говорит Сенека, в одно целое при помощи письма или, как говорит о себе Августин, чтобы, продвигаясь вперед, мы закрепляли это продвижение при помощи письма и чтобы письмо помогало нам продвигаться вперед.

III. Упражнения в стиле должны одновременно развивать и ум и язык.

48. Упражнения в стиле обыкновенно предлагаются без внимания к выбору материала и к связи тем; вследствие этого мало развивают духовные силы или вовсе их не развивают. Напротив, с каким бы усердием ни были разработаны эти упражнения, они

впоследствии попадают в ненужный бумажный хлам без какого бы то ни было применения к жизни. А потому, упражнения в стиле нужно производить на материале той же самой науки или искусства, который служит в данном классе для развития ума, предлагая ученикам или исторические рассказы (об изобретателях этой науки, где и в каких веках преимущественно она процветала) и т. п., или комментарии, или попытки подражания, чтобы при одной и той же работе в процессе чтения развивались и слог, и умственные способности, и язык.

IV. Обучение других следует соединять с собственным учением.

сится также и сюда.

V. Серьезное вместе с развлечением.

49. В конце XVIII главы мы показали, каким образом можно тотчас самому преподавать то, что изучаешь. Так как это действует не только основательности изучения, но и его быстроте, то это отно-

50. *Наконец, будет замечательным сокращением, если для отдыха ума разрешаются юношеству и придумываются такие игры, которые живо представили бы серьезные стороны жизни и этим уже развивали бы у юношества некоторые склонности к этим сторонам жизни.* Ведь можно дать некоторое представление и о ремеслах при помощи какого-либо инструмента, а равно и о хозяйстве, и о политике, и о военном строе, и об архитектуре, и о многом другом. Можно провести подготовку даже к медицине, если в весеннее время показать ученикам в поле или в саду роды трав, вызывая их на соревнование в том, кто больше узнает. Таким образом, не только будет выяснено, кто от природы склонен к ботанике, но рано будут пробуждены и светочи знания. Для усиления поощрения можно было бы наиболее успевающих награждать званием доктора, лиценциата или кандидата медицины. Так и во всех остальных таких упражнениях: в военной игре учащиеся могут получать звание полководца, трибуна, капитана, знаменосца; в вопросах политических — звание царя, советника, канцлера, маршала, секретаря, посла и пр., а также звание консула, сенатора, синдика, адвоката и пр.; подобная игра приводит к серьезному. И тогда мы исполним желание д-ра Лютера: так захватить юношество в школе серьезными занятиями, чтобы от этого оно получало не меньшее удовольствие, как если бы проводило целые дни, играя в орехи. Лишь в таком случае школы будут преддверием жизни.

ПРОБЛЕМА VII.

Как нужно во всем продвигаться последовательно.

Сюда тоже относится и тайна последовательности.

51. Способ этого искусства мы исследовали в V, VI, VII и VIII основоположениях главы XVI и в V, VI и VII основоположениях главы XVIII. Руководясь изложенными там правилами, и надо строить учебники для латинских школ, снабдив их указаниями преподавателям о правильном и легком пользовании ими, чтобы образование, нравственность, благочестие постепенно могли быть доведены до высшей степени.

ПРОБЛЕМА VIII.

Об устранении и удалении задержек.

Прекрасное устранение ненужного.

52. Не без основания было сказано: „Нет ничего более пустого, как знать и изучать многое“, т. е. то, что, однако, не принесет пользы; а также: „Мудр не тот, кто знает многое, но тот, кто знает полезное“. Сообразно с этим школьные работы можно будет сделать более легкими, внося в них некоторые сокращения. *Надо опускать:*

I. То, что не является необходимым,

II. Чуждое,

III. Слишком специальное.

I. Не необходимое, излишнее, чего много в книгах язычников.

53. Излишнее, это то, что не содействует ни благочестию, ни нравственности и без чего вполне может обойтись образование, как, например, имена в истории языческих богов и религиозных обрядов, также вымыслы поэтов и комических писателей, допускающих игривую разнузданность и часто даже непристойности и т. п. Если кому-либо когда-либо будет интересно это прочитать у соответствующих авторов, пусть читает; но преподавать это в школах, где нужно заложить только основы мудрости, недопустимо. Какое безумие, говорит Сенека, при таком недостатке времени, изучать ненужное.

Итак, следует все изучать не для школы, а для жизни, чтобы ничто по выходе из школы не улетало на ветер.

II. Чуждое, так как определенные объекты доступны только определенным умам.

54. Чуждое есть то, что не свойственно натуре того или другого ученика. Как у трав, деревьев, животных есть различные природные особенности — с одними нужно обращаться так, а с другими иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем одинаково, — так существуют подобные

же природные способности и у людей. Встречаются счастливы, которые все постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определенных предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной — в спекулятивных науках — орел, а в практической мудрости — осел с лирой. Иной в музыке туп, а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой или с поэзией, или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Бороться с натурой — напрасное дело.

Вывод.

Ибо таким образом ты или совершенно ничего не достигнешь, или достигнешь того, что не оправдывает затраченного труда. Учитель есть помощник природы, а не ее владыка, ее образователь, а не преобразователь, поэтому если он видит, что кто-либо из учеников принимает за что-либо без достаточных к тому способностей, то пусть не подгоняет его вперед, в твердой уверенности, что этот недостаток в другой части дела будет восполнен, как это обыкновенно и бывает. Ведь если у дерева оторван или отрублен один сук, то остальные растут сильнее, так как к ним направляется вся жизненная сила. Если никого из учеников не будут к чему-либо принуждать против воли, то ничто и не будет вызывать у учеников отвращения и притуплять силу ума; каждый легко будет идти вперед в том, к чему его (по велению высшего провидения) влечет скрытый инстинкт, и затем на своем месте с пользой послужит богу и человеческому обществу.

III Слишком специальное.

55. Было бы бесконечно скучным, растянутым и запутанным делом, если бы кто-либо пожелал изучать специальные подробности (например все отличительные особенности трав и животных, работы ремесленников, названия инструментов и т. п.). В школах было бы совершенно достаточным осветить полно и основательно роды вещей с преимущественными (однако правильными) различиями, остальное при случае само придет в голову. Кто ищет быстрой победы над врагом, тот не задерживается на осаде каких-либо менее важных укрепленных мест, но устремляется на основной военный пункт, будучи уверенным, что если он, вступив в сражение, одержит победу и возьмет главные укрепления, все остальные перейдут на его сторону сами собой; так и здесь: если будет понято основное, второстепенное последует из него само собой. К замедлениям подобного рода относятся так называемые полные вокабулярии и словари, содержащие в себе, конечно, все слова всего языка. Так как большей частью этими словами никто не будет пользоваться, то зачем мы затрудняем учеников, заставляя заучивать их и держать в памяти?

Вот что мы хотели сказать о путях сокращения при преподавании и учении.

ГЛАВА XX.

Метод наук¹ в частности.

Ручейки должны слиться в реку.

1. В целях практического применения соберем, наконец, разбросанные выше наблюдения относительно искусного обучения наукам, искусствам, языкам, правам и благочестию. Я говорю искусного, т. е. легкого, основательного и быстрого.

Наука есть умственное зрение, требующее для себя условий, подобных зрению глаза.

2. *Наука, или знание вещей, будучи не чем иным, как внутренним созерцанием вещей, обуславливается такими же элементами, как и внешнее наблюдение или созерцание, а именно — глазом, объектом и светом.* Только при наличии та-

ких элементов получается зрение. Оком внутреннего зрения является разум, или умственные способности, объектом — все вещи, находящиеся вне и внутри интеллекта, светом — должное внимание. Но как во внешнем зрении нужен еще и определенный способ, чтобы видеть вещи так, как они есть, так и здесь нужен известный метод, при котором вещи так представлялись бы уму, чтобы он воспринимал и постигал их верно и легко.

3. В общем, следовательно, юноше, желающему проникнуть в тайны наук, необходимо соблюдать четыре условия:

- 1) *он должен иметь чистое духовное око;*
- 2) *перед ним должны быть поставлены объекты;*
- 3) *должно быть налицо внимание и затем*
- 4) *подлежащее наблюдению должно быть представлено одно за другим в надлежащем порядке, — и он все будет усваивать верно и легко.*

1. Как хранить в чистоте духовное зрение.

4. Ни от кого не зависит, какие у нас природные дарования. Бог по своему благому усмотрению распределил эти духовные зеркала, эти внутренние очи. *Но в нашей власти не позволять этим нашим зеркалам покрываться пылью и поворачивать свой блеск. А пылью этой являются излишние, бесполезные, пустые умственные занятия.* Ведь наша душа находится в постоянном движении наподобие вертящегося мельничного жернова: постоянные ее помощники — внешние чувства — непрерывно доставляют ей захваченный материал, и большей частью (если за этим

¹ Правильнее было бы сказать „метод преподавания наук“.

тщательно не следит высший наблюдатель — разум) — пустой, именно: вместо зерна и муки — мякину, солому, песок, опилки и что попало. И тогда происходит то же самое, что и на мельнице: все углы наполняются пылью. Итак, предохранить от прикрытия пылью этот внутренний жернов — ум (который является зеркалом) — это и значит разумно приучать юношей к делам почтенным и полезным, отвлекая их от пустых занятий.

II. Как делать близкими для юноши предметы изучения.

5. Чтобы зеркало хорошо отражало предметы, необходимо прежде всего, чтобы предметы обладали достаточной плотностью и ясностью и находились в области внешних чувств. Ведь туман и тому подобные вещи разреженного состава отражают от себя мало лучей и чрезвычайно слабо отражаются в зеркале, а предметы отсутствующие и совсем не отражаются. Итак, то, что будет представляться юношеству для изучения, пусть будут вещи, а не тени вещей, вещи, говорю я, плотные, подлинные, полезные, хорошо действующие на чувство и воображение. А действовать они будут в том случае, если их пододвинуть настолько близко, чтобы они производили на нас впечатление.

Все — через самостоятельное наблюдение.

6. Поэтому пусть будет для учащихся золотым правилом: все, что только можно, предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, подлежащее вкусу — вкусом, доступное осязанию — путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами, как сказано в VIII основоположении главы XVII.

Тройное основание для этого правила:

1. Так как познание начинается с ощущения.

7. Для этого имеется тройное основание. Во-первых, начало познаний, необходимо, всегда вытекает из ощущений (ведь нет ничего в уме, чего ранее не было бы в ощущениях). А потому следовало бы начинать обучения не со словесного толкования о вещах, но с реального наблюдения над ними. И только после ознакомления с самой вещью пусть идет о ней речь, выясняющая дело более всесторонне.

2. Ощущение удостоверяет.

8. Во-вторых, истина и точность знания также зависят не от чего иного, как от свидетельства ощущений. Ведь вещи прежде всего и непосредственно запечатлеваются в ощущениях, а потом только с помощью ощущений — в уме. Доказательством этого служит то, что чувственному

познанию доверяют самому по себе, а при размышлении или чужом доказательстве за достоверностью обращаются к ощущению. Разуму мы верим лишь настолько, насколько есть возможность подтвердить его специальным приведением соответствующих примеров (достоверность которых исследуется ощущением). Никого нельзя заставить поверить чужому свидетельству вопреки опыту собственного его ощущения. И так чем более знание опирается на ощущение, тем оно достовернее. Поэтому, если мы желаем привить учащимся истинное и прочное знание вещей, вообще нужно обучать всему через личное наблюдение и чувственное доказательство.

3. Передает память. 9. В-третьих, так как ощущение есть самый надежный проводник памяти, то указанное чувственное наглядное восприятие всего приводит к тому, что если кто-либо этим путем что-либо усвоил, то он будет знать это твердо. Если я хоть раз попробовал сахару, хоть раз видел верблюда, хоть раз слышал пение соловья, хоть раз был в Риме и осмотрел его (только внимательно), то, конечно, все это крепко запечатлется в памяти и не может быть забыто. Поэтому-то дети легко могут запоминать по рисункам библейские и другие истории. Очевидно, что каждый из нас легче и отчетливее представляет себе, что такое носорог, кто хоть раз (по крайней мере на картине) видел его. Очевидно также, что каждый из нас лучше знает историю события, при котором он сам присутствовал, чем если бы ему рассказывали сотню раз о событии, при котором он не присутствовал. Отсюда известное выражение Плавта: „Лучше один свидетель-очевидец, чем десять, передающих по слуху“, а также и выражение Горация: „Медленнее проникает в душу то, что воспринимается слухом, чем то, что мы видим своим надежным взором и что воспринимается нами как зрителями“.

Кто сам однажды внимательно наблюдал анатомию человеческого тела, тот поймет и запомнит все вернее, чем если он прочитает обширнейшие объяснения, не видав всего этого своими глазами. Отсюда известное выражение: наблюдение собственными глазами заменяет собой доказательство.

Огромная польза рисунка в процессе обучения. 10. Если иногда нет налицо вещей, то можно вместо них применять копии или изображения, приготовленные для обучения.

Так, ботаники, зоографы, геометры, геодезисты и географы с пользой прилагают к своим описаниям рисунки. Подобным образом следовало бы делать в физике и в других предметах.

Искусственный скелет человеческого тела.

Например, по нашему замыслу, строение человеческого организма можно было бы преподать наглядно в том случае, если человеческий скелет (какие, обыкновенно, хранятся в музеях или даже сделанный из дерева) обложить сделанными из замши и набитыми шерстью мускулами, сухожилиями, нервами, венами, артериями, внутренностями, легкими, сердцем, диафрагмой, печенью, желудком со всеми внутренними органами — все в надлежащем месте и надлежащих размеров, с надписью над каждой частью ее названия, назначения, функции. Если ученика, занимающегося физикой (естествознанием) поставить перед этой моделью и все по частям разъяснить ему и показать, то он все воспримет как бы играючи и таким образом поймет строение своего тела. Такого рода наглядные пособия (именно изображения вещей, которых нельзя представить в натуре) надо было бы приготовить по всем областям знания, чтобы в школах они были под рукой. Правда, для подготовки их потребовались бы известные расходы и труд. Однако это окупилось бы с избытком.

Можно ли все сделать доступным ощущению.

11. Если кто-либо сомневается в том, что таким образом может быть воспринято ощущениями все — даже духовные и не находящиеся перед глазами предметы (то, что находится и происходит на небе или в глубине, в каких-либо заморских странах), тот пусть вспомнит, что все устроено свыше для гармонии, так, чтобы все высшее могло быть представлено низшим, отсутствующее — присутствующим, невидимое — видимым. Это достаточно ясно хотя бы из „Макромикрокосма“ Роберти Флутти, который очень удачно изображает наглядным образом происхождение ветров, дождей и грома. И несомненно, что таким образом все это можно представить себе гораздо яснее и легче.

III. Что такое свет внимания.

12. Все это относится к восприятию предметов ощущениями. Далее следует сказать о свете, при отсутствии которого напрасно будешь подносить предметы к глазам. *Этот свет учения есть внимание, благодаря которому учащийся воспринимает все открытым и как бы жаждущим знания разумом.* Как в темноте с закрытыми глазами никто не видит, хотя бы предмет был весьма близко перед глазами, так все останется невоспринятым, если ты будешь говорить и указывать что-либо человеку невнимательному. Это и происходит на наших глазах с теми, кто, блуждая мыслями где-либо, не замечают многого, что происходит в их присутствии. Желая что-либо показать другому, необходимо почью зажечь свечу и часто поправлять ее, чтобы

она светила ярко; так и учитель, желающий просветить знанием вещей ученика, обьятого тьмой невежества, дол-
жен прежде всего возбудить в нем внимание, чтобы он
с ненасытной жадностью воспринимал науку. Как этого
можно достигнуть — мы указали в основоположениях XVII
главы и в проблеме I главы XIX.

IV. Чего требо-
вал бы метод вы-
яснения вещей
при помощи ярко-
го света.

13. И этого о свете довольно. *Надо
теперь найти способ или метод пред-
ставлять предметы чувствам таким
образом, чтобы от них получалось проч-
ное впечатление.* Принципы этого спо-
соба прекрасно можно заимствовать из внешнего зрения.
Чтобы видеть что-либо правильно, необходимо следующее:
1) поставить соответствующий предмет пред глазами, 2) но
не вдали, а на надлежащем расстоянии, 3) и притом не
сбоку, но прямо пред глазами, 4) лицевая сторона предмета
должна быть не отвернута или перевернута, но обращена
прямо к глазам, 5) так, чтобы сперва можно было осмот-
реть предмет в целом, 6) а затем осмотреть каждую часть
в отдельности, 7) и притом по порядку от начала до конца,
8) и останавливаться на каждой части до тех пор, 9) пока
все не будет различено правильно. Когда все эти условия
выполняются надлежащим образом, то наблюдение проис-
ходит правильно. Если же хотя бы одно из них отсут-
ствует, то наблюдение либо совсем не происходит, либо
происходит плохо.

Дело выясняет-
ся примером.

14. Например, желая прочитать при-
сланное другом письмо, мы должны 1) под-
нести его к глазам (ведь как можно
читать письмо, не видя его), 2) приблизить к глазам на
надлежащее расстояние (на слишком отдаленном рассто-
янии зрение не различает букв), 3) положить его пред гла-
зами прямо (что видят искоса, то видят запутанно), 4) дер-
жать его в надлежащем положении (ведь кто мог бы чи-
тать, положив письмо или книгу наискось или перевернув
вверх ногами?), 5) в письме прежде всего нужно посмотреть
на более главное: кто, кому, откуда, когда пишет (если
не выяснишь этого наперед, то не так хорошо поймешь и
подробности текста), 6) затем читать все остальное, ничего
не пропуская, иначе не все узнаешь и случайно опустишь
главное, 7) необходимо читать все по порядку, одну часть
за другой (выхватывая фразу отсюда, фразу оттуда, только
нарушишь и запутаешь смысл), 8) останавливаться на
отдельных частях, пока не поймешь их (стремясь пробе-
жать письмо быстро, легко можешь выпустить из вни-
мания что-либо существенное), 9) наконец, когда все
понятно, нужно разобраться, что в письме более и что
менее важно.

Применение к
искусству обуче-
ния наукам 9 пра-
вил.

Правило I.

15. Эти наблюдения, дают в распоряжение преподавателей наук девять следующих, чрезвычайно полезных, правил:

Всему, что должно знать, нужно обучать.

Ведь если не преподавать ученику то, что он должен знать, то откуда он мог бы это узнать? Итак, пусть остерегаются учителя скрывать что-либо от учеников: ни умышленно, как обыкновенно делают люди завистливые и нечестные, ни по небрежности, как это бывает у лиц, исполняющих свои дела небрежно. Здесь нужны честность и трудолюбие.

Правило II.

16. *Все, чему обучаешь, нужно непременно существующую и приносящую определенную пользу.*

Ученик именно должен видеть, что изучаемое им есть не утопия или что-либо относящееся к платоновским идеям¹, но что это вещи действительно нас окружающие, истинное познание которых принесет подлинную пользу в жизни. При таком условии ум будет обращаться к изучаемому ревностнее и будет все различать более тщательно.

Правило III.

17. *Всему, чему обучаешь, нужно обучать прямо, а не окольными путями.*

Это и будет значить — смотреть прямо, а не искоса, когда мы не столько видим вещи, сколько слегка задеваем взглядом, а потому и воспринимаем их спутанно и темно. Пусть каждая вещь наглядно предлагается учащемуся в своей собственной сущности, просто, без словесных прикрытий, без переносного смысла, намеков и преувеличений. Такие приемы хороши при превознесении или умалении, при рекомендации или порицании уже изученных вещей, а не при первичном ознакомлении с предметом; в этом последнем случае к вещам нужно подходить прямо.

Правило IV.

18. *Всему, чему обучаешь, нужно обучать так, как оно есть и происходит, т. е. путем изучения причинных связей.*

Наилучшее познание вещи имеет место в том случае, если она познается так, как она есть: так как будет не познанием, а ошибкой, если вещь познается иначе, чем она есть. Всякая вещь бывает такой, какой она сделана; ведь если она окажется иной, чем произведена, то очевидно, что она испорчена. Но всякая вещь происходит от своих причин. Следовательно, *раскрыть причины происхождения вещи — это значит преподавать истинное значение вещи согласно с известным положением: знать — это*

¹ Иден, по учению Платона, „существуют до мира и над миром“ и заключают сущность всего бытия. Реальный же мир, по Платону, является только бледной, жалкой копией таких идей.

значит понять вещь через познание причин; причина есть путеводительница ума. Итак, всего лучше, всего легче, всего вернее вещи познаются в том порядке, как они произведены; так, желающему читать письмо кладут в том положении, в каком оно написано: трудно читать по обернутой или перевернутой верхом вниз рукописи. Таким же образом вещь будет воспринята легко и верно, если ты описываешь ее в том порядке, в каком она произведена, а всякого рода искусственными нарушениями и перестановками порядка ты, несомненно, спутаешь учащегося. Итак, метод науки должен следовать методу вещей: первое должно быть первым, а последующее — последующим.

Правило V.

19. *Все, что подлежит изучению, пусть сперва предлагается в общем виде, а затем по частям.*

Основание этого изложено в VI положении главы XVI. Подвергать вещь общему изучению — это значит разъяснить сущность всей вещи и ее видовые признаки. Сущность выясняется путем вопросов: *что? какое? почему?* На вопрос *что* отвечает имя, род, назначение и цель вещи; на вопрос *какое* отвечает форма вещи, или свойство, благодаря которым вещь становится соответствующей своему назначению; на вопрос *почему* — производящая сила, или та сила, через которую вещь делается пригодной для своей цели. Например, если я желаю дать учащемуся истинное общее понятие о человеке, то я скажу: „Человек есть (1) последнее творение божие, предназначенное для владычества над остальными творениями (2), одаренное способностью свободно принимать какое угодно решение и приводить его в исполнение (3) и таким образом наделенное светом разума для мудрого направления своего выбора и своих действий“. Это есть общее, но основное определение человека, перечисляющее все необходимые признаки человека. Если бы ты пожелал присоединить сюда некоторые видовые признаки также общие, то можешь спросить: *от кого? откуда? когда?* и пр. Отсюда нужно переходить к частям: тело и душа, и притом тело, следуя учению анатомии, разделить на члены, а понятие души нужно раскрыть путем деления по способностям, из которых она состоит, и пр. все в должном порядке.

Правило VI.

20. *Части вещи должно рассмотреть все, даже менее значительные, не пропуская ни одной, принимая во внимание порядок, положение и связь, в которой они находятся с другими частями.*

Ведь нет ничего ненужного, и иногда в малейшей даже частице заключается сила больших частей. В самом деле, в часах даже один сломавшийся или погнувшийся, или сдвинувшийся с места зубчик может остановить весь ме-

ханизм, в живом теле один отнятый член может унести жизнь, а в связи речи часто малейшая частица (предлог или союз) изменяет и извращает весь смысл. И так везде. Следовательно, полное понимание вещи заключается в понимании всех ее частей: что такое каждая из них и зачем она существует.

Правило VII. 21. *Все нужно изучать последовательно, сосредоточивая внимание в каждый данный момент только на чем-либо одном.*

Не может взор сразу охватить два или три предмета иначе, как только несвязно и смутно (например читая книгу, нельзя смотреть одновременно на две страницы, мало того—даже на две, хотя бы непосредственно примыкающие одна к другой, строки, на два слова и даже на две буквы, но последовательно—на одно после другого), так и ум может созерцать не иначе, как каждый раз только что-либо одно. Следовательно, чтобы не загромождать ума, нужно идти последовательно, отделяя одно от другого.

Правило VIII. 22. *На каждом предмете нужно останавливаться до тех пор, пока он не будет понят.*

Ничто не происходит мгновенно, так как все, что совершается, происходит благодаря движению; а движение протекает последовательно. Итак, нужно будет останавливаться с учеником на каждой части науки, пока он ее не усвоит и пока не будет уверен, что знает ее. Достигнуть этого, как мы указали в X основоположении главы XVIII, можно только путем затверживания, спрашивания, повторения до полного усвоения.

Правило IX. 23. *Различия между вещами должно передавать хорошо, чтобы понимание всего было отчетливым.* Глубокая истина заключается в общеизвестном выражении: „Кто хорошо различает, тот хорошо обучает“. Множество предметов загромождает учащегося, а разнообразие путает его, если не будут приняты против этого меры: по отношению к множеству—порядок, чтобы к одному переходили после другого; по отношению к разнообразию—внимательное наблюдение различий, чтобы везде становилось ясным, чем одна вещь отличается от другой. Это одно даст отчетливое, ясное, верное знание, так как и разнообразие, и сущность вещей зависят от различий, как мы об этом упоминали выше в VI основоположении главы XVIII.

Преподаваемые в школах науки должны быть согласованы с этим методом. 24. Так как не каждый преподаватель может с таким искусством вести преподавание, то необходимо самые преподаваемые в школах науки согласовать с законами этого метода так, чтобы не легко было уклониться от цели. Если бы это было признано и

все строго соблюдали, то обучение было бы столь же легким и приятным, как прогулка по какому-либо царскому дворцу. Туда стоит лишь попасть и иметь достаточно времени, чтобы самому осмотреть все, что там находится: картины, лепные работы, занавесы и все находящиеся там украшения. Так и школа могла бы служить театром вселенной. Получив в нее доступ, юноша легко мог бы своим зрением проникнуть во всю роскошь мира и осмотреть его, как бы прогуливаясь среди божьих и человеческих дел.

ГЛАВА XXI.

Метод искусств¹.

Более, чем науками, нужно заниматься искусствами.

1. Теория, — говорит Вивес, — легка и коротка и не приносит ничего, кроме удовольствия; применение же ее — дело трудное и продолжительное, приносящее зато удивительную пользу. Вот почему нужно тщательно исследовать тот способ, которым легко можно было бы вести юношество к практике, заключающейся в искусствах.

2. Искусство наперед требует трех вещей:

1) *образца*, или *идеи*, являющейся некоторой внешней формой, взирая на которую художник пытается воспроизвести подобную;

2) *материи*, которая есть то самое, в чем должно выразить новую форму;

3) *инструментов*, с помощью которых производится вещь.

3. Но обучение искусству (когда уже даны инструменты, материя и образец) требует еще

I.	1. <i>правильного употребления</i> (данных),
II.	2. <i>разумного направления</i> ,
III.	3. <i>частого упражнения</i> .

Это значит, чтобы ученика обучали, где и как нужно применять каждое из этих требований, а в процессе применения им бы руководили, чтобы он в работе не сбивался и исправлялся, если сбивается; наконец, чтобы, даже делая ошибки и отклонения, он снова принимался бы за работу до тех пор, пока не научится производить работу без ошибок, уверенно и легко.

На это — одиннадцать правил. 4. Относительно этого нужно указать одиннадцать правил: шесть для употребления, три — для направления, два — для упражнения.

¹ Правильнее было бы сказать „метод преподавания искусств“. Речь идет об искусствах в традиционном смысле слова (грамматика, риторика, диалектика), сводившихся преимущественно к развитию искусства устной и письменной речи.

I.

5. Тому, что следует выполнять, нужно учиться на деле.

Мастера не задерживают своих учеников на теоретических рассуждениях, а тотчас втягивают их в работу с тем, чтобы ковать они научились ковкой, ваять — ваянием, рисовать — рисованием, танцевать — танцами и т. д. Так же и в школах пусть учатся писать, упражняясь в письме, говорить — упражняясь в речи, петь — упражняясь в пении, умозаклечениям — упражняясь в умозаклечениях и т. д., чтобы школы были не чем иным, как мастерскими, в которых кипит работа. Именно таким образом все на собственном успешном опыте испытают справедливость известного изречения: на работе образовываешься.

II.

6. *Всегда должна быть налицо определенная форма и норма того, что должно выполнять.*

Конечно, ученик должен подражать ей, внимательно вглядываясь в нее и как бы следуя по чужим стопам. Ведь он не может еще самостоятельно создать ничего, не зная, что и как должно делать; следовательно, нужно ему показывать. Было бы жестоко заставлять кого-либо делать то, что ты хочешь, хотя он не знает, чего ты хочешь; требовать, чтобы он проводил прямые линии, прямые углы, правильные круги, не дав наперед в руки линейки, прямоугольника, циркуля и не указав, как ими пользоваться. Поэтому нужно серьезно позаботиться о том, чтобы в школах для всего, что приходится делать, были истинные, точные, простые, легко понимаемые, легкие для подражания формы и образцы и оригиналы всех вещей или предварительные наброски и чертежи вещей, или руководящие правила и примерные упражнения в работах. И тогда только не будет ничего неразумного требовать от того, кому показан свет, чтобы он видел, от того, кто уже твердо стоит на ногах, чтобы он ходил, от того, кто умеет обращаться с инструментами, чтобы он работал.

III.

7. *Употребление инструментов лучше показывать на деле, чем на словах, т. е. лучше обучать этому примерами, чем правилами.*

Давно сказал Квинтилиан: „Длинен и труден путь через правила, легок и успешен через примеры“. Но увы! как мало помнят об этом правиле обычные школы. Именно предписаниями и правилами, исключениями из правил и ограничениями исключений так обременяют даже впервые приступающих к изучению грамматики, что они в большинстве случаев не знают, что делать и скорее начинают тупеть, чем понимать. Однако мы не видим, чтобы так поступали мастера, чтобы они своим начинающим ученикам сначала диктовали столько правил. Поведя

новичков в мастерскую, мастера предлагают им наблюдать за своей работой, и, как только новички пожелают подражать (ведь человек есть существо подражающее), они дают им в руки инструменты и обучают, каким образом надо их держать и действовать ими; затем, если обучаемые делают ошибки, мастера указывают и поправляют их всегда больше примером, чем словами. И практика показывает, что подражание идет успешно. Ибо верно изящное выражение немцев: „Хороший образец находит хорошего подражателя“. Подходит сюда также и выражение Теренция: „Иди вперед, я следую за тобой“. Так мы видим, что дети учатся ходить, бегать, говорить, играть в различные игры при помощи одного только подражания без всяких затруднительных правил. В самом деле, правила являются, говоря правду, терниями для ума, они требуют внимания и острого ума, а примеры помогают даже исключительным тупицам. Никто и никогда не приобрел умения владеть языком или каким-либо искусством при помощи одних только правил; обычно это приобретается путем практики, даже без всяких правил.

IV.

8. Упражнение следует начинать с элементов, а не с выполнения целых работ.

Ведь плотник не учит своего ученика сразу строить башни и замки, но учит сначала держать топор, обрубать деревья, обтесывать бревна, пробуравливать балки, вгонять гвозди, соединять части и т. д. И живописец не поручает новичку сразу изображать человеческие лица, но сначала учит его составлять краски, приспособлять кисточки, проводить линии, а затем пытаться делать более грубые очертания и пр. И тот, кто учит ребенка искусству читать, не дает ему сразу целого текста книги, но элементы букв, сначала отдельные, потом соединенные в слоги и слова, потом предложения и пр. Следовательно, и новичкам в грамматике сперва нужно предлагать изменять отдельные слова, затем конструировать слова по два, затем — одночленные, двухчленные, трехчленные предложения; далее дело должно дойти до построения периодов и, наконец, до построения речи в целом. Так и в диалектике: сперва пусть ученики привыкают различать вещи и понятия о вещах по родовым и видовым признакам, затем устанавливать между ними отношения (которые имеют все предметы хоть в чем-либо), затем определять и давать понятия о них, затем комбинировать их различным образом, строить из них суждения о вещах: что и чему приписывается, о чем, почему сказано и в качестве какого признака — необходимого или случайного. Только по получении учеником в этих упражнениях достаточного навыка следует переходить к составлению умозаключений, при помощи которых из данных и

допущенных положений вытекает все остальное, и, наконец, переходят к рассуждениям или целым трактовкам тем. Подобным образом легко можно будет продвигаться вперед в риторике: сначала пусть некоторое время ученик упражняется в подыскивании синонимов, затем пусть учится прилагать эпитеты к именам, глаголам, наречиям и тотчас же разъяснять их противоположениями, после этого описывать различным образом перифразами, затем заменять выражения с собственным смыслом тропами, разлагать предложения, связанные по благозвучию, простые предложения всячески преобразовывать в фигуральные, наконец, когда ученик будет в состоянии достаточно быстро выполнять все это в отдельности, нужно будет приступить к обработке целых речей. Если таким образом мы пойдем постепенно в каком угодно искусстве, то невозможно не сделать быстрых и основательных успехов. Основание этого раскрыто в IV основоположении главы XVII.

V 9. *Первые упражнения начинающих должны вращаться вокруг известного им материала.*

Это правило дано нам IX основоположением главы XVII и замечанием VI к основоположению IV. Смысл его состоит в том, что учащегося не следует обременять предметами, трудными для его возраста, восприимчивости, настоящего положения, чтобы он не был вынужден бороться с тенями. Например, польскому мальчику, который учится читать или писать, нельзя предлагать писать буквы латинские, греческие или арабские, но следует давать азбуку только своего языка, чтобы он понимал то, что делает. Чтобы мальчик понял употребление правил диалектики, ему нужно давать упражнения на примерах, взятых не из Virгилия или Цицерона, или из богословия, не из политических и медицинских писателей, а на примерах предметов, доступных для него: книги, одежды, дерева, дома, школы и пр. При этом примеры, которые взяты для разъяснения первого правила, следует применять, как уже известные, и для разъяснения всех остальных. Для упражнения в диалектике пусть будет взято, например, дерево, и пусть будут указаны его род, видовые признаки, причины происхождения, действия, качества основные и дополнительные и пр., определение, деление и пр., затем, сколькими способами что-нибудь можно сказать о дереве, далее — каким образом путем определенных умозаключений на основании того, что до сих пор сказано о дереве, можно вывести и доказать другое и т. д. Таким образом, когда выяснено употребление правил на одном, другом и третьем известном примере, ученик уже очень легко будет поступать подобным же образом во всех остальных случаях.

следствии оно может быть более свободным.

Ведь чем более при изготовлении нового предмета придерживаются свойственной ему формы, тем более и тем точнее выражается форма. Так, монеты, отливаемые по одному и тому же образцу, все делаются чрезвычайно похожими как на свой образец, так и одна на другую. Так дело обстоит с книгами, отпечатанными с медных букв, а также с предметами, отливаемыми из воска, гипса, металла и пр. Итак, насколько это возможно, при подражании (по крайней мере первом), и в других работах должно строго придерживаться оригинала, пока рука, ум, язык, став более твердыми, не привыкнут свободнее и самостоятельнее оформлять сходное. Например, при обучении письму, пусть берут тонкую, просвечивающую, бумагу и под нее подкладывают именно ту пропись, которой желают подражать: ученики таким образом, водя пером по просвечивающимся буквам, могут легко подражать прописи. Или надо напечатать прописи на чистой бумаге какой-нибудь краской, бледной желтоватой или коричневатой, чтобы ученики, обмокнув перья в чернила и водя ими по очертаниям букв, приучались подражать тем же буквам в той же форме. Так же и при упражнении в стиле — применительно к какой угодно взятой из автора конструкции, предложению, периоду, можно было бы образовывать другие, весьма на них похожие. Например, подобно тому как говорится „dives orum“ (богатый средствами), пусть будет предложено ученику подражать и составлять такие выражения, как „dives nummorum“ (богатый монетами), „dives pecuniae“ (богатый деньгами), „dives pecoris“ (богатый скотом) „dives vinearum“ (богатый виноградниками) и пр.

Когда Ц и ц е р о н говорит: *Eudemus in astrologia, iudicio doctissimorum hominum, facile primus* (по мнению ученых людей, Эвдем, несомненно, первый в астрологии), в непосредственном подражании этому можно будет сказать: „*Cicero in eloquentia, iudicio doctissimorum oratorum facile primus*“ (по мнению ученых ораторов, Цицерон в красноречии, несомненно, первый), „*Paulus in apostolatu, iudicio totius ecclesiae facile primus*“ (по суждению всей церкви, Павел, несомненно, первый среди апостолов) и пр. Так и в логике: противопоставляя друг другу всякие прямые противоположения, пусть ученик учится подражать известной дилемме:

„Возможно одно из двух: либо день, либо ночь, но теперь ночь, следовательно не день“. Например: „он или невежда, или ученый, но он невежда, следовательно он не ученый“. „Каин был или благочестив, или нечестив; но он не был благочестив, следовательно...“ и пр.

VII.

11. *Формы для выполнения должны быть самыми совершенными, чтобы тот, кто, подражая им, выразил их достаточно верно, мог считаться совершенным в своем искусстве.* Ибо как никто не может провести прямые линии, пользуясь кривой линейкой, так никто не может дать хорошей копии по ошибочному оригиналу. Поэтому нужно будет приложить усилия к тому, чтобы для всего того, что нужно делать в школе, больше того—во всей жизни, существовали верные, удобные, простые, легко доступные подражанию образцы: будут ли то модели вещей, картины, чертежи или самые краткие, самые ясные, понятные сами собой, без исключения правильные наставления и правила.

VIII.

12. *Первая попытка подражания должна быть самой точной, чтобы ни в одной, даже малейшей, черте в ней не было отклонения от оригинала.*

Конечно, насколько это возможно. Однако это необходимо. Все первоначальное является как бы основой для последующего: на прочных основах можно возводить прочное здание всего остального; на колеблющихся основах все будет колебаться. Как врачи наблюдают, что болезни пищеварения во втором и третьем периоде пищеварения не исправляются, точно так же в какой угодно работе первые ошибки вредят всему последующему. Поэтому учитель музыки Тимофей требовал двойной платы с учеников, которые начинали учиться этому искусству у кого-нибудь другого, заявляя, что труд удваивается, так как сначала нужно исправлять ошибки прежнего обучения и затем уже обучать правильно. Поэтому нужно заботиться о том, чтобы ученики, подражая образцам изучаемого ими искусства, старались воспроизводить их совершенно точно. При преодолении первой трудности остальные преодолеваются сами собой, точно так же как город, ворота которого взяты, уже находится в руках победителя. Поэтому нужно опасаться поспешности: никогда не надо переходить к следующему, не усвоив прочно предшествующего. Достаточно быстро идет вперед тот, кто никогда не сбивается с пути. И то время, которое уходит на правильную установку основ, есть не задержка, а лучший залог сокращения, ускорения и облегчения работы в дальнейшем.

IX.

13. Допущенные учениками отклонения от образцов должны тут же исправляться присутствующим преподавателем, который должен обосновывать свои замечания соответствующими, как мы их называли, правилами и исключениями из правил.

До сих пор мы указывали, что искусства нужно изучать скорее с помощью примеров, чем правил. Теперь мы можем прибавить, что нужно присоединять сюда наставления и правила, которые бы руководили работой и предохраняли от ошибок, ясно указывая на то, что скрыто заключается в образце: с чего работу нужно начинать, куда направлять, каким путем идти вперед и почему каждое действие должно происходить именно таким образом. Это именно то, что даст, наконец, твердое знание искусства, уверенность и точность в подражании.

Но эти правила, насколько возможно, должны быть краткими и самыми ясными, так чтобы из-за них не пострадало само дело; однажды усвоенные, они будут постоянно приносить пользу, даже если мы к ним и не возвращаемся. Так, ребенку, который учится ходить, большую услугу оказывают соответствующие приспособления для ходьбы, которые впоследствии ему не нужны.

Х. 14. *Совершенное преподавание искусства предполагает сочетание синтеза и анализа.*

Синтетические упражнения нужно предпосылать аналитическим.

В V основоположении главы XVIII мы показали примерами, взятыми из природы и механических искусств, что синтез имеет преимущественное значение, а что в большинстве случаев синтетические упражнения нужно предпосылать аналитическим, это показывают, сверх того, следующие замечания:

1. Везде нужно начинать. с легчайшего: легче же мы понимаем свое, а не чужое. 2. Авторы с намерением скрывают свое искусство, так что ученики с первого взгляда едва в состоянии, а то и вовсе не в состоянии, проникнуть в его смысл. Но после упражнения на своих, несколько уже более грубых, изобретениях, они будут в состоянии сделать это. 3. К чему преимущественно стремишься, то и нужно преимущественно выполнять. А стремимся мы к тому, чтобы, занимаясь искусством, достигнуть новых изобретений, а не к тому, чтобы привыкать пользоваться только готовыми изобретениями (см. что сказано там же, в IV основоположении главы XVIII).

Однако к синтезу нужно прибавлять аналитические упражнения.

15. Однако к синтезу нужно прибавлять анализ чужих изобретений и работ. Ведь тот в конце концов хорошо знает какую-либо дорогу, кто исходил ее в ту и другую сторону и кто заметил все встречающиеся на ней распутия, перекрестки и боковые тропинки. Сверх того, вещи так разнообразны и до некоторой степени бесконечны, что разнообразие это не укладывается ни в какие правила и не может

быть предусмотрено одним человеком. Большему числу голов дается больше. Но плоды чужой работы становятся нашими только в результате тщательного исследования и изучения и когда затем, путем соревнования и подражания, мы приобретаем привычку воспроизводить подобное.

16. Итак, мы желаем того, чтобы во всяком искусстве были установлены полные и совершенные образцы для всего, что должно быть в нем исполнено, обыкновенно исполняется и может быть исполнено. К ним должны быть присоединены указания и правила, которые вскрывают метод выполнения готовой работы и указания о том, как что либо должно делать, дают руководство для подражания образцам, предостерегают от ошибок и исправляют допущенные ошибки. Затем нужно давать ученику все новые и новые примеры; пусть он по одному приспосабливает их к образцам, путем подражания делает подобные. И уже напоследок должно познакомить его с чужими работами (но только прославленных художников), сопоставляя их с указанными ранее образцами и правилами, для того чтобы, с одной стороны, употребление их (правил и образцов) стало яснее, а с другой стороны, чтобы ученики научились скрывать самую технику своей работы. При повторении такого рода упражнений ученик, наконец, научится судить о своих и чужих изобретениях и их изяществе.

XI.

17. Эти упражнения нужно продолжать до тех пор, пока они не доведут учеников до полного овладения искусством.

Ведь опыт является единственным средством сделать человека художником.

ГЛАВА XXII.

Метод языков¹.

Зачем нужно изучать языки и какие именно. 1. Языки изучаются не как часть образования или учености, но как орудие для того, чтобы почерпнуть знания и сообщать их другим. Поэтому нужно изучать не все языки.

Все языки изучить невозможно. Изучать многие языки бесполезно, так как это отнимает время, нужное для изу-

¹ Правильнее было бы сказать „метод преподавания языков“.

чения вещей. А потому нужно изучать только необходимые языки. Необходимыми языками являются: для частной жизни — язык родной; для сношения с соседними народами — языки последних; для поляков в одних местах необходимым является язык немецкий, в других — венгерский, румынский, турецкий. А для чтения книг научного содержания, как это имеет место у ученых людей вообще, необходимым языком является латинский, для философов и врачей, сверх того, — греческий и арабский языки, для богословов — греческий и еврейский.

Всякий ли язык нужно изучать в совершенстве.

2. Не нужно изучать все языки в полном объеме и до совершенства, но насколько того требует необходимость.

Ведь нет необходимости владеть греческим и еврейским языками с таким совершенством, как родным языком, так как нет людей, с которыми приходилось бы на них говорить; достаточно изучить эти языки только для чтения и понимания книг.

Не следует изучать языки без вещей.

3. Изучение языков должно идти параллельно с изучением вещей, особенно в молодости, чтобы мы усваивали речь постольку, поскольку мы изучаем вещи;

чтобы мы учились выражать мысль постольку, поскольку мы понимаем предметы. Ведь мы образовываем людей, а не попугаев, как это сказано в основоположении VI главы XIX.

Следствия:

1. По одним и тем же книгам надо изучать и вещи и язык.

4. Отсюда следует, во-первых, что не следует изучать названия вещей отдельно от самих вещей, так как и сами вещи отдельно не существуют и не воспринимаются; но, поскольку они соединены, они существуют здесь или в другом месте, производят то или другое действие. Это соображение дало нам повод, как нам думается — не без успеха, составить „Дверь языков“, где слова, построенные в предложения, выражают вместе с тем и строение вещей.

2. Знание языков во всем объеме ни для кого не представляется необходимым.

5. Затем отсюда следует, что знание какого-либо языка во всем его объеме ни для кого не является необходимым, и стараться этого достигнуть — просто смешно и глупо. Ведь даже Цицерон

не знал всего латинского языка (величайшим мастером которого он вообще считается), так как он признается, что не знает, например, ремесленных терминов. Никогда, очевидно, он не обращался к сапожникам и кожевникам, чтобы осматривать их работы и изучать названия всего, чем они занимаются. Да и с какой стати в таком случае нужно было бы изучать названия таких вещей?

Продолжатели „Двери языков“, Доцемий, Киннер и др., поступали неблагоразумно, и поэтому сам автор, начав „Дополнительную пристройку к латинскому языку“, не закончил ее.

(вокабуляриев¹), словарей, сборников и т. д. Поэтому я даже не докончил „Дополнительную пристройку к латинскому языку“, которую я начал было составлять из слов устарелых и малоупотребительных.

3. Дети должны заниматься тем, что доступно детям; Цицерона и других авторов не следует предлагать им ранее, чем они возмужают.

7. В-третьих, отсюда следует, что как разум, так и речь лучше всего следует развивать у детей преимущественно на том, что доступно им, оставляя до более позднего времени то, что недоступно этому возрасту. Делают ошибку, когда детям предлагают Цицерона и других великих писателей, рассуждения которых выше детского понимания. Ведь если дети не понимают содержания, то каким образом они будут в состоянии овладеть искусством выражать содержание в соответствующих словах. С большей пользой время можно будет расходовать не на столь возвышенные сочинения, чтобы как язык, так и мысль развивались вполне последовательно. Природа не делает скачков, не делает их также и искусство, поскольку оно подражает природе. Ребенка следует учить ходить, прежде чем упражняться в танцах; ранее учить ездить верхом на длинной палке, чем ездить на украшенных конях; сперва—лепетать, а потом говорить и говорить, прежде чем произносить речи. И Цицерон говорит, что он не может обучать произнесению речей того, кто не умеет говорить (Цицерон, „Об ораторе“, III).

Восемь правил для изучения различных языков.

1.

8. Что касается полиглотии, или знания различных языков, то она может быть быстро и легко достигнута благодаря методом, который мы изложим в восьми правилах.

9. Каждый язык нужно изучать отдельно. Сперва, конечно, родной язык, затем тот, которым нужно пользоваться в местности родного языка, т. е. язык соседнего народа (ведь впереди, по моему мнению, должны идти именно языки народные, а не

¹ От латинского слова *vosare*—звать, называть; новолатинское *вокабулярий* означает словарь.

научные), а затем латинский язык и после него греческий, еврейский и др. — всегда один за другим, а не вместе, иначе один язык будет мешать другому. Наконец, уже закрепив знание этих языков путем практики, будет полезно затем сравнивать их при помощи параллельных словарей, грамматик и пр.

II. 10. На каждый язык следует отвести определенное время занятий, чтобы не превращать побочное занятие в главное и не терять на слова время, отведенное для изучения вещей. Так как родной язык связан с вещами, которые постепенно охватываются сознанием, то по необходимости он требует нескольких лет, т. е. 8 или 10 лет, т. е. всего детства вместе с частью отрочества. Затем можно перейти к другому употребительному языку, которым можно достаточно овладеть в годичный срок. Изучение латинского языка может быть закончено в течение двух лет, изучение греческого языка — в течение одного года, а изучение еврейского языка — в один семестр.

III. 11. Каждый язык лучше изучать не путем правил, а на практике, т. е. как можно чаще слушая, читая, перечитывая, переписывая, стараясь подражать письменно и устно (см. сказанное об этом в I и XI основоположениях предшествующей главы).

IV. 12. Однако правила должны поддерживать и закреплять практику, как об этом сказано в предыдущей главе во втором основоположении и в др. Это нужно иметь в виду, главным образом, применительно к научным языкам, которые по необходимости мы изучаем из книг; но так же дело обстоит и с живыми языками. Языки итальянский, французский, немецкий, чешский и венгерский могут быть подведены под правила, как это уже и сделано.

V. 13. Правила языков должны быть грамматическими, а не философскими. Это значит, что они не должны тонко расследовать отношения и происхождение слов, фраз, сочетаний — почему это необходимо должно быть так или иначе, но просто лишь разъяснять, что происходит и как это происходит. Более тонкое рассмотрение причин и связей, сходств и различий, аналогий и аномалий, которые присущи вещам и словам, относится к философии, — филологу оно только мешает.

VI. 14. Нормой для составления правил нового языка должен быть язык, ранее изученный, чтобы было показано только различие между тем и другим.

Ведь повторять общее обоим языкам не только бесполезно, но и вредно, так как вид большего объема и большей разницы, чем это есть на самом деле, пугает ученика.

Например, в греческой грамматике нет никакой необходимости повторять определения имен существительных, глаголов или падежей, времен и пр., или синтаксические правила, которые не дают ничего нового, и пр., так как все это надо предполагать уже известным. Надо давать только то, в чем греческий язык отстает от правил латинского языка, как уже известного. И тогда греческую грамматику можно будет изложить на нескольких листах, что будет содействовать более отчетливому, легкому и прочному ее усвоению.

ВII. 15. *Первые упражнения в новом языке должны вращаться вокруг ранее известных предметов.*

Тогда, очевидно, не будет необходимости сразу обращать внимание на слова и вещи и таким образом отвлекать и ослаблять его, а придется сосредоточиваться только на словах, для того чтобы легче и быстрее ими овладеть. Таким материалом будет что-либо уже ранее достаточно известное (или; если угодно, наши „Преддверие“ и „Дверь“; последнее вследствие своей краткости более удобно для усвоения памятью, а первое полезно во всех остальных отношениях, так как вследствие часто встречающегося повторения, при чтении и перечитывании одних и тех же слов, они лучше проникают в сознание и память).

VIII. 16. *Итак, все языки можно изучать одним и тем же методом.*

А именно, методом практических упражнений с присоединением самых легких правил, которые бы указывали только отличие от ранее изученного языка, причем и самые упражнения нужно давать ученикам на знакомом материале и пр.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВ В СОВЕРШЕНСТВЕ.

Нет необходимости, чтобы языки за исключением двух, изучались, так сказать, в совершенстве; изучение языков проходит четыре ступени.

17. В начале главы мы указывали, что не все изучаемые языки надо изучать с одинаковой тщательностью. Только родному и латинскому языкам нужно уделять такое внимание, чтобы овладеть ими вполне. Такое изучение языка следует разделить на четыре возраста:

Первый возраст	— детский, лепечущий;	
	когда учатся говорить как попало	
Второй	— отроческий,	
	подростающий, „ „	правильно
Третий	— юношеский,	
	цветущий; „ „	изящно
Четвертый	— возмужалый, „ „	выразительно.
	сильный	

Почему так.

18. Ведь правильное движение вперед требует постепенности, иначе все будет спутано, несвязно, разорвано, как это большинству из нас известно на собственном опыте. Но по этим четырем ступеням можно будет легко вести изучающих языки, если будут специально составлены пособия, а именно: с одной стороны, учебники, которые нужно дать в руки учащихся, с другой — руководства для преподавателей; те и другие должны быть составлены кратко и методично.

Четыре рода учебников по языкам.

19. I. <i>Преддверие</i>	} языка (например латинского) с относящимися сюда пособиями.
II. <i>Дверь</i> ,	
III. <i>Дворец</i> ,	
IV. <i>Сокровищница</i> .	

I. Преддверие. 20. „Преддверие“ должно заключать в себе словарный материал для детского разговора в несколько сот слов, связанных в кратких изречениях с присоединением сюда таблиц склонений и спряжений.

II. Дверь. 21. „Дверь“ должна заключать в себе все употребительные слова языка — около восьми тысяч, собранные в кратких выражениях, которыми изображаются самые вещи в их естественном виде. К этому нужно присоединить краткие и ясные грамматические правила, чрезвычайно точно указывающие, как надо писать слова этого языка, произносить их, образовывать и соединять.

III. Дворец. 22. „Дворец“ должен заключать в себе различные рассуждения о всевозможных вещах, наполненные всевозможными изящными фразами и изящными выражениями, с отметками на полях, из каких авторов взяты отдельные выражения. В конце должны быть присоединены правила о том, как можно на тысячи ладов изменять и украшать фразы и выражения.

IV. Сокровищница авторов. 23. Под „Сокровищницей“ мы подразумеваем самые произведения классических авторов о всевозможных предметах, наиболее глубокие и яркие, с предпосланными им правилами относительно того, как подмечать и собирать выражения речи, отличающиеся особой силой и точной передачей „идиотизмов“¹ (что особенно важно). Некоторых из этих авторов нужно отобрать для чтения в школах, для других следует составить указатель с тем, чтобы, если кому-либо впоследствии представится случай или у кого-либо явится желание

¹ Идиотизмами в языкознании принято называть своеобразные особенности и выражения в отдельных языках, не поддающиеся точному переводу на другие языки.

по поводу того или иного вопроса прочитать авторов полностью, он мог бы знать, какие это авторы.

Пособия. 24. *Пособиями называются те книги, которые помогают более быстрому и более плодотворному пользованию учебниками.*

I. Именно: I. К „Преддверию“ присоединяется небольшой словарь, заключающий в себе перечень слов родного языка с переводом на латинский, латинского — с переводом на родной язык.

II. К „Двери“ присоединяется этимологический словарь латинского языка, представляющий собой расширение основных слов при помощи производных от них и сложных слов и дающий основание для их значения.

III. К „Дворцу“ присоединяется фразеологический лексикон, где собраны различные фразы, украшающие синонимы и перифразы, встречающиеся в разных местах самого „Дворца“, причем родной язык объясняется родным, латинский язык — латинским (и, если нужно, греческий язык — греческим) с прибавлением указания мест, где эти выражения встречаются.

IV. Наконец, для „Сокровищницы“ будет пособием „Всеобщий справочник“, разъясняющий богатства обоих языков (родного — латинского и затем латинско-греческого) так, чтобы не оставалось решительно ничего, чего бы нельзя было найти здесь, и чтобы все совершенно соответствовало одно другому: параллельное выражение собственного смысла слов — собственным, переносного — переносным, шутливое — шутливым, пословиц — пословицами и пр. Ибо невероятно, чтобы у какого-либо народа был бы такой бедный язык, который уже не имел бы достаточного запаса слов, фраз, мыслей и пословиц, чтобы расположить их в порядке применительно к латинскому языку; каждый язык наверное мог бы располагать таким запасом, нужно только проявить искусство подражания, искусство оформлять из сходных выражений выражения, соответствующие латинским оборотам.

25. Однако такого универсального справочника до сих пор мы все еще ожидаем. Правда, польский иезуит Григорий Кнапий оказал своему народу выдающуюся услугу своим сочинением под названием „Польско-латино-греческая Сокровищница“. Однако труд этот страдает тремя следующими недостатками. Во-первых, там собраны еще не все слова и фразы родного языка. Во-вторых, они расположены не в том порядке, который мы только что указали, чтобы различного рода слова, насколько это возможно, соответствовали друг другу:

собственные имена — собственным, переносные — таким же переносным, слова устарелые — устарелым; благодаря тому в равной степени выявились бы особенность, блеск и богатство того и другого языка. Ведь Кн а п и й с каждым польским словом и фразой соединил несколько латинских, между тем как мы желаем, чтобы каждому отдельному слову и фразе одного языка точно соответствовали выражения другого, чтобы все изящные латинские выражения передавались и на нашем. Именно благодаря этому всеобщий справочник в совершенстве мог бы быть полезным также для перевода каких угодно книг как с латинского на родной язык, так и обратно. В-третьих, мы не видим в „Сокровищнице“ Кн а п и я стройности в самом расположении фраз в отношении последовательности; не следовало бы их располагать в таком случайном порядке. На первом месте должны были бы идти выражения простые и исторические, затем более высокие — ораторские, еще далее — более высокие, трудные и необычные поэтические и, наконец, — устарелые.

26. Но исчерпывающее суждение о структуре этого всеобщего справочника, равно как и суждение о специальном способе и приеме пользоваться „Преддверием“, „Дверью“, „Дворцом“ и „Сокровищницей“ для безошибочного достижения поставленной нами цели — совершенного усвоения языка, — мы отложим на другое время и специально этим займемся при рассмотрении организации отдельных классов.

ГЛАВА XXIII.

Метод нравственного воспитания.

Все предшествующее не так существенно, по сравнению с главным — нравственностью и благочестием.

1. До сих пор достаточно говорилось о том, как быстрее обучать наукам, искусствам, языкам. Обо всех этих предметах с полным правом здесь можно припомнить известное выражение Сенеки (Письмо 88): *„Мы должны всему этому не только учиться, а выучиться“*. Конечно, это так, поскольку это служит не чем иным, как только подготовкой к более важному, и, как он говорит, это наши первые опыты, а не настоящие дела. *В чем же будет состоять настоящая работа? В изучении мудрости, которая делает нас возвышенными, мужественными и великодушными.* Это именно то, на что мы выше указали под именем нравственности и благочестия; только благодаря этому мы становимся поистине выше тварей, более близкими к самому богу.

Это нужно об-
ратить в искус-
ство.

2. Итак, *следует как можно более заботиться о том, чтобы искусство внедрять настоящим образом нравственность и истинное благочестие было поставлено надлежащим образом в школах, чтобы школы вполне стали, как их называют, „мастерскими людей“.*

Шестнадцать
правил искусства
развивать нрав-
ственность.

3. Искусство развивать нравственность
имеет шестнадцать основных правил. Пер-
вым из них является следующее:

*Добродетели должны быть внедряемы
юношеству все без исключения.*

Из того, что правильно и честно, именно ничего нель-
зя исключить, не вызывая пробелов и нарушения гармонии.

II.

4. И прежде всего основные, или, как их
называют, „кардинальные“ добродетели:
мудрость, умеренность, мужество и справедливость.

Ведь нельзя без фундамента воздвигать здания, в кото-
ром все его плохо скрепленные части шатались бы на
своих устоях.

III.

5. Мудрость юноши должны почер-
пать из хорошего наставления, изучая
истинные различия вещей и их достоинство.

Ибо истинное суждение о вещах есть истинная основа
всякой добродетели. Прекрасно об этом говорит Вивес:
„Истинная мудрость заключается в том, чтобы судить о
вещах справедливо, чтобы считать каждую вещь только
такою, какая она есть, не стремиться к пустому, как будто
бы оно было драгоценным, или не отбрасывать драгоцен-
ного, принимая его за пустое, не порицать того, что за-
служивает похвалы, и не восхвалять заслуживающего пори-
цания. Отсюда именно рождаются в человеческих умах
всякое заблуждение и ошибки, и ничего нет в человеческой
жизни более губительного, чем те превратные суждения,
когда вещам дается не надлежащая оценка. Поэтому пусть
приучается (продолжает он) каждый уже с детства иметь
о вещах истинные мнения, которые с возрастом должны укреп-
ляться, и пусть устремляется к тому, что правильно, и
избегает того, что неправильно, чтобы эта привычка дей-
ствовать правильно обратилась у него во вторую при-
роду...“ и пр.

IV.

6. Умеренности пусть обучаются
*на протяжении всего времени обучения,
привыкая соблюдать умеренность в пище и питье, в
сне и бодрственном состоянии, в работе и в играх, в
разговоре и молчании.*

Здесь всегда нужно напоминать юношам золотое пра-
вило: ничего сверх меры, т. е. никогда и ни в чем не
доходить до пресыщения и отвращения.

V.

7. Мужеству пусть они учатся, преодолевая самих себя, сдерживая свое влечение к излишней беготне или игре вне или за пределами положенного времени, в обуздывании нетерпеливости, роюта, гнева.

Основой этого должна быть привычка поступать во всем обдуманно и ничего не делать под влиянием увлечения или порыва. Ведь человек есть существо разумное, следовательно пусть он привыкает руководиться разумом, обдумывая свои действия, что, почему, каким образом каждое дело должно происходить правильно, чтобы человек поистине был господином своих действий. И так как дети (по крайней мере не все) не всегда способны к такому продуманному и рациональному образу действий, то для того, чтобы научить их мужеству и самообладанию, прекрасным средством будет приучение их выполнять лучше чужую волю, чем свою собственную, повинуюсь, конечно, старшим чрезвычайно быстро во всем. Кто правильно тренирует коней, говорит Лактанций, тот прежде всего учит их слушаться узды, а кто хочет воспитывать детей, тот прежде всего пусть приучает их слушаться приказаний. О, какая здесь открывается великая надежда на исправление человеческих заблуждений, которыми переполнен мир, если с самого дня вступления в жизнь люди будут учиться уступать друг другу, действовать во всем с должным разумением.

VI.

8. Справедливости учатся, никого не оскорбляя, воздавая каждому свое, избегая лжи и обмана, проявляя исполнительность и любезность. В этом, а также и в том, что сказано выше, нужно воспитывать детей теми способами и средствами, которые предписывают следующие правила.

VII.

9. Особенно необходимые юношеству виды мужества: благородное прямодушие и выносливость в труде.

Так как жизнь придется проводить в общении с людьми и в деятельности, то нужно научить детей не бояться человеческого лица и переносить всякий честный труд, чтобы они не стали нелюдимыми или мизантропами, туневцами, бесполезным бременем земли. Добродетель развивается посредством дел, а не посредством болтовни.

VIII.

10. Благородное прямодушие достигается частым общением с благородными людьми и исполнением на их глазах всевозможных поручений.

Аристотель так воспитал Александра, что на двенадцатом году своей жизни он умел умно обходиться со всякого рода людьми — с царями и послами царей и

народов, с учеными и неучеными, с горожанами, поселянами и ремесленниками — и по всякому затронутому делу мог предложить разумный вопрос или разумно отвечать. Для того чтобы при нашем универсальном воспитании все научились удачно подражать этому, надо составить правила обхождения и строго следить за тем, чтобы ученики скромно обращались и ежедневно беседовали о различных предметах с учителями, товарищами, родителями, прислугой и прочими людьми. Наконец, учителя должны уделять внимание тому, чтобы направлять на должный путь всякого, в ком будет замечена распушенность, необдуманность, грубость или дерзость.

ix.

11. *Привычку к труду юноши приобретут в том случае, если постоянно будут заняты каким-либо серьезным или занимательным делом.*

Для этой цели совершенно безразлично, что и ради чего делается, лишь бы только человек был занят делом. Даже в забавах можно научиться тому, что впоследствии при случае может принести серьезную пользу, когда того потребуют время и обстоятельства. Но так как все нужно усваивать путем практики (как это мы видели в своем месте), то и труду тоже надо учить посредством труда, так, чтобы постоянные (однако умеренные) умственные и физические занятия перешли в трудолюбие, которое сделает праздность невыносимой. И тогда оправдается то, что говорит Сенека: „Благородные умы питаются трудом“.

x.

12. *Особенно необходимо внушить детям родственную справедливости добродетель — готовность услужить другим и охоту к этому.*

Ибо с испорченной природой тесно связан отвратительный порок себялюбия, при котором каждый желает, чтобы думали только о нем одном, оставаясь равнодушным к тому, что происходит с другими. Это является источником различных неурядиц в человеческих делах, поскольку каждый хлопочет только о своих делах, отодвигая в сторону заботу об общем благе. Поэтому нужно старательно внушать юношеству назначение нашей жизни, а именно, что мы рождаемся не только для себя самих, но и для бога и для ближнего, т. е. для всего человеческого рода; исходя из этого убеждения, каждый уже с детства пусть привыкает подражать богу, ангелам, солнцу и другим более благородным созданиям, т. е. делать и стараться оказывать пользу своими услугами возможно большему числу людей. Итак, тогда лишь наступило бы счастливое состояние в делах частных и общественных, если бы все прониклись желанием действовать в интересах общего благополучия, знали бы и умели, как везде друг другу помогать. Люди будут

уметь и хотеть делать это, нужно только их этому научить.

XI.

13. Развитие добродетелей нужно начинать с самых юных лет, прежде чем порок овладеет душой.

Ведь если ты не засеешь поля добрыми семенами, оно будет производить травы, но какие? Плевелы и всякий сор. Если у тебя есть намерение обрабатывать землю как следует, то легче всего ты управишься с этим делом и с большей надеждой будешь ожидать жатвы, если вспашешь, засеешь и заборонишь землю весной как можно раньше. Много значит привычка, приобретенная с юных лет, так как „долго будет храниться сосуд тот запах, которым пропитался с первого раза“.

XII.

14. Добродетелям учатся, постоянно осуществляя честное.

В главах XX и XXI мы видели, что познанию мы учимся познаванием, действию—действием. Дети легко учатся бегать, бегая; говорить—занимаясь разговором; писать, упражняясь в письме—и пр. Таким же образом они научатся послушанию послушанием, воздержанию—воздержанием, правдивости, говоря правду, настойчивости, действуя настойчиво, и пр.,—лишь бы только не было недостатка в тех, кто словом и делом показывал бы пример.

XIII

15. Пусть постоянно сияют перед нами примеры порядочной жизни родителей, кормилиц, учителей, сотоварищей.

Ведь дети—это обезьяны: что бы они ни видели—хорошее или дурное, они стремятся этому подражать даже без всякого внешнего побуждения. Таким образом, они учатся раньше подражать, чем познавать. Я имею в виду при этом примеры как взятые из жизни, так и из истории; и прежде всего—взятые из жизни, потому что они ближе и производят более сильное впечатление. Итак, пусть прежде всего сами родители строго блюдут домашнюю дисциплину, а учителями пусть будут самые лучшие из людей, выдающиеся своей нравственностью,—вот наиболее действенное замечательное средство к тому, чтобы подвинуть учеников на самую честную жизнь.

XIV.

16. Однако нужно примеры сопровождать наставлениями и правилами жизни для того, чтобы исправлять, дополнять и укреплять подражание, как об этом сказано в главе XXI, правило IX.

Подобного рода предписания для жизни нужно извлекать из священного писания и изречений мудрецов. Например, почему и как нужно избегать зависти? Каким оружием защищать сердце от печалей и всяких человеческих несчастий? Как умерять радость? Каким образом сдерживать гнев, изгонять преступную любовь? и т. п.

Однако все это соответственно возрасту и степени развития.

XV.

17. И самым тщательным образом нужно оберегать детей от сообщества испорченных людей, чтобы они не заразились от них.

Ведь вследствие испорченности нашей природы зло распространяется легче и держится упорнее. Поэтому всячески нужно предохранять молодежь от всех поводов к нравственной испорченности, как, например, дурных товарищей развращенных речей, пустых и бессодержательных книг (ибо примеры пороков, воспринятые глазами или ушами, есть яд для души) и, наконец, безделья, чтобы дети от безделья не научились делать дурное или не отупели умственно. Лучше, чтобы они всегда были чем-нибудь заняты, серьезным ли делом, или развлечением, только бы не предавались праздности.

XVI.

18. И так как едва ли удастся каким-либо образом быть настолько зоркими, чтобы к детям не могло проникнуть какое-либо зло, то для противодействия дурным нравам совершенно необходима дисциплина.

Враг, сатана, находится на страже не только тогда, когда мы спим, но и когда мы бодрствуем; и тогда, когда мы сеем доброе семя на духовной ниве, он вмешивается, чтобы сеять вместе и свои плевелы; да и сама испорченная природа наша то тем, то другим дает о себе знать, поэтому совершенно необходимо силою противодействовать злу. Но противодействие должно оказывать дисциплиной, т. е. порицанием и наказанием, словами и ударами, смотря по тому, чего требует дело. При совершении проступка всегда нужно тотчас же подавить зреющий порок при первом же его проявлении или, лучше, если это возможно, вырвать его с корнем. Итак, дисциплина должна царить в школах не столько ради преподавания наук (которые, при правильном методе преподавания, являются для человеческого ума наслаждением и приманкой), сколько ради нравов.

Впрочем, о дисциплине см. также ниже главу XXVI.

ГЛАВА XXIV.

Метод насаждения благочестия.

Можно ли подвести под искусственный метод изучение благочестия?

1. Благочестие есть дар божий и дается с неба; причем наставником и учителем благочестия является дух божий. Но так как обычно он действует через естественные средства, выбирая себе помощниками родителей, наставников, служителей церкви, которые бы с верным попечением насаждали и поливали райские

ветви (1 Коринф., 3, 6, 8.), то им подобает понимать характер своих обязанностей.

Что следует разуметь под именем благочестия?

2. Что разумеется у нас под именем благочестия, на это мы указали выше. А именно, оно заключается в том, чтобы, после правильно воспринятого понятия о делах веры и религии, сердце наше умело везде искать бога, — которого Писание называет сокровенным (Ис., 45, 15) и царем невидимым (Евр., 11, 27), т. е. таким, который покрыл себя одеянием своих дел и во всем видимом невидимо присутствует, всем невидимо управляет, — везде, находя его, следовать за ним и достигать его и, наконец, радоваться в нем. Первое совершается умом, второе — волею, а третье — радостью совести.

Значение этого.

3. Мы ищем бога, отмечая следы его божественности во всем творении. Мы следуем за богом, поручая себя всецело его воле во всем, как в наших делах, так и для перенесения всего, что будет ему благоугодно ниспослать нам. Мы радуемся в боге, успокаиваясь в его любви и милости таким образом, чтобы ничего ни на небе, ни на земле не было более желанным чем сам бог, ничего не было приятнее мысли о нем, ничего более сладостного, чем его слова, так чтобы сердце наше таяло от любви к нему.

Три источника и три способа почерпать оттуда.

Тройной источник — это слово божие в творении, Писании и вдохновении.

4. Откуда нам почерпать это наше настроение, для этого у нас есть три источника и три способа, или три ступени.

5. Источниками являются: священное писание, мир, мы сами. Именно в первом случае — слово божие, во втором — творение, в третьем — вдохновение. Не подлежит сомнению, что из Писания почерпается познание бога и любовь к нему. Сами язычники, которые одним созерцанием мира доходили до почитания божественного начала, являются свидетелями того, что из мира и мудрого рассмотрения удивительных в нем божественных дел мы поднимаемся до состояния благочестия. Как видно из примера Сократа, Платона, Эпиктета, Сенеки и др. это чувство любви было несовершенным и уклоняющимся от цели у людей, которые не опирались на божественное откровение, по сравнению с теми, кто из слов и дел божиих одновременно воспринимают познание бога и воспламеняются самой горячей любовью к богу, как это видно из примера Иова, Илии, Давида и других благочестивых людей.

Сюда относится и особая забота провидения относительно нас самих (как удивительно оно нас сотворило,

сохранило до настоящего времени и нами управляет), как показывают своим примером Давид (Псалт., 139 и Иов, гл. 10).

Тройной способ
почерпнуть благо-
честие из тройно-
го источника

поистине только
и христианина.

Размышление.

7. Размышление есть частое, внимательное, благочестивое проникновение в дела, слово и милость божии: именно, как все происходит только по милости бога (или прямо действующего, или соизволяющего) и какими чудными путями все решения воли божией достигают своих целей.

Молитва.

8. Молитва есть частое и до некоторой степени постоянное воздыхание к богу и мольба о его милосердии, чтобы он нас поддерживал и руководил нами духом своим.

Искус.

9. Наконец, искус есть постоянное исследование наших успехов в благочестии, происходит ли это через нас самих или через других. Сюда относится каждое в своем роде испытание: человеческое, дьявольское, божественное. Ибо и себя самого должен испытывать постоянно человек, крепок ли он в вере (2 Коринф., 13, 5) и как старательно выполняет он волю Божию. Необходимо, чтобы нас исследовали и люди — друзья и враги. Это происходит тогда, когда те, кто богобоязненно начальствует над другими, бдительным вниманием и открытыми или тайными наблюдениями стремятся расследовать, какие мы сделали успехи, а также те случаи, когда бог поднимает на нас врага, который научает нас обращаться к богу и нам показывает, сколько заключается в нас силы веры. Наконец, и самого сатану иногда посылает на нас бог или даже сам ополчается против человека, чтобы обнаружилось, что находится в его сердце. Итак, все это нужно будет внедрить христианскому юношеству, чтобы во всем, что есть, было и будет, все приучались обращаться духом к тому, кто первый и последний из всех, и в нем одном находили покой души.

Метод
внуше-
ния благочестия,
закрывающийся в
двадцать одном
правиле.

I.

10. Особый метод воспитания благочестия, заключающийся в двадцать одном правиле, будет следующим:

Забота о внедрении благочестия должна начинаться в раннем детстве, с одной стороны, потому, что полезно этого не откладывать, а с другой стороны, потому, что откладывать это опасно. Самый разум советует, что следует приводить в исполнение прежде то, что предшествует, и скорее то, что важнее.

Но что должно стоять впереди и должно быть важнее, чем благочестие, без которого всякое другое упражнение мало полезно, тогда как само оно имеет обетование жизни настоящей и будущей (1 Тим., 4, 8). Это есть единое на потребу (Лука, 10, 42), те поиски царствия божия..., при попечении о котором остальное прилагается (Матф., 6, 33). Но откладывать это опасно, так как если в самом раннем возрасте души не проникаются любовью к богу, то вследствие самого хода жизни, проведенной некоторое время без любви к божеству, незаметно проникает в душу неуважение к божеству, которое впоследствии искореняется с величайшим трудом, а у некоторых не искореняется никогда. Поэтому, жалуясь на ужасающий поток безбожия в своем народе, пророк говорит: „Нет никого, кого бы учил бог, кроме отнятых от груди и отлученных от сосцов, т. е. грудных детей“ (Ис., 26). О других другой пророк говорит, что не могут они исправиться, чтобы делать доброе, ибо привыкли они делать злое (Иер., 13, 23).

II.

11. Итак, тотчас, при первом пользовании глазами, языком, руками и ногами, пусть дети научатся взирать на небеса, поднимать руки вверх, взывать к богу и Христу, преклонять колени пред незримым величием и почитать его.

Не настолько трудно научить этому детей, как это воображают те, кто не обращает внимания на то, насколько важно нам отрешиться от сатаны, от мира, от самих себя, и поэтому к столь важному делу относятся слишком небрежно. Дети, которые еще слабо распоряжаются разумом, конечно, сначала не поняли бы, что происходит: пусть, однако, они знают только, что это должно делать, и чрезвычайно важно, чтобы они научились этому сами через навык. Ведь после того как они узнают, что должно делать на деле, легче будет им внедрить то что следует. Затем и они станут именно понимать, что происходит и почему происходит и каким образом совершается правильно.

В законе бог повелел посвящать ему всех первенцов; так почему же не посвящать ему начатки мыслей, детского лепета, движений и действий наших?

III.

12. Но когда детям по возрасту можно уже будет давать образование, прежде всего им следует внушить, что мы находимся на земле не ради этой жизни, но что мы стремимся к вечности, что здесь лишь переходное положение, чтобы, подобающим образом подготовившись, мы достойно вступили в вечные жилища. В этом их легко можно убедить ежедневными примерами тех, кто похищается смертью и переносится в другую жизнь: детей, мальчиков юношей и стариков.

Нужно часто вызывать это у них в памяти, чтобы они помышляли о том, что никто здесь не может укрепить своего пребывания.

IV. 13. Итак, постоянно нужно им напоминать, что не следует здесь делать ничего, кроме того, чтобы правильно подготовиться к грядущей жизни. Иначе было бы неразумно заниматься тем, что придется скоро покинуть, и пренебрегать тем, что нас будет сопровождать в самое вечность.

V. 14. Затем нужно детей научить, что жизнь, в которую переселяются люди отсюда, бывает двойкая: блаженная с богом и несчастная в аду; и та и другая: вечны. Примером этого служат Лазарь и богач, души которых были отнесены — одного ангелами на небо, а другого дьяволами в геенну.

VI. 15. Счастливы и бесконечно счастливы те, кто так воспитывает свою душу, что оказывается достойным быть перенесенным к богу. Ибо вне бога, источника света и жизни, нет ничего, кроме мрака, ужаса, мучений, вечной смерти без действительной смерти, так что лучше было бы не родиться тем, кто уклонится от бога и низвергнется в пропасть вечной гибели.

VII. 16. Перенесены к богу будут те, кто здесь живет с богом (как Энох и Илия, оба живые, другие после смерти (Быт., 5,24 и пр.).

VIII. 17. А живет с богом тот, кто имеет его пред глазами, боится его и исполняет его заповеди. И это в человеке (Экклз., 12, 13) все то, о чем сказал Христос, — единое на потребу (Лука, 10, 42). Нужно всегда учить всех христиан иметь это на устах и в сердце, чтобы когда-либо чрезмерно не заблудиться вместе с Марфой в суете этой жизни.

IX. 18. Итак, пусть дети приучатся относиться к богу непосредственно и посредством все то, что они здесь видят, слышат, с чем соприкасаются, что делают и терпят.

Это нужно пояснить примерами. Именно те, кто отдается научным занятиям и созерцательной жизни, должны отдаваться этому таким образом, чтобы созерцать везде разливающееся божие могущество, благодать и мудрость благодаря этому воспламеняться любовью к нему и этой любовью прилепляться к богу все теснее и теснее так, что бы расторгнуть их с ним было бы невозможно вовеки. А кто занимается физическим трудом, земледелием, ремеслами и пр., те ницут и остального, необходимого для жизни, — все это затем, чтобы жить удобно, а жить так им нужно для того, чтобы служить богу спокойно и радостно и, служа, угождать ему, а угождая ему, вечно быть с ним

в единении. Кто в своих делах преследует другие цели, тот уклоняется от воли божией и от самого бога.

Х. 19. С юного возраста пусть дети научатся заниматься преимущественно тем, что непосредственно ведет к богу: чтением священного писания, участием в богослужении и внешними добрыми делами.

Ведь чтение священного писания возбуждает и согревает воспоминание о боге; участие в богослужении ставит человека пред лицом бога и соединяет его с ним; добрые дела укрепляют эту связь, так как показывают, что мы поистине ходим по заповедям божиим. Эти три требования решительно предъявляются всем, кто ищет благочестия. (а таким является все христианское юношество, посвященное крещением богу).

ХІ. 20. Поэтому священное писание в христианских школах должно быть альфой и омегой. Об этом Гиперий сказал: богослов рождается в Писании. Ап. Петр развил это шире, говоря, что божии сыны рождаются от нетленного семени слова бога живого и пребывающего во веки (1 Петр., I, 23). Итак, в христианских школах впереди всех книг должна идти эта божественная книга, чтобы, по примеру Тимофея, все христианские юноши, обученные с детства священному писанию, были наставлены к блаженству (2 Тим., 3, 15) и воспитаны в словах веры (1 Тим., 4, 6). В свое время прекрасно об этом рассуждал Эразм в своем „Параклезисе“, т. е. в призывании к изучению христианской философии. Священное писание, сказал он, подходит ко всем одинаково: оно склоняется к детям, приспосабливается к их возрасту, питая их молоком, согревая, поддерживая, делая все, пока мы не возмужаем во Христе. А если оно по силам самым малым, то для самых великих оно является предметом, достойным удивления: для малых оно малое, для великих—более, чем величайшее. Оно не отвергает никакого возраста, никакого пола, никакого положения, никакого жребия. Солнце является не таким общим и всем доступным, как учение Христа; это последнее никого от себя не устранивает, если кто не устранивается сам, лишая себя счастья и т. д., и прибавляет к этому: „О если бы оно было переведено на все языки всех народов, чтобы его могли читать и понимать не только шотландцы и ирландцы, но также турки и сарацины. Многие бы смеялись бы над ним—пусть будет так, но некоторые увлеклись бы им. О если бы из него напевал что-либо земледелец у плуга, исполнял бы кое-что ткач в такт к своей работе; такого рода рассказами пусть сокращает скучную дорогу путешественник; и если бы отсюда были заимствованы все разго-

воры христиан! Ведь мы приблизительно таковы, какими являются наши ежедневные разговоры. Пусть каждый достигает того, чего может, пусть каждый выражает то, что может. Кто позади, пусть не завидует тому, кто впереди; кто впереди, пусть зовет следующего, не презирает его. Почему общее для всех призвание мы ограничиваем тайным кругом?" И в конце: „Итак, все мы, кто поклялся в крещении словами Христа (если, однако, поклялись искренно), тотчас же, даже среди объятий родителей и ласковых нянек, пусть будем посвящены в учение Христа. Ведь чрезвычайно глубоко коренится и чрезвычайно крепко держится то, что впервые впитал в себя новый еще сосуд духа. Пусть первый лепет называет Христа; на евангелиях Христа пусть образуется первое детство. Я желал бы, чтобы о Христе так рассказывали начинающим, чтобы его полюбили даже дети. Пусть предаются этим занятиям и после, пока, незаметно подрастая, дети не вырастут крепкими мужами во Христе. Счастлив тот, кого смерть застанет за этими книгами. Итак, будем же всей душой жаждать этих занятий, погрузимся в них, будем им предаваться непрерывно, будем лбызать эти книги, умрем, наконец, в этих занятиях и в них превратимся, так как занятия переходят в нравы и пр.“. Тот же Эразм в „Сокращенном богословии“ говорит: „И насколько я знаю, не будет неразумным, по мнению Августина, заучивать священные книги наизусть, даже не понимая их“, и пр. Итак, вообще в христианских школах должны раздаваться не Плавт, не Теренций, не Овидий, не Аристотель, но Моисей, Давид, Христос, и пусть придуманы будут способы, благодаря которым библия станет близкой юношеству, посвященному богу, совершенно так же, как азбука (а все христианские дети святы) (1 Коринф., 7, 14). Ведь как из звуков и букв и их начертаний слагается вся речь, так и из элементов божественных книг — все построение религии и благочестия.

хп.

21. Все, что изучается из Писания, должно быть относимо к вере, любви и надежде.

Ведь это — три главные цели, к которым относится все, что богу угодно было открыть нам своим словом. Ведь одно он открывает, чтобы мы знали, второе заповедует, чтобы мы исполняли; третье даже обещает, чтобы от благодати его мы ожидали в этой и в будущей жизни. Во всем Писании не встречается ничего, что бы не имело никакого отношения к какой-нибудь из этих основ. Итак, пусть все научатся понимать это, чтобы уметь разумно обращаться с божественными изречениями.

хш.

22. Вера, любовь, надежда должны быть изучаемы для применения их в жизни. Начиная с первой ступени, мы должны образовывать детей-

христиан на практике, а не в теории, если мы действительно желаем иметь христиан. Религия—дело живое, а не выдуманное; поэтому свою жизненность пусть она выражает действием: так и живое семя, посеянное в хорошую землю, скоро прорастает. Отсюда Писание требует действительной веры (Гал., 5,6), называет веру без дел мертвой верой (Иак., 2,20), требует также живой надежды (1 Петр., 1,3). Отсюда в законе чрезвычайно часто слышится голос: что открывается свыше, открывается затем, чтобы мы это выполняли. И Христос говорит: „Если вы это знаете, вы блаженны, если вы будете исполнять“ (Иоанн, 15, 17).

XIV.

23. Вере, любви, надежде научатся применительно к жизни дети (да и все), если их научат непоколебимо верить в то, что открывает бог, выполнять то, что он повелевает, надеяться на то, что обещает.

Нужно заметить и старательно внушить юношеству, что если оно желает, чтобы слово божие было для него силой божией во спасение, то оно должно приносить сердце смиренное и преданное, готовое всегда и везде во всем подчиняться богу, мало того — уже подчиняющееся ему на деле. Ведь как солнце своим светом ничего не освещает тому, кто не желает открыть глаз, и предложенная пища не насыщает никого, если он не желает есть, так и божественный, дарованный умам свет, данные для наших действий заповеди и обещанное боющимся бога блаженство были бы напрасными, если бы мы не воспринимали этого с твердой верой, пылкой любовью и твердой надеждой. Так отец верующих, Авраам, последовав велениям бога, верил даже в то, что разуму казалось невероятным, имел веру словам бога: совершал самое тяжкое для тела (как, например, покинуть отечество, заклать своего сына и пр.) и надеялся там, где было не на что надеяться, как только на обетования бога. И эта живая и деятельная вера была ему вменена в праведность. Этому должно учить всех; кто только предаст себя богу, тот должен испытать это на самом себе и твердо соблюдать это.

XV.

24. Что бы ни изучало христианское юношество после священного писания (науки, искусство, языки и пр.), — все должно изучаться в подчинении Писанию, а именно, чтобы юношество могло заметить и точно увидеть, что все есть чистая суэта, если оно не относится к богу и будущей жизни.

Древние восхваляют Сократа за то, что от пустых и запутанных умозрений он низвел философию к нравственности, и апостолы исповедуют, что от запутанных мелких вопросов закона они призывают христиан к сладкой любви Христа (1 Тим., 1, 5, 6, 7); так и некоторые новые благочестивые богословы от запутанных споров, более ра-

зоряющих церковь, чем созидających ее, призывают к заботе о совести и деятельности. Да умиласердится над нами бог, чтобы мы нашли общий образ и способ, благодаря которым мы научились бы деятельно относить все, чем занимается человеческий ум вне бога, к богу, а все дела этой жизни, в которых запутывается и утопает мир,— к заботам о небесной жизни. Это была бы некоторая священная лестница, по которой через все, что есть и совершается, наши умы непрерывно восходили бы к высшему и вечному владыке всех и источнику высшего блаженства.

XVI.

25. Пусть все научатся с величайшей ревностью предаваться богопочитанию как внутреннему, так и внешнему, чтобы внутреннее без внешнего не потеряло своей силы, а внешнее без внутреннего не выродилось бы в лицемерие.

Внешнее богопочитание есть слово о боге, проповедь и слушание его слова, моление с коленопреклонением, воспеваемые в гимнах хвалы, совершение таинств и другие священные обряды, общие и частные. А внутреннее богопочитание есть постоянное помышление о божественном присутствии, страх и любовь к богу, самоуничтожение и преданность воле божией, а именно, готовность совершить и претерпеть все то, что угодно богу. Это нужно соединять, а не разделять не только потому, что справедливо, да прославится бог в телах наших и в душах наших, которые суть его (1 Коринф., 6, 20), но также и потому, что быть разделенными без опасности они не могут. Ведь от внешних обрядов без внутренней правды бог отвращается: „Кто требует этого от рук ваших?“ (Ис., 2, 12 и в других местах), так как ведь бог есть дух и хочет поклонения духом и истиной (Иоанн, 4, 24). Но с другой стороны, так как мы не чисто духовные, а телесные и чувственные, необходимо, чтобы постоянно наши чувства возбуждались извне для совершения того, что должно совершаться внутри,— духом и истиной. И таким образом хотя бог требует преимущественно внутреннего, однако предписывает и повелевает соблюдать вместе и внешнее. Сам Христос, хотя и освободил богопочитание Нового Завета от обрядов и научил, что богу должно служить духом и истиной, однако молился отцу, преклонив главу, и это моление продолжал целые ночи, посещал священные собрания, слушал учителей закона и предлагал им вопросы, проповедывал слово, воспевал гимны и т. д. Итак, если мы воспитываем юношество в религии, то мы должны воспитывать его в совершенстве внешнем и внутреннем, чтобы нам не образовать из лицемеров, т. е. наружных, мнимых, разукрашенных, фальшивых почитателей бога, или фанатиков, которые услаждаются своими мечтаниями и презрением к внешнему почитанию

церкви, разрывают порядок и красу ее, или, наконец, людей холодных, если внешнее не дает стимулов к внутреннему, а внутреннее — внешнему жизни.

XVII.

26. Нужно заботливо приучать детей к внешним делам, предписанным свыше, чтобы они знали, что истинное христианство состоит в том, чтобы веру свою подтверждать делами.

Такого рода дела суть: упражнения в воздержании, справедливости, милосердии и терпении; их упускать не следует никогда. Ведь если наша вера не приносит таких плодов, то она является мертвой (Иак., 2). Но, если она должна вести к блаженству, подобает ей быть живой.

XVIII.

27. Также нужно заботливо приучать детей различать пределы благодетяний бога и его суда, чтобы они умели всем пользоваться законно и ничем не злоупотреблять.

Фульгенций (Письмо 2 к Галлю) разделяет благодетяния божии на три вида. Он говорит, что некоторые из них будут пребывать вечно, другие служат для достижения вечности, наконец, третьи — для пользования только в этой жизни. К первым принадлежат: познание бога, радость во святом духе и любовь к богу, разливающаяся в наших сердцах. Ко второму виду он относит веру, надежду и милосердие к ближним. К третьему виду он относит здоровье, богатство, друзей и прочие внешние блага, которые сами по себе не делают нас ни счастливыми, ни несчастными.

Точно так же нужно указать, что суд божий, или кара, бывает трех родов. Некоторые, кого бог решил пощадить в вечности, здесь подвергаются наказанию и испытывают мучения, чтобы они очистились и убелились (Дан., 11, 25) (Апок., 7, 14), как, например, Лазарь. Других щадит бог здесь, чтобы они казнились вечно, как богатый, устраивавший пиры. Наказания третьих начинаются здесь, чтобы продолжаться в вечности, как это было с Саулом, Антиохом, Иродом, Иудой и др. Итак, нужно учить людей различать все, чтобы, обманутые чувственными благами, они не предпочитали того, что имеет значение только для этого времени, и умели бояться не столько зла здесь, сколько геенны, бояться больше всего не тех, кто может убить только тело и ничего не может сделать более, но тех, кто и тело может погубить и душу низвергнуть в геенну (Лука, 12, 5).

XIX.

28. И нужно их наставлять, что вернейший путь в жизнь — это путь креста, и этот путь показал нам вождь жизни Христос, на этот путь пригласил он других, этим путем ведет он тех, кого особенно любит.

Тайна нашего спасения совершена крестом, состоит в

кресте, именно им умерщвляется ветхий Адам, да живет новый, сотворенный по образу божью. Итак, кого бог любит, тех наказывает и как бы со Христом пригвождает ко кресту, чтобы, воскресив их со Христом, посадить одесную себя в вышних. Это слово крестное пусть будет силой божьей для спасения тех, кто верует, однако это безумие и соблазн для плоти (1 Коринф., 1, 18), так что совершенно необходимо весьма твердо внушить это христианам, чтобы они поняли, что они не могут быть учениками Христа, если не отрекутся от самих себя и не возьмут на свои плечи крест Христа (Лука., 14, 25 в конце) и не будут готовы во всю жизнь следовать туда, куда бы их ни повел бог.

XX.

29. Но нужно предусматривать, чтобы в то время, пока всему этому будут учить, не встречалось детям никакого противоположного примера, т. е. нужно принимать меры, чтобы дети не видели и не слышали богохульства, клятвопреступлений, различных оскорблений имени божия и других примеров безбожия. Но куда бы они ни обратились, пусть они замечают благоговение к божеству, соблюдение религии, попечение о совести. Если даже произойдет дома или в школе что-либо иначе, пусть они видят, что это не проходит безнаказанно, но строго карается, так что наказание за оскорбление божества всегда должно быть более суровым, чем за прегрешение против Присциана¹, или за какой-либо другой внешний проступок, показав, чего главным образом и в особенности нужно остерегаться.

XXI.

30. Наконец, так как при этой испорченности мира и природы никогда мы не делаем таких успехов, какие должны делать, а если и делаем некоторые, то та же испорченная плоть легко впадает в самодовольство и духовную гордость, откуда (так как гордым бог противится) является величайшая опасность для нашего спасения, — всех христиан должно учить своевременно тому, что наши добрые стремления и дела вследствие их несовершенства — ничто, если своим совершенством не придет нам на помощь Христос, агнец божий, взимающий на себя грехи мира, на котором одним благоволение отца, и пр. К нему нужно взывать, на него одного следует уповать. Так, наконец, мы поставим в безопасность надежду нашего собственного спасения и наших близких, когда утвердим ее на краеугольном камне — Христе, который является вершиной всякого совершенства на небе и на земле, единственным начальником и совершителем нашей веры, любви, надежды и спасения нашего. Ведь отец затем послал

¹ Под погрешностями „против Присциана“ нужно понимать ошибки против правил грамматики и вообще ошибки в научно-образовательном смысле.

его с неба, чтобы, сделавшись Иммануилом (богочеловеком), он соединил людей с богом и, приняв человеческий образ, живя святейшей жизнью, дал людям пример божественной жизни и, невинно умирая, искупил самым собою грехи мира и омыл грехи наши святою своею кровью; воскресая, показал смерть, побежденную смертью, и, вознесшись и ниспослав святого духа, залог нашего спасения, через него обитал в нас, как в своем храме, и направлял нас и охранял во спасение, пока мы здесь в борьбе, и воскрешая после и принимал к себе, чтобы там, где он сам, были и мы и созерцали славу его и пр.

31. Ему, единому спасителю всех, вечному со отцом и святым духом да будет хвала и честь и благословение во веки веков. Аминь!

32. Но нужно будет предписать особый способ для правильного проведения всего этого во всех классах школы.

ГЛАВА XXV.

Если мы желаем, чтобы школы были вполне реорганизованы на истинных началах истинного христианства, должно или удалить книги язычников, или, по крайней мере, пользоваться ими с большей осторожностью, чем это было до сих пор.

Что здесь можно было бы посоветовать вначале.

1. Неизбежная необходимость заставляет нас более подробно изложить вопрос, о котором в предшествующей главе мы упомянули лишь случайно. А именно, если мы желаем, чтобы школы у нас были поистине христианскими, то множество языческих писателей нужно удалить. Сперва мы изложим настоятельные причины этого, затем мы укажем, какую осторожность нужно принимать по отношению к этим мудрецам мира, чтобы тем не менее стало нашим все, что ими было прекрасно задумано, сказано, сделано.

С какою ревностью о боге.

2. С ревностью подходить к этому делу заставляет нас любовь к славе божией и человеческому спасению, когда мы видим, что главные школы христиан только по имени исповедуют Христа, в остальном услаждаются только Теренциями, Плавтами, Цицеронами, Овидиями, Катуллами и Тибуллами, Музами и Венерами. Отсюда происходит, что мы находим наслаждения в мире более, чем во Христе, и в христианском обществе нужно отыскивать христиан именно потому, что самым ученым людям, даже богословам, которые являются представителями божественной мудрости, Христос дает только наружность, а Аристотель с остальной массой язычников — кровь и дух. Это

является страшным злоупотреблением человеческой свободы и самой позорной ее профанацией. Положение это полно опасности по следующим причинам.

Причины, по которым языческие книги должны быть исключены из христианских школ, а божественные введены.

Причина первая.

основания для этого следующие: с одной стороны, вследствие непрочности человеческой жизни — как бы кто-нибудь не был похищен, быть может, неподготовленным, а с другой стороны потому, что первые впечатления сохраняются всего лучше и делают (если они священные) более надежным все остальное, чем впоследствии нужно заниматься в жизни.

Причина вторая.

4. Затем, хотя бог имел великое попечение о своем избранном народе, однако не указал ему школы, кроме своих преддверий, где сам он являлся для нас наставником, нас сделал своими учениками, а наукою — голос своих пророков.

Так он говорит через Моисея: „Слушай, Израиль, господь бог твой — господь един есть. Итак, люби господа бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею и всеми силами твоими. И да будут слова эти, которые я заповедую тебе ныне, в сердце твоём и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась, и вставая“ и т. д. (Второз., 6, 4 и сл.). И у Исаии: „Я господь бог твой, научающий тебя полезному, ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти“ (48, 12). Также: „Не должен ли народ обращаться к своему богу? (8, 19). И Христос: „Исследуйте Писания“ (Иоанн, 5, 39).

Причина третья.

5. Что то же самое слово его есть самый блестящий светоч нашего разума и самое совершенное правило наших действий и в том и другом случае самая подлинная помощь для нашей слабости, достаточно ясно засвидетельствовано следующими словами: „Вот я научил вас постановлениям и законам. Итак, храните и исполняйте их. Ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: „Только этот народ мудрый и разумный“ (Второз., 4, 5, 6). А Иисусу Навину он сказал так: „Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но научайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять написанное. Тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно“. (Иис. Навин, 1, 8). И через Давида: „Закон господень совершен, укрепляет душу, свидетель-

ство господне верно, умудряет простых" (Псалм., 19, 8). Наконец, апостол свидетельствует, что Писание богодухновенно и полезно для научения (да будет совершен божий человек) и т. д. (2 Тим., 3, 16, 17). Это равным образом признали и проповедывали мудрейшие из людей (нужно разуметь здесь истинно просвещенных христиан). Златоуст говорит: "Все то, чему нам нужно научиться или чего знать не нужно, это мы узнаем в Писании". А Кассиодор говорит: "Писание есть небесная школа обучения для жизни, проповедь истины, несомненно единственная наука; она захватывает слушателей плодотворными чувствами, а не пустыми прикрасами слов" и т. д.

Причина четвертая.

6. Но бог ясно воспретил своему народу языческую науку и языческие обычаи. "Не учитесь путям язычников", говорит он (Иер., 10). Также: "Разве нет бога во Израиле, что идете вопрошать Вельзевула, божество Аккаронское?" (4 кн. Царств, 1, 3). "Не должен ли народ обращаться к своему богу? Спрашивают ли мертвых о живых? Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят согласно с этим словом, то нет в них света". (Ис., 8, 19, 20). Почему так? А потому, конечно, что вечная премудрость от господа бога и с ним пребывает во век. Кому иному открыт корень премудрости? (Сирах., 1, 6). "Хотя они видели свет и жили на земле, но пути мудрости не познали: не уразумели стезей ее" и т. д. Не было слышно о ней в Ханаане и не было видно ее в Фемане. Сыновья Агари искали земного знания, и баснословы и исследователи—знания, но пути премудрости не познали. Но знающий все, знает ее. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу своему Иакову и возлюбленному своему Израилю. (Вар., 3, 20, 21, 22, 23, 32, 36, 37). Не сделал он того никому другому народу, и судов его они не знают (Псалм., 147, 9).

Причина пятая.

7. Поэтому, если когда-либо его народ уклонялся от его закона к прелестям человеческого вымысла, бог обыкновенно укорял его не только в безумии, что покидал источник мудрости (Вар., 3, 12), но и в двойном грехе, так как, покидая ключевой источник живых вод, высекал себе разбитые водоемы, которые не могут держать воды (Иер., 2, 13). И устами Осии жалуясь, что его народ слишком много сносится с язычниками, прибавляет: "Написал я ему важные законы мои, но они сочтены им, как бы чужие" (Ос., 8, 12). И что другое, скажите, делают те христиане, которые книги язычников держат в руках ночью и днем, а на священную книгу Божию, как на вещь чуждую, к ним не относящуюся, не обращают никакого внимания? Однако, это не пустая вещь, которою безнаказанно можно было бы пренебрегать, но, по сви-

детельству бога (Второз, 37, 47), „есть сама наша жизнь“.

Причина шестая. 8. Поэтому истинная церковь и истинные поклонники бога не искали никакой школы, кроме слова божия, обильно черпали оттуда истинную и небесную мудрость, которая превыше всякой мирской мудрости. Так Давид говорил о себе: „Заповедью твоею ты сделал меня мудрее врагов моих, я стал разумнее всех учителей моих, ибо размышляю об откровениях твоих“ (Псалт., 119, 98 и сл.). Подобным образом и мудрейший из смертных Соломон признается: „Господь дает мудрость; из уст его знание и разум“ (Притч., 2, 6). Свидетельствует и Иисус, сын Сираха (в предисловии к своей книге), что мудрость его, действительно славная, была почерпнута из чтения закона и пророков. Отсюда те восхищения святых, когда во свете божием видели свет (Псалт., 36, 10). „Счастливы мы, Израиль, что знаем, что благоугодно богу“ (Вар., 4, 4). „Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни“ (Иоанн, 6, 68).

Причина седьмая. 9. Примеры всех веков показывают, что всякий раз как церковь уклонялась от этих источников Израиля, это было причиною соблазна и грехов. Об израильской церкви из жалоб пророков это достаточно известно; а относительно христианской церкви есть сведения из истории, что, пока апостолы и апостольские мужи твердо держались одного евангельского учения, до тех пор чистота веры была сильна. Но как только стали толпами вливаться в церковь язычники и стали охлаждать первый жар и стремление к отделению чистого от нечистого и благодаря этому начали читать книги язычников, сперва частным образом, а потом в школах, мы видим, какое получилось смешение и какая запутанность учений. Ключ к знанию был потерян именно у тех, кто хвалился, что он находится именно у них одних; затем, вместо членов символа веры явились бесконечные вымышленные мнения; отсюда раздоры и споры, которым не видно конца; поэтому охладела любовь и угасло благочестие; таким образом под именем христианства воскресло и царствует язычество. Ибо следовало исполниться предупреждению Иеговы: „Кто не печется говорить по слову божиему, тому не будет утреннего света“ (Ис., 8, 20). Поэтому навел на них господь усыпление и сомкнул глаза их, так что всякое пророчество для них то же, что слова в запечатанной книге и пр., ибо они боялись бога по заповедям и учениям человеческим и т. д. (Ис., 29, 10, 11, 13, 14).

Причина восьмая. 10. И, конечно, наше достоинство христиан (которые через Христа сделались сыновьями Божиими, царским жречеством и наследниками будущего века) не позволяет нам себя и

наших детей ставить так низко и развращать, чтобы вступать в столь тесное общение с неосвященными язычниками и наслаждаться чтением их. Ведь, конечно, сыновьям царей и князей не дают в воспитатели паразитов, шутов, фигляров, но людей серьезных, мудрых, благочестивых. А мы детям царя царей, братьям Христа, наследникам вечности не стыдимся давать в воспитатели шута Плавта, игривого Катулла, безнравственного Овидия, безбожного насмешника над богом Луккиана, непристойного Марциала и других из того же множества писателей, чуждых познания истинного бога и страха божия! Если они сами жили вне надежды на лучшую жизнь и только лишь утопали в грязи современной жизни, не могут они вместе с собою не втолкнуть в ту же нечистоту и тех, кто пользуется их сообществом. Достаточно уже, ах вполне достаточно, совершенно безумий, христиане! Теперь уже пусть будет положен предел. Бог нас призывает к лучшему; за этим призывом следует идти.

Божия школа. Христос, вечная божия мудрость, сынам Божиим в своем доме уготовал школу, где правителем и верховным диктатором является сам святой дух, а профессорами и наставниками — пророки и апостолы, все обладающие истинной мудростью, все словом и примером ясно показывающие путь истины и спасения, святые мужи, где ученики — только божии избранные, первенцы от людей, купленные богу и агнцу, а вместо наблюдателей и стражей — ангелы и архангелы, начала и власти в вышних (Ефес., 3.10). Все предлагаемое сообщает знание превыше всех рассуждений человеческого ума, знание истинное, верное, совершенное и простирающееся на все нужды этой и будущей жизни. Ведь только уста божии есть тот источник, откуда текут все ручьи истинной мудрости; только лицо божие есть тот светильник, откуда распространяются лучи истинного света; только слово бога есть тот корень, откуда пробиваются ростки истинной мудрости. Итак, счастливы те, кто взирает на лицо божие, внимает его устам, воспринимает сердцем его слова, так как это один единственный, непреложный путь истинной и вечной мудрости, вне которой иной нет.

11. Нельзя пройти молчанием и того, **Причина девятая.** как строго повелел бог своему народу устраниваться от наследия язычников и что последовало для тех, кто не обращал внимания на это запрещение. „И будет господь бог твой изгонять пред тобой те народы“ и пр. „Сожгите кумиры богов огнем; не пожелай взять себе серебра или золота, которое на них, дабы это не было для тебя сетью, ибо мерзость это пред господом богом твоим. И не вноси мерзости и в дом твой, дабы не подпасть заклятию, как она“ (Второз., 7, 22, 25, 21). И в главе XII: „Когда

господь бог твой истребит от лица твоего народы, тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть; последую им, по истреблении их от лица твоего, не воспринимай их обрядов, говоря: как делали они, буду делать я. Все, что я тебе заповедаю, старайся исполнять, не прибавляй к тому, не убавляй от того" (Второз., 12, 29 и др.). Хотя Иисус Навин после победы напоминал им об этом и требовал удаления идолов (Иис. Навин, 24, 23), но так как они не послушались, то это наследие язычников сделалось для них петлею, так что до разрушения обоих царств они постоянно впадали в идолопоклонство. И не образумимся ли мы, сделавшись на чужом примере более осмотрительными?

12. Но книги, скажет кто-либо, это не кумиры. Отвечаю: это наследие тех народов, которых истребил господь бог наш перед лицом христианского своего народа, как это произошло там, но наследие более опасное, чем там. Ведь там попадались в сети только те, сердце которых было неразумным (Иер., 10, 14.); здесь же могут быть обольщены самые мудрые (Колосс., 2, 8). Там были дела человеческих рук (как говорит бог, упрекая идолопоклонников в неразумии), здесь — творения человеческого ума. Там блеск золота и серебра ослепляли глаза, здесь ослепляет ум привлекательность плотской мудрости. И что же? Ты отрицаешь, что языческие книги — кумиры? Итак, кто отвлек от Христа императора Юлиана? Кто лишил разума папу Льва X, который историю Христа считал басней? Каким духом был проникнут кардинал Бембо, когда отвращал Садоleta от чтения священных книг, потому что такому мужу это не подобало бы? Что и теперь повергает в безбожие столько мудрых итальянцев и других? О если бы в реформированной церкви христовой не было также таких, которых бы Цицерон, Плавт, Овидий и др. отвлекли бы за собой от Писания при помощи какого-то смертоносного яда!

Отговорка. 13. Если кто скажет: „Злоупотребления следует ставить в вину не вещам, но лицам: есть такие благочестивые христиане, которым чтение языческих писателей несколько не вредит“, то на это отвечает апостол: „Мы знаем, что кумир есть ничто, но не у всех такое знание (именно относительно различения), берегитесь, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном немощным“ (1 Коринф., 8, 4, 7, 9). Итак, хотя милосердный бог многих предохраняет от гибели, но нам нет извинения, если мы, зная об этом, и по доброй воле, терпим подобного рода прельщения (разнообразные, говорю, изобретения человеческого ума или сатанинского обмана), проникнутые духом тонкости и изящества, хотя известно, что некоторые, даже большинство, бывают обмануты и попа-

дают в сети сатаны. Последуем скорее господу, не будем вносить в наши дома кумиров, не будем ставить Дагона рядом с ковчегом завета, ту мудрость, которая свыше, не будем смешивать с земной, животной и дьявольской и не будем давать поводов к воспламенению гнева божия против наших сыновей.

Сравнение.

14. Ведь сюда, может быть, относится и то, что, по рассказу Моисея, произошло как прообраз. Когда Надав и Авиуд, дети Аарона, молодые жрецы (недостаточно еще знавшие свои обязанности), вместо священного огня положили в свои кадила для возжигания перед лицом господина чуждый огонь (т. е. общий огонь), они поражены были божьим огнем и умерли пред лицом господина (Левит., 10, 1 и пр.). А что такое дети христиан, если не новое священное жречество, чтобы приносить духовные жертвы богу (1 Петр., 2, 5). Если их кадила — умы мы наполняем чуждым огнем, то разве мы не бросаем их на жертву ярости гнева божия? Разве не есть чуждое и не должно быть чуждым христианскому сердцу все то, что происходит откуда-либо еще, а не от духа божия? А таковыми, по свидетельству апостола (Римл. 1, 21, 22; Колосс., 2, 8, 9), является большинство безумных измышлений языческих философов и поэтов. И вполне правильно Иероним назвал поэзию „вином демонов“, которым она опьяняет и повергает в сон неосторожные души и внушает им грёзы чудовищных мнений, опасных покушений и самых постыдных страстей. Итак, подобает бояться такого рода чар сатаны.

Нужно подражать эфесцам.

15. Если мы не будем повиноваться богу, повелевающему нам быть здесь осторожными, то восстанут против нас на суде те эфесцы, которые, лишь только им заблестал свет божественной мудрости, сожгли все нескромные книги, оказавшиеся для них, как христиан, бесполезными (Деян., 19, 19), а равно и современная греческая церковь: хотя греки и хранят написанные на их изящном языке философские и поэтические книги своих предков, которые считались мудрейшим народом в мире, однако чтение их они воспретили и себе и своим под угрозой проклятия. Следствием этого было то, что, хотя при наплыве варварства они впали в великое невежество и суеверие, однако до сих пор сохранил их бог от антихристианской смеси заблуждений. Итак, в этом им должно подражать вполне, чтобы (при введении, однако, большего изучения священной литературы) легче удалить оставшуюся от язычества тьму заблуждений. Ибо только „в свете божием мы видим свет“ (Псалт., 36). „О, дом Иакова, приходите и будем ходить во свете господнем“ (Ис. 2, 5).

**Опровержение
возражений.**

новение вере и отдаться богу.

1.

**О великой муд-
рости в книгах
язычников.**

16. Итак, посмотрим с какими возражениями восстает против этого человеческий разум, извиваясь наподобие змей, чтоб не было ему необходимости попасть в повиновение вере и отдаться богу.

17. Утверждают так: великая мудрость сокрыта в книгах философов, ораторов, поэтов. Отвечаю: достойны тьмы те, кто отвращает глаза от света. Правда, сое сумерки представляются полднем, но существа, рожденные для света, думают иначе. О, суетный человек, ты во тьме человеческого рассуждения ищешь яркого света, поднимаешь глаза вверх! С неба истекает свет истинный от отца светов. Если в человеческом уме что-либо сверкнет или блеснет, это искорки, которые сидящим в полной тьме, казалось, блистали и чем-то были, но на что нужны они нам, которым в руки даны горящие факелы (блистающие ярким светом бога)? Ведь если они рассуждают о природе, то они слегка касаются поверхности, не затрагивая сущности. А в священном писании сам владыка природы повествует великие тайны о своих делах, выясняя первые и последние причины всех творений, видимых и невидимых. Если философы говорят о нравах, то они делают то же, что делают птицы со склеенными крыльями, чтобы, двигаясь с великими усилиями, не продвинуться никуда. Но Писание дает истинную картину добродетелей с сильными призывами, которые проникают до глубины сердца, и живые примеры всего. Когда язычники желают учить благочестию, то не будучи просвещены истинным познанием бога и его воли, учат суеверию. „Тьма покрывает землю и мрак — народы: над Сионом же воссияет Господь, и здесь явится слово его“ (Ис., 60). Итак, хотя сынам света можно было приближаться иногда к сынам мрака, чтобы, заметив разницу между собой и ими, с тем большей радостью оставаться на дороге света, а об их тьме сожалеть, но хотеть предпочитать их искры нашему свету было бы нетерпимым и оскорбительным безумием. по отношению к богу и нашим душам. Какая польза в том, чтобы успевать в делах мирских и быть слабым в делах божественных? Следовать за пустыми вымыслами и пренебрегать божественными тайнами? Нужно остерегаться таких книг и из любви к священному писанию избегать их. Они, говорит Исидор, извне блещут красноречием слов, а внутри остаются лишенными добродетели и мудрости. Слава для этих книг — это шелуха без ядра. Суждение Филиппа Меланхтона таково: „Чему вообще, кроме сомнения и самолюбия, учат философы, если даже кто-либо из них учит наилучшим образом? Марк Цицерон в сочинении

„О высшем благе и высшем зле“ весь смысл добродетели оценивает с точки зрения себялюбия и эгоизма. Сколько гордости и высокомерия у Платона! И весьма легко, мне кажется, может произойти, что этим тщеславием несколько заразится ум сам по себе высокий и сильный, если увлечется чтением Платона. Учение Аристотеля есть вообще некоторая страсть к спору, так что мы не устаиваем его даже последнего места среди писателей нравственной философии“ (Очерк богословия, отдел „О грехах“).

2.

О необходимости их для философии.

18. Говорят также: если они неправильно учат богословию, зато учат философии, которой нельзя почерпнуть из священной книги, данной для приобретения спасения.

Отвечаю: Источник премудрости — слово бога всевышнего (Сирах, 1, 5). Истинная философия есть не что иное, как истинное познание бога и дел его, которой ниоткуда нельзя научиться, как из уст божиих. Отсюда Августин, исчисляя хвалы священному писанию, между прочим говорит следующее: „Здесь есть философия, так как все причины всей природы находятся в боге творце. Здесь — этика, так как добрая и честная жизнь образуется только из того источника, когда любят то, что должно любить, и таким образом, каким должно любить, т. е. бога и ближнего. Здесь — логика, так как истина и свет разумной души есть только бог. Здесь также более похвальное благоденствие государства: ведь всего лучше охраняется государство только на основе и при связи веры и твердого согласия, когда любят общее благо, а это величайшее и самое истинное благо есть бог. И уже в этом веке некоторые доказали, что основы всех философских наук и искусств заключаются скорее в Писании, чем где-либо, так что нужно удивляться учительству святого духа, который, правда, прежде всего стремясь просвещать относительно невидимого и вечного, вместе с тем, однако, в различных местах делает откровения относительно основ естественного и искусственного и дает нормы всех мудрых мыслей и действий. Едва лишь тень всего этого можно найти у языческих философов. Итак, если верно кто-то из философов написал, что прекрасная мудрость Соломона заключалась в том, что он закон бога низвел в дома, в школы и в дворцы, то что мешает нам надеяться, что вернется к нам соломонова, т. е. истинная и небесная, мудрость, если мы внедрим юношеству, вместо языческих книг, закон бога, давая оттуда правила для всякого рода жизни? Итак, будем стремиться к тому, чтобы в руках у нас было все то, что может сделать нас мудрыми, даже той внеш-

ней и, так сказать, гражданской мудростью, которую мы называем „философией“. Ведь пусть было так, пусть были те несчастные времена, когда необходимо было сынам Израиля обращаться к филистимлянам, чтобы каждому нatchить свой сошник или свой заступ, или свою секиру, или свою косу, так как не было кузнеца в стране израильтян (1 кн. Царств. 13, 19, 20). Неужели в равной мере необходимо, чтобы сыны Израиля всегда так нуждались и были стеснены? Это положение ведет за собою, по крайней мере, ту невыгоду, что, как там филистимляне даставляли израильтянам заступы, но ни в коем случае не давали им против себя мечей, так от языческой философии мы могли бы, правда, заимствовать обычные силлогизмы, умозаключения и украшения речей, но ни в каком случае нельзя получить мечей и копий для искоренения нечестия и суеверий. Итак, пожелаем скорее времен Давида и Соломона, когда филистимляне повержены были в прах, а Израиль царствовал и наслаждался своими благами.

3.

А также из-за изящества
стиля.

Ответ 1.

19. Так пусть изучающие латинский язык по крайней мере, из-за стиля читают Теренция, Плавта и им подобных. Отвечаю: ужели мы наших детей будем водить по трактирам, харчевням, кабакам, распутным домам и тому подобным клоакам с той целью, чтобы они научились говорить? Ибо куда, скажите, ведут юношество Теренций, Плавт, Катулл, Овидий и др., как не по таким грязным местам? Ведь что они предлагают смотреть, кроме забавных зрелищ, шуток, пирушек, пьянства, нечистой любви, распутства, разнообразно задуманных обманов и тому подобного, от чего христианам нужно отвращать глаза и уши, даже если случайно это им встретится? Думаем ли мы, что мало испорчен человек сам по себе и поэтому ему извне нужно показывать всевозможные формы мерзостей и предлагать трут и мечи и, как бы нарочно, придуманным способом толкать его в пропасть? Ты скажешь: „Не все у этих авторов плохо“. Отвечаю: но плохое всегда пристает легче, поэтому посылать юношество туда, где плохое смешано с хорошим, — вещь, полная опасностей. Ведь те, кто покушается на чью-нибудь жизнь, не имеют обыкновения подавать яд один, да и не могут этого делать, но смешав с острыми вкусными кушаньями или напитками; однако яд проявляет свою силу и приносит гибель тому, кто его принял. Именно таким образом древний тот человек-убийца, желая кого-нибудь обольстить, считал необходимым подсластить свои адские отравы прелестями изобретательной, ластивой речи и вымысла. И мы, зная это, не уничтожим его нечестивого оружия? Ты скажешь: „Не все безразличны: Цицерон, Virgilий, Гораций и другие

благородны и серьезные". Отвечаю: однако и они слепые язычники, обращающие мысли своих читателей от истинного бога к богам и богиням (Юпитеру, Марсу, Нептуну, Венере, Фортуне) и другим своим, конечно, вымышленным, божествам. Однако бог сказал своему народу: „Имени других богов не упоминайте; да не слышится оно из уст ваших“ (Ис., 23, 13). Затем — какой там хаос суеверий, ложных мнений, мирских страстей, которые различным образом сталкиваются между собой! Они наполняют своих учеников совсем иным духом, чем дух Христа. Христос зовет из мира, они повергают в мир! Христос учит самоотречению, они — себялюбию; Христос призывает к смирению, они восхваляют гордость; Христос требует быть кроткими, они делают надменными; Христос требует голубиной простоты, те — тысячами способов внушают искусство мудрствования; Христос проповедует скромность, они — переполнены шутками; Христос любит верующих, они делают неверующими, спорщиками, непреклонными. Я заканчиваю немногими и притом апостольскими словами: „Что общего у света со тьмою? Какое согласие между Христом и Велиалом?“ (2 Коринф., 16, 14, 15). Верно также говорит Эразм (в своих „Сравнениях“): „Пчелы держатся вдали от цветов поблекших. Так не следует прикасаться к книге, которая заключает в себе дурные мысли“. И еще: „Как самое безопасное спать на трилистнике, так как утверждают, что в этой траве не скрываются змеи, так следует обращаться только к тем книгам, в которых мы не боимся никакого яда“.

Ответ 2.

20. А Впрочем, какое особое изящество имеют мирские писатели перед нашими, священными? Одни ли они понимают изящество речи? Совершеннейший мастер языка есть тот, кто насадил его, — дух божий, чьи слова слаще меда, острее обоюдоострого меча, более мощны, чем плавящий металлы огонь, более тяжки, чем сокрушающий скалы молот, — чьи слова были восприняты и проповеданы божиими святыми. Одни ли язычники повествуют о замечательных событиях? Наши книги полны более истинных и гораздо более удивительных рассказов. Одни ли они прибегают к тропам, фигурам, намекам, аллегориям, загадкам, метким изречениям? Это в совершенстве есть и у нас. Только большой может вообразить, что дамасские реки Абана и Фарфар лучше Иордана и вод Израиля (4 Царств., 5, 12). Только подслеповатый считает, что Олимп, Геликон, Парнас представляют более прекрасные зрелища, чем Синай, Сион, Гермон, Фавор, Масличная гора. Тупы те уши, которым лира Орфея, Гомера, Виргилия звучит приятнее, чем гусли Давида. Испорчен тот вкус, для которого вымышленные нектар и амброзия и источники Касталь-

ские более вкусны, чем истинная небесная манна и источники Израиля. Превратно то сердце, которому большее удовольствие доставляют имена богов и богинь, муз и харит, чем почитаемое имя Иеговы, воинств Христа Спасителя и различных даров святого духа. Слепа та надежда, которая распространяется скорее по полям Элизия, чем по райским садам. Ведь там все — басни, тени истины, а здесь все — действительность, сама истина.

Ответ 3.

21. Но, допустим, пусть и у них также будут изящные обороты, которые можно перенести к нам, прекрасные выражения, пословицы, нравственные сентенции, неужели, однако, из-за этих украшений речи туда нужно посылать наших детей? Разве нельзя взять у египтян имущество и лишить их украшения? Вполне возможно и даже следует, по слову господа (Исход., 3, 22). Ведь все имущество язычников по праву принадлежит церкви. Итак, необходимо, говоришь ты, нам заниматься этим, чтобы похитить. Отвечаю: Манассия и Ефрем, намереваясь для Израиля занять землю язычников, пошли вооруженные, одни мужчины, оставив дома в безопасном месте толпу детей и толпу безоружных (Иис. Навин, I. III). То же сделали мы, взяв на себя задачу обезоружить языческих писателей, мы, мужи уже крепкие и сильные наукой, разумом, христианским благочестием, и не будем подвергать тем опасностям юношество. Ведь что будет, если они перебьют нашу молодежь, или переранят, или возьмут в плен? Увы! Налицо есть достаточно печальных примеров, сколь многих философия языческой толпы отторгла от Христа и низвергла в атеизм. Итак, было бы самым безопасным посылать вперед вооруженных, которые бы у этих, свыше преданных проклятию, силою взяли все — золото и серебро и все их драгоценности и разделили бы среди наследников господа. Да воздвигнет бог героические умы, которые бы все цветы изящества, собранные в этих обширных пустынях, с любовью рассеяли по полям христианской философии, чтобы в ней не было недостатка ни в чем.

Ответ 4.

22. Если бы, однако, кого-либо из языческих писателей нужно было допускать, то пусть это будут Сенека, Эпиктет, Платон и тому подобные наставники в добродетелях и нравственности, у которых можно отметить меньше заблуждений и суеверий. Таков был совет великого Эразма, который убежден в том, что христианскую молодежь следует воспитывать на самом священном писании, и, наконец, он прибавлял: „Если следовало бы останавливаться на мирских книгах, то я хотел бы, чтобы это были те книги, которые родственны священным книгам“ (Эразм в „Сокращенном богословии“). Но и к ним правильно было бы допускать юношество толь-

ко после укрепления его в духе христианства. И притом эти книги сперва должны быть исправлены в том смысле, чтобы имена богов и все то, что отзывается суеверием, было бы устранено. Ведь под тем условием дозволил бог брать в жены девиц языческих, если им остригут голову и обрежут ногти (Второз., 21, 12). Итак, чтобы нас поняли правильно, мы не совершенно воспрещаем христианам мирские книги, зная божественное преимущество, которым Христос одарил своих верующих (заметь: уже верующих) без вреда для себя даже брать в руки змей и принимать яд (Марк, 16, 18). Но мы хотим предостеречь, умоляем и заклинаем, чтобы, при слабой еще вере, сыновья божии не были брошены в жертву этим змеям и вследствие безрассудного доверия не было дано им случая отравляться ядом. Дух Христов говорит, что сыновей божиих надлежит питать чистым молоком слова божия (1 Петр., 2, 3), (Тим., 3, 15).

Возражение четвертое о трудности священного писания для первого возраста.

другие книжки, пока не разовьется рассудок.

Ответ 1.

23. Но при этом те, кто неосмотрительно защищают дело сатаны против Христа, говорят, что книги священного писания для юношества слишком трудны и что поэтому сперва нужно дать в руки Что это речь тех, кто заблуждается, не зная ни Писания, ни слова божия, это я докажу трояким способом. Прежде всего известен рассказ о славном некогда музыканте Тимофее, что у него было в обычае всякий раз, как он принимал нового ученика, спрашивать, начинал ли он уже учиться у другого учителя. Если кто отрицал это, он принимал его за умеренную плату; но если кто отвечал утвердительно, он плату удваивал, выставляя причиной то, что при обучении его у него будет двойной труд: один труд, когда он будет отучать его от того, чему он научился плохо, а другой труд, когда он будет учить его настоящему искусству. Итак, неужели мы, имея для всего человеческого рода возвышенного учителя и наставника Иисуса Христа, кроме которого нам искать другого воспрещено (Матф., 17, 5 и 25), который сказал: „Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им“ (Матф., 10, 14) — все-таки, против его воли, будем водить детей к другим учителям? Не боимся ли мы того, что у Христа будет слишком мало работы, когда он слишком легко будет прививать им свои нравы, и поэтому сначала мы будем таскать их здесь и там по чужим мастерским и, как я сказал, по трактирам, харчевням и всевозможным грязным местам и, наконец-то, испорченных и зараженных представим Христу, чтобы он преобразовал их для себя? Но о ком же заботятся менее, чем об этом несчастном и самом по себе невинном в этом отношении

юношестве? Ведь или ему будет необходимо в течение всей жизни вести борьбу, отвыкая от того, к чему оно привыкало в первой молодости, или просто оно будет отвергнуто Христом и будет брошено сатане для дальнейшего наставления. Ведь разве не становится предметом отвращения для бога то, что посвящено Молоху. Это ужасно, однако слишком верно. Именем милосердия божия умоляю: пусть, по крайней мере, теперь христианские власти и главы церквей серьезно позаботятся о том, чтобы не позволялось приносить далее в жертву Молоху христианское юношество, рожденное для Христа и освященное крещением.

Ответ 2.

24. Ложно то, что провозглашают, будто священное писание слишком возвышенно и выше понимания детского возраста. Разве бог не понимал, как приспособлено слово его к нашему уму (Второз., 31, 11, 12, 13), разве не свидетельствует Давид, что закон божий умудряет малых (именно малых) (Псалт., 19, 8).? Разве не говорит апостол Петр, что слово божие есть молоко возрожденных детей божиих, данное за тем, чтобы через него они возрастали и укреплялись (1 Петр., 2, 2)? Вот молоко божие нежнейшее, сладчайшее и самое здоровое, пища для только что рожденных детей божиих — слово божие. Зачем нужно противоборствовать богу, когда скорее языческая наука есть пища грубая, которая требует хороших зубов и постоянно даже их надламывает. Таким образом, святой дух устами Давида приглашает в свою школу детей: „Приидите, дети, послушайте меня: страху господню научу вас“ (Псалт., 34).

Ответ 3.

25. Признаем, наконец, что есть в Писании места глубокие, но такие, в которых тонут слоны, и плавают ягнята, как изящно сказал Августин, когда желал отметить разницу между мудрецами мира, надменно набрасывающимися на Писание, и малыми во Христе, смиренно и послушно подходящими к нему. И зачем нужно немедленно устремляться в открытое море? Можно идти постепенно. Прежде нужно обходить берега катехизического учения, затем следует идти по неглубоким местам, изучая священные истории, моральные сентенции и тому подобное; это не должно превышать понимания, но должно поднимать к более высокому, к тому, что следует. Наконец-то они станут способными справляться с тайнами веры. Таким образом, с детства предаваемые изучению священного писания, они легче сохраняются от развращений света и умудряются во спасение верою во Христа Иисуса (2 Тим., 3, 15). Ведь невозможно, чтобы того, кто предает себя богу и, сидя у ног Христа, внимательно слушает сходящую свыше мудрость, не влиял дух

благодати, возжигая свет истинного знания и в ярком свете показывая пути спасения.

Обратное возра- 26. Я не буду говорить уже о том, что-
жение. те авторы, которых навязывают христиан-
скому юношеству вместо библии (Те-
ренций, Цицерон, Вергилий), таковы, каким на-
зывают священное писание, а именно — они трудны и менее
понятны для юношества. Ведь они написаны не для детей,
а для людей со зрелым суждением, возвращающихся на сцену
и на форум. Следовательно другим они не приносят поль-
зы, за что говорит само дело. Несомненно, кто-нибудь,
сделавшись взрослым мужчиной и занимаясь соответствующи-
ми делами, из одного чтения Цицерона извлечет
больше, чем если бы мальчиком выучил наизусть всего
Цицерона. Итак, почему не отодвинуть изучение этих
авторов на свое время для тех, кто ими интересуется, если
такой интерес есть? Но гораздо большего внимания за-
служивает то, что мы уже сказали, а именно, что в хри-
стианских школах нужно воспитывать граждан для неба, а
не для мира; поэтому им нужно давать таких учителей,
которые бы внушали скорее небесное, чем земное, скорее
священное, чем мирское.

Заключение. Итак, закончим словами ангела: „Не
может дело человеческого созидания су-
ществовать там, где начинается показываться город всевыш-
него“ (4 Эздры, 10, 54).

Так как бог повелевает нам быть деревьями правды и
насаждением господина во славу его (Ис., 61, 3), то не подо-
бают, чтобы наши дети были молодыми деревьями насаж-
дения Аристотеля или Платона, или Плавта, или
Туллия и пр. Впрочем, уже произнесен приговор: „Вся-
кое растение, которое не отец мой небесный насадил, иско-
ренился“ (Матф., 15, 13). Трепещи всякий, кто не пере-
стает мудрствовать и восставать против познания бога
(2 Коринф., 10, 5).

ГЛАВА XXVI. ✱

О школьной дисциплине.

Дисциплина в
школах необхо-
дима.

1. Употребительное в народной чеш-
ской пословице выражение: „Школа без
дисциплины есть мельница без воды“ —
совершенно правильно. Как мельница тот-
час останавливается, если отвести от нее воду, так по
необходимости все разваливается в школе, если у нее
отнять дисциплину. Если поля не полоть, то тотчас выра-

стают гибельные для посева плевелы. Если деревья не под-
резаются, то они дичают и дают бесполезные побеги. *Но
из этого не следует, что школа должна оглашаться
криками, ударами, побоями; в ней должны господство-
вать бодрость и внимание как у учащихся, так и у уча-
щихся.* Ведь что такое дисциплина, если не тот метод,
благодаря которому ученики становятся действительно уче-
никами.

Три требования
для поддержания
дисциплины.

своим проявлять строгость.

1. Цель дисцип-
лины.

3. Прежде всего в согласии с общим
мнением я полагаю, что дисциплину нужно
применять по отношению к тем, кто ее
нарушает. Однако не потому, что кто-нибудь провинился
(ведь бывшее никак не может стать не бывшим), но с
тем, чтобы провинившийся впоследствии не делал про-
ступков. Применять дисциплину нужно без возбуждения,
без гнева, без ненависти, но с такой простотой и искренно-
стью, чтобы сам подвергающийся наказанию понимал, что
наказание назначается ему для его собственного блага и
вытекает из отеческого участия к нему со стороны руко-
водителей. Поэтому он должен относиться к наказанию
только как к прописанному доктором горькому питью.

2. По какому
поводу нужно
применять нака-
зания. Во всяком
случае не из-за
ученья.

4. За поведение нужно наказывать
строже, чем за научные занятия. Ведь
если ученье поставлено правильно (как
мы уже сказали) то оно само по себе
привлекательно для умов и своею зани-
мательностью притягивает к себе всех
(за исключением разве каких-либо уродов среди людей).
Если иногда бывает не так, то вина за это падает не на
учащихся, а на учащихся. Если же мы не владем способами
искусно привлекать умы, то напрасно, конечно, будем
в таком случае применять силу. Удары и побои не имеют
никакого значения для возбуждения в умах любви к наукам.
Несомненно, они вызывают в душе отвращение к наукам
и враждебное отношение к ним. Поэтому, когда замечается
болезненное состояние духа, с отвращением относяще-
гося к изучению, его нужно искоренять соответствующей
духовной пищей и тотчас прописываемыми мягкими сред-
ствами, а не обострять суровыми лекарствами. Подтверж-
дение этой мудрости дает нам само небесное солнце.
Ранней весной оно не сразу распространяется на молодые
и нежные растения и не сразу сушит и жжет их своим
теплом, но постепенно, незаметно согревая их, заставляет

расти и укрепляться и, наконец, изливает всю свою силу на растения, уже выросшие и готовые дать зрелые семена и плоды. Подобное же искусство проявляет садовник, обращаясь более мягко и более бережно с молодыми, нежными растениями, не пуская в ход пил, ножей, серпов, так как они (растения) еще не в состоянии вынести раны. И музыкант не бьет кулаком или палкой по струнам или не ударяет инструмент об стену, если струны лиры, цитры или арфы дают диссонансы, а терпеливо настраивает их, применяя все свое искусство до тех пор, пока не приведет струн к гармонии. Так же должны мы применяться к свойствам ума, приводя умы к гармонии и любви к наукам, если мы не желаем из ленивых сделать упрямых, а из вялых — совершенных глупцов.

Как поощрять к занятиям?

5. Если, однако, когда-либо окажется нужда подстрекнуть и прищипорить, то это может быть лучше достигнуто другими способами, а не побоями: иногда выговором и общественным порицанием, иногда похвалой других. „Вот тот или другой исключительно внимателен, как верно все понимает. А ты сидишь безучастным!“ Иногда можно поощрить шуткой: „Эх ты, простофиля, не понимаешь такой легкой вещи! Ты занят чем-то другим!“ Можно также устраивать недельные или, по крайней мере, месячные состязания на первенство по месту или на отличие, как об этом мы сказали в другом месте. Нужно лишь следить за тем, чтобы это не обратилось только в шутку или забаву и таким образом не потеряло своего значения, но чтобы любовь к похвале и страх порицания и понижения (в разрядных енисках) всегда поощряли прилежание. Поэтому очень важно, чтобы при этом присутствовал и учитель и чтобы дело велось без внешнего блеска, но серьезно, чтобы уличенные в небрежности порицались и чувствовали смущение, а более прилежные публично получали похвалу.

Порицать нужно за плохое поведение.

6. Более суровое и строгое наказание должно применять только по отношению к тем, кто грешит против поведения: 1) за какое бы то ни было проявление безбожия, как богохульство, за безнравственность и вообще за все, что явно направлено против божественного закона; 2) за упорное неповиновение и умышленную злость, если кто с пренебрежением относится к распоряжениям учителя или кого-либо другого из начальствующих лиц, сознательно и умышленно не делает того, что нужно делать; 3) за высокомерие и тщеславие, а также за недоброжелательство и лень, вследствие которых кто-либо отказывается помочь в ученье товарищу, который об этом попросил.

И почему это?

7. Проступки первого рода оскорбляют величие божие, а второго рода — подрывают основу всех добродетелей (смирение и послушание); проступки третьего рода препятствуют быстрым успехам в науках. То, что допускается против бога, есть мерзость, достойная самого сурового наказания; если кто-либо совершает что-либо против людей и самого себя — несправедливость, которую нужно исправить строгим выговором; то, в чем погрешают против Присциана,¹ есть позор, который нужно исправить с помощью порицания. Словом, дисциплина должна стремиться к тому, чтобы во всех и всеми средствами возбуждать и укреплять — постоянным навыком и упражнением — благоговение к богу, предупредительность по отношению к ближнему, бодрость по отношению к труду и выполнению жизненных задач.

3. Форма дисциплины. заимствованная от небесного солнца.

8. Лучший образец дисциплины показывает небесное солнце, которое всему растущему дает: 1) постоянно свет и тепло, 2) часто дождь и ветры, 3) редко молнии и грозы, хотя и это также на пользу всему растущему.

Как нужно применять ее.

9. Подражая солнцу, руководитель школы будет стараться удерживать юношество в должных рамках

1) *Постоянными примерами*, являясь сам живым образцом во всем, чему нужно научить. Без этого все остальное будет напрасно;

2) *Наставлениями, увещаниями, иногда и выговорами*. Однако учит ли он, напоминает ли, приказывает ли, порицает ли, он должен прилагать величайшее старание к тому, чтобы было ясно, что все это проникнуто отеческим чувством и стремлением всех научить и никого не обидеть. Если ученик не заметил такого чувства и не убежден в этом вполне, то он будет относиться к дисциплине с пренебрежением и легко настраиваться против нас.

3) Если, наконец, у кого-либо настолько несчастный характер, что эти сравнительно легкие меры являются недостаточными, нужно прибегнуть к более сильным средствам и не оставлять неиспробованными никаких средств, прежде чем признать кого-либо совершенно непригодным и безнадежным для воспитания. Быть может, о некоторых еще и теперь будет верным известное выражение, которое гласит: „Фригийца исправляют только побои“. Во всяком случае, такого рода сильное наказание будет полезно, если не самому наказанному, то, по крайней мере, другим, наводя на них страх.

¹ См. примечание на стр. 243.

Предостережение. Нужно только остерегаться прибегать к этим крайним мерам по всякой причине и часто, чтобы запас исключительных мер не оказался истощенным раньше, чем их применения потребуют исключительные случаи.

Сущность сказанного. 10. Сущность сказанного и того, что следует сказать, сводится к одному: задача дисциплины заключается в том, чтобы у тех, кого мы воспитываем для бога и церкви, вызывать и, согревая, постоянно укреплять то смешанное состояние чувств, подобного которому бог требует от своих детей, вверенных воспитанию Христа — чтобы радовались они с трепетом (Псалт., 11, 10) и, совершая свое спасение со страхом и трепетом (Филипп., II, 12), радовались всегда в господe (Филипп., IV, 4), т. е., чтобы ученики могли и умели всегда любить и уважать своих воспитателей и не только охотно позволяли бы себя вести, куда подобает, но и сами, сверх того, настойчиво бы к тому же стремились. *Это смешанное настроение может быть достигнуто только уже указанным нами способом: хорошим примером, ласковыми словами и постоянно искренним и открытым расположением.* Блеск молнии и грозные раскаты грома допускаются только иногда, в исключительных случаях, и даже здесь с таким намерением, чтобы строгость, опять-таки, поскольку возможно, обращалась в любовь.

Подходящее сравнение. 11. Ибо где и когда это видно (да будет позволено еще раз разъяснить это примером), чтобы золотых дел мастер только одними ударами молотка мог сделать изящные фигуры? Нигде и никогда. Они лучше отливаются, чем чеканятся. А если окажется что-либо излишнее или ненужное, то искусный мастер не ударяет грубо молотом, но отбивает тихонько молоточком или отпиливает пилой, или срезает щипцами, но все это делает осторожно, а под конец еще всегда отполирует и отшлифует сделанную вещь. А мы полагаем, что образ бога живого — разумное творение, можно образовать неразумным порывом!

Другое сравнение. 12. Ведь и рыбак, собираясь ловить рыбу в более глубоких водах сетью больших размеров, не только привешивает к сети свинец, который бы погрузил ее и заставил тащиться по дну, но и привязывает с противоположной стороны легкие поплавки, которые бы поднимали другой конец сети на поверхность воды. Равным образом тот, кто решил заняться воспитанием в юношестве добродетелей, с одной стороны, конечно, должен будет строгостью склонить юношество к страху и смиренному повиновению, а с другой стороны, ласкою поднять до любви и радостной бодрости.

Счастливы художники, которые могут вызвать это смешанное настроение. Счастливо юношество при подобного рода руководителей.

13. Сюда относится суждение великого мужа, д-ра богословия Эйльгарда Любина. Рассуждая об исправлении школ в предисловии к Новому Завету, изданному на греческом, латинском и немецком языках, он высказал следующее суждение:

„...Второе — это то, чтобы все, что преподается юношам соответственно их развитию, требовало от них ничего не делать против воли и по принуждению, а наоборот, насколько это возможно, все делать добровольно и самостоятельно с некоторого рода увлечением. Отсюда я решительно настаиваю на том, что розги и побои, эти рабские и совершенно недостойные свободных людей средства, не должны применяться в школах и подлежат совершенному из них удалению. Их следует применять только к невольникам и негодным людям рабского духа. Такие весьма скоро проявляют себя в школах своим поведением и быстро должны быть удаляемы из школ не только вследствие своей тупости и неспособности, большей частью свойственной рабским характерам, но также и вследствие испорченности, которая в большинстве случаев соединена с ней. А если еще им дать на помощь науки и искусства, то в руках безумных людей они обратятся лишь в орудия испорченности и станут мечами, которыми они будут истреблять и себя и других. Но есть и другие виды наказаний, которые и нужно применять по отношению к свободным и благородным юношам“.

ГЛАВА XXVII.

О четырехступенном устройстве школ в соответствии с возрастом и успехами учащихся.

Сыны света должны подражать мудрости сынов века.

1. Ремесленники назначают своим ученикам определенный срок обучения (двухлетний, трехлетний и т. д., даже до семилетнего, в зависимости от тонкости или сложности ремесла). Обучение обязательно должно быть закончено в пределах этого срока. Каждый изучивший все то, что относится к его искусству, должен сделаться из ученика подмастерьем своего искусства, а затем через известное время — и мастером. То же самое должно иметь место и в школьной науке: для искусств, наук и языков следует тоже назначить свои сроки; здесь в пределах известного числа лет должен быть закончен весь

круг образования, и из этих мастерских человечества должны выйти люди подлинно образованные, совершенно нравственные и истинно благочестивые.

Полное образование требует посвятить ему весь период юности человека до 24 лет.

2. Чтобы достигнуть этой цели, мы берем для развития духовных сил все время юности (так как здесь приходится изучать не одно искусство, а весь комплекс свободных искусств со всеми науками и несколькими языками), начиная с раннего детства до возмужалости, именно первые 24 года жизни, которые должны быть разделены на определенные периоды по указанию самой природы. Ведь опыт показывает, что человеческое тело растет приблизительно до 25-го года жизни и не больше, а затем укрепляется в силе. Надо верить, что этот медленный рост (ибо дикие звери, имеющие тела гораздо большие, достигают своего полного развития в течение всего нескольких месяцев или самое большее в течение одного-двух лет) божественное провидение предназначило для человеческой природы затем, чтобы у человека вообще было больше времени для подготовки к задачам его жизни.

Это время нужно разделить на четыре школы.

3. Итак, эти годы восходящего возраста мы разделим на четыре определенных периода: детство, отрочество, юность, зрелость. Каждому возрасту нужно назначить одно шестилетие и соответствующую школу, так, чтобы

I. Для детства 0-6	} было школой	} материнское попечение, школа элементарная, или, народная школа родного языка, латинская школа или гимназия, академия и путешествия.
II. Для отрочества 6-12		
III. Для юношества 12-18		
IV. Для зрелости 18-24		

В частности, материнская школа должна быть в каждом доме; школа родного языка — в каждой общине, в каждом селе и в каждом местечке; гимназия — в каждом городе; академия — в каждом государстве, или даже в каждой более значительной провинции.

Задачи и содержание школьного преподавания должны отличаться не материалом, а формой.

4. При всем различии этих школ, мы, однако, желаем, чтобы в них преподавали не различный материал, а один и тот же, только различным образом, т. е. все то, что может сделать людей истинными людьми, христиан — истинными христианами, ученых — истинными учеными, только поднимаясь каждой ступенью выше в соответствии

с возрастом и предшествующей подготовкой. По законам нашего естественного метода нельзя отрывать одни учебные предметы от других, а нужно преподавать их все вместе, подобно тому как дерево всегда растет в целом, соответственно во всех своих частях, равномерно в этом, как и в следующем году, пока только оно будет стоять, хотя бы в течение ста лет.

Различие школ по форме упражнений:

1. Так как иначе преподают здесь, иначе там.

5. Однако разница между школами будет троякая. Во-первых, в первых двух школах все будет преподаваться в более общих и элементарных чертах, а в последующих — все более подробно и отчетливо, точно так же, как дерево с каждым новым годом пускает все большее число корней и ветвей, все более крепнет и приносит больше плодов.

2. Так как здесь занимаются более одним, а там — другим.

6. Во-вторых, в первой, материнской, школе будут упражняться преимущественно внешние чувства, с тем чтобы дети приучались обращаться правильно с окружающими их предметами и распознавать их; в школе родного языка будут упражняться больше внутренние чувства, сила воображения и память с их исполнительными органами — рукой и языком — путем чтения, письма, рисования, пения, счета, измерения, взвешивания, запоминания различного материала и пр.; в гимназии будет развиваться понимание и суждение обо всем собранном ощущениями материале при помощи диалектики, грамматики и остальных реальных наук и искусств, изучаемых посредством вопросов: что? почему? Наконец, академия будет развивать преимущественно то, что относится к области воли, именно: способности, которые научат сохранять гармонию (а расстроенное приводит к гармонии). Относительно души это дает богословие, относительно ума — философия, относительно жизненных функций тела — медицина, относительно внешнего блага и состояния — юриспруденция.

Основания для этой градации.

7. И это верный метод успешно развивать умы. Сперва усваивать самые вещи с помощью внешних чувств, на которые те непосредственно воздействуют. Затем в свою очередь возбужденные внутренние чувства обучаются выражать и представлять отображения вещей, воспринятых внешними чувствами как через припоминание, так и при помощи руки и языка. Когда же это подготовлено, пусть вступает в дело ум и тщательным размышлением все сравнивает и взвешивает для основательного изучения взаимного отношения всех вещей; это разовьет истинное понимание вещей и суждение о них. Наконец, пусть приучится

во всем законно проявлять свою власть воля (которая является центром и руководительницей всех действий человека). Желать образовывать волю ранее понимания вещей (как и познание ранее воображения и воображение ранее чувственных восприятий) — это значит напрасно терять труд. Однако так поступают те, кто обучает детей логике, поэзии, риторике, этике ранее познания реального и чувственного мира. Они поступают таким же образом, как если бы кто-либо желал обучать танцам двухлетнего ребенка, едва пытающегося ходить на дрожащих ногах. Мы решили везде идти вслед за природой, и как она выявляет свои силы одни за другими, так и мы должны следить за последовательным порядком развития умственных способностей.

3. Одни будут упражняться здесь, а другие там.

8. *Третье различие будет состоять в том, что в низших школах — материнской и школе родного языка, — будет получать образование все юношество обоего пола; в латинской — преимущественно те юноши, у которых стремления выше, чем быть ремесленниками, а из академии будут выходить ученые и будущие руководители других,* так чтобы у церкви, школы и общественных учреждений никогда не было недостатка в соответствующих руководителях.

Эти четыре рода школ соответствую:

1. Четырем временам года.

9. Эти четыре рода школ не без основания можно было бы сравнить с четырьмя временами года. Материнская школа представляет собой прекрасную весну, украшенную почками и цветами различных ароматов. Школа родного языка представляет собой лето с его спелыми колосьями и некоторыми ранними плодами. Гимназия соответствует осени, собирающей богатые плоды с полей, садов и виноградников и складывающей это в сокровищницу ума. Академия, наконец, — это зима, дающая собранным плодам различные назначения, чтобы можно было на что жить во все остальное время жизни.

2. Деревьям, растущим четырьмя студениями.

10. Можно было бы также такой метод тщательного воспитания юношества сравнить с культурой садов. Шестилетние дети, прекрасно воспитанные благодаря заботе отцов и нянек, могли бы походить на молодые деревца, тщательно посаженные, хорошо укоренившиеся и начинающие пускать веточки. Дети двенадцати лет похожи на деревца, уже покрытые ветвями и пускающие почки; что в них заключается, конечно, еще недостаточно ясно, но скоро станет ясным. Юноши восемнадцати лет, уже владеющие знанием языков и искусств, подобны дереву, со всех сторон усеянному цветами, представляющему приятное зрелище для глаз и приятный аромат для обоня-

ния, а для вкуса обещающему верные плоды. Наконец, молодые люди двадцати четырех или двадцати пяти лет, которые уже вполне прошли академические науки, представляют собой дерево, отовсюду покрытое плодами такой зрелости, когда следует уже срывать их и собирать для различных целей.

Однако это следует изложить подробнее.

ГЛАВА XXVIII.

Очерк (идея) материнской школы.

Первостепенное должно быть изучено сперва.

1. В первые же годы дерево тотчас же выпускает из своего ствола все главные ветви, которые оно будет иметь и которым впоследствии придется только разрастаться. Следовательно, таким же образом, чему бы мы ни хотели научить человека на его пользу в течение всей жизни, — все это должно быть преподано ему в этой первой школе. Что это осуществимо, ясно будет из нашего беглого просмотра всего того, что подлежит изучению. Укажем на это кратко, сводя все к двадцати главным отделам.

Перечень знаний, подлежащих усвоению:

I. 2. *Метафизика* (так называемая) в общих чертах первоначально усваивается здесь, так как дети сначала воспринимают все в общих и неясных очертаниях, замечая, что все, что они видят, слышат, вкушают, осязают, — все это существует, но не различая, что это такое в частности, и лишь потом постепенно в этом разбираясь. Следовательно, они уже начинают понимать общие термины: нечто, ничто, есть, нет, так, не так, где, когда, похоже, непохоже и т. п., что в общем и является основой метафизики.

II. 3. В *естествознании* (*физике*) в это первое шестилетие можно довести ребенка до того, чтобы он знал, что такое вода, земля, воздух, огонь, дождь, снег, лед, камень, железо, дерево, трава, птица, рыба, бык и пр. Он должен знать также названия и употребление, по крайней мере, внешних членов своего тела. В данном возрасте это усваивается легко и полагает начало естествознанию.

III. 4. Начала *оптики* ребенок получает благодаря тому, что начинает различать и называть свет и тьму, тень и различия основных цветов: белого, черного, красного и пр.

IV. 5. Начала *астрономии* состоят в том, чтобы знать, что называют небом, солнцем, луною, звездами, и замечать, что они каждый день восходят и заходят.

V. 6. Первые начала *географии* состоят в том, что дети, сообразно с характером местности, где они воспитываются, учатся понимать, что такое гора, долина, поле, река, селение, замок, город.

VI. 7. Основы *хронологии* закладываются в том случае, если ребенок понимает, что называется часом, днем, неделей, годом, равным образом что такое лето, зима и пр. и — вчера, позавчера, завтра, послезавтра и пр.

VII. 8. Начала *истории* состоят в том, чтобы ребенок мог припоминать и рассказывать, что произошло недавно, как тот или другой в том или другом деле действовал, — ничего, если это будет хотя бы только по-детски.

VIII. 9. Корни *арифметики* закладываются благодаря тому, что ребенок понимает, когда говорится мало и много, умеет считать, хотя бы до десяти, и сделать наблюдение, что три больше, чем два, и что единица, прибавленная к трем, дает четыре и пр.

IX. 10. Дети будут иметь элементы *геометрии*, если поймут, что мы называем большим и малым, длинным и коротким, широким и узким, толстым и тонким; а также — что мы называем линией, крестом, кругом и пр., и видят, что то или другое измеряется пядью, локтем, саженью и пр.

X. 11. Также первоначальные основы *статики* получатся в том случае, если дети заметят, что вещи взвешиваются на весах, и научатся сами кое-что взвешивать на руке, чтобы определить, тяжело это или легко.

XI. 12. Первоначальный опыт в *механическом труде* дети получают в том случае, если им позволить, мало того обучать их, всегда что-либо делать, например: переносить вещи туда и сюда, приводить их так или иначе в порядок, строить что-либо и разрушать, связывать и пр. — все это детям приятно делать в этом возрасте. Так как это не что иное, как стремление даровитой природы к искусственному воспроизведению вещей, то не только не следует препятствовать таким занятиям, но необходимо поддерживать их и разумно руководить ими.

XII. 13. *Диалектическое искусство* проявляется уже в этом возрасте и пускает свои ростки, когда ребенок, замечая, что разговор ведется путем вопросов и ответов, и сам также приучается кое о чем спрашивать и отвечать на вопросы. Следует только приучить детей ставить подходящие вопросы, а на вопросы отвечать прямо, чтобы они приучались твердо

держат мысль в пределах предложенной темы, а не отклоняться в сторону.

XIII.

14. Детская *грамматика* будет состоять в том, чтобы правильно говорить на родном языке, т. е. отчетливо произносить буквы, слоги, слова.

XIV.

15. Начало *риторики* будет положено в том случае, если дети станут подражать тем тропам и фигурам, которые встречаются в домашней речи. Но особенно надо обратить внимание на соответствующую характеру речи жестикуляцию в связи с произношением, а именно, при вопросе повышать последние слоги, а при ответе понижать и т. п., чему учит, обыкновенно, сама природа, а если что-либо будет неправильно, то легко может быть исправлено разумным указанием.

XV.

16. С *поэзией* дети познакомятся, заучивая в этом раннем возрасте как можно большее количество маленьких стихотворений, преимущественно морального содержания, ритмических или метрических, обычно употребляемых в отечественном языке.

XVI.

17. Начала *музыки* будут состоять в том, чтобы научить петь некоторые, более легкие, места из псалмов и священных гимнов, что будет иметь место в процессе ежедневных молитвенных упражнений.

XVII.

18. Начальные познания в *хозяйстве* будут заключаться в том, что дети запомнят названия лиц, из которых состоит семья: кто называется отцом, матерью, служанкой, слугой, наемным работником и т. д., а также — имена частей дома: сеней, кухни, спальни, стойла и домашних предметов: стола, блюда, ножа, щетки, вместе с их употреблением.

XVIII.

19. Меньшим может быть предварительное ознакомление с *политикой*, так как представления в этом нежном возрасте едва ли простираются за пределы своего дома. Однако и это возможно, если дети заметят, что некоторые граждане города собираются в думе и называются членами совета, а из них кто-либо в частности называется городским головой, другой — городским судьей, третий — нотариусом и пр.

XIX.

20. Учение о *нравственности (этика)* должно будет здесь получить в особенности твердое основание, если мы хотим, чтобы добродетели, так сказать, срослись бы с хорошо воспитанным юношеством.

Например:

1) *Умеренность*, состоящая в соблюдении меры в еде и в пище и в том, чтобы ничего не позволять себе сверх необходимого для утоления голода и жажды.

2) *Опрятность* при еде, в одежде и бережное обращение с куклами и игрушками.

3) Подобающее почтение к старшим.

4) Всегда скорое и охотное повиновение приказаниям и запрещением.

5) Неуклонная *правдивость* во всех словах, так чтобы никогда не позволялось лгать или обманывать — ни в шутку, ни серьезно (так как дурная шутка может в конце концов перейти в нехороший поступок).

6) *Справедливости* дети будут учиться, не присваивая ничего чужого, не унося, не удерживая, не скрывая чего-либо против воли владельца, ни в чем никому не делая зла, ни в чем не завидуя и пр.

7) Пусть дети как можно скорее приучаются к *любви*, чтоб быть готовыми жертвовать из своего имущества всякий раз, как кто-либо будет просить их в нужде; мало того — чтобы они помогали и по собственному побуждению. Ведь это есть та самая подлинная христианская добродетель, которая ранее всех нам заповедана духом Христа: возпламенение ее в сердцах людей, особенно в современном, совершенно холодном, стареющем мире, будет служить на благо церкви.

8) Следует также приучать маленьких детей к *постоянным трудам и постоянным занятиям*, все равно будет ли то серьезное дело, или игра, лишь бы дети не выносили безделья.

9) Пусть приучатся не болтать постоянно и не выбалтывать всего, что попадется на язык, а *разумно молчать*, когда того требует дело, когда говорят другие, когда присутствует кто-либо из почтенных лиц, когда самое дело требует молчания.

10) Но особенно нужно приучать детей в этом первом возрасте к *терпению*, которое будет необходимо в течение всей жизни, чтобы они научились владеть собой, руководствоваться разумом, а не порывами; прежде чем страсти бурно прорвутся и пустят корни, лучше подавлять гнев, чем давать ему волю и пр.

11) *Услужливость и готовность служить другим* есть лучшее украшение юности, и даже всей жизни. Поэтому к ней следует приучать детей уже в эти первые шесть лет, чтобы они не упускали случая быть налицо там, где только представляется возможность быть полезным в каком-либо деле другим людям.

12) Однако сюда нужно присоединить *вежливость*, чтобы ничего не делать неуместно и бессмысленно, а во всем поступать с приличной скромностью. Сюда относятся формы общественного обращения, приветствия, ответы на них, скромные просьбы, если в чем-либо нуждаешься,

благодарность за оказанную услугу с приличными поклонами и целованием руки и т. п.

21. Наконец, в изучении религии и благочестия можно шестилетних детей довести до того, чтобы они заучивали наизусть главы катехизиса, основы своего вероисповедания и, насколько позволяет возраст, начинали понимать его и применять на деле. Именно они должны привыкнуть к тому, чтобы, охваченные восприятием божества, они чувствовали везде присутствие бога, боялись его как справедливейшего мздовоздаятеля за зло, не допуская ничего дурного, а с другой стороны, они должны любить его, милостивейшего воздаятеля, за добро, поклоняться ему, призывать и хвалить его, и, ожидая от него милосердия и в жизни и по смерти, не упускать делать ничего доброго, что, как они замечают, угодно ему, и таким образом жить точно пред очами бога и (как говорит Писание) ходить перед богом.

Польза такого воспитания в детстве

человеков (Лука, II, 52).

Почему нельзя сделать никаких более подробных указаний.

23. Таковы цели и задачи материнской школы. Объяснить это подробнее или показать с помощью таблиц, что и в каком объеме можно выполнить в отдельные годы, месяцы и дни (как это мы советуем делать в школе), как это можно сделать в последующих школах (родного языка и в латинской школе), нельзя по двум причинам. Во-первых потому, что среди домашних хлопот родителям нельзя соблюдать порядок с такой тщательностью, как это бывает в общественной школе, где занимаются только образованием юношества. Во-вторых потому, что умственные способности и охота к учению проявляются у детей с крайней неравномерностью — у одного ранее, у другого позднее. Некоторые двухлетние дети уже прекрасно говорят и быстро все воспринимают, другие в пять лет едва делают то же самое, так что вообще это первое образование в раннем возрасте нужно предоставить благоразумию родителей.

Впрочем, есть два прекрасных пособия:

1. Учебник для материнской школы.

учить в детстве и при каких случаях нужно приступать к важному делу и какими способами и сочетаниями слов

24. Однако здесь с пользою можно применить два средства. Во-первых, нужно написать *книжку в руководство родителям и школам*, чтобы они хорошо знали свои обязанности. Здесь подробно должно быть описано все то, чему нужно на-

и жестами должно это внедрять детям. Написать подобную книжку (под заглавием „Руководство для материнской школы“) мы берем на себя.

2. Средство для пробуждения чувств.

25. Другим пособием, которое должно быть полезным для упражнений в этой материнской школе, будет *книжка с картинками*, которую нужно давать самим детям. Ведь так как здесь нужно развивать преимущественно чувства для восприятия внешних предметов, а зрение среди чувств занимает самое выдающееся место, то мы поступим правильно, включив сюда все главные предметы из физики, оптики, астрономии, геометрии и т. д., хотя бы в том порядке, который мы только что представили. Здесь могут быть нарисованы: гора, долина, дерево, птица, рыба, конь, бык, овца, человек в различном возрасте, различной величины; затем — свет и мрак, небо с солнцем, луной, звездами, облаками; основные цвета; затем домашние предметы и ремесленные инструменты: горшки, блюда, кружки, молотки, щипцы и пр.; далее изображение высоких особ, например царя со скипетром и короной, а также солдата с оружием, крестьянина с плугом, возницы с повозкой; письмоносеца на дороге, и повсюду все-таки должна быть надпись, что означает каждый предмет: конь, бык, собака, дерево и пр.

Польза от такой книги.

26. Эта книжка будет полезна в трех отношениях: 1) Для усиления впечатления от вещей, как уже было сказано. 2) Для привлечения юных умов к тому, чтобы в каких угодно книгах они искали занимательного — в смысле более легкого приучения к чтению. 3) Так как над каждой картинкой будет написано ее название, то с этого может начаться обучение буквам.

ГЛАВА XXIX.

Идея школы родного языка.

Школа родного языка должна предшествовать латинской школе.

1. В главе IX мы указали, что всю молодежь обоего пола нужно посылать в общественные школы. Теперь я прибавляю, что всю молодежь сперва нужно посылать в школу родного языка. Против этого мнения существует возражение.

Цеппер в первой книге „Церковного государства“, гл. 7, и Альшted в гл. 6 своих „Школьных рассуждений“ советуют посылать в школу родного языка только тех девочек и мальчиков, которые современем будут заниматься ремеслами, мальчики же, которые, по решению своих

родителей, предназначаются к высшему образованию, должны быть направляемы не в школу родного языка, но прямо в латинскую школу. Альштед прибавляет: „Пусть, кто хочет, не соглашается. Я предлагаю ту дорогу и тот путь образования, на который я желал бы направить тех, кого я хотел бы видеть наилучше образованными“. Но соображения нашей дидактики заставляют с этим не соглашаться.

2. А именно: 1) Мы стремимся к общему образованию в области всего человеческого для всех, кто родился человеком. Следовательно, нужно вести всех вместе до тех пор, пока можно вести вместе, чтобы все взаимно друг друга воодушевляли, поощряли, побуждали.

II. 2) Мы желаем, чтобы все получали воспитание во всех добродетелях, а именно: в скромности, согласии, готовности к взаимным услугам. Поэтому не нужно разделять их так рано и не следует давать некоторым из них повода превозноситься перед другими и презирать их.

III. 3) Представляется несколько преждевременным решать на шестом году отроду, к какому призванию кто-либо годен, к занятиям науками или к ремеслу; в этом возрасте еще недостаточно проявляются умственные способности и наклонности; то и другое лучше выяснится впоследствии. Какие травы в саду выпалывать, какие оставлять, узнаешь лишь после того, как они подрастут, а не тогда, когда они еще очень малы. Ведь не только дети богатых или знатных или должностных лиц рождаются для высоких званий, чтобы для них одних должна была быть открыта латинская школа, а остальные дети безнадежно бы от нее отстранялись. Ветер веет, где хочет, и не всегда начинает дуть в определенное время.

IV. 3. 4) Четвертым основанием у нас является то, что наш всеобщий метод имеет в виду не одну только безмерно любимую нимфу — латинский язык, но ищет пути к развитию равным образом и родных языков всех народов, чтобы всякое дыхание все более и более хвалило господу. Этого стремления не следует расстраивать столь произвольным перескакиванием через всю школу родного языка.

V. 4. 5) Учить кого-либо иностранному языку, прежде чем он овладеет родным языком, — это то же самое, как если бы кто-либо вздумал учить своего сына ездить верхом ранее, чем он научится ходить. Лучше действовать по ступеням, как это показано в основоположении IV главы XVI. Как Цицерон заявлял, что он не может учить произносить речи того,

кто не умеет говорить, так при нашем методе мы признаемся, что не можем учить по-латыни того, кто не знает родного языка, так как последний язык мы предназначили в качестве руководителя к первому.

VI.

5. 6) Наконец, так как мы стремимся к реальному образованию, то ученики одинаково легко могут пройти то, что относится к внешнему миру, с помощью книг на родном языке, которые дают название вещей. После этого они тем легче изучат латинский язык, прилагая к известным уже вещам только новые названия, прибавляя в прекрасной градации к фактическому познанию вещей познание их причинных связей.

Пределы и цели школы родного языка.

6. Итак, принимая во внимание наше предложение о делении школы на четыре ступени, школу родного языка мы определяем таким образом: предел и цель школы родного языка будут состоять в том, чтобы все дети между шестью и двенадцатью (или тринадцатью) годами научились бы тому, пользование чем простиралось бы на всю их жизнь. Именно:

✓ I. Легко читать все, напечатанное и написанное на родном языке.

✓ II. Писать сперва красиво, потом быстро и, наконец, правильно согласно с правилами грамматики родного языка, которые надо будет изложить ученикам в самой простой форме и установить упражнения для усвоения их.

✓ III. Считать цифрами и на счетах, смотря по надобности.

✓ IV. Все измерять правильно всеми способами: длину, ширину, расстояние и пр.

V. Петь все употребительные мелодии, а кто более способен, того обучать также началам художественной музыки.

VI. Выучить наизусть большую часть псалмов и духовных гимнов, которые употребляются в церкви в каждой местности, чтобы, воспитанные на прославлении бога, дети могли (как говорит апостол) научать и вразумлять друг друга псалмами, гимнами и духовными песнями, воспевая во благодати в сердцах своих бога (Колосс., III, 16).

VII. Сверх катехизиса, ученики должны тончайшим образом знать историю и наиболее выдающиеся тексты всего священного писания, чтобы могли воспроизвести их наизусть.

VIII. Ученики должны усвоить учение о нравственности, выраженное в правилах, поясненное примерами сообразно с развитием этого возраста, понимать его и стараться применять на деле.

IX. О политическом и экономическом положении они

что одно яйцо не будет так похоже на другое, как все эти экземпляры друг на друга. Это придает им элегантность и отделку. В-третьих, правильно ли написано то, что написано пером, нельзя установить до тех пор, пока не просмотришь, не сравнишь и не исправишь каждый экземпляр в отдельности, а это требует многократного скучного труда. При печатании же достаточно исправить только один экземпляр, чтобы тем самым оказались исправленными все остальные, хотя бы их была тысяча. Человеку, не знакомому с типографским искусством, это представляется невероятным, и, однако, это совершенно верно.

В-четвертых, для письма (которое делается пером) годна не всякая бумага, а только более плотная, которая не пропускает чернил, а что бы ты ни подложил под типографский набор, шрифт на всем отпечатывается — даже на мягкой и пропускной бумаге, на полотне и т. д. Наконец, изящно печатать книги могут даже те, кто писать изящно не умеет, так как они выполняют работу не собственной рукой, но искусно для этого подготовленными литерками, при которых уклонения от их начертания невозможны.

Что большего может дать совершенный метод (к которому мы стремимся) по сравнению с употреблявшимися до сих пор.

4. Повидимому, получится нечто подобное, если мы осуществим правильно все, что касается этого нового и общего метода обучения (я еще не утверждаю, что наш метод уже совершенен, я толькоставляю на вид его всеобщность).

Тогда результаты будут следующие:

1) при меньшем числе преподавателей будет обучаться гораздо большее число детей, чем теперь при употребляемых методах; 2) учащиеся будут гораздо более образованными; 3) образование будет утонченнее и будет доставлять удовольствие; 4) к этому образованию будут допущены также и те, кто одарен сравнительно слабыми способностями и медленной восприимчивостью; 5) наконец, успешно преподавать в состоянии будут даже и те, кого природа не наделила хорошими способностями к преподаванию, так как каждый будет черпать знания и умения не столько из собственного ума, сколько будет постепенно сообщать юношеству уже готовый образовательный материал готовыми, данными в руки, средствами. Подобно тому как любой органист легко исполнит по нотам какие-либо симфонии, которые он сам, быть может, не мог бы ни сочинить, ни исполнить одним только голосом или сыграть на память, так и школьный учитель не мог бы разве учить всему, когда все, чему надо учить, со всеми методами учения, он имеет в руках, как бы занесенным в партитуру?

Более подробное рассмотрение этого дела.

5. Удерживая сходство с типографским искусством разовьем яснее, при помощи сравнения, каково стройное действие этого нового метода, чтобы было видно, что науки теми же почти способами начертываются в умах, как они извне наносятся на бумагу. Поэтому было бы уместно соответственно со словом „типография“ придумать и дать этой новой дидактике имя „*дидахография*“ (обучающее письмо). Но остановимся на этом вопросе подробнее.

Анализ типографского искусства по отношению к материалу и работе.

6. Типографскому искусству свойственны особые материалы и особые виды работ. Материалы эти преимущественно следующие: бумага, шрифт, черная краска, печатный станок. Виды работы — подготовка бумаги, набор шрифта согласно с подлинником, покрытие краской, корректура, печатание, просушивание и т. д.; во всем этом есть свои особые приемы, при соблюдении которых дело легко подвигается вперед.

То же в искусстве дидактики.

7. В дидахографии (удержим это слово) дело обстоит так. Бумага — это учебники, в умах которых должны отпечатываться литеры наук. Шрифт — это учебники и другие, приготовленные для той же цели учебные пособия, с помощью которых учебный материал легко может запечатлеться в умах. Черная краска — это живой голос преподавателя, общающийся из книг знание вещей и переносящий это знание в умы слушателей. Печатный станок — это школьная дисциплина, которая всех располагает и принуждает воспринимать науку.

Какая требуется бумага.

8. Бумага пригодна какого угодно качества, однако чем она чище, тем яснее воспринимает и представляет напечатанное. Так и этот метод, хотя и допускает к образованию учеников со всякими способностями, однако успешнее будет развивать более выдающиеся дарования.

Отношение шрифта к учебникам.

9. Обращение с металлическим шрифтом представляет прекрасную аналогию с нашими учебниками (каких мы требуем). Во-первых, как шрифт сначала нужно отлить, отполировать, приспособить к употреблению, а затем уже начать печатание книг, так сперва необходимо подготовить орудия нового метода, а затем начать пользоваться этим методом.

10. Шрифта требуется большой запас, чтобы его было достаточно для работы. То же самое относится к книгам и учебным пособиям, так как тяжело, скучно и вредно начинать дело и встречать препятствия в достижении цели вследствие недостатка в требуемых пособиях.

1.

2.

11. Хорошая типография имеет всевозможные шрифты, чтобы не оказалось недостатка ни в чем, что могло бы оказаться нужным. В такой же мере необходимо, чтобы наши книги исчерпывали все, что относится к полной культуре духа, так чтобы каждый, опираясь на эти пособия, мог изучить все, что нужно знать. [3.]

12. Типографские знаки не разбрасывают как придется, но аккуратно распределяют по кассам и отделениям, чтобы они были наготове для всякого употребления. Так, и в наших книгах нельзя предлагать учебный материал в спутанном виде, но необходимо распределить все, как можно точнее, по годовым, месячным, дневным и часовым программам. [4.]

13. Из касс вынимаются только те типографские знаки, которые нужны для данной работы, другие остаются нетронутыми. Так нужно давать детям в руки только те учебники, которые нужны в соответствующих классах, чтобы другие не отвлекали и не запутывали учащихся. [5.]

14. Наконец, у наборщиков есть своя наборная линейка, с помощью которой они соединяют буквы в слова, слова в строки, строки в полосы, чтобы ничто не сдвигалось со своего места. Так и воспитателям юношества надо дать в руки нормы, по которым они должны вести свою работу, т. е. нужно написать для них руководящие книги, которые бы напоминали им о том, что, где и как нужно делать, чтобы не было уклонений в сторону. [6.]

Двойного рода учебные руководства.

15. Итак, учебные руководства будут двойные: учебники для учащихся и руководство для учителей, чтобы они знали, как пользоваться первыми.

Что соответствует типографской краске в дидактике.

16. Мы сказали, что роль типографской краски в дидактике играет голос учителя. Правда, под давлением пресса шрифт, будучи сам по себе сухим, оттискивается на бумаге. Однако, кроме известных следов, которые скоро исчезают, он ничего после себя не оставляет. Но если покрыть его типографской краской, то он дает самые яркие и почти неизгладимые оттиски. Так и то, что детям предлагают их немые учителя, книги, на самом деле является чем-то немым, темным, несовершенным. Когда к этому присоединяется голос учителя (который все толково разъясняет согласно с развитием учащихся и учит применять на деле), то все оживает и глубоко врежется в сознание учащихся, так что, наконец, они действительно начинают понимать то, что учат, и сознавать, что они понимают то, что знают. Типографская краска отличается от чернил именно тем, что она готовится не на воде, а на масле (и те, кто в типографском искусстве желает дости-

гнуть особенно выдающихся результатов, употребляют самое чистое масло из грецких орехов с угольным порошком). Так, через приятный и простой метод преподавания, соответствующий нежнейшему маслу, должен проникать в сознание учащихся голос преподавателя и преподаваемый им учебный материал.

Учебный пресс — это дисциплина. 17. Наконец, что в типографском деле — пресс, то в школах — дисциплина, которая одна только обеспечивает для каждого возможность восприятия образования. Как в типографском искусстве вся бумага, из которой должна выйти книга, идет под пресс (хотя на более твердую бумагу нужно надавливать сильнее, а на более мягкую — слабее), так всякий, кто поступает для образования в школу, должен подчиняться общей дисциплине. Ступени ее следующие: Во-первых, постоянное внимание. Так как никогда нельзя с достаточной уверенностью полагаться на прилежание детей или их добрую волю (они — потомки Адама), то нужно наблюдать за ними, куда бы они ни повернулись. Во-вторых, порицание, благодаря которому тотчас возвращаются на путь разума и повиновения те, кто нарушает порядок. Наконец, наказание, если они отказываются подчиняться знакам или увещанию. Но все эти меры нужно применять разумно, с единственной целью, чтобы все учащиеся под влиянием побуждения стали бодрыми и успешно выполняли все.

Сопоставление приемов работы в том и другом деле. 18. Я сказал, что требуются также известные виды работы и известные приемы их выполнения. Коснусь вкратце также и этого.

[1.] 19. Сколько будет экземпляров какой-нибудь книги, столько же берется сразу листов, которые должны быть заполнены одним и тем же текстом и одним и тем же шрифтом. Одно и то же число листов удерживается от начала до конца книги, не увеличиваясь и не уменьшаясь, иначе некоторые экземпляры были бы неполными. Равным образом метод нашей дидактики по необходимости требует, чтобы все дети, которым преподаватель должен преподавать по одним и тем же правилам, передавались ему сразу, с тем чтобы он давал этой группе образование постепенно, от начала до конца. После начала учебных занятий никого нельзя принимать в школу и никого нельзя отпускать из группы ранее конца занятий. Так будет достигнут тот результат, что одного преподавателя будет достаточно даже для многочисленной группы учащихся, и все тем не менее научатся всему без недочетов и пробелов.

Полезный совет. Поэтому следовало бы все общественные школы открывать один раз в год (по нашему мнению, это должно быть скорее осенью, чем

весною или в другое время), с тем чтобы учебная программа каждого класса выполнялась в течение года и чтобы все ученики (если только не воспрепятствует кому-либо из них тупость) доходили бы до определенной цели и вместе перешли бы в следующий класс. Так и в типографии после отпечатания всех экземпляров первого листа А, переходят к листу В, затем к С, D, Е, и т. д.

20. Хорошо напечатанные книги имеют ясно разделенные главы, столбцы, параграфы с определенными пустыми пространствами (или по необходимости или ради ясности) как на полях, так и между отдельными строками. Таким же образом учебный метод, по необходимости, имеет свои периоды труда с определенными промежутками времени для отдыха. Он имеет, как известно, задачи по годам, месяцам, дням и часам. Если это исполнять правильно, то каждый класс должен иметь свой законченный учебный курс и таким образом ежегодно должен осуществлять поставленную ему цель. С полным основанием можно настаивать на том, чтобы школьным занятиям ежедневно посвящалось только по четыре часа: два часа до полудня и столько же пополудни. Если из этих часов исключить послеполуденные часы в субботу и все воскресенье посвятить богослужению, получится еженедельно двадцать шесть¹ часов, а в год (оставив, кроме того, необходимое время для обычных вакаций) около тысячи часов. О, как многому можно научить и научиться за такое время, если всегда действовать методически и т. д.

21. Набрав для печатания шрифт, берут свертки бумаги и раскладывают их по листам так, чтобы они лежали гладко и удобно под рукой, чтобы ничто не задерживало работы. Равным образом учитель должен иметь учеников у себя перед глазами, чтобы всегда видеть всех и всегда быть видимым всеми. Как это нужно делать, на это мы указали в первом вопросе главы XIX.

22. Чтобы бумага лучше воспринимала оттиск, ее обыкновенно смачивают и делают более мягкой. Равным образом в школе у учеников всегда нужно возбуждать внимание теми способами, которые мы там же указывали.

23. Когда это сделано, металлические литеры намазываются черной краской для того, чтобы их оттиски отпечатывались ясно. Так учитель всегда должен пояснять урок данного часа своим голосом, читая вперед, перечитывая, разъясняя, чтобы все можно было ясно понять.

24. Затем сейчас же листы один вслед за другим кладутся под пресс так, чтобы на всех листах и на каждом в отдельности отпечатался вполне точный оттиск этой метал-

¹ Очевидная ошибка в расчете часов. Правильно — 22 часа.

лической формы. Так учитель, достаточно выяснив смысл и показав на нескольких примерах легкость подражания, пусть затем потребует того же самого от отдельных учеников, чтобы они стремились следовать за тем, что он им сказал, и из учащихся делались знающими.

17. 25. Затем уже отпечатанные листы выставляются на воздух для проветривания, для просушки. В школе должна происходить умственная вентиляция при помощи повторений (репетиций), экзаменов, состязаний, до тех пор, пока не явится уверенность, что все усвоено прочно.

18. 26. Наконец, после оттискивания, все напечатанные листы собираются и приводятся в порядок, чтобы было видно, что все экземпляры — в полной исправности, без изъяна, что они вполне пригодны для продажи, рассылки, переплета и пользования ими. То же самое представляют из себя публичные экзамены в конце года, когда ревизорами школ будут проверены успехи учеников, насколько они основательны и связаны между собой, для того чтобы можно было судить, действительно ли изучено все то, что следовало изучить.

Закключение.

27. Вот в общих чертах и все; остальное уже частности. Теперь достаточно указать, что как с изобретением типографии размножились книги, эти проводники образования, так с открытием *дидахографии*, или *всеобщей методики*, может увеличиться самое число ученых на великое благо для человечества, согласно известным словам: „Множество мудрых — спасение миру“ (Премудр., VI, 26). И так как мы стремимся умножить христианское образование, чтобы внедрить во все посвященные Христу души само благочестие, а затем науки и добрые нравы, то можно надеяться на то, на что повелевает надеяться божественное откровение: „Земля будет наполнена ведением господа, как воды наполняют море“ (Ис., XI, 9).

ГЛАВА XXXIII.

Об условиях, необходимых для практического применения этого всеобщего метода.

Жалобы на то, что хорошие мысли не всегда выполняются.

1. Я думаю, что едва ли кто, всесторонне не взвесив изложение данного дела, не придет к убеждению, в каком *счастли- вом положении были бы христианские государства и общественные дела, если бы были устроены такие школы, какие мы предлагаем.* К этому надо

прибавить, что надо сделать для того, чтобы эти рассуждения не остались рассуждениями, а наконец-то когда-нибудь могли хоть отчасти стать действительностью. Ведь не без основания Иоганн-Цецлий Фрей (Freys) удивляется и негодует, что в течение стольких столетий никто не осмелился изменить к лучшему столь варварские порядки в коллегиях и академиях.

В частности и в отношении к школам.

2. В течение более чем ста лет множество жалоб раздавалось на беспорядок в школах и в методе преподавания. Особенно усиленно заботились об улучшении их в течение последних тридцати лет. Но с каким успехом? Школы все-таки остались такими, какими они были. Если кто-либо частным образом или в какой-либо частной школе что-либо и предпринимал, то это имело мало успеха: либо его встречал смех невежд, либо его подавляла зависть недоброжелателей, либо, наконец, сам он, лишенный помощи, падал под бременем трудов. Таким образом, до сих пор все оставалось тщетным.

Приготовленной к движению машине нужно дать движение.

3. Поэтому нужно искать и найти способ привести с божьей помощью в движение ту машину, которая составлена или, по крайней мере, должна быть составлена достаточно удачно из хороших основных частей, разумно и решительно устранить все то, что до сих пор мешало этому движению или может помешать в дальнейшем.

Пять препятствий к полному преобразованию школ.

4. Эти препятствия могут быть различными. Во-первых, недостаток в методически образованных людях, которые бы с тем основательным успехом, к которому мы стремимся, могли стоять во главе повсюду открытых школ (ведь и относительно нашей „Двери“, которая уже принята в школах, один весьма рассудительный человек обратился ко мне в письме с жалобой, что в большинстве случаев нашей книге недостает одного, весьма важного условия, а именно: нет подходящих людей, которые бы умели преподавать по ней юношеству).

5. Однако, если бы даже и были такого рода преподаватели и все согласно составленному расписанию легко могли справиться со всеми своими обязанностями, то откуда взять, однако, средства на их содержание всем городам и деревням и повсюду, где рождаются и воспитываются во Христе люди?

6. Затем, какие меры нужно было бы принять для того, чтобы дети беднейших родителей могли иметь досуг посещать школы?

[4.]

7. Но особенно, кажется мне, нужно бояться высокомерия тех, кто получил обычное образование и с удовольствием фальшиво играет на старой струне, с высокомерием относясь ко всему новому, а равно и их упрямства в сопротивлении, не говоря уже о менее значительных препятствиях, против которых легко можно найти средства.

[5.]

8. Первостепенное значение имеет одно условие; отсутствие его может сделать бесполезной всю организацию, а его наличие немедленно приведет ее в движение. *Таким условием является достаточный запас памметодических книг*¹. Как легко, при наличии типографского оборудования, найти людей, которые бы могли, умели и хотели пользоваться им и которые бы для выпуска в свет хороших и полезных книг могли бы понести известные расходы, а равно и таких, которые подобного рода книги, весьма дешевые и полезные, могли бы покупать за небольшую цену, так было бы легко найти для этого покровителей, доброжелателей, помощников, если бы были готовы пособия по всеобщей дидактике.

Нужна коллегия ученых, которые бы вместе стремились к достижению цели.

9. Итак, *сущность всего дела зависит единственно от подготовки общеметодических книг, а последняя — от объединения для столь священной цели и совместной работы значительного числа талантливых и не боящихся труда ученых мужей*. Ведь

это не может быть делом одного человека, особенно занятого в другом месте, притом осведомленного не во всем, что нужно ввести во всеобщий метод. Быть может, это даже дело не одного века, если доводить его до абсолютно совершенства. Следовательно, необходимо для этого учредить целое общество.

Здесь необходимо общественное покровительство, поддержка и авторитет.

10. Для того же, чтобы создать эту коллегия, необходимы авторитет и щедрая поддержка какого-либо короля или князя, или общины. Необходимо место, свободное от шума, библиотека и т. п.

Необходимо также, чтобы никто не решался противодействовать столь святым планам, благочестиво направленным на возвышение славы божией и благоденствие народов, а, наоборот, чтобы все пожелали быть помощниками милости божией, которая таким образом готова щедро быть ниспосланной нам новыми способами.

¹ Терминами „памметодические книги“, или „пантодидактика“, Коменский обозначает свою мысль о создании литературы по тем предметам, которые мы теперь называем „общей педагогикой“ и „дидактикой“ в отличие от частных и специально-педагогических и методических дисциплин.

Торжественное
обращение.

1. К родителям.

11. Итак, вы, *дорогие родители детей*, верной охране которых бог вверил драгоценнейшие сокровища, живые свои изображения, воспылайте, когда обсуждаются, эти спасительные намерения. Непрестанно молитесь бога богов о счастливом успехе, а к сильным мира и к ученым постоянно обращайтесь с вашими просьбами, пожеланиями, заявлениями, требованиями. Вместе с тем воспитывайте благочестиво в страхе божием своих детей, таким образом достойно подготавливая путь для этого всеобщего образования.

2. К воспитателям
юношества.

12. Также и вы, *все воспитатели юношества*, честно отдающие свой труд насаждению и орошению юных растений рая, настоятельно молитесь о том, чтобы эти облегчающие ваши труды пособия как можно скорее могли быть разработаны и войти во всеобщее употребление, ибо, когда вы призваны к тому, чтобы устроить небеса и утвердить землю (Ис., LI, 16), то может ли быть для вас что-либо приятнее, чем то, чтобы видеть самые обильные плоды вашего труда? Ведь того требует от вас ваше небесное призвание, как и доверие к вам со стороны родителей, которые вверяют вам в залог свои сокровища. Да воспламенятся ваши сердца, неотступно побуждая вас, а через вас — и других, беспокоиться об этом до тех пор, пока огнем этого света не загорится и не будет счастливо озарено все ваше отечество.

3. К ученым.

13. Вы же, *ученые*, которым бог даровал мудрость и острый ум, чтобы вы были в состоянии судить о таких вещах и приводить разумным советом благие мысли к еще лучшему исполнению, смотрите, не медлите, принесите также и ваши искры, мало того — факелы и мехи, для раздувания этого священного огня.

Сыны света
обязаны
прибавлять
искры к свету
божественного
огня.

Пусть каждый из вас подумает о словах Христа: „Огонь пришел я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся“ (Лука, XII, 49). Горе тому, кто, имея возможность принести что-либо для усиления этого пламени, приносит только дым зависти, порицания и противодействия. Помните, какую награду обещает он добрым и верным рабам, которые вверенными им для роста талантами распоряжаются так, что приобретают другие таланты, и как грозит он рабам ленивым, которые зарывают свои таланты (Матф., XXV). Итак, бойтесь быть учеными только для себя. Насколько в ваших силах, к тому же ведите и других. Пусть вас побуждает хотя бы пример Сенеки, который говорит: „Я желаю передать другим все, что знаю сам“, а также: „Я бы отверг мудрость, если

бы она давалась под тем условием, чтобы держать ее в себе и не распространять" (Письмо 26). Не скрывайте также от всего христианского народа науки и мудрость; лучше скажите вместе с Моисеем: „О, если бы все в народе господнем были пророками" (Числ., XI, 29). В самом деле, так как *правильно заботиться о юношестве—значит также устраивать и преобразовывать церковь и общество*, то ужели бездейтельно будем стоять мы, которым это хорошо известно, в то время как другие будут прилагать к этому делу руку?

Ни для кого не делается исключения.

14. Я умоляю вас, пусть движет нами единый дух так, чтобы никто не пренебрегал тем, чтобы посвящать богу и потомству свой труд, все то, что может каждый принести для столь общей и столь спасительной цели своим советом, напоминанием, увещанием, исправлением, поощрением, и *пусть никто не думает, что это его не касается, хотя бы кто-нибудь и думал, что он предназначен не для школы или даже что ему мешают обязанности его церковной, политической или медицинской профессии*. Однако напрасно все-таки он будет полагать, что он изъят таким образом от настоящего общего стремления к исправлению школ. Ведь если ты решил доказать верность твоему призванию и тому, кто тебя призвал, и тем, к кому ты послан, то ты обязан не только сам служить богу, церкви, отечеству, но также предусмотрительно заботиться о том, чтобы были люди, которые делали бы то же после тебя. Сократа восхваляли за то, что, имея возможность занимать общественную должность и быть полезным своему отечеству, он предпочитал служить воспитанию юношества, заявляя, что *более полезен государству тот, кто сделает многих способными управлять государством, чем тот, кто управляет им сам*.

К высокоученым мужам просьба оставить предубеждения.

15. Во имя божие молю и заклинаю, чтобы кто-либо из высокоученых мужей не отнесся к этому с пренебрежением по тому, что призыв исходит от человека менее ученого. Ведь иногда даже и огородник может сказать что-либо удачно. „Чего ты не знаешь, быть может, знает осленок", — сказал Хризипп. А слова нашего Христа: „Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит" (Иоанн, III, 8). Перед лицом бога мы свидетельствуем, что нас побуждают поднимать эти вопросы не наше высокомерие, не жажда славы, не искание какой-либо частной выгоды, но любовь к богу и желание исправить к лучшему общественные и частные дела людей — вот что подстрекает нас. И мы не в состоянии покрыть молчанием то, что постоянно нам

внушает внутреннее стремление. Итак, если кто-либо скорее предпочтет сопротивляться и противодействовать нашим требованиям, желаниям, увещаниям и попыткам, хотя имеет возможность их поддержать, тот пусть знает, что он будет вести борьбу не с нами, а с богом, с своей совестью, с общей природой, которая требует, чтобы общее благо было общей собственностью и в общем пользовании.

4. К богословам.

16. Также обращаюсь я к вам, *богословы*, так как я легко предвижу, что многое будет зависеть от вас, — будет ли это предложение благодаря вашему авторитету развиваться, или оно будет приостановлено. Если вы скорее пожелаете последнего, то исполнится то, что часто говорит Бернар, что Христос не имеет более злых врагов, чем те, которые стоят вокруг него, и те, кто среди них занимает первое место. Но мы надеемся на лучшее и более соответствующее вашему достоинству. Вы должны будете, по крайней мере, подумать о том, что господь поручил Петру пасти не только овец своих, но и агнцев, и даже сначала именно агнцев (Иоанн, XXI, 15). Ведь пастухам, конечно, легче пасти овец, если агнцы уже привыкли к пастбищу жизни благодаря порядку в стаде и пастушескому жезлу. Поэтому, если кто предпочитает слушателей невежественных, то он истинно свидетельствует о своем невежестве. Ведь какой золотых дел мастер не поздравил бы себя, если бы ему рудокопы доставляли самое чистое золото? Какой сапожник не желает получить возможно лучше выработанную и вполне мягкую кожу? Итак, будем и мы также сынами света, разумными в нашем деле, и пожелаем, чтобы школы давали нам возможно тщательнее подготовленных слушателей.

Просьба об устранении зависти.

17. Но да не войдет зависть в сердце кого-либо из вас, служителей бога живого! Ведь вы для других — вожди любви, которая не завидует, не превозносится, не требует своего, не мыслит зла и пр. Не завидуйте, говорю вам, если другие делают то, что вам не пришло на мысль. Лучше будем брать пример друг у друга, чтобы, как гласят слова Григория, все мы, полные веры, стремились воспевать богу, являясь органами истины.

5. К государственным властям.

18. Обращаюсь к вам, кто именем божьим поставлен во главе человеческих дел. К вам, владыки народов и государственные власти, — к вам преимущественно обращены наши речи. Ведь вы — те Нои, которым в столь ужасном потоке, при мировом смятении, для спасения святого семени было поручено свыше построение ковчега (Быт., VI). Вы — те князья, которые для построения святилища более других

должны жертвовать, с тем чтобы не задерживались в своем труде те художники, которых господь наполнил духом своим в изобретении прекрасного (Исх., XXXVI). Вы — те Давиды и Соломоны, обязанность которых для построения храма господня созвать зодчих и снабдить их обильно необходимым (I кн. Царств, VI и I Паралип., 29). Вы — те начальники, которых возлюбил Христос, если вы возлюбите малых его, если постройте школы (Лука, VII, 5).

19. Молю вас именем Христа, заклинаю
Просьба к ним счастьем вашего потомства, если оно бу-
же. дет, не оставайтесь безучастны! Дело важ-
ное, слишком важное, касающееся славы божией и общего
спасения народов. Я убежден, отцы отечества, в вашей лю-
бви к отечеству. Если бы кто-либо явился теперь и обещал
вам дать совет, как можно с небольшими средствами укрепить
все наши города, все юношество научить военной науке, все
наши реки сделать судоходными и наполнить торговлей и
богатством или какими бы то ни было средствами до-
вести состояние наших общин и отдельных граждан до
процветания и большей безопасности, — вы не только внима-
тельно выслушаете советчика, но и, сверх того, будете его
благодарить за то, что он столь ревностно заботится о ва-
шем благе и о благе ваших подданных. Но здесь нечто боль-
шее. Здесь указывается истинный, надежный, безопасный
путь к тому, чтобы подготовить множество таких людей,
которые такими же и подобными изобретениями будут
одни вслед за другими служить без конца отечеству. Свя-
щенной памяти Лютер, убеждая немецкие города строи-
ть школы, правильно писал: „Где на построение горо-
дов, крепостей, памятников, арсеналов расходуется одна
золотая монета, там нужно израсходовать сто золо-
тых монет на правильное образование одного юноши, ко-
торый, возмужав, может показывать путь другим ко
всему честному; ведь добрый и мудрый муж (продолжает
он же) есть драгоценнейшее сокровище всего государства;
он имеет большее значение, чем блестящие дворцы, гру-
ды золота и серебра, медные ворота и железные засовы
и пр. (согласно с этим говорит Соломон — Экклез., IX,
13). Если, говорю я, мы считаем мудрыми его слова, что
не следует щадить никаких расходов ради правильного
образования даже одного юноши, — то что нужно будет
сказать, когда открывается дверь для столь всеобщего и
всеобъемлющего и столь верного образования умов, когда
бог обещает свои дары проливать на нас не по каплям,
но направить их на нас наподобие потока, когда его спа-
сение до такой степени кажется нам близким, что слава
его обитает с нами на нашей земле?

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

Августин Аврелий (354—430)—виднейший представитель христианской церкви. После бурно проведенной молодости был профессором красноречия в Римской империи. Затем принял христианство. Будучи епископом, вел решительную борьбу с так называемыми „ересями“ в христианской церкви. Наибольшей известностью пользуются его сочинения: „De civitate dei“ (О граде божием) и „Confessiones“ (Исповедь). Последнее сочинение послужило примером для „Исповеди“ Ж.-Ж. Руссо и „Вопросов жизни“ Н. И. Пирогова—XIV, 18; XIX, 35, 47; XXIV, 20; XXV, 18; XXV, 25.

Агрикола Георг (Бауэр) (1494—1555) — гуманист, ученый геолог, внесший значительный вклад в минералогию и в науку о горном деле своего времени. Его минералогическая система была принята вплоть до XIX столетия. Главнейшие его сочинения: „De ortu et causis subterraneorum“ (О происхождении и причинах земных недр), „De re metallica“ (О металлургическом деле), „De mensuris et ponderibus Romanorum et Graecorum“ (О мерах и весах у римлян и греков). — X, 2.

Александр Великий (356—323 гг. до н. э.) — македонский царь, крупнейший полководец. Сын и преемник царя Филиппа, ученик греческого философа Аристотеля. Уже в раннем детстве Александр обнаруживал исключительную способность тактичного обращения с людьми. Во время победоносных войн в Азии и Африке содействовал распространению эллинизма на Востоке, а также ознакомлению греков с культурой Востока. — XII, 21; XV, 4.

Альшted Иоганн-Фридрих (1588—1638) — профессор философии Герборнского университета, где он был учителем Коменского. Оказал на Коменского исключительное влияние. Впоследствии — профессор философии и богословия в Вейсенбурге в Семиградии. Его сочинения: „Triumfus bibliorum sacrorum“ (Триумф священных книг), „Encyclopaedia in IV tomas divisa“ (Энциклопедия, разделенная на 4 тома).—XXIX, 1.

Андрез Иоганн-Валентин (1586—1654) — был известным духовным са-новником на своей родине в Вюртембергском королевстве. Выступал против механического изучения латинского языка в ученых школах и катехизиса в народных школах. — „Привет читателям“, 10.

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — крупнейший философ и ученый древнего мира, заложивший основы как гуманитарных, так и естественных наук. Основатель школы в Ликее, (отсюда название учебных заведений — лицей). Воспитатель Александра Македонского. Ученик Платона. Оказал могущественное влияние на всю последующую философию вплоть до наших дней. В Средние века Аристотель был известен преимущественно своей формальной логикой и той частью своей философии, которая пригодна была для католической церкви и господствующих классовых интересов эксплуататорского общества. „Схо-

¹ При составлении Указателя, кроме общих справочных пособий, использованы аналогичные указатели в *Veškeré Spisy Jana Amosa Komenského, Svazek IV, Brno 1913*, и в „Великой Дидактике“ Я. А. Коменского. Латинский текст с русским переводом *Андр. Адольфа и Серг. Любомудрова*, М. 1896.

ластика и поповщина взяли мертвое у Аристотеля, а не *живое*... из логики Аристотеля (который *всюду* на каждом шагу, ставит вопрос *именно о диалектике*), сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов". (В. И. Ленин, *Философские тетради*, Гос. изд. полит. литерат., 1938, стр. 332). Фр. Энгельс указывает на ряд прекрасных образцов диалектики в логике Аристотеля (Фр. Энгельс, *Анти-Дюринг*, Гиз 1928, стр. 80, 213, 214, 340, 357); см. также *"Диалектику природы"* Энгельса, (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XIV). Сочинения Аристотеля принято разделять на 4 группы: 1) логика, 2) метафизика и естествознание, 3) этика и политика, 4) поэтика и риторика. Коменский под флагом борьбы с язычеством вместе с передовыми мыслителями своего времени боролся с философией Аристотеля в том извращенном виде, в каком она была известна. — V, 9, 19; XII, 17; XV, 1; XVII, 7; XVIII, 25; XXIII, 10; XXIV, 20; XXV, 25, 27.

Архимед (287—212 гг. до н. э.) — величайший математик и механик древнего мира. Арифметику обогатил трактатом *"Псамит"*, геометрию — трактатами *"О шаре и цилиндре"*, *"Об измерении длины окружности"*. Во время осады Сиракуз римлянами он строил машины, причинявшие огромный урон неприятельским силам. Так, огромными зажигательными стеклами он сжег римский флот. Убит римским солдатом при взятии города римлянами. — X, 1; XII, 3; XIII, 15.

Бембо Пиетри (1470—1547) — секретарь Иоанна Медичи, ставшего римским папой под именем Льва X. При папе Павле III Бембо стал кардиналом. Написал на латинском и итальянском языках ряд сочинений, отличавшихся образцовым стилем. — XXV, 12.

Бернард Клервосский (1091—1153) — клервосский аббат. Пользовался исключительным влиянием на современников в силу своих личных качеств строгого подвижника. Грозный обличитель пороков тогдашнего католического духовенства, советник пап и третейский судья. Его проповедь воодушевила Западную Европу для Третьего крестового похода. — V, 8.

Бодин Илья (Elias Bodinus) (1600—1650) — педагог и грамматик. Издал трактат об искусстве обучения (1621). — *"Привет читателям"*, 10.

Виргилий Марон Публий (70 г. до н. э. — 19 г. н. э.) — крупнейший римский поэт Августовской эпохи. Из его произведений наиболее известны *"Bucolica"*, или *"Eclogae"* — десять идиллий из пастушеской жизни с аллегорическим содержанием, *"Georgica"* — дидактическая поэма в четырех частях, трактующая о различных отраслях сельского хозяйства: земледелии, садоводстве, животноводстве и пчеловодстве. Наибольшей известностью пользуется до сего времени его поэма *"Aeneis"* — *"Энеида"*. В этой поэме Виргилий подражал гомеровской *"Одиссее"*, выводя происхождение римлян от троянцев, а римского императорского дома Юлиев — от вымышленного героя Энея. — XXI, 9; XXV, 19, 26.

Вивес Людвиг (1492—1540) — крупнейший ученый-гуманист; в философии — предшественник Бэкона и Декарта. Родился в Испании. Занимался воспитанием дочери английского короля Генриха VIII. Первый писал о воспитании девушек. Из многочисленных его сочинений наиболее известно *"De anima et vita"* (О душе и жизни) (1538). Педагогический характер носят следующие его сочинения: *"De ratione studii puerilis epistolae II"* (Два письма об основе обучения юношества), *"De tradendis disciplinis, sive de institutione christiana"* (О преподавании учебных предметов, или о христианском воспитании), *"De institutione feminae christinae"* (О воспитании христианской женщины), *"Satellitium animi, sive symbola Principum institutioni potissimum destinata"* (Помощники духа, или символы, обозначающие наилучшие принципы воспитания). Некоторые книги Вивеса современники называли *"золотыми книжечками"* (*libelli aurei*). — V, 1; XVIII, 33; XXI, 1; XXII, 5.

Вольфштинерий (Wolfstirn), — немецкий дидактик. — *"Привет читателям"*, 10.

Гален Клавдий (Claudius Galenus) (131—201)— один из наиболее известных врачей времен римских императоров. Родился в Пергаме, там же провел свою юность и начал изучать философию и медицину. В философии природы один из первых выразителей телеологического взгляда: возникновение и строение каждого органа, по его мнению, зависит от его назначения в организме. Тем не менее, на основании анатомических вскрытий трупов животных и даже людей, дал описание многих органов. В его сочинениях заложены основы анатомии и физиологии, фармакологии и диагностики. Как врач пользовался большим авторитетом до конца Средних веков. Из его сочинений сохранилось до нас около 200 названий; эти сочинения представляют собой сводку мнений и цитат различных философов и ученых древнего мира по вопросам медицины.— XXXI, 8.

Гварино Ипполит (Guarironi Ippolito) (жил в первой половине XVII столетия)— врач в Галле; автор оригинальной книги "Ужасы опустошения человеческого рода" (Ингольштадт 1610).— XV, 3.

Геликон — название горы в западной части одного из государств древней Греции, в Беотии. По мифологическим преданиям греков на этой горе жили музы покровительницы искусства. Отсюда слово "Геликон" получило нарицательное значение места, содействующего вдохновению в области искусств.— XXV.

Геллий Авл (Gellius Aulus) (130—170) — римский писатель. Живя в Риме и Афинах, занимался философией и ораторским искусством, поддерживая оживленные отношения с учеными своего времени. Написал известное сочинение "Noctes atticae" (Сумерки аттического мира) в 20 книгах, представляющее собой ряд заметок по поводу бесед автора с современными ему учеными, а также ряд извлечений из малоизвестных греческих и римских писателей.— XXXI, 8.

Гельвиус Христофор (1581—1617)— профессор богословия и восточных языков Гиссенского университета. Прекрасно владел еврейским языком. Занимает выдающееся место среди методистов. На эту тему известно его сочинение "Grammatica universalis, continens ea, quae omnibus linguis sunt omnia" (Универсальная грамматика, содержащая в себе то, что есть общего во всех языках). Гельвиус был одним из тех двух ученых, которые представили в 1612 г. Дармштадтскому ландграфу Людвигу похвальный отзыв о методе Ратихия.— "Привет читателям", 10.

Гиерон Младший (288—215 гг. до н. э.) — сиракузский царь. Украсил Сиракузы великолепными зданиями, содействовал развитию земледелия и промышленности. Из его сооружений известен огромный корабль, построенный под наблюдением Архимеда и не вмещавшийся ни в одной гавани Сицилии, а потому подаренный египетскому царю Птолемею.— XII, 3; XIII, 8.

Гиперий Андрей (1511—1564)— богослов реформатской церкви. Первоначально был преподавателем диалектики и риторики в Париже, затем, посвятив себя богословию, получил профессорскую кафедру в Марбурге. Писал и по вопросам педагогики на немецком и латинском языках.— XXIV, 20.

Гиппократ (460—377 гг. до н. э.) — знаменитейший ученый врач в древней Греции. Потомок рода Асклепиадов, славившегося целым поколением врачей. Во время своих путешествий в молодые годы изучал медицину у врачей различных стран. Заслуга Гиппократа заключается в том, что он первый поставил медицину на научную основу. Его выводы основываются на точном наблюдении и изучении болезненных симптомов. Наиболее известны два его сочинения, переведенные с греческого языка на латинский: "De aere, aquis et locis" (О воздухе, водах и местах), "Epidimiorum libri septem" (семь книг об эпидемиях).— XIV, 8; XV, 1; XIX, 37; XXXI, 8, 13.

Гораций Квинт Флакк (Horatius Quintus Flaccus) (65—8 гг. до н. э.) — главнейший представитель римской литературы, поэт Августа века. Родился в Везуве, откуда название "везувийский поэт". Образование

получил сперва в Риме, а затем в Афинах. При помощи своего покровителя Мецената приблизился ко двору, сошелся с Августом, который сильно благоволил ему. Гораций писал сатиры, эподы (переход от эпической к лирической поэзии), послания и письма в стихотворной форме.—V, 25 X\III, 23; XX, 9; XXV, 19.

Григорий Назианский (328—390)—представитель так называемых „отцов“ и учителей христианской церкви. Вместе с Василием Великим и Иоанном Златоустом получил образование в Афинском университете. Его сочинения состоят из множества писем, стихотворений и нескольких десятков речей.—„Привет читателям“, 3; XXXIII, 17.

Гроций (Grotius, de Groot) **Гуго** (1583—1645)—голландский юрист и государственный деятель. Вынужден был бежать из Голландии вследствие политико-религиозных распри. Служил во Франции, а затем, по приглашению канцлера Оксенштирны, — в Швеции. Основатель науки международного права. Из его сочинений наиболее известны: „De iure belli et pacis“ (О праве войны и мира), „De mari libero“ (О свободном море).—XXXIII, 7.

Гуларций Симон (1543—1628)—протестантский богослов в Женеве.—VI, 6.

Давид — второй израильский царь библейской истории (1055—1015 гг. до н. э.). Ему приписывают псалмы, неоднократно цитируемые Коменским.—XXXIII, 18, 20.

Дедал — легендарное лицо. По сказаниям греческой мифологии, строитель лабиринта на о. Крит. Вместе с сыном Икаром скрылся в этом лабиринте, после того как за убийство изобретателя гонимого станка Талоса присужден был ареопагом к смерти. При помощи изобретенных им крыльев вместе с Икаром вылетел из лабиринта; но, поднявшись слишком близко к солнцу, Икар спалил крылья и утонул в море.—XIV, 3.

Диоген из Синопа (404—323 гг. до н. э.) — знаменитый философ-циник, жил частью в Афинах, частью в Коринфе.—„Всем стоящим во главе человеческих учреждений“, 29; „Польза дидактики“, 5.

Доцемиус Юстус (Docemius Justus)—советник курфюрста Бранденбургского. Сделал неудачную попытку дополнить и расширить „Япша Inguarum gesserata“ (Открытая дверь языков) Коменского.—XXII, 6.

Дрессер Матфей (1535—1617)—профессор классических языков и красноречия в университетах Эрфурта, Иены, Лейпцига; ректор княжеской школы в Мейсене. Из его сочинений известно „De nova et antiqua disciplina“ (О новой и старой дисциплине).—VI, 6.

Евдем (Eudemos) (около 300 г. до н. э.)—астролог и математик древнего мира.—XXI, 10.

Иероним Блаженный (330—419)—один из виднейших так называемых отцов и учителей западной христианской церкви. Перевел „священное писание“ на латинский язык; этот перевод известен под названием „Вульгаты“. Оставил, кроме того, много других сочинений.—XVIII, 8; XXXI, 8.

Иоанн Златоуст (347—407)—один из крупнейших представителей так называемых отцов и учителей христианской церкви. Получил блестящее образование в Афинском университете. В качестве пресвитера христианской церкви прославился своими проповедями. В 396 г. был избран архиепископом в Константинополе. От него осталось 804 проповеди по всем вопросам христианского вероучения и нравственности. Своими проповедями против распушенности нравов вооружил против себя константинопольскую знать и умер в ссылке в Армении.—XXV, 5.

Иосиф Флавий (37—95)—еврейский историк и военачальник. Принадлежал к секте фарисеев. Вместе с соотечественниками принимал участие в восстании против римлян. Попал в плен. Затем вместе с императором Титом участвовал в осаде Иерусалима. После разрушения Иерусалима жил в Риме. Главнейшими его сочинениями являются: „История первой войны римлян с иудеями“, „Древнейшая история Иудеи“, „Авто-

биография*. Некоторые из его сочинений переведены на русский язык. — VIII, 3.

Исидор (570—636) — один из выдающихся латинских писателей VI—VII столетий. Испанский епископ. Среди всеобщего упадка литературы и науки поддерживал знание классических (греческого и латинского) языков. Из многочисленных его сочинений наибольшей известностью пользуется „*Originum seu Etymologiarum libri XX*“ (20 книг о происхождении, или этимологии). — XXV, 17.

Исократ (Isokrates) (436—338 гг. до н. э.) — знаменитый ритор и учитель красноречия в Афинах. Не обладая необходимыми физическими данными, сам никогда не произносил речей. Над подготовкой лучших из своих речей работал годами: над „Панафинейской“ речью — 3 года, а над „Панегириком“ — 10 лет. Школа Исократа дала лучших представителей греческого красноречия, оказав влияние на развитие римского красноречия, в частности на Цицерона. — XVII, 12.

Камерарий Либгард (1500—1574) — один из замечательнейших ученых XVI в., владевший с одинаковым успехом рядом наук. 18-ти лет отроду он уже получил профессорскую кафедру. Внес значительные преобразования в Лейпцигский университет. В 1530 и в 1555 гг. выступает в качестве депутата на Аугсбургских сеймах. Был близко знаком с Меланхтоном и другими реформаторами. Оставил после себя ряд трудов по философии, гражданской и церковной истории. — VI, 6.

Карл Великий (742—814) — сначала король франков, а затем коронован папой Львом III императором Западной Римской империи. Рядом военных походов и административными мерами создал огромное государство с отчетливой организацией. Учреждал школы; призывал к своему двору таких крупных ученых своего времени, как Алкуин, Павел Диакон и др. — VIII, 3.

Катон Старший Марк Порций (234—149 гг. до н. э.) родился в Тускуле (отсюда его нередко называют Тускуланским). Еще в молодых годах переселился в Рим. Славился строгим поведением, мужеством на войне и неподкупностью в мирной обстановке. Был избран цензором (блюститель нравов) Римской республики. Непримиримый враг роскоши и пристрастия к иноземным влияниям, в особенности к прогрессивным греческим влияниям. Непримиримый враг могущества соперничавшего с Римом Карфагена. Считается основателем прозаической римской литературы. До нас дошло небольшое его сочинение по сельскому хозяйству, „*De re rustica*“, содержащее практические наставления по сельскому хозяйству. — XII, 24.

Квинтилиан Марк Фабий (род. в 35 г. умер ок. 100 г. н. э.) один из наиболее ярких представителей педагогической теории своего времени. Известно его сочинение „*Institutio oratoria*“ (Наставление в ораторском искусстве). Это первая попытка дать теорию римского воспитания. Пользуясь покровительством императора Веспасиана, открыл первую общественную школу ораторского искусства, в которой получали высшее образование молодые люди, готовившиеся к государственной деятельности. Он же был первым профессором, получавшим содержание в размере 100 000 сестерций (на наши деньги 5000 руб.) из государственной казны. — XVIII, 33; XXI, 7.

Киннер Киприан (Kinner Cyprian) — немецкий дидакт. Упоминается Коменским как расширитель его „*Janua linguarum reserata*“ (Открытая дверь языков). — XXII, 6.

Киприда (Cypris) — другое название богини Афродиты (Венеры), присвоенное ей по имени о. Кипр. По греческой мифологии Киприда — дочь Зевса, жена Гефеста и возлюбленная Ареса, богиня брака и нередко богиня чувственной, изменчивой любви. — IX, 7.

Кнапий Григорий (1564—1638) — польский иезуит и профессор красноречия, математики и богословия. Его словарь, упоминаемый Коменским, сначала появился в Кракове в 1620 г. под заглавием „*Thesaurus polono-latino-graecus*“ (Сокровищница польско-латинско-греческого языка), а потом издавался еще несколько раз. — XVIII, 25; XXII, 25.

Колумб Христофор (1446—1506)— бесстрашный, неутомимый мореплаватель, открывший Америку и ряд островов. По проискам врагов неоднократно подвергался тюремному заключению.— XII, 4.

Лактанций Фирмиан (Lactantius Firmianus)— (год рождения неизвестен, ум. в 340 г. н. э.)— ритор, впоследствии наставник сына Константина Великого. Оставил много сочинений преимущественно религиозного характера. По простоте и чистоте язык Лактанция, подобно языку Цицерона, считается классическим латынью.— V, 20; XXIII, 7.

Ливий Тит (Livius Titus) (58 г. до н. э.—17 г. н. э.)— римский историк. Главное его сочинение: Римская история от основания города до 9 г. до н. э. (Titi Livii ab urbe condita libri), всего 142 книги; до нас дошли первые десять книг и с 21 по 45 кн.— XXXI, 8.

Липсиус Юст (1547—1606)— известный голландский ученый-филолог. Был профессором в Лувене, где написал лучшие свои сочинения. Ему принадлежит издание римского историка Тацита. Среди других сочинений филологического порядка ему принадлежит и „Physiologia Stoicorum“ (Физиология по учению стоиков), Антверпен 1604.— XXX, 6.

Лонголий (Longueil) **Христофор** (1488—1523).— Жил и работал в Париже. Хороший знаток Цицерона, рабски подражавший ему в своих письмах и речах.— X, 2.

Лубин Эйлгард (Lubinus Eilhardus) (1565—1621)— профессор богословия и поэзии в Ростокомском университете. Известен своим изданием „Нового Завета“ на греческом, латинском и немецком языках и „Учебником для рационального изучения греческого и латинского языков“. В этом учебнике он возражает против механического изучения языка.— „Привет читателям“, 10, 12; XXVI, 13.

Лютер Мартин (1483—1546)— вождь церковной реформации в Германии, представитель умеренной, бюргерской партии. В процессе борьбы за реформу церкви уделял серьезное внимание организации народного образования. Боролся против языческого содержания образования в университетах, где главное внимание уделялось изучению греко-римской литературы. Защищал идею всеобщего обучения по мотивам религиозного порядка, чтобы все могли читать библию. Наиболее важно в этом отношении его послание к бургомистрам и дворянству: „An die Bürgermeister und Ratsherrn aller Städte Deutschlands dass sie christliche Schulen aufrichten und halten sollen“, 1524 г. Перевел библию на немецкий язык и тем, по замечанию Энгельса, „дал в руки плебейскому движению мощное орудие“ (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, 1931, стр. 135). Подняв общее движение против феодализма, Лютер перед лицом революционного движения плебеев отступил в сторону умеренной реформы. В начале своей реформационной деятельности предлагал омыть руки в крови пап, кардиналов, епископов и всей остальной своры римского Содома (Там же, стр. 133). Впоследствии, боясь революционного движения плебейских элементов, Лютер занял реакционную позицию: „Их [крестьян] нужно бить, душить и колоть тайно и открыто так же, как убивают бешеную собаку!“— восклицает Лютер (Там же, стр. 135). После этого и в вопросах народного образования Лютер проводит весьма умеренные взгляды, далекие от идеи всеобщего обучения.— XIX, 50; XXI, 3; XXXIII, 19.

Луцилий— имя лица, к которому философ Сенека обращается в своих письмах.— XV, 6.

Меланхтон Филипп (1497—1560)— в молодости гуманист, позже — реформатор церкви, сподвижник Лютера, ученый своего времени, знаток классических языков. По выражению Фр. Энгельса, „прообраз филистерского и чахлого кабинетного ученого“ (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, Гиз 1931, стр. 140). 17 лет отроду он уже с университетской кафедры объяснял произведения Вергилия, Теренция и Цицерона. Обосновал классическую систему образования, особенно настаивая на изучении греческого языка. Из его педагогических сочинений наиболее известны: „De corrigendis adolescentiae studiis“ (Об исправлении научных

занятий юношества), „Ratio scholae Norembergae puer institutae“ (Устав школы, основанной в Нюрнберге), а также употреблявшиеся в течение нескольких столетий учебники греческого и латинского языков. Именуется почетным званием Praeceptor Germaniae (наставник Германии).— „Привет читателям“, 5; XVII, 3; XXV, 17.

Меркурий—по мифологическим представлениям римлян, бог, первоначально — покровитель полей, позже — дорог и торговли. Изображается Меркурий и как вестник богов, в дорожной шапке, с жезлом в руках и с крылышками у ступней.— XII, 13, 24; XXXI, 5.

Навуходоносор — вавилонский царь. По библейским данным, израильский пророк Даниил в юности при дворе Навуходоносора овладел халдейской (вавилонской) мудростью.—V, 22; VIII, 3.

Нестор — мифический герой поэмы Гомера „Илиада“, сын Пелея, царь Пилоса, старейший из греков; с 90 судами участвовал в войне греков против троянцев, считался у греков мудрейшим советником.—VII, 3.

Овидий Публий Назон (Ovidius Publius Naso) (43 г. до н. э.—17 г. н. э.) — один из наиболее даровитых римских поэтов эпохи Августа. Был приближен ко двору Августа. За неизвестную вину в 9 г. н. э. был сослан в г. Томы (теперь Кюстанджи) на берегу Черного моря, где и умер в заточении. Наиболее известны следующие его сочинения: „Metamorphoses“ (Превращения) в 15 книгах, написанные гекзаметром, „Fasti“ (римские хроники-легенды о происхождении римских празднеств), „Amores“ (Песни любви), „Ars amandi“ (Искусство любви).—VIII, 7, XXI, 17; XXIV, 20; XXV, 2, 10.

Олимп — название горы в древней Греции. По религиозным верованиям греков, на Олимпе жили боги.

Павел — по учению христианской церкви — апостол. Еврей из фарисеев. Обратился в христианство около 36 г. н. э. Неустанно занимался проповедью христианства в Малой Азии, на о. Кипр, в Македонии и Греции. Окончательно обособил христианскую религию от иудейской и от учения иудействующих христиан. Ему приписывают 14 посланий, из которых достоверно принадлежат ему только 3 (к римлянам, коринфянам, галатам).— „Всем стоящим во главе человеческих учреждений...“, 3; XXI, 10.

Парнас — гора в древней Греции. По религиозным верованиям греков, на Парнасе обитал бог красоты и искусств — Аполлон, а также музы, покровительствовавшие искусствам.

Петр — по учению христианской церкви — апостол. По христианским сказаниям — один из первых учеников и апостолов Христа. По происхождению — рыбак из Капернаума. Проповедывал христианство от Вавилона до Рима, где, по преданию, его постигла мученическая смерть при императоре Нероне. Ему приписывают два апостольских послания. Считается верующими первым епископом Рима, а римские папы считаются его наместниками.—XXII, 16; XXXIII, 16.

Пико Мирандола Джуованни (Pico della Mirandola Giovanni) (1463—1494). Изучал в Болонском университете каноническое право, философию и другие науки. Подвергался преследованию как еретик. В последние годы жизни занят был опровержением иудейской и магометанской религий. Обладал феноменальной памятью — мог повторить 20 000 слов в том порядке, в каком они были сказаны.—XV, 4.

Питтак — один из семи мудрецов древней Греции конца VII — начала VI вв. до н. э. Освободил свою родину — г. Митилен на о. Лесбос — от тирана Меланхра. Искусно и мудро управлял городом. Приписываемое ему Коменским выражение: „познай самого себя“ в действительности принадлежит другому мудрецу — Хилону из Лакедемона.—I, 1.

Пифагор (вторая половина VI в. до н. э.) — известный греческий философ, основатель философской школы пифагорейцев. Родился на о. Самосе. По преданиям, в юности много путешествовал и будто бы позаимствовал основные черты своих математических и религиозно-политических взглядов от халдеев, египтян, финикийцев, евреев и др. В зрелом возрасте по-

селся в южной Италии (Великая Греция), в г. Кротоне. Внес значительный вклад в математику и музыку. Он „рассматривал число, количественную определенность — как сущность вещей“ (Энгельс, Диалектика природы, Партиздат 1936, стр. 82), оставляя, однако, без объяснения, как происходит движение и как без движения и изменения совершается возникновение и гибель... (Там же, стр. 105—106). Создал теорию переселения душ. Его учение о числе и гармонии оказало большое влияние на греческого философа Платона.—V, 5; X, 1.

Плавт Тит Макций (Plautus Titus Maccius) (около 254—184 гг. до н. э.)—известный римский автор комедий. Первоначально служил при театре, потом завел торговлю. Разорившись, начал писать комедии, имевшие большой успех. Шекспир и Мольер заимствовали сюжеты некоторых своих комедий у Плавта. Приведенное в тексте место заимствовано из комедии „Truculentus“ (Ворчун).—XX, 9; XXIV, 2; XXV, 2, 10, 19, 25, 27.

Платон (429—349)—выдающийся философ древней Греции, ученик Сократа, учитель Аристотеля. По основному философскому направлению наиболее яркий представитель идеализма. Педагогические воззрения Платона теснейшим образом связаны с его философскими и политическими взглядами. Наиболее полно развиты эти взгляды в его сочинениях политического характера — „Государство“ и „Законы“. Занятия со своими слушателями Платон вел в своем имении, неподалеку от Афин, называвшемся Академа, отсюда произошло название высших учебных заведений — академия. Платон не только философ, но и поэт. Большинство его сочинений представляет собой непревзойденные образцы художественной литературы, излагающей самые глубокие философские вопросы. В ряде философских построений Платона христианская догматика почерпала свое основание.—V, 20; VI, 6; XI, 2; XIX, 35; XX, 16; XXIV, 5; XXV, 17, 22, 25, 27; XXXI, 8, 14.

Плутарх (около 46—120 гг. н. э.). Лучшими его сочинениями являются сравнительные жизнеописания выдающихся людей древнего греко-римского мира и его трактаты по нравственности. Жизнеописания служили предметом для воспитательного чтения в средней школе. Ими считывались многие писатели нового времени, в том числе Ж.-Ж. Руссо.—XII, 21, 25; XXI, 8.

Присциан (Priscianus)—римский грамматик в Константинополе в VI в. Известно его сочинение по латинской грамматике под названием „Institutiones grammaticae“ (Грамматические наставления) в 18 книгах, пользовавшееся исключительным успехом и авторитетом в качестве учебника в Средние века.—XXIV, 29; XXVI, 7.

Рамус Петр (Pietre de la Ramée) (1515—1572)—пользовался большой известностью как математик и гуманист в Парижском университете. Ратовал за реформу преподавания. Составил учебники латинского и греческого языков, принятые в школах в эпоху Коменского. За свои философские взгляды неоднократно подвергался преследованиям. Был убит в Варфоломеевскую ночь 24/VIII 1572 г.—XVII, 27.

Ратихий (Ratichius Ratke) **Вольфганг** (1571—1635)—виднейший немецкий педагог-теоретик. Родился в Голштинии. Обучался в гамбургской гимназии, затем в Ростоке—философии и богословию. Бросил занятия богословием и изучал еврейский язык. Побывал в Англии, а затем изучал математику в Амстердаме, где прожил 8 лет. После выступления с проектом реформы преподавания на Франкфуртском съезде немецких князей в 1612 г., делал попытки реформы образования по предложению князей в Аугсбурге (1614), Веймаре, Кетене (1619), Магдебурге (1620), Рудольфштадте (1622); вступал в переговоры с канцлером Швеции, Оксенштирной, по тому же вопросу. Но нигде не доводил дело с успехом до конца—отчасти из-за неуживчивого характера, сомнения и самонадеянности, отчасти из-за того, что, как справедливо заметил Оксенштирн, „сумел указать болезни школы, но не мог найти лекарства против зла“. Главнейшие его сочинения: „Универсальная энцикло-

педия", 1619; „Универсальная грамматика“, 1619; „Новый метод преподавания“, 1626 „Мемориал“, представленный съезду князей в 1612 г. во Франкфурте. Оставил несколько учебников для средней классической школы (по грамматике и логике). Оказал значительное влияние на оформление дидактических взглядов Коменского. — „Привет читателям“, 10).

Сенека Люций Анней (умер в 65 г. н. э.) — один из выдающихся римских философов-стоиков. Воспитатель Нерона. Был обвинен в соучастии в покушении на жизнь Нерона. Направление философии Сенеки весьма близко к христианству. Оставил множество сочинений — трактатов, трагедий, 124 письма к Люцилию о различных вопросах философии. Коменский неоднократно цитирует Сенеку. — V, 18, 19, VII, 5, XV, 16, 18, XVI, 25, XVII, 8, XIX, 19, 46, 47, 53, XXIII, 1, 11; XXIV, 5, XXV, 22.

Скалигер Иосиф (1540—1609) — виднейший филолог Франции. Сын известного итальянского философа и памфлетиста — Юлия-Цезаря Скалигера. В 1594 г. переселился в Голландию, где получил профессуру в Лейдене. Разносторонне образованный человек. В одинаковой мере владел классическими, западноевропейскими и восточными языками и естествознанием своего времени. Создал основы научной хронологии и опыт документально обоснованной мировой истории. Издавал классических по своему достоинству римских авторов с комментариями к ним. Благодаря его трудам Голландия стала в его время во главе других стран в области филологической науки — XVI, 31.

Сократ (469—399 гг. до н. э.) — греческий философ. По происхождению и занятию — ремесленник-ваятель, выбитый из колеи обычного для него образа жизни новыми философскими течениями в Греции. Вторую половину своей жизни посвятил педагогической деятельности внешкольного порядка среди афинской молодежи. Центральной проблемой его философии было учение о добродетели, выводимой им из мудрости и знания. В противоположность новейшим философско-политическим течениям своего времени Сократ опирался на старину — нравы и обычаи предков. В теории познания и в общих принципиальных философских позициях он — идеалист. Своими выступлениями против отдельных личностей вызвал большое раздражение против себя со стороны руководителей политической жизни Афин, был приговорен к смерти и казнен. — Оказал исключительное влияние на дальнейшее развитие греческой философии, в особенности на своего юного слушателя, впоследствии крупнейшего мыслителя — Платона. Сократ ничего не писал. Его философское учение известно по сочинениям Платона и Ксенофонта. — „Всем стоящим во главе человеческих учреждений...“, 29; XXIV, 5, 24; XXX, 13; XXXIII, 14.

Соломон (ок. 1015 — 975 гг., или, по другой хронологии, 970 — 938 гг. до н. э.) — библейский царь израильский. Сын царя Давида. Провел ряд больших и изящных построек в Иерусалиме. По преданиям, слыл за мудрейшего из людей. Ему приписывают библейские книги: „Притчи Соломона“, „Екклесиаст“, „Песнь песней“. Коменский неоднократно цитирует Соломона.

Стевин Симон (ум. 1633 г.) — выдающийся голландский математик. Провел ряд работ технического порядка по устройству плотин. — XXIX, 12.

Стобей Иоанн (жил во второй половине V в. н. э.). Весьма начитанный человек. Составил для своего сына сборник извлечений из различных греческих авторов (около 500) по всем отраслям знаний. В сборнике имеются извлечения из авторов, не дошедших до нас. — „Польза дидактики“, 5.

Тацит Корнелий (ок. 54 — 117 гг. н. э.) — историк-прагматист императорского Рима. Особый литературный талант Тацита заключается в психологическом анализе действующих лиц. Из сочинений Тацита черпаются сведения по истории первобытных германцев. — XXXI, 8.

Теренций Публий (190 — 159 гг. до н. э.) — выдающийся римский писатель комедий. По сравнению с комедиями Плавта, его комедии отличаются более тщательной отделкой и изяществом. В Средние века его

комедии не только читали, но и представляли в школах. — XXI, 7
XXIV, 20, XXV, 2, 19, 26.

Тертуллиан Квинт Септимий Флапрент (150—230 гг. н. э.) — писатель христианской церкви. Особенно известно его сочинение „Аpologeticum“ (Защита), опровергавшее возводившиеся на христиан обвинения в непочитании ими императоров и непризнании государственного строя. — „Привет читателям“, 15.

Тимофей — знаменитый музыкант из Милета (446—357 гг. до н. э.), — XXI, 12; XXV, 23.

Ювенал Децим Юний (ок. 60—130 гг. н. э.) — великий сатирик своей эпохи. Получил риторическое образование в Риме. В своих сатирах беспощадно бичевал римское общество своего времени. — IX, 7.

Юлиан (331—363 гг. н. э.) — римский император с 361 г. по 363 г. Племянник Константина Великого. Несмотря на полученное христианское воспитание, имел влечение к языческой философии и религии. Преследовал христиан и получил прозвание „Отступник“. От него дошло несколько сочинений и писем на греческом языке. — XXV, 12.

Фауст Иоганн (Faustus Jan) (род. ок. 1480 г., ум. ок. 1539 г.) — помощник Гутенберга по книгопечатанию. — XII, 5.

Фемистокл (V в. до н. э.) — известный афинский полководец. Его жизнеописание дано Плутархом. — XII, 21.

Фест Секст Помпей (II в. н. э.) — римский грамматик. Воспользовался для своих работ трудом ученого археолога Веррия Флакка о значении слов. В эпоху Карла Великого из трудов Феста сделал извлечение Павел Диакон. — II, 8.

Филипп (382—336 гг. до н. э.) — македонский царь, фактически подчинивший себе Грецию. Отец Александра Македонского. — XII, 21.

Флютт Роберт (1574—1637) — врач и физик в Оксфорде. Много путешествовал; побывал во Франции, Испании, Италии, Германии. Был сведущ в математике и механике, что, однако, не предоохранило его мировоззрения от мистицизма и запутанности. Так, например, в библии он искал источников для химии. XX, 11.

Форций Иоахим (ум. в 1536 г.) — ученый филолог и математик. Родом из Антверпена. Воспитание получил при дворе императора Максимилиана I. Из его сочинений наиболее известно „De ratione studii liber“ (Книга об основах занятий). Коменский переиздал эту книгу под заглавием „Fortius redivivus“ (Воскрешенный Форций). — XVIII, 44.

Фрей Ян Цецилий (ум. в 1631 г.) — профессор в Париже. Занимался философией и медициной. Стоял за изучение латинского языка практическим путем. — „Привет читателям“, 10; XXXIII, 1.

Фульгенций (ок. 500 г. н. э.) — писатель христианской церкви, живший частью в Северной Африке, частью на о. Сардиния, частью в Риме. Его сочинения посвящены борьбе с так называемыми ересями того времени — арианством и пелагианством. — XXIV, 27.

Хризипп (Chrysippus) (280—206 гг. до н. э.) — главный представитель стоической философии, о котором говорили: „Если бы не было Хризиппа, то не было бы и стоиков“. Известен как весьма плодовитый писатель, написавший до 700 сочинений. Но только одно его сочинение, „О провидении“, найдено при раскопках Геркулана. — XXXIII, 15.

Целз Авл Корнелий (начало н. э.) — написал лучший для своего времени трактат по медицине. — XXXI, 8.

Цептер Вильгельм (1594—1614) — современник Коменского. Церковный проповедник в Герборне. — XXIX, 1.

Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — величайший из римских ораторов и выдающийся писатель. Получил прекрасное образование и скоро добился известности. Во время его консульства раскрыт был плебейский заговор, во главе которого стоял Катилина. Политическая линия Цицерона была неустойчива. — В его сочинениях мы находим довольно развитую теорию воспитания применительно к потребностям его времени. — Коменский очень часто цитирует Цицерона. — V, 13; VII,

5; XIV, 7; XVII, 8; XIX, 18, 35; XXI,—10; XXII, 5, 7; XXV, 2, 17, 19, 25, 26, 27; XXXI, 8.

Эврипид (480—406 гг. до н. э.)—один их виднейших авторов трагедий в древней Греции. Написал около 80 драматургических произведений, из которых восемнадцать являются известными трагедиями.—IX, 7.

Эдем—древнееврейское слово, означает „блаженство“. По библейским сказаниям—роскошный сад, в котором обитали Адам и Ева до грехопадения.

Эзоп (ок. VI в. до н. э.)—греческий автор басен. Был обвинен в святотатстве и сброшен со скалы. Его басни долго ходили в устном предании в качестве образов практической мудрости, атем в поэтической форме были литературно обработаны Феодором Авиенном.—XVIII, 23.

Эпиктет (жил в I в. н. э.)—распространял учение стоиков в Риме. После декрета императора Домициана в 94 г. о запрещении всем философам проживать в столице, Эпиктет перебрался в Никополь в Эпире. Здесь он занимался изложением своих взглядов, по примеру Сократа, на площадях и в портиках храмов. Учение Эпиктета изложил его ученик, историк Арриан. Эпиктет занимался, главным образом, практическими вопросами этики о терпении, воздержании, стоических добродетелях и т. п.—XXIV, 5; XXV, 22.

Эразм Дезидерий Роттердамский (1467—1536)—выдающийся представитель немецкого гуманизма. Родился в Голландии. Жил не только на родине и в Германии, но и во Франции, Англии, Италии. Приобрел европейскую известность как реформатор науки вообще и в особенности—филологических наук. Издал многих классиков античного мира и „Новый Завет“ на греческом языке. Известен также своей борьбой с схоластами и католическим монашеством. Ему приписывают известное сатирическое произведение под названием „Encomium moriae“ (Похвала глупости). Сначала поддерживал Лютера, затем вступил с ним в полемику. Занимает не последнее место среди „титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености“ своей эпохи. Однако по своему отношению к практическим политическим запросам своего времени принадлежит, по выражению Фр. Энгельса, „к благоразумным филистерам, не желающим обжечь себе пальцев“. (Фр. Энгельс, Диалектика природы, Партиздат, 1936 стр. 87.).—XXIV, 20, XXV, 19, 22, XXX, 13.

Эскулап—название бога врачебного дела, Асклепия. По религиозным представлениям греков, Эскулап не только покровительствовал лечению больных, но даже воскрешал мертвых.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература о педагогических сочинениях Коменского исключительно обширна. Не имея в виду дать исчерпывающей библиографии, мы остановимся на указании главнейших изданий педагогических сочинений Коменского и на руководящей литературе о нем¹.

Первоисточником педагогических сочинений Коменского до сих пор является амстердамское издание 1657 г.

J. A. Comenii, Opera didactica omnia. Amsterdami, Impensis D. Laurentii de Geer Excuderunt Christophorus Conradus et Gabriel a Roy. Anno MDCLVII (1657).

В настоящее время мы располагаем новым солидным изданием всех сочинений Коменского, в том числе и педагогических:

Veškeré Spisy Jana Amosa Komenského. Redakci prof. Jan. Kvačala и др. Brno. 1910—1929. (Собрание сочинений Я. А. Коменского, под общ. ред. проф. Я. Квачала и др. Печаталось в Забреге, издание учителей объединений на Мораве. Предполагается выпустить 30 томов. Педагогическим сочинениям отведены тт. I, IV—XI. Лучшее издание сочинений Коменского по первоисточникам, с научными комментариями на чешском языке. В педагогической части целиком перепечатан текст прижизненного издания Собрания сочинений Коменского („Opera didactica omnia“, 1657). Некоторые сочинения Коменского, как, например, „Материнская школа“, изданы в 3 параллельных текстах: на чешском, немецком и латинском языках.

На русском языке мы имеем следующие издания:

Коменский Я. А., Видимый свет, на латинском, немецком, итальянском, французском и русском языках, представлен с реестром самых нужнейших российских слов... Печатан при Имп. Моск. университете, 1768.

То же, изд. 2-е, Видимый мир, Москва, в университетской типографии у Н. И. Новикова, 1788.

Коменский Я. А., Зрелище Вселенной, на латинском, русском и немецком языках, изданное для народных училищ Российской империи в Санкт-Петербурге, в типографии Академии наук, 1788.

То же, вторым тиснением, СПб 1793.

То же, новое издание, СПб 1808.

Коменский Я. А., Великая Дидактика, изд. редакции журн. „Семья и школа“, СПб 1875—1877.

Коменский Я. А., Лабиринт света и рай сердца, гл. 10, „Путешественник обзорекает сословие ученых“. Перев. М. С. „Славянский ежегодник“, вып. 6, изд. Киевского славянск. об-ва. Киев 1884.

Коменский Я. А., Избранные сочинения, изд. журн. „Гимназия“, Ревель. 1892—1897. Часть I. Открытая дверь языков, лат. текст с русск. переводом, портр. Коменского и введением, составленным Г. Янчевецким (прилож. к журн. „Гимназия“ 1892—1893). Часть II, Великая Дидактика. Перев. с нем. С. Р., изд. журн. „Гимназия“, Ревель 1893.

¹ При составлении указателя русской литературы мы использовали библиографию, составленную библиографическими группами некоторых московских педагогических институтов.

Часть III, Диоген-циник на сцене, или об удобном любомудрствовании, перев. с лат. Г. Янчевецкого (Прилож. к журн. „Гимназия“, 1894—1897).

Коменский Я. А., Избранные педагогические сочинения в переводе Андрея Адольфа и Сергея Любомудрова, изд. К. И. Тихомирова, М-1893—1912:

Часть I. Великая Дидактика. Перев. с лат. с портр. Коменского, очерком его жизни и деятельности и объяснительными примечаниями. М. 1893; изд. 2-е, М. 1902; изд. 3-е, М. 1906; изд. 4-е, М. 1912.

Часть II. Мелкие сочинения, примыкающие к „Великой Дидактике“. Перев. с нем. с введением и объяснит. примечаниями, М. 1894; изд. 2-е, М. 1911. Во II часть вошли: Материнская школа. Очерк народной школы. О точной номенклатуре вещей. Воскрешший Форций. Правила нравственности. Законы благоустроенной школы. Пансофическая школа. Выход из схоластического лабиринта.

Коменский Я. А. Великая Дидактика. Перевел с латинского языка А. Шепинский. СПб 1893.

Коменский Я. А., Великая Дидактика, главы: I—IV, IX и X. Перев. с лат. под ред. И. А. Шляпкина („Русск. нач. учитель“ 1894, № 2, стр. 56—73, и № 3, стр. 109—113).

Коменский Я. А., Великая Дидактика. Латинский текст с русским переводом Андрея Адольфа и Сергея Любомудрова. С иллюстр., очерком жизни и деятельности Коменского и указателем имен и вещей. Изд. К. Тихомирова, М. 1896.

Коменский Я. А., Устав материнской школы, с чешского подлинника: „Informatorium skoly materske“ (1628), Перевел Ф. В. Ржига, Н. Новгород 1893.

Модзалевский Л. Н., Школа-театр Я. А. Коменского, СПб 1895.

Коменский Я. А., Законы благоустроенной школы, Перев. с лат. с предисл. и примеч. П. Ф. Каптерева, СПб 1893 (отд. оттиск из журн. „Русская школа“, № 9—10 1893).

Коменский Я. А., Лабиринт мира и рай сердца (1623). С чешского языка перевел Ф. В. Ржига. Н.-Новгород 1896.

Коменский Я. А., Лабиринт света и рай сердца, Перевел с чешского Н. П. Степанов. Изд. Н. П. Сафонова. СПб 1904.

Кроме того, мы имеем отрывки из сочинений Коменского в каждой педагогической хрестоматии, вплоть до наших дней.

Русская литература о Коменском весьма обширна. Не имея возможности дать исчерпывающий перечень всего, что опубликовано о Коменском, назовем главнейшие работы в исторической последовательности.

Корхунов М. А. (О книге Иоанна Амоса Коменского „Видимый свет“ („Известия Академии наук по отд. русск. яз. и словесности 1856“), т. IV.

Шестаков П. Д., Иоанн Амос Коменский, педагог XVII века. („Воспитание“, 1862, т. XI, № 1, 4, 5).

Пыпин А. Н. и Спасович В. Д., Я. А. Коменский (Пыпин и Спасович, Обзор истории славянск. литератур., СПб 1863, и „История славянских литератур“, изд. 2-е. СПб 1881, том II).

Понырков Н., Ян Амос Коменский (по научному словнику Ригера) („Филологические записки“, Воронеж 1869, вып. 4.

„Амос Коменский и его „Didactica Magna“ („Великая Дидактика“) („Учитель“, № 7—10 1868), „Я. А. Коменский (1592—1670)“. Чтение в торжественном собрании Киевского славянского благотворительного общества, (Доклады Ф. Л. Яреш и А. И. Степовича). Киев.

Куликов Н., Коменский, педагог XVII века (по Люцу и Витштаку) „Журн. Мин. нар. просв.“, № 10. 1870 г. 161.

Григорович В. И., А. Коменский, славянский педагог-реалист XVII столетия. Публичное чтение 26 ноября 1870 г. Одесса, типография П. Францева, 1871.

Вессель Н. Х., Иван Амос Коменский (1592—1670). („Руководство по преподав. общеобразоват. предметов“, т. I, СПб 1873).

Раумер Карл, Амос Комений (Раумер К., История воспитания и учения от возрождения классицизма до нашего времени, ч. II), Перев. с 3-го изд. под ред. Н. Х. Весселя. СПб 1873.

Столянский Н., Предметные уроки („Школьная жизнь“ № 24, (1873—1874).

„Амос Коменский, основатель новой педагогики“ (по немецк. источн. Прилож. к журн. „Школьная жизнь“, 1873—1874).

Пятковский А. Педагогическое идолопоклонство („Дело“, № 1, 1877).

Степович А., Ян Амос Коменский („Литература изгнанников“). (Степович, Очерк истории чешской литературы. Киев 1886).

Паульсон И., Способ Коменского по обучению грамоте (Паульсон И., Методика грамоты по истор.-теоретич. данным, ч. I. СПб 1887).

В. Н. Д., Педагогические мечтания (Амос Коменский и его „Великая Дидактика“) („Вестн. воспит.“ 1890, № 5—7).

Воскресенская М., Я. А. Коменский (биография и краткий обзор его педагогических трудов) (Воскресенский М. А., Педагогический календарь на 1891—1892 г., изд. Калмыковой, М. 1891).

Яреш Ф. Л., Об историческом значении Я. А. Коменского в связи с деятельностью „чешских братьев“ („Я. А. Коменский“, Чтение в торжественном собрании Киевского славянского благотворительного о-ва. Киев 1892).

Яичевецкий Г. А., Я. А. Коменский („Гимназия“, 1892, кн. 51), Трехсотлетие со дня рождения Я. А. Коменского, исполнившееся в 1892 г., было отмечено значительным количеством статей в педагогических, общих и специальных журналах и даже в газетах.

Из специальных журналов серьезный вклад в понимание работ Коменского внес журнал „Славянское обозрение“ в 1892 г. (февраль—июнь).

На 90-е годы XIX в. падает весьма интенсивная деятельность отдела, посвященного Коменскому в Педагогическом музее при военных учебных заведениях. См. сборники 1 и 2-й „Памяти отца современной педагогики Коменского“, а также ежегодники: „Краткий обзор деятельности Педагогического музея“ за отдельные годы.

Из литературы о Коменском в конце XIX и в начале XX в. укажем следующую:

Модзалевский Л. Н., Амос Коменский, основатель новой педагогики (по поводу 300-летия со дня его рождения). СПб, изд. Н. Г. Мартынова, 1892.

Воленс В., Амос Коменский о семейном воспитании („На помощь матерям“, 1894).

Флоринский Т. проф., Ян Амос Коменский — друг человечества. Публичн. лекция. Киев, типография университета, 1892 (Отдельн. оттиск из „Университет. известий“ 1892).

Холодняк М., Несколько заметок об изданиях сочинений Яна Амоса Коменского, хранящихся в Виленской публичной библиотеки („Журн. Мин. нар. просв.“ № 3, 1895).

Веригин Н., Я. А. Коменский как картограф своей родины. („Педагогич. еженедельник“, Ревель 1895).

Холодняк М., Развитие женского образования до Я. А. Коменского и заслуги его в этом деле. („Русск. школа“, № 5 и 6. 1897)

Фесенко И. И., Идеи Я. А. Коменского и закон эволюции („Русская школа“, № 7—8. 1903)

В каждом из издававшихся и издаваемых у нас учебников по истории педагогики Я. А. Коменскому посвящены отдельные главы. См. также: „Очерки по истории пед. учений“ (Пед. Акад., вып. VIII).

Синицкий Л. Д., Трудовая школа, М. 1922.

Фортунатов А. Теория трудовой школы в ее историческом развитии, М. 1925.

Из отдельных изданий, посвященных Я. А. Коменскому в предреволюционные годы, нужно указать книгу П. П. Блонского „Я. А. Коменский“, М. 1915.

Из немецких изданий и переводов сочинений Коменского укажем следующие:

„Orbis sensualium pictus“, hrsg. v. Ioh. Kühnel. 1910. Informatorium der Mutterschule, hrsg. v. A. Richter. 1910. Немецкий перевод „Didactica Magna“ v. G. A. Lindner (Pädag. Klass. I. 1907), C. Th. Lion (Bibl. päd. Klass. hrsg. v. Tr. Mann. 1904), Eug. Pappenheim (Gresslers Klass. d. Päd. XV, XVIII). Том XVIII того же издания содержит переводы других дидактических сочинений Коменского; Beeger u. Leutbecher (C. Ausgew. Schriftz. in der Päd. Bibl., hrsg. v. K. Richter, B. VIII u. XI, Vorbrodt. 1910).

Обширную иностранную литературу о Коменском см. в педагогических энциклопедиях: Rein, Roloif Monroe, Buissou и в особенности Schmid., Geschichte der Erziehung, Stuttg. 1892.

Английский перевод „Великой Дидактики“: The Great Didactic of John Amos Comenius, Now for the first time englished with introduction, biographical and historical, by M. W. Keatinge, B. A. London 1896.

Имеются пореводы латинского текста „Великой Дидактики“ также и на итальянский язык (2 перевода) и на чешский, польский и словенский языки.

Лучшими монографиями о Коменском нужно считать:

Kvačala. J. A., Comenius, Berlin 1914.

Heyberger Anna, J. A. Comenius (Komensky), Paris 1928.

Новейший сжатый очерк жизни и литературной деятельности Я. А. Коменского на англ. языке см. Jan Jakubec, Johannes Amos Comenius, Prague. 1928. Книга посвящена 300-летию с начала изгнаннической жизни Я. А. Коменского.

Русская литература, вышедшая после революции, не приведена, потому что нам не удалось собрать ее полностью. Особенно это относится к многочисленным журнальным и газетным статьям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Жизнь и педагогические сочинения Я. А. Коменского	7

Великая Дидактика

<i>Привет читателям</i>	55
<i>Всем, стоящим во главе человеческих учреждений, правителям государств, пастырям церквей, ректорам школ, родителям и опекунам детей</i>	61
<i>Польза дидактики</i>	73
<i>Положения, развиваемые в содержании глав</i>	76
Глава I. Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение	79
Глава II. Последняя цель человека находится за пределами этой жизни	80
Глава III. Эта жизнь является только приготовлением к вечной жизни	84
Глава IV. Есть три ступени приготовления к вечности: познание себя (и вместе с собой—всего), управление собой и стремление к богу	89
Глава V. Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы	89
Глава VI. Человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование	100
Глава VII. Образование человека с наибольшей пользой происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить	104
Глава VIII. Юношество должно получать образование совместно и для этого нужны школы	108
Глава IX. Школам нужно верить всю молодежь обоего пола	111
Глава X. Обучение в школах должно быть универсальным	115
Глава XI. До сих пор не было школ, вполне соответствующих своему назначению	120
Глава XII. Школы можно преобразовать к лучшему	124
Глава XIII. Основой преобразования школ является точный порядок во всем	134
Глава XIV. Точный порядок для школы, и притом такой, который не в состоянии были бы нарушить никакие препятствия, следует заимствовать у природы	137

Глава XV. Основы для продолжения жизни	142
Глава XVI. Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться	148
Глава XVII. Основы легкости обучения и учения	161
Глава XVIII. Основы прочности (основательности) обучения и учения	173
Глава XIX. Основы кратчайшего пути обучения	187
Глава XX. Метод наук в частности	206
Глава XXI. Метод искусств	214
Глава XXII. Метод языков	221
Глава XXIII. Метод нравственного воспитания	228
Глава XXIV. Метод насаждения благочестия	233
Глава XXV. Если мы желаем, чтобы школы были вполне реорганизованы на истинных началах...	244
Глава XXVI. О школьной дисциплине	258
Глава XXVII. О четырехступенном устройстве школ в соответствии с возрастом и успехами учащихся	263
Глава XXVIII. Очерк (идея) материнской школы	267
Глава XXIX. Идея школы родного языка	272
Глава XXX. Очерк латинской школы	279
Глава XXXI. Академия	285
Глава XXXII. О всеобщей совершенной организации школ	290
Глава XXXIII. Об условиях, необходимых для практического применения этого всеобщего метода	296
Указатель имен	304
Библиография	315